Краснов.
Казаки
в
Абиссинии.
1897–98

А 265/138

А 265/138

П. Н. Красновъ.

Казаки въ Абиссиніи.

Дневникъ Начальника Конвоя Россійской Императорской Миссіи въ Абиссиніи въ 1897—98 году.

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

1900.
С.-Петербургъ.
Изданіе Типографіи Исидора Гольдберга,
Екатерининскій кан., 94.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Декабря 1899 г.

2007111427

Тип. **Исидора Гольдберга**, Екатерининскій каналъ, 94.

Его Императорскому Высочеству

Государю Наслѣднику

и

Великому Князю

Михаилу Александровичу

и

Ея Императорскому Высочеству

Великой Княжнѣ

Ольгѣ Александровнѣ

всепреданнѣйше посвящаетъ

Авторъ

Г. Гатчино.
10 сентября 1899 г.

Ваши Императорскія Высочества

8-го іюня прошлаго года **Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ** благоугодно было изволить прослушать въ Гатчинскомъ дворцѣ разсказъ мой объ Абиссиніи и абиссинцахъ.

Высокое вниманіе **Ваше**, которымъ я былъ удостоенъ во время своего повѣствованія позволяетъ мнѣ дерзать всепреданнѣйше посвятить **Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ** этотъ трудъ, исполненный во время путешествія и нынѣ исправленный и дополненный и повергнуть его къ стопамъ **Вашихъ Императорскихъ Высочествъ** съ чувствами глубокой благодарности и памяти о великомъ для меня днѣ, когда я имѣлъ счастье явиться разсказщикомъ предъ **Вашей Августѣйшей Матерью, Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицей Маріей Θеодоровной и Вашими Императорскими Высочествами.**

Полумракъ весенняго вечера, едва замѣтный шелестъ деревьевъ Гатчинскаго парка за высокими окнами, маленькая гостиная, слабо освѣщенная электрическими лампочками лишь у карты, да у стола — тихая обстановка семейнаго вечера **Вашей Царственной Семьи** и милостивое отношеніе къ повѣствованію не изгладятся изъ моей памяти до конца дней моихъ.

Л. Гв. Атаманскаго Полка
Подъесаулъ **Красновъ.**

Г. Гатчино.
10 сентября 1899 г.

Казаки въ Абиссиніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . 1

I. Отъ Петербурга до Одессы 3

Мое назначеніе начальникомъ конвоя.—Сборы въ путь.—Молебствіе.—Составъ конвоя.—По желѣзной дорогѣ.—Нагрузка на пароходъ „Царь“.—Одесса.

II. Отъ Одессы до Константинополя 17

Прощанье на пароходѣ.—Въ открытомъ морѣ.—Впечатлѣнія качки. — Босфоръ. — Приходъ въ Константинополь.—Панорама рейда и города.

III. Константинополь 22

Константинополь вечеромъ.—Турецкіе солдаты.—Почтовые порядки. — Стамбулъ. — Мечеть Айя-Софія. — Историческія воспоминанія.—Колонна Юстиніана и обелискъ Θеодосія.—Большой базаръ.—Возвращеніе на „Царя“.—Новые пассажиры.—Выходъ въ Мраморное море.

IV. Отъ Константинополя до Александріи 34

Дарданеллы.—Развлеченіе конвоя.—Пѣсни и пляски.—Митилена.—Качка.—Смирна.—Набережная Смирны.—Пирей.—Поѣздка въ Афины.—Греческіе солдаты. — Акрополь.—Островъ Критъ.—Ночь въ Александріи.

V. Отъ Александріи до Портъ-Саида 48

Александрія.—Арабскій кварталъ — Англійскіе солдаты. — Нильскіе каналы.—Садъ Антоніадеса.—Приключеніе съ погонщикомъословъ. — Danse du ventre. — Покупка тропическихъ шляпъ.—На „Одессѣ“.—Буря.—Прибытіе въ Портъ Саидъ.

VI. Отъ Портъ-Саида до Джибути 67

Портъ-Саидъ.—Казарма въ отелѣ „Eastern Exchange“.—Недовольство казаковъ англійской кухней.—Итальянскій консулъ.—Портъ-Саидскій циркъ.—Въ Англиканской церкви.—Итальянскій консулъ въ гостяхъ у казаковъ. — На бортѣ „Peï-ho“.—Суэцкій каналъ.—По Красному морю. — Франко-русскія симпатіи.—Качка. — Благотворительный вечеръ на бортѣ парохода. — Жары. — Обѣдъ казакамъ, устроенный французами.—Джибути.—Сомалійскіе пловцы.

стр.

VII. Джибути 91

Джибути.—Встрѣча миссіи французами. — Сомали.—Отсутствіе муловъ.—Переходъ въ лагерь у Амбули.—Французскіе колонисты. — Ѣзда на верблюдахъ. — Сомали носильщики. Визитъ Manigot. — Зоологическія экскурсіи. — Ремонтеры-арабы.

VIII. Бивакъ у Амбули 108

Покупка муловъ.—Жизнь въ лагерѣ.—Характеръ Сомалійской пустыни. — Ея флора и жизнь. — Прибытіе черныхъ слугъ. — Уходъ за мулами и выѣздка ихъ. — Африканскіе наѣздники.—День въ лагерѣ.—Поѣздка Г. Г. Ч. въ Зейлу.— Охота на шакала.—Прибытіе начальника миссіи въ лагерь.

IX. Поѣздка въ Рахэту 125

Ночное плаваніе.—Обокъ.—Путешествіе по пустынѣ.—Рахэта.—Пріемъ у Рахэтскаго султана.—Обмѣнъ любезностей.— Обратный путь.—Кражи. Возвращеніе.

X. Прибытіе каравана 131

Ожиданіе верблюдовъ. — Прибытіе абановъ. — Сомалійская фантазія.—Погрузка перваго каравана.—Необходимость раздѣленія — Прибытіе второго каравана. — Абанъ Либэхъ.— Выступленіе изъ Амбули.

XI. По Сомалійской пустынѣ 149

Движеніе каравана. — Порядокъ разстановки на бивакъ.— Первый ночлегъ.—Подъемъ.—Характеръ пустыни.—Дневка въ Баяде.—Охота.—Прибытіе второго каравана. — Я заблудился на охотѣ.—Сомаль проводникъ.—Драки съ абаномъ.— Охота на кабановъ въ Дусе-Кармуне.—Опасность отъ сомалійскихъ племенъ.—Капризы сомалей.—Встрѣча съ Мандономъ въ Феррадѣ.—Тревога въ Мордале. — Сарманъ.—Граница Абиссиніи. — Ночной переходъ въ арьергардѣ. — Горячіе ключи у Арту.—Пріѣздъ Гильдесскаго губернатора Ато-Марши. — Дурго. — Абиссинскіе солдаты.—Гильдесса. Галласкaя фантазія.

XII. Взглядъ назадъ 196

Составъ каравана.—Абаны.—Распредѣленіе вьюковъ.—Время, потребное на прохожденіе пути отъ Джибути до Харара.— Стоимость верблюда.—Мулы.—Обмундированіе путешественниковъ.—Черная прислуга.—Правила обращенія съ абаномъ и верблюдовожатыми.

XIII. Черезъ Гильдесскія горы 204

Погрузка вьюковъ галласами.—Прибытіе курьеровъ съ письмами. — Гильдесса. — Гильдесское ущелье.—По горамъ.— Абиссинскія лошади въ конвоѣ.

XIV. У стѣнъ Харара 213

Первая встрѣча абиссинскими войсками.—Абиссинскіе ка-

стр.

валеристы.—Игра въ „гуксъ“.—Видъ на Харарь. — Геразмачъ Банти.—Встрѣчный обѣдъ.—Дурго.—Рождественская ночь въ Харарѣ.

XV. Харарь 225

Географическое положенiе города.—Флора и фауна.—Общiй видъ улицъ.—Дома.—Исторiя города.—Торговля Харара.—Львиныя ворота.—Молодой левъ.—Христiанскiй храмъ.—Въ гостяхъ у знатнаго араба.—Дворецъ раса Маконена.—Тюрьма.—Рынокъ.—Католическая миссiя.—Расъ Маконенъ.

XVI. Въ гостяхъ у абиссинскаго помѣщика 240

Первый день Рождества Христова.—Дурго раса Маконена.—Приглашенiе Уонди. — Зеленая столовая. — Оригинальная сервировка.—Радушiе хозяина.—Возвращенiе домой.

XVII. Сборы въ путь 247

Новый годъ.—Наемъ муловъ.—Несогласiя купцовъ.—Новая единица вѣса—винтовка Гра.—Раздѣленiе отряда.

XVIII. По Харарской провинцiи 254

Слуга Уольди. — Тяжелый ночлегъ на озерѣ Хоромайя.—Носильщики. — Праздникъ Крещенiя въ Урабиле.—Воспоминанiе о боѣ у Челенко. — Въ дѣвственномъ лѣсу.—Солнечное затмѣнiе.—Недоразумѣнiя въ Бурка.—Бѣдственное положенiе К—го на старомъ ночлегѣ.—Жизнь на походѣ.—Покупка лошадей.—Въѣздъ въ Черчеръ.

XIX. Черезъ Черчеръ 291

Практика докторовъ.—Въ степи. — Морозныя утра.—Новая дневка.—Фитаурари Асфао.—Перевалъ черезъ горы.—Опять пустыня.

XX. За Авашъ 301

Ночные переходы.—Авашъ.—Конвойная пѣсня. — Тревога въ пути.—Абиссинцы.—Торговцы.—Обработка земли.—Ато-Павлосъ.—Подъемъ къ Аддисъ-Абебѣ.

XXI. Къ Аддисъ-Абебѣ 317

Общiй характеръ Абиссинiи. — Перегрузка каравана.—Церковь въ Бальчи. — Въ гостяхъ у тысяченачальника.—Ранжировка конвоя.—Неудачная охота.—У стѣнъ Аддисъ-Абебы.

XXII. Первая аудiенцiя у негуса 329

Приготовленiе къ выѣзду. — Конвой жены начальника миссiи. — Войска негуса въ парадной формѣ. — Прiемный залъ дворца Менелика.—Передача письма.—Нашъ лагерь — „Дурго“ отъ негуса

XXIII. Геби 339

Устройство лагеря въ Аддисъ-Абебѣ. — Поѣздки съ визитами.—Характеръ города.—Дворецъ Менелика.—Геби.—Поднесенiе Императорскихъ подарковъ негусу. — Бесѣда съ

стр.

Меneликомъ. — Исторія воцаренія Менелика. — Война съ Италіей.—Русскій Красный Крестъ.—Почему русскіе дороги Менелику.—Царица Таиту. — Ея исторія. — Поднесеніе ей подарковъ.—Расъ Дарги.—Геразмачъ Убіе.—Афанегусъ. — Аббуны, Петросъ и Матеосъ.—Ичигэ.—Характеристика ихъ.

XXIV. Абиссинское войско 363

Вербовка арміи.—Солдатская жена. — Понятіе о службѣ.— Численность арміи.—Роды оружія.—Военная іерархія.— Одежда и снаряженіе начальниковъ.—Награды за воинскую доблесть. — Передача воли начальника.—Понятіе о дисциплинѣ.—Пѣхота.—Одежда и снаряженіе пѣхотинца.—Вооруженіе. — Тактика пѣхоты. — Походныя движенія.—Бой.— Преслѣдованіе. — Кавалерія. — Лошади. — Конское снаряженіе. — Одежда. — Манера ѣзды. — Обученіе. — Тактика.— Артиллерія.—Крѣпости.—Причина побѣды надъ Италіей.— Презрѣніе къ Европѣ.— Уваженіе къ русскимъ.

XXV. Аддисъ-Абеба 389

Положеніе Аддисъ-Абебы.—Базаръ.—Лавки европейцевъ.— Жизнь въ Аддисъ-Абебѣ.—Богослуженіе.—День абиссинца.— Теченіе абиссинской жизни.—Рабы.—Зачатки цивилизаціи.

XXVI. Наша жизнь въ Аддисъ-Абебѣ 409

Ученья конвоя.—Джигитовка.—Свободное время.—Прощальный визитъ негусу. — Дѣятельность русскаго госпиталя.— Обѣды у врачей.—Вечера на посольскомъ дворѣ.

XXVII. Ученье конвоя въ присутствіи негуса 418

Устройство палатки для негуса.—Дождь.—Ночная тревога.— Пріѣздъ Менелика.—Ученіе конвоя.—Завтракъ Менелика.— Тосты во дворцѣ. — Награжденіе меня орденомъ звѣзды Эфіопіи 3-й степени.—Аудіенція у негуса.—Характеристика людей конвоя.

XXVIII. Поѣздка курьеромъ изъ Аддисъ-Абебы въ Джибути 436

Сборы въ путь.—Покупка муловъ.—Проводы.—Мои слуги и мулы.—Въ хижинѣ Ато-Павлоса. — Пожаръ въ степи.— Встрѣча съ войсками раса Маконена. — Ночлегъ въ хижинѣ. — Земляныя блохи. — У monsieur Drouin. — Хараръ ночью. — У геразмача Банти. — Верблюды и арабы.—Мой новый караванъ. — Сомали. — Непрерывное движеніе въ теченіе четырехъ сутокъ.—Джибути.— Monsieur Albrand.

XXIX. Возвращеніе казаковъ изъ Абиссиніи 461

Сборы въ путь.—Черезъ Данакильскую степь.—Опять на Peï-ho.—Въ Одессѣ.—Въ казармахъ.

XXX. Заключеніе . 465

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ настоящій свой трудъ, я считаю долгомъ предупредить читателя, что это не болѣе, какъ дневникъ, въ который я съ полной добросовѣстностью заносилъ все то, что меня поражало, трогало и восхищало дорогой. Особенно въ началѣ нашего путешествія, въ странахъ культурныхъ, мнѣ пришлось смотрѣть то, что давно всѣмъ извѣстно и давно описано. Я описывалъ эти мѣста съ тою подробностью, съ какою видѣлъ самъ. Мой дневникъ не можетъ служить гидомъ для путешественника, желающаго проѣхать въ Африку, хотя бы потому, что въ иныхъ мѣстахъ я, занятый конвоемъ, видѣлъ слишкомъ мало, въ другихъ смотрѣлъ черезчуръ узко—лишь, какъ кавалеристъ и охотникъ.

Не найдутъ въ моемъ описаніи и научнаго изслѣдованія малоизвѣстной страны, потому что я имѣлъ слишкомъ мало времени для этого, не обладаю достаточными знаніями и не былъ снабженъ нужными для того средствами.

Мой дневникъ — это моментальная фотографія глазъ моихъ. Чего я не видѣлъ, про то и не пишу. Если я смотрѣлъ на что либо не такъ, какъ надо, прошу простить мнѣ великодушно мои ошибки. Не записать же и не отмѣтить хотя бы и мелочей такого грандіознаго факта, какъ посылка гвардейскихъ казаковъ въ Абиссинію,—я не могъ.

Еще разъ предупреждаю, что ничего научнаго въ моемъ дневникѣ не найдется—лишь бѣглый обзоръ пути отъ Пе-

тербурга до Адисъ-Абеба и обратно, Это легкое кавалерійское кроки, сопровождаемое легендой и только.

Feci quod potui — faciant meliora potentes.

Рисунки, приложенные къ этому изданію исполнены по фотографіямъ, любезно предоставленнымъ мнѣ моими товарищами по путешествію Л. С. Давыдовымъ, К. Н. Арнольди и Г. В. Коховскимъ, которымъ приношу свою сердечную благодарность за сдѣланное одолженіе этими фотографіями и за тѣ замѣчанія, припомощи кторыхъ я вѣрнѣе могъ передать наши общія впечатлѣнія въ заграничной командировкѣ.

П. Красновъ.

д. Николаевка.
2 іюня 1899г.

I.

Отъ Петербурга до Одессы.

Мое назначенiе начальникомъ конвоя. Сборы въ путь. Молебствiе. Составъ конвоя. По желѣзной дорогѣ. Нагрузка на пароходъ „Царь“. Одесса.

23-го сентября 1897 г., возвратясь изъ области войска Донскаго въ Петербургъ и просматривая бумаги, получившiяся въ полку въ мое отсутствiе, я нашелъ отношенiе штаба гвардейскаго корпуса о командироьанiи казаковъ въ Абиссинiю въ составъ конвоя Императорской дипломатической миссiи. Сейчасъ же въ умѣ моемъ мелькнула мысль хлопотать о назначенiи въ составъ этого конвоя. Объѣхать чужiя страны, увидѣть новыя мѣста, новую природу, попасть въ „коловращенiе людей“, какъ выражался Чичиковъ, наконецъ, расширить жизненный кругозоръ путешествiемъ—все это было слишкомъ заманчиво, чтобы жалѣть на это время и труды. И я сталъ хлопотать. На первыхъ же порахъ я потерпѣлъ фiаско, „Поздно“, вотъ отвѣтъ, который мнѣ былъ данъ и начальникомъ миссiи, и вице-директоромъ азiатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ... „Поздно“,—составъ отряда уже утвержденъ, смѣта составлена и перемѣнить ее невозможно. Но видно мнѣ суждено было ѣхать и дѣло мое устроилось. Конвой, который первоначально было предположено сформировать изъ казаковъ и пѣхоты, составлялся исключительно изъ казаковъ; можно было думать, что и начальни-

комъ этого конвоя долженъ былъ быть казакъ—шансы мои возвышались, наступало тревожное состоянiе, когда не знаешь, останешься ли дома, въ Петербургѣ, или на очень долгое время покинешь его, и все, что такъ дорого на родинѣ.

Около 1-го октября прiѣхалъ въ казачьи казармы одинъ изъ членовъ миссiи, генеральнаго штаба полковникъ Артамоновъ, и оффицiально передалъ приказанiе въ полки формировать конвой. Въ составъ конвоя назначалось: шесть казаковъ лейбъ-гвардiи Казачьяго полка, шесть казаковъ лейбъ-гвардiи Атаманскаго полка, трое лейбъ-гвардiи Уральской казачьей сотни, два артиллериста лейбъ-гвардiи 6-й Донской Его Величества батареи и два Гвардейской конно-артиллерiйской бригады; кромѣ того, въ составъ конвоя входилъ также одинъ гусаръ лейбъ-гвардiи Гусарскаго Его Величества полка, бывшiй въ командировкѣ въ Абиссинiи вмѣстѣ съ поручикомъ того же полка А. К. Булатовичемъ. Начальствованiе конвоемъ было ввѣрено поручику Булатовичу, а за его отсутствiемъ одному изъ офицеровъ миссiи, по назначенiю ея начальника. Но, такъ какъ конвой состоялъ почти исключительно изъ казаковъ, то начальникъ миссiи, затрудняясь въ выборѣ между бывшими въ его распоряженiи двумя пѣхотными офицерами, вошелъ съ ходатайствомъ о назначенiи меня начальникомъ этого конвоя.

Впредь до рѣшенiя моей участи полковникъ Артамоновъ поручилъ мнѣ присмотръ за снаряженiемъ казаковъ и далъ указанiя относительно того, что должны они имѣть съ собой въ далекомъ походѣ. Имѣя надежду въ непродолжительномъ времени принять конвой на законномъ основанiи, я съ радостью принялся за дѣло его снаряженiя.

Въ конвой было приказано дать отборныхъ людей отъ полковъ. Каждый человѣкъ, помимо красивой внѣшности, представительнаго роста, долженъ былъ обладать извѣстнымъ развитiемъ и характеромъ, чтобы импонировать туземному населенiю; кромѣ того, онъ долженъ былъ быть не обузой, не мертвымъ грузомъ въ походѣ, но полезнымъ

сочленомъ экспедиціи. Всѣ отобранные казаки удовлетворили бы самому строгому требованію. Это были рослые люди, хорошо грамотные, развитые, между ними были мастеровые, сапожники, портные, были люди, знающіе плотничное и столярное ремесло, были пѣвцы.

На другой день моего эксъ-назначенія начальникомъ конвоя, по моему требованію, мнѣ былъ представленъ казакомъ лейбъ-Казачьяго полка, Любовинымъ, списокъ вещей, которыя, по мнѣнію всего ихъ „круга“ (общаго собранія), имъ нужны будутъ въ походѣ. При дальнѣйшемъ составленіи описи вещей полковникъ Артамоновъ руководствовался этимъ личнымъ желаніемъ казаковъ, вычеркнувъ изъ списка весьма немногія вещи, записанныя казаками, вслѣдствіе неполнаго пониманія въ какія условія предстоитъ имъ попасть въ Африкѣ.

Всѣ эти вещи можно было разбить на три категоріи: по способу укладки, и по мѣстамъ ихъ употребленія, и на двѣ, по роду вещей: на казенныя и собственныя. Къ первой категоріи я отнесъ тѣ вещи, которыя казаку понадобятся только на мѣстѣ во время жизни въ Энтото, столицѣ Абиссиніи: это парадное снаряженіе и часть бѣлья; во вторую категорію вошли вещи, нужныя въ походѣ по пустынѣ: оружіе, патроны, сѣдла, вьюкъ, фланелевое бѣлье и проч. и, наконецъ, къ третьей категоріи: вещи ручнаго багажа, бурки, верблюжьи куртки, запасъ бѣлья, мелочи походной жизни, бѣлыя фуражки и проч.

Первая категорія вещей укладывалась въ одинаковые ящики, длиной 10 вершковъ, шириной 8 и вышиной 6; ящики обшивались рогожей и подготовлялись къ отправленію на мулахъ и верблюдахъ; вѣсъ ихъ былъ не болѣе трехъ пудовъ.

Ящики, вмѣстившіе въ себѣ вещи второй категоріи и подлежащіе перевозкѣ только по желѣзной дорогѣ, да въ трюмахъ пароходовъ, имѣли различную длину, форму и вѣсъ.

Всѣ эти вещи шли до Джибути—порта въ Красномъ морѣ.*)

Офицеры, миссіи и гвардейской казачьей бригады благословили конвой иконой изящной работы. Икона эта изображала образъ Спасителя въ вѣнцѣ изъ эмали, въ дубовомъ ящикѣ; на задней крышкѣ складня привинчена се-

На пароходѣ и по желѣзнымъ дорогамъ.

ребреная доска съ надписью: „Конвою Императорской Россійской дипломатической миссіи въ Абиссинію чины миссіи и гвардейская казачья бригада, 12-го октября 1897 года“.

На заготовленіе предметовъ обмундированія и снаряженія,

*) Смотри приложеніе I.

которые отъ казны не полагаются, каждому казаку было выдано по сто рублей подъемныхъ.

Какъ начальникъ конвоя, я взялъ съ собою тѣ же самыя вещи, какія были у нижнихъ чиновъ, и уложилъ ихъ такимъ же образомъ: т. е. ящикъ до Энтото, ящикъ до Джибути и ручная кладь. Исключеніе составляли мой статскій костюмъ и ящикъ съ чертежною принадлежностью, красками и мелочью.

Для укладки моего имущества мнѣ любезно былъ предоставленъ поручикомъ Кавалергардскаго полка Ч—вымъ на испытаніе выработанный въ полку вьюкъ. Вьюкъ этотъ состоитъ изъ двухъ переметныхъ сумъ для мягкихъ вещей и большаго четыреугольнаго ящика изъ желтой парусины, разгороженнаго на двѣ части. Въ этотъ ящикъ вошла походная канцелярія, краски и проч.

Снаряженіе конвоя подвигалось весьма быстро. Лейбъ-гвардіи Казачій и лейбъ-гвардіи Атаманскій полки открыли свои мастерскія для работы куртокъ, бѣлыхъ брюкъ, подковъ и ящиковъ. Цѣлыми днями заготовлялись, принимались и упаковывались вещи, съ особеннымъ вниманіемъ снаряжалъ въ путь своихъ людей завѣдующій хозяйствомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ А. В. Родіоновъ. Каждая вещь, выдаваемая имъ казаку, проходила черезъ его строгій контроль. Не одно простое казачье „спасибо“ срывалось съ ихъ устъ въ пустынѣ, гдѣ по достоинству оцѣнены были плоды его заботливости.

Миссія должна была тронуться 14-го октября... Было уже 10-е, а мое назначеніе все еще не состоялось. Руки опускались, энергія пропадала. Наступали минуты отчаянія я бросалъ живое дѣло снаряженія конвоя и шелъ въ канцелярію, гонялъ смѣну трубачей, словомъ, занимался обычными будничными дѣлами.

12-го октября въ церкви казачьей бригады послѣ обѣдни было отслужено напутственное молебствіе. Почти вся миссія собралась въ церкви помолиться Господу Богу. Впереди другихъ казаковъ, по срединѣ церкви, въ парадныхъ, алыхъ,

синихъ, малиновыхъ и черныхъ мундирахъ стояли люди конвоя. Съ боку отдѣльной группой, тоже въ парадной формѣ, стали члены миссіи: генеральнаго штаба полковникъ Л. К. Артамоновъ, секретарь посланника, коллежскій секретарь А. А. Орловъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка К. Н. Арнольди, поручики лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона Г. В. Коховскій и Л. С. Давыдовъ и Кавалергардскаго полка Г. Г. Чертковъ; доктора отряда; надворный совѣтникъ М. И. Лебединскій, коллежскій асесоръ Н. П. Бровцынъ, провизоръ Б. П. Лукьяновъ, классный фельдшеръ коллежскій регистраторъ С. Э. Сасонъ и кандидатъ на класную должность Кузнецовъ. Всѣ офицеры обоихъ казачьихъ полковъ вмѣстѣ съ командирами присутствовали на молебствіи. Священникъ въ короткой прочувствованной рѣчи объяснилъ казакамъ обязанность ихъ, какъ христіанъ въ чужой далекой странѣ, увѣщевалъ ихъ терпѣливо сносить всѣ трудности пути въ землѣ съ климатомъ, столь отличнымъ отъ того, въ которомъ они родились и выросли. Затѣмъ конвою была передана икона и каждому казаку по маленькому тѣльному крестику. При выходѣ изъ церкви казаки были собраны и начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генералъ-маіоръ Глазовъ обратился къ нимъ съ напутственной рѣчью.

Если просмотрѣть дневники нижнихъ чиновъ за этотъ день, то можно видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на нихъ этотъ молебенъ въ присутствіи всего начальства. Впервые имъ ясно стало, что путешествіе ихъ необыкновенно, что это не переходъ въ Красносельскій лагерь, а настоящій походъ. „Сердца наши открылись, пишетъ грамотѣй Любовинъ, лейбъ-казакъ, обладатель прекраснаго баритона, „жалко намъ стало разставаться съ товарищами, идти въ тѣ страны, о которыхъ мы знали лишь по-наслышкѣ, или читали въ учебникахъ“... „Молебствіе, грустно разстаться, начальники наши прощались съ нами“, коротко и просто отмѣчаетъ этотъ день здоровый Могутинъ, красивый бородачъ.

13-го октября я былъ вызванъ въ главный штабъ и здѣсь мнѣ было объявлено, что я назначенъ начальникомъ конвоя.

24 часа было въ моемъ распоряженіи на сборы и я приступилъ къ мобилизаціи.

Всю ночь съ 13-го на 14-е октября въ конвоѣ никто не ложился Стучали топоры, раздавался визгъ пилы. Одни ящики приносились изъ мастерскихъ, ихъ обдѣлывали окончательно, приспособляли къ вещамъ, укладывали, забивали досками, обшивали рогожей и надписывали. Люди работали весело и бойко. Не было и тѣни желанія выпить на прощаніе, всѣ были озабочены и заняты сборами.

Блѣдное петербургское утро освѣтило комнату, заставленную ящиками для далекаго путешествія. Свѣжій осенній вѣтеръ дулъ по улицамъ,—блѣдное синее небо съ обрывками облаковъ было тоскливо.

Минута отъѣзда, очень тяжелая для провожающихъ—легче переносилась уѣзжающими. Толпа народа, собравшаяся къ 3-мъ часамъ дня на Николаевскомъ вокзалѣ, сердечныя пожеланія, все это повышало настроеніе, разлука казалась не такъ замѣтной, мало думалось о будущемъ, всѣ мысли были еще назади, въ Петербургѣ. Однако, многіе изъ казаковъ плакали. Это были слезы, вызванныя исключительно волненіемъ неожиданныхъ и трогательныхъ проводовъ...

Самая скучная, часть пути началась. Поѣздъ тронулся, всѣ сняли шапки и перекрестились—„Счастливый путь“—кричали на станціи. Пошли мелькать мимо знакомые заборы, багажные вагоны, платформы. Показались красныя казачьи казармы, манежъ, замелькалъ переплетъ моста, пошли болота и лѣса родного сѣвера, Петербургъ остался позади, члены миссіи начали знакомится другъ съ другомъ...

Составъ офицеровъ и врачей мною названъ выше. Я позволю теперь остановиться на нижнихъ чинахъ ввѣреннаго мнѣ конвоя. Ихъ 20 человѣкъ, одинъ уже уѣхалъ;

на лицо 19. Въ видахъ удобства управленія конвоемъ я разбилъ его на три звена (отдѣленія): лейбъ-казачье, атаманское и сводное (изъ уральцевъ и артиллеристовъ). Старшимъ, на правахъ вахмистра, назначенъ съ утвержденія полковника Артамонова старшій урядникъ лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка *Духопельниковъ*, молодецъ 2-хъ аршинъ 12-ти вершковъ роста, съ широкой окладистой бородой и ясными голубыми глазами, православный, холостой, характера спокойнаго, немного резонеръ. Важничаетъ, но слегка. Старшій лейбъ-казачьяго звена—младшій урядникъ *Еремин*ъ, православный, холостой. Ростомъ не ниже Духопельникова, но имѣетъ болѣе жидкую бороду, поетъ звонкимъ теноромъ. Казаки *Изваринъ* и *Могутинъ*, женаты. Трубачъ *Терешкинъ*, худощавъ и строенъ, слегка горбится, мастеръ на всѣ руки. Характера мрачнаго. Казакъ *Любовинъ*, холостой парень, невысокаго роста, съ глазами на выкатѣ, носитъ небольшіе усы. Любитъ почитать книжку, поговорить; смѣсь писарского шика съ казачьимъ самомнѣніемъ; обладаетъ прекраснымъ баритономъ. Слегка презираетъ своихъ остальныхъ товарищей — сѣрые, дескать, ничего не понимаютъ. Знатокъ различныхъ напѣвовъ, человѣкъ бывалый, весьма любознателенъ. Старшій атаманскаго звена—старшій урядникъ *Авиловъ*, большого роста, худощавый, характеромъ похожъ на Духопельникова, но ниже и слабѣе его. Женатъ, часто задумывается. Трубачъ—урядникъ *Алифановъ*. Блѣдное лицо, обрамленное густой черной бородой, съ черными же задумчивыми глазами. Портной, плотникъ и кузнецъ. Весьма исполнителенъ, но говорить много не любитъ. Приказный *Крынинъ*, казакъ средняго роста, человѣкъ расторопный и почтительный. Соваться впередъ не любитъ—порученное исполнитъ тщательно. Приказный *Архиповъ*, плотный и сильный мужчина, старовѣръ, угрюмаго и задумчиваго характера; глаза, сверкающіе изъ-подъ нависшихъ бровей, скрываютъ добрую душу; чертежникъ и съемщикъ. Казакъ *Кривошлыковъ*, длинный, худой, некрасивый съ виду дѣти-

на, кузнецъ и паяльныхъ дѣлъ мастеръ. Приказный *Деминъ,* почти мальчикъ съ пробивающимися черными усиками 2-хъ аршинъ 11-ти вершковъ росту. Старшій своднаго звена—фейерверкеръ 1-й батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады *Недодаевъ,* малороссъ, уроженецъ войска Донского; толстъ и солиденъ, не безъ малороссійскаго юмора; любитъ пѣть, разговаривать, весьма любознателенъ. Фейерверкеръ 2-й батареи *Полукаровъ,* уроженецъ Рязанской губерніи, не имѣетъ ни усовъ, ни бороды, поетъ звонкимъ нѣжнымъ теноромъ, человѣкъ очень разсудительный. Артиллеристы лейбъ-гвардіи 6-й Донской батареи *Щедровъ* и *Мазанкинъ,* оба красивые видные бородачи; оба моряки, низовыхъ станицъ; дома, на Дону, занимались рыбачествомъ. Уральцы—*Сидоровъ,* лихой запѣвало, гармонистъ, длинный безбородый и безусый, весельчакъ и шутникъ, хорошій музыкантъ. *Пановъ,* рыжебородый, съ монгольскими чертами лица уралецъ, отличный танцоръ, любитель поболтать и поспорить и, наконецъ, *Изюмниковъ,* невысокій и круглолицый казакъ.

Конвой ѣдетъ въ особомъ вагонѣ третьяго класса. Люди сбились по кучкамъ. Въ одномъ концѣ грамотѣи читаютъ разсказы про Абиссинію, въ другомъ переписываютъ русскими буквами написанную марсельезу.

Унылая осенняя природа видна изъ окна. Желтыя поля, голые коричневые лѣса, лужа, болотце, черная деревушка на скатѣ и опять поля и лѣса. Такъ до Москвы, безъ перемѣнъ съ короткими остановками на станціяхъ, на которыхъ едва успѣваешь проглотить стаканъ чаю и опять несешься дальше и дальше.

9 часовъ вечера. Люди становятся въ одну шеренгу на перекличку въ тѣсномъ проходѣ вагона. Трубачъ Терешкинъ заводитъ кавалерійскую зарю. Дружно пропѣли: „Отче нашъ“ и „Спаси Господи“. Ночь...

Въ Москвѣ къ отряду присоединился мальчикъ-кадетъ 1-го Московскаго корпуса Хайле Маріамъ Уонди, сынъ Ато Уонди, харарскаго землевладѣльца, абиссинецъ родомъ.

Восьми лѣтъ отъ роду онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, совершеннымъ абиссинцемъ, теперь ему 14 лѣтъ, онъ отлично говоритъ по русски, но забылъ свой родной языкъ. Докторъ Бровцынъ, кандидатъ Кузнецовъ и классный фельдшеръ Сасонъ пытаются воскресить въ его памяти абиссинскій языкъ, но это не всегда имъ удается. На вопросы по абиссински мальчикъ сконфуженно улыбается и отрицательно качаетъ головой.

16-го октября, поздно ночью, проѣхали черезъ Кіевъ. Дулъ пронзительный осенній вѣтеръ. Днѣпръ катилъ свои холодныя волны. „Ни зашелохнетъ, не прогремитъ. Глядишь и не знаешь—идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь онъ вылитъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога рѣетъ и вьется по зеленому міру“... Желѣзнодорожный мостъ нависъ надъ Днѣпромъ. У берега привязано нѣсколько лодокъ, на нихъ горятъ красные фонари и огни ихъ отражаются длинными алыми полосами въ водѣ. Немного выше идутъ улицы. Огненныя точки фонарей параллельными рядами взбѣгаютъ на холмы. Гдѣ-то пожаръ, широкое зарево заняло полъ-неба и на фонѣ его рѣзко вырисовываются силуеты домовъ. Пирамидальные тополи растутъ здѣсь и тамъ. Вотъ показались фонари, поѣздъ остановился и началась перегрузка на юго-западную дорогу.

За Кіевомъ пейзажъ измѣняется. Становится теплѣе. Въ садахъ много зелени. Пожелтѣли одни дубы и клены, акація же, береза и другія деревья еще зелены. Появились жиды. Съ рыжими, черными и сѣдыми бородами въ длиннополыхъ сюртукахъ, съ космастыми волосами, толпились они по платформамъ маленькихъ станцій. Виды становятся красивѣй и богаче. Маленькое озеро окружено коричневой дубовой рощей. Группа малороссіянокъ граблями сгребаетъ сухіе листья; телѣги, запряженныя мутносѣрыми волами съ широкими разлатыми рогами стоятъ въ линію... Красивая картина парка быстро скрывается изъ глазъ и видна широкая, чуть всхолмленная поляна, а тамъ хуторъ съ бѣлыми до-

миками, высокая церковь съ зеленымъ куполомъ и снова роща.

Въ Одессу прибыли 17-го октября, около 9-ти часовъ вечера. Толпа коммиссіонеровъ гостинницъ окружила съ предложеніями услугъ. Начальникъ миссіи озаботился оставленіемъ комнатъ въ гостинницѣ „Лондонъ“. Люди конвоя ночевали въ своемъ вагонѣ на станціи.

18-е Октября. Съ ранняго утра команда грузитъ свои вещи, вещи аптеки и царскіе подарки на пароходъ русскаго общества пароходства и торговли „Царь“. Вагонъ желѣзной дороги поданъ къ самой пристани. Дрягиль въ сѣромъ пиджакѣ, впрочемъ нѣтъ, назвать сѣрымъ это смѣшеніе пятенъ, дыръ заплатанныхъ и незаплатанныхъ — немного смѣло, и такихъ же штанахъ, въ сѣрой шляпѣ, круглой, съ широкими полями, опущенными внизъ, завѣдуетъ нагрузкой. Все лицо его, грязное и загорѣлое, покрыто потомъ. Глубокія морщины изборождили его по всѣмъ направленіямъ. Изъ улыбающагося то и дѣло рта торчитъ единственный зубъ. Такіе типы, кажется, созданы портовой жизнью. Загорѣлые, покрытые потомъ и углемъ, съ обвѣтренными лицами, они день и ночь толкутся на пристани, болтая на всѣхъ языкахъ вообще и ни на одномъ въ особенности. Другой такой же типъ стоитъ на палубѣ „Царя“ и распоряжается нагрузкой въ трюмѣ.

—„Майна“! кричитъ сѣдой нагрузчикъ.

—„По малу“! мягкимъ басомъ отвѣчаютъ сверху.

Со стукомъ вертится колесо на лебедкѣ и натягиваетъ цѣпь. Цѣпь тянетъ веревочную петлю—„стропъ“, тяжелые ящики медленно поворачиваются на покатыхъ доскахъ, перекинутыхъ съ пристани на бортъ судна, ползутъ по ней, еще мгновеніе и они висятъ надъ моремъ.

Казакъ Изваринъ съ испугомъ смотритъ, какъ качаются надъ моремъ ящики съ драгоцѣнными Императорскими подарками.

—„А не оборвется?“ робко спрашиваетъ онъ нагрузчика. Тотъ отвѣчаетъ взглядомъ глубочайшаго презрѣнія.

Нагрузка длится часа три. Три часа раздаются однообразныя восклицанія.—„Майна!“—и глухой отвѣтъ—„по малу“.

Погода довольно теплая. Сѣрыя тучи нависли надъ моремъ. Въ портѣ вода мутно-зеленаго цвѣта, дальше Черное море оправдываетъ свое названіе—оно графитоваго цвѣта; вдали сгустились тучи. Семь дней здѣсь свирѣпствовала буря и разведенное ею волненіе обратилось въ мертвую темную зыбь.

Нагрузка кончена. Послѣдніе ящики погребены въ широкомъ темномъ отверстіи трюма. Я иду на берегъ: нужно кое-что закупить; интересно заглянуть на физіономію незнакомаго города. Я подымаюсь по грязной улицѣ, на которой вокругъ трактировъ толпятся дрягили и матросы различныхъ національностей, и попадаю въ городъ. Чистая широкая улица, мощеная каменными брусками, чистый тротуаръ, обсаженный въ два ряда бѣлой акаціей, такіе же чистые однообразные домики съ большими окнами и красивыми дверьми безъ подъѣздовъ. Направо такая же улица оканчивается изящной церковью, дальше видно грандіозное зданіе театра, садъ вокругъ него и въ саду цвѣтникъ. Невольно думаешь о голыхъ деревьяхъ петербургскихъ садовъ и темныхъ клумбахъ, быть можетъ теперь уже запорошенныхъ снѣгомъ.

Я прошелъ Ришельевскую, Дерибасовскую улицы, прошелъ Кузнечный переулокъ, набережную съ ея красивыми грандіозными домами, зашелъ въ громадный подъѣздъ „Crédit lyonnais“, размѣнялъ тамъ деньги, присмотрѣлся къ восточнымъ человѣкамъ на улицахъ, къ французамъ въ банкѣ, къ грекамъ въ ресторанахъ, харчевняхъ и парикмахерскихъ, и убѣдился, что Одесса имѣетъ иностранную и даже прямо французскую физіономію.

Видно первый ея губернаторъ, памятникъ которому такъ властно смотритъ на зеленый портъ, обрамленный длинными молами, на темное, вѣчно волнующее море положилъ въ основу ея широкую, прямую и просторную планировку городовъ своей изящной родины.

Я гулялъ по Одессѣ и позднимъ вечеромъ. Я смотрѣлъ на намазанныя физіономіи гречанокъ, нѣмокъ и француженокъ, разгуливающихъ по бульварамъ, смотрѣлъ на юркихъ молодыхъ людей неизвѣстнаго званія и профессій, сновавшихъ здѣсь и тамъ, наблюдалъ эту шумную жизнь улицы вечеромъ октябрьскаго дня. Немножко напомнила она мнѣ платформы Стрѣльны, Петергофа въ теплые лѣтніе вечера, наводненные толпой учащейся молодежи. И здѣсь преобладали гимназисты въ сѣрыхъ курточкахъ и сѣрыхъ брюкахъ. Незамѣтно я вышелъ къ памятнику Ришелье.

Какой чудный видъ на море открылся предо мною. Повсюду огни. Бѣлые—электрическіе, желтые, красные, зеленые. Море чуть шумѣло; теплымъ вѣтромъ тянуло отъ него. Внизу жизнь еще кипѣла. Здѣсь, наверху, изрѣдка проходили парочки, исчезали въ зеленомъ прибрежномъ саду и веселый южный смѣхъ слышался изъ тѣнистыхъ кустовъ. Я прошелъ къ „Царю“. При свѣтѣ электрическихъ фонарей нагрузка продолжалась. Стадо бѣлыхъ быковъ стояло у парохода. По очереди подгоняли одно изъ животныхъ ближе къ пароходу, подводили подъ него стропъ, обшитый снизу парусиной, раздавался крикъ „майна!“, глухое „по малу!“ отвѣчало съ берега и безпомощно поджавъ короткія ноги свои и низко опустивъ рогатую голову съ самымъ глупымъ выраженіемъ темныхъ глазъ поднимался быкъ на воздухъ, поворачивался на кранѣ и медленно опускался въ широкій трюмъ. Первое время послѣ воздушнаго своего путешествія быкъ себя чувствовалъ плохо, но его тянули за рога, крутили ему хвостъ и онъ кидался въ погруженную уже толпу быковъ... Вся верхняя палуба занята баранами. На крышѣ средней рубки тоже толпятся стада мериносовъ.

Команда моя только что построилась на перекличку.

— „Ну что, хорошій городъ Одесса?“

— „Очень хорошій“, послѣдовалъ дружный отвѣтъ.

— „Можно сказать—прекрасный городъ“.

— „А моря вы не боитесь?“

— „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе“.

Я осмотрѣлъ ихъ помѣщеніе, недурное въ общемъ, на нарахъ, наверху, подъ окнами и ушелъ домой, въ гостиницу „Лондонъ“.

Дома я не могъ заснуть; долго слышалось мнѣ скрипѣніе цѣпи лебедки, крики—„майна!“ и угрюмый отвѣтъ—„по малу!“

II.

Отъ Одессы до Константинополя.

Прощанье на пароходѣ. Въ открытомъ морѣ. Впечатлѣнія качки. Босфоръ. Приходъ въ Константинополь. Панорама рейда и города.

19-го (31-го) октября, воскресенье. Погода теплая, но пасмурно. Съ утра у парохода необыкновенное оживленіе: спѣшно догружаютъ послѣдніе товары. Знакомые и родные пріѣхали проводить отплывающихъ. На верхней палубѣ толкотня. Командующій войсками Одесскаго округа генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ пріѣхалъ проститься съ посольствомъ. Явился неизбѣжный фотографъ, конвой построился на ютѣ, сняли фотографію сначала съ него потомъ со своей миссіи. Прощаются послѣдній разъ, даютъ послѣднія порученія. Внизу на палубѣ происходитъ трогательное разставаніе нѣсколькихъ стрѣлковъ 15-го стрѣлковаго полка: они провожаютъ фельдшеровъ своихъ на островъ Критъ. На прощаніе выпито было немало и слезы текутъ обильно. Отъѣзжающій кинулъ свой платокъ остающемуся, тотъ бросилъ свой. Но и этого сердечнаго обмѣна платковъ имъ показалось мало. Въ послѣдній моментъ, когда матросы уже взялись за поручни трапа, они бросились на него и крѣпко обнялись на прощанье. Вотъ мать цѣлуетъ сына, худощавая англичанка машетъ платкомъ.

Помощникъ капитана подалъ свистокъ, сняли причалы, скинули трапъ, буксиръ прошелъ впередъ и медленно началъ вытягивать „Царя“ изъ-за мола.

Всѣ были наверху. Чудная панорама Одессы открывалась съ палубы. Каменная галерея наверху высокаго берега, статуя Ришелье, группы домовъ, зелень садовъ пока-

зались вдали, очертанія начали сливаться, стушевываться, прошелъ еще часъ и только туманная береговая полоса осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ была Россія.

Свѣжій вѣтеръ скоро согналъ публику съ юта. Въ каютъ-компаніи зазвонили къ завтраку.

Когда я вышелъ снова на ютъ, ничего кромѣ моря не было видно кругомъ. Оно волновалось, это темное сѣрое море, покрытое мѣстами бѣлыми гребнями, кидало свои волны на бортъ парохода и рябило безъ конца. Началась легкая качка. Стоишь на ютѣ и видишь, какъ медленно поднимается кверху носъ и потомъ замретъ на минуту и такъ же осторожно начнетъ опускаться. Тяжелое ощущеніе. Приходитъ весельчакъ, фармацевтъ нашъ, Б. П. Л—овъ и говоритъ: „самое лучшее средство, чтобы не заболѣть морской болѣзнью, это ходить взадъ и впередъ".

И мы ходимъ подъ руку, то подымаясь, то опускаясь, сообразно съ качкой, Иногда качка заставляетъ насъ дѣлать непроизвольные шаги въ сторону.

— „Ого, покачиваетъ", говоритъ К. Н. А—и. „Смотрите, чтобы совсѣмъ не закачало".

— „Это еще что". произноситъ нашъ серьезный докторъ Н. П. Б—нъ и смотритъ въ упоръ на васъ сквозь пенснэ. „Какъ только положатъ на столъ скрипки—я готовъ. Я не выхожу больше къ обѣду".

Мы идемъ и смотримъ, не кладутъ ли скрипки. Но обѣденный столъ накрытъ по обыкновенному. Перемычекъ, гнѣздъ для тарелокъ нѣтъ. Это насъ успокаиваетъ.

— „Смотрите, дельфины".

Цѣлая стая этихъ морскихъ чудовищъ плыла за пароходомъ. Они прыгали, словно по командѣ, изъ воды и потомъ ныряли и долго были видны въ прозрачныхъ водахъ ихъ черныя спины. И вотъ прыжокъ: на минуту показалось изъ воды сѣрое брюхо дельфина и онъ опять ушелъ подъ воду.

Вечеромъ пароходъ освѣщенъ электричествомъ. Темныя волны видны кругомъ, а качка легкая, утомительная все

продолжается. Ложишься на койку и засыпаешь тяжелымъ сномъ подъ однообразный стукъ машины. Сквозь сонъ чувствуешь, какъ то поднимаетъ, то опускаетъ качкой голову, потомъ забываешься и видишь себя въ Россіи, среди всѣхъ тѣхъ, кто дорогъ сердцу.

20-го (1-го) октября, понедѣльникъ. Какое тяжелое пробужденіе... А какъ было хорошо во снѣ. Въ круглый портикъ видно желтое небо и сѣрыя тучи надъ нимъ. Волна не убавилась. Качка продолжается. Подниметъ пароходъ кверху, опуститъ и снова подниметъ. Всѣ выходятъ недовольные.

— „Покачиваетъ, знаете, того“, говоритъ Л—овъ.

— „Не пойти ли лечь“, отвѣчаетъ К—ій. Онъ не выноситъ качки.

Голова начинаетъ тупо болѣть. Мысль перестаетъ работать.

— „Кажется, укачиваетъ“, говорю я, и спускаюсь внизъ. Вотъ одинъ изъ казаковъ съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ, нетвердой походкой прошелъ по палубѣ. Снизу, отъ желудка, что-то поднимается, идешь на верхъ, но и свѣжій вѣтеръ мало облегчаетъ. За кормой бѣжитъ мутно-зеленая полоса, покрытая мѣстами пѣной, дельфины играютъ съ боковъ, а тамъ, вдали, куда только хватаетъ глазъ, видно море. Гадкое море, ужасное море!! Это еще легкая качка, что же будетъ, когда начнетъ валять по настоящему. Тоскливое чувство увеличивается. Смотришь, какъ мѣрно подымается и опускается палуба, какъ вылетаетъ изъ-подъ нея бездна пѣны, смотришь на темно-синее море безразличнымъ взглядомъ и ничто не интересуетъ, ничто не забавляетъ. Начинаешь желать смерти. Если бы пароходъ въ это время сталъ тонуть, то кажется ни малѣйшаго усилія не употребилъ бы, чтобы спастись. Спускаешься внизъ, цѣпляясь за перила лѣстницы, и ложишься въ каюту. Лежать легче. Наступаетъ полное равнодушіе ко всему. Время останавливается. Все равно—утонемъ мы, или нѣтъ, виденъ ли берегъ или далеко, усилилась или уменьшилась качка.

лѣнь встать. Одѣяло лежитъ не ловко и давитъ подъ бокъ, но вставать не хочется, „пускай лежитъ такъ, все равно...“

Съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, съ самой постыдной слабостью воли, я заснулъ, наконецъ, и это было самое лучшее, что могъ я сдѣлать во время качки.

Меня разбудилъ Ч. „Вставайте, къ Босфору подходимъ!...“

Я моментально вскочилъ. Качки какъ не бывало. Зеленоватая зыбь шла по неширокому проливу. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись высокіе берега. Мутно-желтая трава покрывала крутые скаты горъ, виднѣлись постройки, стѣны домовъ выростали прямо изъ воды. Вотъ на горѣ видны темно-сѣрыя развалины старинной Генуэзской крѣпости, съ другой стороны—такія же развалины. Поломанныя стѣны сбѣгаютъ къ самому морю. Отъ этихъ стѣнъ когда-то протягивались поперекъ Босфора тяжелыя цѣпи... Теперь, страшнѣе всякихъ цѣпей, глядятъ изъ-за низкихъ земляныхъ батарей большія береговыя орудія. Турецкій, красный съ бѣлымъ полумѣсяцемъ флагъ виситъ надъ башней. Часовой въ черномъ башлыкѣ и накидкѣ стоитъ на батареѣ. Напротивъ расположена такая же батарея. Со своими ярко-зелеными скатами, спокойными линіями фасовъ и тупыми исходящими углами онѣ выглядятъ такъ невинно. Если бы не эти черныя пушки, не военная правильность очертаній этихъ ровныхъ холмовъ — ихъ не признаешь за грозную защиту пролива.

Пароходъ идетъ мимо Константинополя. На высокой горѣ, ярко озаренная солнцемъ, покрытая бездной домовъ и домиковъ, рисуется столица Турціи. Темно-зеленыя изумрудныя волны Босфора ласкаютъ его берега. Масса пароходовъ, баржъ и шхунъ покрываетъ проливъ. А сколько лодокъ! Вотъ подъ парусами идетъ турецкая шлюпка. Черный косой парусъ ровно надутъ, оборванные загорѣлые турки въ красныхъ чалмахъ сидятъ на кормѣ, а кругомъ нея бездна мелкихъ фелюкъ. Наша военная четверка подходитъ къ „Царю“, шлюпка агентства идетъ за почтой, а

за ними цѣлая стая лодокъ, выкрашенныхъ въ яркіе цвѣта и посланныхъ отъ отелей съ гребцами, одѣтыми въ рубища, въ яркія тряпки, покрытые чалмами и непокрытые, въ фескахъ съ кисточками и въ фескахъ безъ кисточекъ. И все это кричитъ, предлагая свои услуги, выхваляя свои отели, кричитъ коверкая всѣ европейскіе языки, зазывая жестами, улыбаясь и кивая головами. Спустили трапъ, и они быстро наводнили всю палубу, хватали за рукава, тащили къ себѣ, приглашали на французскомъ и русскомъ языкахъ. Пріѣхалъ одинъ изъ офицеровъ русскаго стаціонера и съ нимъ русскій посольскій кавасъ въ фескѣ, темномъ турецкомъ костюмѣ и съ вызолоченной кривой саблей.

И надъ всей этой безпорядочной толпой шлюпокъ и лодокъ, надъ разноплеменными пароходами всѣхъ флаговъ и всѣхъ національностей царитъ Константинополь. Прямо — старая часть города — Стамбулъ увѣнчанный желтымъ грандіознымъ зданіемъ мечети Айя-Софія, лѣвѣе къ морю спускаются сады султанскихъ гаремовъ сераля. Кипарисы остроконечными вершинами выдѣляются надъ купами южныхъ сосенъ, миртъ и олеандровъ. Среди зелени видны бѣлыя постройки. Это павильоны и дома. А какъ красивъ противоположный берегъ Золотого Рога — Галата и Пера! Дома лѣзутъ одинъ на другой, узкіе, высокіе, бѣлые, розовые, красные, больше, впрочемъ, бѣлые. Надъ всѣмъ царитъ высокая башня Галата, многоугольная, постепенно съуживающаяся. Дальше видны бѣлыя длинныя постройки султанскаго дворца, еще далѣе, если смотрѣть къ Черному морю — невысокая башенька-скала Леандра и далеко на горизонтѣ, на Мраморномъ морѣ, видны фіолетовые абрисы Принцевыхъ острововъ.

Чудная, ни съ чѣмъ несравнимая картина!

III.

Константинопол ь.

Константинополь вечеромъ. Турецкіе солдаты. Почтовые порядки. Стамбулъ. Мечеть Айя-Софія. Историческія воспоминанія. Колонна Юстиніана и обелискъ Ѳеодосія. Большой базаръ. Возвращеніе на „Царя". Новые пассажиры. Выходъ въ Мраморное море.

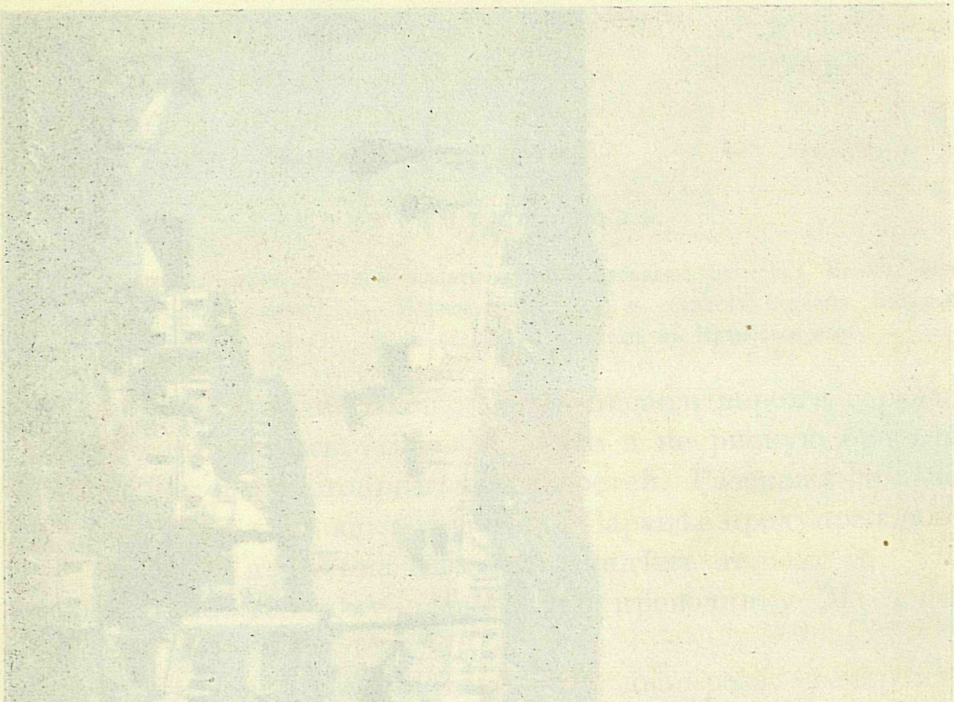
Константинополь столько разъ описанъ перомъ гораздо болѣе талантливымъ, чѣмъ мое, что я не рискую браться за описаніе его достопримѣчательностей. Разскажу только то, что я видѣлъ и какъ я видѣлъ. Заранѣе предупреждаю, что видѣлъ, я весьма немного, видѣлъ только то, что угодно было толстому рыжеусому проводнику Мустафѣ показать мнѣ.

Я былъ въ Константинополѣ два раза, вечеромъ, 20-го октября, и утромъ, 21-го.

Были сумерки, когда я вышелъ на набережную. Толпа народа ходила взадъ и впередъ; оборванные старые турки сидѣли и стояли по бокамъ грязнаго троттуара. Передъ одними изъ нихъ были высокія круглыя корзины, наполненныя янтарнымъ константинопольскимъ виноградомъ, другіе продавали какіе-то жирные блины, свернутые въ трубку и наполненные творогомъ, у третьихъ были круглые запеченные крендели, четвертые, на маленькихъ деревянныхъ табличкахъ, положенныхъ прямо на землю, торговали сырой рыбой, нарѣзанной кусочками, пятые... И не перечтешь всего, чѣмъ торговали эти кричащіе, суетящіеся по всѣмъ направленіямъ люди. Всякій выхвалялъ нараспѣвъ свой товаръ, и ихъ гортанные голоса, непривычные для русскаго уха, какъ-то странно его поражали. По туннелю, проведенному наискось, снизу вверхъ, по электрической желѣзной дорогѣ вы попадаете въ Перу, европейскую

Константинополь.

часть города. Уже совсѣмъ темно. Рѣдкіе керосиновые фонари тускло освѣщаютъ узкія грязныя улицы, мощеныя каменными плитками. На каждомъ шагу знаменитыя константинопольскія собаки. Онѣ ведутъ себя совершенно беззастѣнчиво въ этомъ городѣ, гдѣ ихъ никто не тронетъ. Вотъ бурая собака со всѣмъ своимъ юнымъ семействомъ разлеглась посреди тротуара, другія возятся на улицѣ, не пугаясь движенія. Пѣшеходы, ихъ большинство, заняли всю улицу. Сквозь толпу пробираются извозчики съ колясками, запряженными парами лошадей въ англійской сбруѣ. Зеленыя конки, пронзительно трубя, тянутся по рельсамъ. На углахъ стоятъ турки съ невысокими лошадьми, осѣдланными англійскими сѣдлами и замундштученными. Лошади эти замѣняютъ нашихъ извозчиковъ.

Турецкій кавалерійскій разъѣздъ проѣхалъ по городу. Лошади въ довольно хорошихъ тѣлахъ, но люди грязно одѣты и посадка разнообразна. Вообще, встрѣчавшіеся со мной турецкіе солдаты и офицеры не имѣли особенно воинственнаго вида. Часовые, которыхъ я видѣлъ и у таможни, и у гауптвахтъ на улицахъ, и у патроннаго погреба, стояли, небрежно опершись на ружья, разговаривали съ проходящими, горбились и держали оружіе какъ попало. Длинныя брюки турецкихъ солдатъ висѣли, далеко не доходя до сапогъ, напоминая иныхъ мальчиковъ, выросшихъ изъ штановъ, доставшихся имъ, вѣроятно, отъ старшаго брата. Лица турецкихъ солдатъ по большей части выразительныя и красивыя.

Поздней ночью спускался я по улицѣ къ набережной. Лилъ проливной дождь. Въ ярко освѣщенныя окна безконечныхъ кофеенъ видны были турки за мраморными столами, ожесточенно игравшіе въ карты. Ассигнаціи, большіе серебряные меджидіе и маленькіе талеры переходили быстро отъ одного къ другому. Шла азартная игра.

На главную улицу выходили узкіе темные переулки. И какъ легко тутъ заблудиться! Вотъ арена для уличныхъ дракъ, для всевозможныхъ волненій и пропагандъ.

Босфоръ заснулъ. Сопровождавшій меня кавасъ вызвалъ шлюпку и мы поплыли по Золотому Рогу. Всюду видны были огни судовъ и лодокъ. На пароходѣ работа не прекращалась. Лебедка скрипѣла во всю. Двѣ баржи стояли у причала и при свѣтѣ электрическихъ фонарей разгружались. Люди въ красныхъ фескахъ ходили по палубѣ.

21-го октября. (2-го ноября). Проснувшись, я первымъ дѣломъ взглянулъ на портикъ. Желтыя волны мягко плескались о бортъ парохода. Горизонтъ, золотистаго цвѣта, мѣстами былъ затянутъ темными тучами, погода могла разгуляться, но могла также разрѣшиться дождемъ. Мустафа, въ своемъ черномъ пиджакѣ и темно-красной фескѣ, уже ожидалъ меня на палубѣ. Я прошелъ къ конвою, поздоровался съ людьми, поздравилъ ихъ съ праздникомъ восшествія на престолъ Государя Императора и вызвалъ желающихъ на берегъ; желающими оказались всѣ. Кинули жребій—семерымъ остаться, а съ остальными на двухъ шлюпкахъ я высадился на Константинопольской набережной. Паспортныя формальности оказались очень просты. Я записалъ наши фамиліи и передалъ чиновнику въ фескѣ.

— „Московъ аскеръ“, сказалъ онъ солдату, стоявшему у желѣзной рѣшетки.

— „Vous êtes un officier russe?“ спросилъ онъ меня.

— „Oui, monsieur“.

И мы толпой прошли между двухъ турецкихъ солдатъ и очутились на грязной набережной.

Мнѣ нужно было получить письма изъ Россіи. Письма изъ Россіи получаются, сказали мнѣ, на русской почтѣ, въ агентствѣ пароходства. Я отправился въ агентство, но тамъ писемъ не было.

— „Можетъ быть, ваши письма шли черезъ Вѣну, тогда вы найдете ихъ на австрійской почтѣ“. утѣшилъ меня агентъ.

По кривымъ улицамъ, по которымъ толпились люди въ фескахъ, пробрался я къ зданію австрійской почтовой конторы.

— „Есть письма на имя К?“

Нѣмецъ строго посмотрѣлъ на меня, перебралъ маленькую пачку писемъ, еще строже взглянулъ и сказалъ: „вамъ писемъ нѣтъ“.

— „Быть можетъ, они на главномъ почтамтѣ“, сказалъ я проводнику.

— „О, нѣтъ, это невозможно; всѣ русскія письма на русской почтѣ“.

Но тѣмъ не менѣе я пошелъ и на главный почтамтъ. Тамъ тоже писемъ не нашли. А между тѣмъ письма были, я въ этомъ увѣренъ.

Гдѣ же получаютъ письма въ этомъ разноязычномъ городѣ, гдѣ столько почтамтовъ, сколько національностей, въ немъ проживающихъ, и гдѣ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчаетъ за правильную доставку писемъ?

— „Значитъ, не было писемъ“, хладнокровно замѣчаетъ Мустафа и тянетъ меня впередъ.

По узкой улицѣ, мощеной плитнякомъ, по которой взадъ и впередъ ходятъ турки и европейцы, ѣздятъ коляски, запряженныя парами маленькихъ тощихъ лошадей, торопливо проходятъ ослики, съ обѣихъ сторонъ нагруженные громадными корзинами съ разной мелочью, мы выбрались къ мосту. Высокіе турки въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ преградили намъ дорогу.

— „Надо платить двѣ копѣйки“, объяснилъ намъ Мустафа и побѣжалъ къ грязному деревянному павильону, гдѣ сидѣли сборщики податей.

Деньги уплачены, насъ пропускаютъ черезъ мостъ. Мостъ страшно грязный. Толстыя неровныя доски покрываютъ его. Нога скользитъ по липкой грязи. Пѣшеходное движеніе по немъ громадное. Всѣ идутъ куда-то озабоченные, встревоженные, торопливые. Солдатъ въ грязныхъ, сѣрыхъ, суконныхъ панталонахъ съ красными лампасами и въ рваныхъ ботинкахъ бредетъ черезъ мостъ. Выправка неважная, руки болтаются безъ толка, синяя шинель одѣта какъ попало, штыкъ виситъ небрежно сбоку, видъ весьма

непредставительный. По мосту мы попали въ старую часть города—Стамбулъ.

Узкія кривыя улицы подымались кверху. Вотъ показались желтыя стѣны мечети Айя-Софія, мы повернули въ ворота и вошли во дворъ мечети, гдѣ картинно росли у магометанскихъ умывальницъ олеандры и мирты. Заплативъ по полъмеджидіе за входъ, мы поднимаемся по спиральной наклонной площади, мощеной брусками, на хоры мечети.

Когда Мехметъ (Магометъ) II взялъ Константинополь, повѣствуетъ намъМустафа, онъ въѣхалъ верхомъ по этому ходу на хоры и смотрѣлъ отсюда на рѣзню въ храмѣ.

Маленькіе глаза Мустафы при этомъ улыбаются, онъ совершенно входитъ въ роль гида и продолжаетъ поясненія безапеляціоннымъ тономъ, путая событія, дѣйствительно случившіяся, съ событіями, созданными народной фантазіей.

— Вотъ здѣсь, говоритъ онъ, останавливаясь на хорахъ, былъ алтарь. Когда турки ворвались въ соборъ, епископъ, служившій обѣдню, заперся за царскими вратами и турки заложили ему каменьями выходъ.

Казаки со страхомъ смотрятъ на слѣды двери и всѣ снимаютъ фуражки.

— „Все-таки, братцы, храмъ этотъ былъ нашъ“, говоритъ толстякъ Недодаевъ, какъ бы оправдываясь передъ товарищами.

— Теперь посмотримъ общій видъ, и Мустафа ведетъ все общество по хорамъ на середину.

Внизу подъ нами громадное пространство. Полъ устланъ цыновками и цыновки эти, протянутыя косо по храму, перекашиваютъ полъ въ одну сторону. На высокихъ колоннахъ висятъ большіе щиты, грубо сдѣланные изъ дерева, съ золотыми буквами по синему полю. Эти священныя изреченія изъ Корана точь въ точь вывѣски торговаго дома Цзинъ-Лунь въ Петербургѣ. Въ глубинѣ мечети, прямо противъ насъ, мозаичныя изображенія шестикрылыхъ серафимовъ. Лица ангеловъ заклеены звѣздами.

Долго стою я и смотрю на обширную площадь мечети, растилающуюся у моихъ ногъ. Одинъ громадный куполъ царитъ надъ нею. На золотой мозаикѣ этого купола еще виденъ Господь Богъ, распростершій свои руки надъ молящимся народомъ. Штукатурка не стерла слѣды его лица, рукъ, и хитона.

Дальше, на хорахъ, могила властителя Византіи венеціанскаго дожа Дандоло и подлѣ нея слѣды прядильнаго станка, за которымъ день и ночь ткала безутѣшная дочь Константина Великаго.

Лицо Мустафы при сообщеніи всѣхъ этихъ подробностей выражаетъ величайшее наслажденіе.

— „Я не простой гидъ", самодовольно говоритъ онъ, „я знакомъ немного съ исторіей, я могу все пояснить исторически".

Съ хоровъ мы спускаемся внизъ. На паперти происходитъ скучная пригонка туфель на большіе казачьи сапоги и, шлепая ими, мы входимъ въ старинный храмъ. Вотъ красныя колонны, окованныя желѣзными обручами, по преданію перевезенныя изъ Соломонова храма, вотъ неподалеко отъ входа, на высотѣ трехъ саженъ, слѣдъ отъ руки и зарубка мечомъ: слѣды того же Магомета II. Онъ въѣхалъ верхомъ во храмъ, поднялся по крутой горѣ убитыхъ и раненыхъ на эту высоту и, омочивши лѣвую руку свою въ крови невѣрныхъ, приложилъ ее къ колоннѣ, а потомъ правою мечомъ засѣкъ ее.

Страшныя, кровавыя страницы исторіи древней Византіи встаютъ предо мною, когда я гляжу на этотъ бѣлый слѣдъ ладони на темно-красномъ камнѣ колонны.

...Все утро молились греки у престола св. Софіи. Нѣсколько разъ выходилъ патріархъ со св. дарами благословить народъ. То и дѣло прибѣгали гонцы съ городскихъ стѣнъ, повѣствуя о побѣдѣ турокъ. И вотъ они ворвались въ столицу. Ни цѣпи Босфора, ни стѣны укрѣпленій ихъ не остановили. Широкимъ потокомъ, неся за собою смерть, разлились они по тѣснымъ улицамъ Византіи и, наконецъ,

ворвались въ храмъ. Ни мольбы о пощадѣ, ни покорность судьбѣ, ни борьба на жизнь и смерть не могли спасти отъ турецкаго ятагана. Женщины и дѣти пали первыми на каменныя плиты св. храма. По нимъ пробирались храбрые защитники, но они гибли отъ ударовъ ножей и копій. Груда тѣлъ росла у входа. Не всѣ тутъ были мертвые. Часть еще дышала. Съ перебитыми членами, изуродованные, копошились они въ общей кучѣ труповъ... Иные съ мольбою просили о пощадѣ, другіе запекшимися устами своими посылали врагамъ проклятія. И вдругъ раздались звуки трубъ, загремѣли литавры. На чудномъ бѣломъ конѣ, съ золотымъ наборомъ, подъ расшитымъ богатымъ вальтрапомъ, сопровождаемый отборнымъ своимъ войскомъ, въѣхалъ Мехмедъ-Али, повелитель правовѣрныхъ. Гора тѣлъ поднималась передъ нимъ — тѣмъ лучше! И благородный конь бережно ступаетъ копытами своими по тѣламъ византійцевъ. Трещатъ черепа женщинъ и дѣтей подъ его твердыми копытами, стонутъ и скрежещутъ раненые, но звуки литавровъ и трубъ заглушаютъ ихъ. И гордо озирается съ полуживого пьедестала своего повелитель правовѣрныхъ!...

Это ли не торжество побѣдителя!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ покидалъ я мечеть Айя-Софія. Всюду грязь. Тусклая позолота мозаики, мѣстами выбитой, не то генуэзцами во время ихъ пиратскихъ набѣговъ, не то просвѣщенными путешественниками, любителями коллекціонировать древнія вещи, пыльныя стѣны, грязные щиты со священными изреченіями Корана — все это такъ жалко для столь громаднаго храма.

Въ углу ученикъ муллы нараспѣвъ читалъ свои молитвы, стоя на колѣняхъ передъ маленькой скамеечкой съ книгой. Онъ приподнялъ было голову при нашемъ приближеніи и потомъ снова загнусилъ: „Ла Алла, иль Алла!“ ..

Погода отвѣчала настроенію. Моросилъ мелкій дождикъ. Холодный вѣтеръ свисталъ по улицамъ. Мустафа распустилъ свой громадный зонтикъ и при этомъ не пре-

минулъ сообщить, что зонтикъ этотъ онъ купилъ за два съ половиной франка.

Подъ дождемъ мы прошли къ старымъ казармамъ янычаръ и на площади ихъ полюбовались на обелискъ Ѳеодосія и змѣя Юстиніана.

Большая неровная площадь. Мѣстами она мощена каменными плитками, мѣстами грязное, глинистое шоссе пролегаетъ по ней. Посерединѣ несимметрично стоятъ двѣ колонны. Одна, темнаго гранита обелискъ, на мраморномъ фундаментѣ, другая — бронзовый змѣй, позеленѣвшій отъ времени, съ отбитыми тремя головами. Подъ обелискомъ расположены барельефы, изображающіе постановку его на пьедесталъ. Ѳеодосій со свитой сидитъ на возвышеніи и смотритъ, какъ тысячи рабочихъ тянутъ веревки колонны. Съ другой стороны изображена раздача хлѣба рабочимъ, далѣе раздача имъ жалованья и, наконецъ, празднества по случаю окончанія работъ.

Все это было здѣсь давно, въ тѣ времена, когда боролись цирковыя партіи, когда знатные византійцы бродили по этой площади.

Турецкій солдатъ подозрительно смотрѣлъ теперь на группу казаковъ, живописно расположившуюся вокругъ колонны. Сама колонна на проливномъ дождѣ выглядѣла такой грустной, грязной, заброшенной. Дальше, дальше отъ этихъ памятниковъ прежняго величія, дальше отъ этихъ труповъ славной Византіи.

По довольно широкой улицѣ, обсаженной бѣлыми акаціями, прошли мы мимо гроба Мехмета къ зданію сераскирата и казначейства. Это единственныя постройки, передъ которыми есть достаточно простора, которыя не стѣснены, не задушены грязными домиками и домишками. Все въ Константинополѣ лѣпится одно къ одному, безъ промежутка, безъ двора, безъ лишняго переулка. И, если уже гдѣ случайно образовался переулокъ, то онъ такой узкій, что двѣ кареты въ немъ не разъѣдутся. Кривой линіей, между двухъ тѣсно сдвинувшихся рядовъ домовъ, почти безъ оконъ, вьется

онъ, чтобы упереться въ другой такой же переулокъ, и образовать съ нимъ глухой темный лабиринтъ. Мало свѣта, мало простора.

Здѣсь же, съ самой площади вошли мы на большой константинопольскій базаръ. Это старыя конюшни Юстиніана. Онѣ теперь реставрированы, т. е. заново оштукатурены, и выкрашены грубой синей краской по широкимъ панелямъ.

Какая пестрота одеждъ! Какой шумъ и крикъ на всѣхъ языкахъ, но преимущественно на гортанномъ турецкомъ. Маленькія лавчонки тѣсно сбились одна къ другой. Куда нашей толкучкѣ—далеко! Тутъ продаютъ матеріи, далѣе табакъ, рахатъ-лукумъ, туфли, тутъ же на желѣзныхъ вертелахъ надъ раскаленными угольями жарятъ шашлыкъ, тамъ ѣдятъ какую-то густую крахмаловидную молочную массу, наложенную въ чашки, торгуютъ оружіемъ, готовымъ платьемъ, кожей, расшитой золотомъ.

Толпа народа идетъ туда и сюда. Негры, арабы, турки въ красныхъ чалмахъ, бедуины въ бѣлыхъ плащахъ, европейцы, греки въ юбочкахъ и опять турки. Молодые, статные, черноусые, красивые и старые, беззубые, съ клочковатой сѣдой бородой, съ тюрбаномъ на головѣ, съ большимъ краснымъ носомъ. Среди этой суетливой мужской толпы рѣдко-рѣдко гдѣ попадалась женщина. Простыя, одѣты какъ наши монашенки, съ черными платками на головахъ, съ лицами, завязанными темной кисеей. Дамы высшаго общества ограничивались только тѣмъ, что закутывали бѣлой кисеей подбородокъ и носъ, оставляя глаза открытыми. Тупо и покорно смотрѣли эти глаза, опушенные длинными черными рѣсницами, изъ матоваго фона лица. То и дѣло сквозь толпу шагали маленькіе ослики, нагруженные громадными корзинами; они сами пробирались черезъ народъ, никого не задѣвая.

Узкая улица—корридоръ рынка, спускалась ниже и ниже, давая мѣстами развѣтвленія въ разныя стороны, путаясь въ тѣсномъ лабиринтѣ. Дождь продолжалъ хлестать,

промачивая бѣлыя фуражки и желтыя куртки казаковъ; зонтики запрудили улицу. Голова болѣла отъ этого непрерывнаго гама, отъ толкотни и пестроты костюмовъ и лицъ...

Наконецъ, мы спустились къ мосту, снова заплатили пеню за переходъ по липкой грязи мокрыхъ досокъ, и вышли на пристань.

Чудный Золотой Рогъ шелъ вправо и влѣво. Желтыя воды его чуть волновались. Масса шлюпокъ, парусныхъ и гребныхъ, скользила по немъ. И какъ онѣ не сталкивались только въ тѣсномъ заливѣ—одному Аллаху извѣстно!

Въ три часа „Царь“, буксируемый маленькимъ портовымъ пароходомъ, медленно сталъ вытягиваться изъ Золотого Рога.

Въ первомъ классѣ много новыхъ пассажировъ. Египетская принцесса Nazle Hanem, сестра жены хедива съ маленькимъ сыномъ, наслѣдникомъ египетскаго престола, прехорошенькимъ мальчикомъ, съ длинными вьющимися бѣлокурыми волосами и громадными черными глазами, сопровождаемая двумя горничными и тремя евнухами, отвратительными неграми съ громадными губами, приплюснутыми носами и тупой физіономіей, стоитъ на ютѣ, возбуждая всеобщее вниманіе.

Она некрасива, но эфектна. Высокаго роста, широкоплечая, полная, съ нѣжнымъ восковымъ цвѣтомъ лица, большими черными глазами и красно-рыжими волосами, съ лицомъ едва закутаннымъ легкой кисейной чадрой, въ темномъ бархатномъ пальто, опушенномъ мѣхомъ стояла она у перилъ и смотрѣла на изящный паровой катеръ, привезшій ее къ пароходу. Въ катерѣ, на коврѣ, сидѣли двое турокъ и турецкая дама.

Принцесса махала имъ платкомъ и, казалось, плакала.

„Царь“ прибавилъ ходу, турецкій катеръ отсталъ, пронзительно свиснулъ и понесся къ Босфору—мы медленно стали выходить въ Мраморное море.

Волшебная панорама открывалась по обѣимъ сторонамъ и замыкала декорацію сзади. Сквозь обрывки тучъ выгля-

нуло южное яркое солнце. Зеленыя волны Босфора сливались съ желтыми водами Золотого Рога, дѣйствительно золотого. Шлюпки носились по всѣмъ направленіямъ. Справа по холму подымались зеленые кипарисы, тѣнистыя сосны, олеандры, мирты и лимоны, и среди ихъ нѣжной зелени виднѣлись бѣлыя постройки султанскаго сераля. Слѣва гора домовъ. Они громоздились другъ на друга, подымались выше и выше, образуя непривычную для жителя равнинъ панораму средиземноморского города. Сзади, красивый своими изящными европейскими линіями, тянулся надъ самой водой дворецъ султана, совсѣмъ на водѣ бѣлѣлась башня Леандра. А вдали на Мраморномъ морѣ, расплываясь въ прозрачной атмосферѣ, вырисовывались фіолетовыя очертанія высокихъ Принцевыхъ острововъ.

Всѣ пассажиры на ютѣ. Долго всѣ смотрятъ и любуются на постепенно удаляющуюся панораму Константинополя, на домики и мечети, которые становятся меньше и меньше и, наконецъ, сливаются въ общее бѣлое пятно.

Море становится синѣе. Ближайшія волны принимаютъ цвѣтъ ультрамарина. По обѣимъ сторонамъ еще видна земля. Мы держимся ближе къ европейскому берегу. По низкимъ буро-зеленымъ холмамъ раскинулась деревня, дальше опять потянулся мутный берегъ и скрылся, наконецъ, на далекомъ горизонтѣ.

Волны съ легкимъ ропотомъ разбиваются о крутые борты „Царя“, начинается мѣрное колыханіе его длиннаго корпуса.

IV.

Отъ Константинополя до Александріи.

Дарданеллы. Развлеченіе конвоя. Пѣсни и пляски. Митилена. Качка. Смирна. Набережная Смирны. Пирей. Поѣздка въ Афины. Греческіе солдаты. Акрополь. Островъ Критъ. Ночь въ Александріи.

22-го октября (3-го ноября), среда. Свѣтало, когда я вышелъ наверхъ. Мы проходили Дарданеллы. Съ обѣихъ сторонъ тянулись невысокіе холмы, покрытые кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ, у подножія ихъ стояли турецкія батареи. Группа судовъ была у входа. На батареѣ у казармы ходилъ часовой, да турецкій трубачъ игралъ заунывную зорю. Отъ берега отдѣлилась бѣлая шлюпка подъ турецкимъ флагомъ, на ней подняли косой парусъ и она быстро подошла къ пароходу. Повѣрили бумаги, дали пропускъ и „Царь", замедлившій ходъ, опять помчался по узкому проливу. Берега стали уходить; показалась высокая гора, почти голая, мутно-сѣраго цвѣта, у подножія ея лѣпился маленькій городокъ-островъ Тенедосъ. На вершинѣ красивая руина генуэзской крѣпости, памятникъ былого владычества надъ моремъ этихъ англичанъ среднихъ вѣковъ.

И опять море, чуть волнующееся, покрытое сѣтью небольшихъ лазурныхъ волнъ.

На ютѣ собраны пѣсенники. Высокій уралецъ Сидоровъ мягкимъ теноромъ заводитъ:

„За Авашемъ [1]), за рѣкой

„Казаки гуляютъ

„И каленою стрѣлой

„За Авашъ пускаютъ!

[1]) Авашъ — рѣка въ Абиссиніи.

Хоръ дружно подхватываетъ и перефразированная казачья пѣсня звучитъ и переливается надъ голубыми волнами Эгейскаго моря.

Всѣ на ютѣ, начальникъ миссіи съ женою, полковникъ Артамоновъ, офицеры, врачи, абиссинцы-переводчики. Маленькій Хайле Маріамъ смѣнилъ уже свою кадетскую форму на сѣрый пиджакъ. Южное солнце красиво освѣщаетъ рослыхъ людей въ верблюжьихъ тужуркахъ и бѣлыхъ фуражкахъ.

Сидорова смѣняетъ лейбъ-казакъ Любовинъ. Нѣжный баритонъ его чаруетъ собравшихся. Египетская принцесса выходитъ на ютъ и, приспустивъ чадру, слушаетъ чуждые ей напѣвы казачьихъ пѣсенъ.

— „Ну-ка, казачка“.

Кругъ пѣсенниковъ разступается. Сидоровъ и Изюмниковъ берутъ гармоники, Архиповъ бубенъ, Крынинъ треугольникъ. Звуки веселаго казачка оглашаютъ далекіе берега. Выходятъ танцоры: казакъ Изваринъ, высокій чернобородый мужчина, съ розовыми щеками и голубыми ясными глазами, и невысокій рыжеватый уралецъ Пановъ.

—„Ну Изваринъ азачинай!“—ободрительно говоритъ вахмистръ.

Изваринъ дѣлаетъ два-три робкихъ шага, пристукиваетъ каблукомъ, поворачивается налѣво кругомъ и становится на свое мѣсто. Это для начала только. Нельзя же сразу выложить все, что знаешь.

Пановъ посмѣлѣе. Онъ кидается впередъ, привскакиваетъ то на каблукъ, то на носокъ, лихо подбочениваетcя и, становясь на мѣсто, обводитъ казаковъ смѣлымъ взглядомъ—„смотри, дескать, какъ мы!“

Начинается настоящее состязаніе.

Ереминъ выходитъ, мелко сѣменя ногами, привскакивая и притоптывая. Публика, она же и судьи, зорко смотритъ на ноги пляшущихъ. Пановъ не смущается—онъ увѣренъ въ себѣ. Невысокій, юркій, какъ кошка, онъ дѣлаетъ два-три прыжка и пускается въ присядку. Судьи въ полъ-го-

лоса высказываютъ свое одобреніе. Лейбъ-казаки выставляютъ на смѣну длинному и меланхоличному Еремину легкаго Любовина. Этотъ съ мѣста озадачиваетъ противника изящнымъ исполненіемъ. Пановъ скоро стушевывается, нѣсколько секундъ Любовинъ доканчиваетъ соло свои па, дѣлаетъ нѣсколько ловкихъ антраша и выходитъ изъ круга. Гармоники издаютъ плачевную ноту и умолкаютъ. Пора кончать и пѣсни, и пляски: начинаетъ покачивать. Море становится синѣе и синѣе, бѣлые барашки появляются вдали.

Къ вечеру пароходъ подходилъ къ Митиленской бухтѣ. Толпа грековъ въ короткихъ юбочкахъ, собранныхъ въ бездну складокъ, атаковала на лодкахъ пароходъ. Предлагали проводниковъ, отели, болтали на всѣхъ языкахъ и преимущественно на своемъ родномъ греческомъ. Если древніе эллины были такъ же крикливы, какъ эти черномазые, черноусые митиленцы, сильныя уши долженъ былъ бы имѣть аѳинянинъ, желающій на Пниксѣ послушать оратора. Пассажировъ прибавилось: молодые супруги, совершающіе брачное путешествіе съ парой велосипедовъ прошли на бортъ парохода, явилась толстая гречанка, съ формами отнюдь не Аѳины Паллады, третій классъ наполнился, въ буквальномъ смыслѣ слова темными личностями.

Я смотрѣлъ съ юта на маленькій, чистый городокъ. Зеленыя волны съ шумомъ разбивались о каменный молъ. За моломъ видны были обложенные мраморомъ бѣлые дома богатыхъ грековъ. Улица, обсаженная олеандрами, вбѣгала на верхъ, дальше шла сѣрая крутая гора, на круглой вершинѣ которой стояли руины генуэзской крѣпости.

Быть можетъ, на этой скалѣ сидѣла нѣкогда прекрасная Сафо и, перебирая струны лиры, пѣла свои вдохновенныя пѣсни.

Темнѣло. На концахъ мола зажгли красные фонари, городъ, восходящій кверху, засверкалъ тысячью огней. Синее небо покрылось звѣздами и таинственно горѣлъ на его фонѣ дивный городъ. Я нарочно не спускался на берегъ.

Мнѣ не хотѣлось среди толкотни и брани грязныхъ грековъ, среди попрошайничанья гидовъ потерять очарованіе теплой лѣтней ночи, звѣзднаго неба и бездны огней сверкающаго города.

23-е октября (4-е ноября), четвергъ. Мы вышли изъ Митиленской бухты около полуночи. Эгейское море развозилось не на шутку. Черныя волны подымались, падали и снова вставали съ глухимъ шумомъ и ревомъ, кидаясь подъ пароходъ. Сверкнетъ на минуту на лунномъ свѣтѣ снѣжно-бѣлая пѣна, сверкнетъ и исчезнетъ, разсыпавшись по волнѣ. Пароходъ поднимается на волну, скрипитъ въ переборкахъ и падаетъ внизъ. Въ каютѣ качка еще непріятнѣе. Слышишь ровный стукъ машины и глухой шумъ воды, разсѣкаемой винтомъ, и вдругъ винтъ вырвется изъ волнъ и машина застучитъ часто, быстро, непріятно. Вещи начинаютъ оживать. Вотъ мой большой узелъ накреняется на табуретѣ, съ глухимъ шумомъ падаетъ внизъ и ползетъ къ двери. За нимъ летитъ шляпа, шашка дѣлаетъ все большіе и большіе размахи надъ моей головой. Становится плохо. Я не морской волкъ и предпочитаю отлеживать качку. Напрасно нашъ милѣйшій фармацевтъ Б. Г. Л—въ уговариваетъ меня идти на верхъ.

— „Пойдемте", говоритъ онъ, „чудная ночь, наверху отлично, какія волны! Вамъ необходимо посмотрѣть. А небо! А звѣзды!... Одинъ восторгъ".

— „И море видалъ я", говорю я, „и звѣзды, и все. Однообразно, скучно и гадко. Лежать лучше".

Доктора, мои сокаютники, раздѣляютъ мое мнѣніе и отлеживаются, силясь заснуть. Но заснуть удается не скоро. Разныя мысли лѣзутъ въ голову, тяжелыя, нехорошія мысли. То ноги подниметъ, то голову. Боишься открыть глаза— такъ непріятны эти колебанія предметовъ, которые должны быть неподвижны. Наконецъ, засыпаешь тревожнымъ безпокойнымъ сномъ.

Просыпаешься рано, съ головною болью и съ тревогой

Генуэзская крѣпость у Смирны.

прислушиваешься, нѣтъ ли качки? Винтъ шумитъ ровно, постель неподвижна, мы входимъ въ Смирнскую бухту.

Съ разрѣшенія начальника миссіи я спускаю казаковъ на берегъ. Съ нами ѣдетъ грекъ, одесситъ, бойко говорящій по-русски. По набережной проходятъ поѣзда анатолійской желѣзной дороги и длинные караваны верблюдовъ. Верблюды одногорбые, живописно нагружены тюками, покрытыми разноцвѣтными коврами, идутъ длинной чередой, привязанные другъ къ другу. Впереди крошечный осликъ, путеводитель. Иногда, поджавъ босыя ноги, одѣтый въ цвѣтныя лохмотья, важно возсѣдаетъ на осликѣ грязный турокъ, арабъ или негръ, а часто одинъ осликъ покорно тянетъ за собой своеобразную свиту, а слуги каравана идутъ съ боку и только криками подбодряютъ длинноухаго путеводителя.

Узкія улицы мощены большими каменными плитами. Говорятъ, смирнскія женщины отличаются своей красотой — не знаю — я ни одной красавицы не встрѣтилъ.

Зашли въ греческую церковь. Послѣ недѣльнаго промежутка впервые казаки перекрестились на православныя иконы. Посмотрѣли ковры. Смирна ими славится. Хорошіе ковры дороги — 100 — 200 руб. за коврикъ длиной $2^1/_2$ аршина и шириной полтора... Цѣнится прочность шелка и ровность цвѣта по всему ковру. Шерстяные ковры много дешевле. Затѣмъ, вмѣстѣ съ бравымъ одесситомъ, мы поднялись на крутую гору къ развалинамъ генуэзской крѣпости, полюбовались чуднымъ видомъ на голубой заливъ и вернулись обратно на шаткую палубу „Царя“.

Опять завтракъ на пароходѣ, послѣ завтрака пѣсенники на ютѣ и пляска, а потомъ томительное болтыханіе, головная боль и нетерпѣливое ожиданіе новаго берега.

24-го октября (5-го ноября), пятница. Въ семь часовъ утра „Царь“ медленно входилъ въ Пирейскую гавань. Пирей раскинулся въ низкой лощинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами. Влѣво видна возвышенность острова Саламина, у подножія котораго мягко плещутся голубыя волны

Саламинской бухты. Прямо впереди сѣрыя горы Пинда. Обѣднѣли греки послѣ войны. Толпа гидовъ предлагала свои услуги. За пять франковъ васъ везутъ въ коляскѣ изъ Пирея въ Аѳины (40 минутъ ѣзды), показываютъ все достойное обозрѣнія и привозятъ обратно. Въ эту же плату входитъ и шлюпка на пристань и обратно на пароходъ.

Мы всѣ усѣлись въ двѣ коляски и по пыльному шоссе поѣхали въ Аѳины. Дорогой мы встрѣчали греческихъ солдатъ. Мелкіе, неважно выправленные, въ синихъ куртках и сѣрыхъ длинныхъ штанахъ, они мало воинственны. На площади, близъ храма Зевеса, я видѣлъ ученье саперъ и санитаровъ. Грустное ученье. Шеренга солдатъ ходила взадъ и впередъ по командѣ капрала. Кругомъ они поворачивались направо и дѣлали при этомъ легкій прыжокъ на правой же ногѣ. Поворотъ былъ неособенно одновременный, изящный съ точки зрѣнія хореографіи, но нетвердый и невоинственный. Санитары были вооружены маленькими карабинами, какъ мнѣ показалось, системы Гра. Одѣты они довольно чисто. При мнѣ они были распущены для отдыха, причемъ разбрелись по всей площади. Иные сидѣли, отдыхая на ступеняхъ древняго храма, другіе стояли подлѣ лавочки, третьи разгуливали по два, по три. Былъ поданъ продолжительный сигналъ и они побѣжали на сборъ. Скомандовали ружейный пріемъ — исполненіе вялое, неотчетливое. Взяли „на плечо“ и пошли домой. На фонѣ оливковыхъ садовъ и полуразрушеннаго храма, при чудной декораціи Акрополя съ его развалинами, было нѣчто опереточное въ этомъ мелкорослом войскѣ. Будто это были не солдаты, а статисты изъ небольшого театра. И рота ихъ была невелика числомъ рядовъ, всего человѣкъ 40, не больше. Бродя по городу, я наблюдалъ ихъ и на улицахъ. Чести офицерамъ солдаты не отдаютъ — они сторонятся, даютъ дорогу, но продолжаютъ такъ же махать руками и не провожаютъ глазами. Офицеры, которыхъ я видѣлъ верхомъ въ городѣ, одѣты прекрасно, видъ немножко отда-

ющій прусской выправкой, лошади полукровныя англійскія, но некрупныя и въ неважныхъ тѣлахъ. ...

Конечно, на западѣ „печатаніе“ съ носка, бойкость пріемовъ признаны излишними, пожалуй, и тѣло лошади—понятіе относительное, но лично мнѣ греческія войска не понравились. Въ нихъ слишкомъ много игрушечнаго, напомаженнаго на парадѣ и оборваннаго дома и такъ мало внушительнаго, воинственнаго, внушающаго довѣріе.

Быть можетъ отъ ученья греческихъ санитаровъ въ древній Акрополь—переходъ слишкомъ рѣзкій, почти фельетонный, но на дѣлѣ мы его сдѣлали. По шоссе, обсаженному съ обѣихъ сторонъ алое и вьющемуся по горѣ, мы поднялись на мраморную вершину Акрополя.

Какъ все это должно было быть прекрасно въ тѣ времена, когда здѣсь приносились гекатомбы быковъ богу Зевесу, какъ величественна должна была быть изящная Аѳина Паллада, мѣдный шлемъ которой, отражаясь на солнцѣ, служилъ путеводной звѣздой морякамъ.

Отъ громадной мраморной лѣстницы остались только края. Середина завалилась и пропала, да и кто не разбойничалъ въ этомъ городѣ изящныхъ искусствъ?!

Отъ Аѳины Паллады остались только слѣды скрѣпъ, приковывавшихъ ее къ пьедесталу. Храмъ Тезея съ изъѣденными временемъ колоннами смотритъ такимъ жалкимъ. Хорошо сохранился еще Эректеіонъ съ его шестью каріатидами, да на воротахъ большого храма отчетливо видна чудная тонкая рѣзьба орнамента по мрамору.

Холодный вѣтеръ свисталъ на горѣ и несъ темныя тучи. Современныя Аѳины раскинулись тѣснымъ кругомъ. Оттуда слышны были крики разнощиковъ и стукъ колесъ. Внизу видны были развалины римской постройки, а вправо внизъ шли начатыя раскопки древнихъ Аѳинъ. Прямоугольные фундаменты, фреска, золегшая цвѣтной полосой на стѣнѣ видны тамъ и тамъ между домами. Вонъ, на горѣ, мѣсто Пникса далѣе за рѣшеткой чернѣютъ пещеры—это могила Сократа, а вотъ здѣсь на пустынной скалѣ,

обставленной желтыми мраморными глыбами, засѣдалъ нѣкогда ареопагъ...

Хочется дольше остаться на этихъ ступеняхъ въ созерцаніи голыхъ колоннъ развалившагося храма и далекой голубоводной Саламинской бухты. Хочется воскресить далекую старину, увидѣть важныхъ старцевъ, закутанныхъ въ бѣлыя тоги, молчаливо спускающихся съ мраморныхъ ступеней, увидѣть стаю триремъ съ косыми реями и цвѣтными парусами...

Вѣдь было же это! Было свѣтлое царство любви и граціи!..

— „Монэты! древни монэты, купы, господине, мосье!“ на ломаномъ русскомъ языкѣ тянется ко мнѣ грязный оборванный грекъ.

Скорѣе въ коляску и дальше, дальше: времени мало... Да и не хочется разставаться съ міромъ грезъ, терять образы, вызванные видомъ памятниковъ древности...

Я видѣлъ еще театръ Діонисія. Полукруглыя мраморныя ступени хорошо сохранились. Въ первомъ ряду, гдѣ засѣдали жрецы, видны даже листья орнамента и цѣлы надписи ихъ именъ. На мѣстѣ для хора паркетъ пола изъ чернаго и бѣлаго мрамора почти цѣлъ... повыше послѣдняго ряды скамей, въ пещерѣ часовня. По стѣнамъ мозаичныя изображенія al fresco иконъ византійской работы. Турки выбили лица святымъ, на нихъ изображеннымъ, а милые путешественники расчертили ихъ ризы своими именами: дешевая слава всего дороже.

Въ уголку пріютилась и наша бумажная православная икона со славянской подписью въ простенькой рамочкѣ. Богъ знаетъ, кто и зачѣмъ ее повѣсилъ.

Изъ древняго храма проѣхали въ циркъ нынѣ заново реставрируемый,—тоже красивая и оригинальная работа изъ мрамора...

Грустно было спускаться съ высокаго Акрополя въ современныя Аѳины... Роскошный національный музей осмотрѣть не пришлось. Заглянули только въ первую залу,

богато отдѣланную мраморомъ и золотомъ и увѣшанную большими картинами на сюжеты греческаго эпоса.

— „Кто писалъ эти картины?“ спросилъ у проводника кто-то изъ насъ.

— „Италіанецъ“, былъ краснорѣчивый отвѣтъ, такъ непріятно поразившій на родинѣ Зевксиса и Парразія...

Въ 2 часа дня мы были на пароходѣ. Оборванные, но живописные греки спѣшно догружали трюмъ. Паровая лебедка трещала во-всю.

— „Вира, по ма́лу!“ кричали снизу изъ полутемнаго квадратнаго отверстія.

— „Майна“, отвѣчали сверху, и громадные тюки медленно опускались въ глубокій трюмъ.

Едва вышли изъ Пирейской бухты, какъ закачало, и довольно основательно закачало. Къ обѣду положили уже скрипки и число обѣдающихъ за табль-д'отомъ въ каютъ-компаніи дошло до minimuma. Да и что за удовольствіе тянуться за стаканомъ, который отъ васъ уходитъ, хотѣть взять хлѣбъ и попадать пальцемъ въ горчицу.

Вечеромъ на перекличкѣ отсутствовало четверо, остальные имѣли бравый и бодрый видъ, несмотря на то, что шеренга, выстроенная подлѣ машины, то и дѣло подымалась и опускалась. Многимъ море было не въ диковину, не даромъ же еще вчера протяжно заводилъ Сидоровъ: „Мы на Каспіи учились лодкой быстрой управлять...“

25-го октября (7-го ноября), воскресенье. Весь день на морѣ. Около 12-ти часовъ ночи подошли къ Криту. Въ темнотѣ видны были огни на горѣ и темный силуэтъ горъ. Пріѣзжали офицеры съ нашей эскадры, часть пассажировъ исчезла. Среди ночи хрипѣла лебедка и плескались темныя волны о бортъ парохода.

26-го октября (7-го ноября), воскресенье. День настоящій воскресный. Голубое небо темнаго густого цвѣта безоблачно. Синія волны мягко плещутся, все море, словно громадная простыня, чуть волнуемая снизу. Тамъ, куда сильнѣе ударяютъ волны, оно блеститъ, какъ алмазъ, какъ

алмазъ переливаясь въ зеленый и желтый цвѣта. Пароходъ почти не качаетъ и мы съ К—мъ, не особенные любители качки, наслаждаемся теперь на ютѣ. Въ суконномъ костюмѣ даже жарко. Легкій вѣтерокъ навѣваетъ прохладу, винтъ за кормой бодро шумитъ, а колесо лага бойко вертится, отсчитывая пройденные узлы. Идемъ со скоростью 12-ти узловъ (около 20-ти верстъ въ часъ).

Съ 2-хъ часовъ сталъ виденъ Африканскій берегъ. Сначала влѣво отъ носа показались какія-то бѣлыя точки, потомъ вправо потянулась желтая полоса песковъ и на ней стволы и пышныя купы финиковыхъ пальмъ. По самому берегу стали обрисовываться маленькіе бѣлые домики арабской архитектуры съ плоскими крышами. Потянулся длинный каменный молъ, о который разбивались синія волны. Корабли стояли цѣлой стаей, красиво рисуясь на голубомъ фонѣ неба стройными такелажами и рангоутами. Еще немного ожиданія и „Царь“ подтянулся къ пристани и ошвартовался у берега.

Около 6-ти часовъ вечера я перебрался съ командой на стоявшій рядомъ съ „Царемъ“ пароходъ русскаго общества пароходства и торговли „Одесса“, который долженъ былъ доставить насъ до Портъ-Саида.

До 8-ми часовъ вечера конвой былъ спущенъ на берегъ.

Въ 9 часовъ на верхней палубѣ „Одессы“ конвой былъ построенъ на перекличку. Чудная, ни съ чѣмъ несравнимая, воспѣтая поэтами египетская ночь спустилась надъ городомъ. Полный мѣсяцъ полилъ свои лучи. Какъ молокомъ облитые стояли дворецъ хедива и казармы таможни. Тюки хлопка, лежащіе по берегу, въ обманчивомъ лунномъ сіяніи казались мраморными изваяніями. Тамъ вдали слышенъ шумъ большого города—на рейдѣ же тишина: море совершенно зеленое, прозрачное, глубокое. Въ морѣ отражались мачты кораблей, лунный свѣтъ серебрилъ мелкую зыбь. На темно-синемъ фонѣ неба красиво вырисовывались перистые листья финиковыхъ пальмъ, растущихъ въ садахъ у берега. И маякъ какъ-то мягко свѣтилъ,

будто не хотѣлъ нарушать сладкой гармоніи теплой Александрійской ночи.

И среди этой тишины, среди неуловимаго аромата моря, олеандровъ и апельсиновъ, впервые раздались протяжные звуки русской кавалерійской зори. И трубачъ какъ-то особенно старательно выводилъ ея плачевныя ноты... Сняли шапки. „Отче нашъ"—высокимъ теноромъ завелъ Любовинъ, „иже еси на небесѣхъ", густыми басами подхватили люди конвоя, и русская молитва пронеслась по волнамъ Средиземнаго моря и коснулась береговъ Африки.

— „Сегодня, братцы", сказалъ я конвою, „впервые русская кавалерійская труба проиграла зорю на африканскомъ берегу. Поздравляю васъ, братцы, съ благополучнымъ переходомъ на ту почву, гдѣ вамъ суждено нынѣ послужить Государю Императору!"

— „Покорнѣйше благодаримъ", дружно отвѣтили казаки и мнѣ показалось, что и ихъ простыя сердца очаровала чудная ночь.

А я долго еще стоялъ на палубѣ и старался разобраться въ безднѣ мерцавшихъ звѣздъ и отыскать родную Большую Медвѣдицу. Но ея не было видно.

V.

Отъ Александріи до Портъ-Саида. Александрія.

Александрія. Арабскій кварталъ. Англійскіе солдаты. Нильскіе каналы. Садъ Антоніадеса. Приключеніе съ погонщикомъ ословъ. Danse du ventre. Покупка тропическихъ шляпъ. На Одессѣ. Буря. Прибытіе въ Портъ-Саидъ.

27-го октября (8-го ноября), понедѣльникъ. Какой чистый и пріятный городъ Александрія; прямыя ровныя и широкія улицы, обстроенныя многоэтажными домами, расходятся въ разныя стороны. Много садовъ, за желѣзной художественной рѣшеткой которыхъ, вмѣсто нашего сѣвернаго кротекуса, или желтой акаціи, спокойно растетъ прекрасная темнозеленая азалія. Чудные олеандры подымаютъ свои вѣтви высоко къ домамъ и протягиваютъ алые пышные цвѣты прямо въ окна. Иногда изъ купы цвѣтущихъ розъ, безчисленныхъ колеровъ и видовъ, растущихъ прямо на воздухѣ и подымающихъ стебли свои на высоту нѣсколькихъ саженъ, тянется къ небу мохнатый стволъ финиковой пальмы. Высоко надъ домомъ простираетъ она свои нѣжные перистые листья. Отъ ихъ основаній висятъ громадныя бурокрасныя кисти финиковъ. Подъ кистями подтянута грязная тряпка для сбора плодовъ. Иногда вы увидите на вершинѣ карабкающагося съ помощью веревки араба въ его живописной чалмѣ и юбкѣ, сшитой снизу. На самомъ фонѣ дома фикусъ протянулъ свои жирные листья, бананъ растетъ рядомъ съ нимъ, и душистые плоды его, словно стручья, свѣшиваются внизъ.

И надъ всей этой пышной растительностью протянулось высокое голубое небо густого колера, безъ тучи, безъ облачка. Глядишь вдаль и сѣверными очами своими ищешь на горизонтѣ туманной дымки, стушевывающей очертанія.

Общій видъ Александріи.

Но дымки нѣтъ. Предметы становятся меньше, наконецъ, теряютъ, а голубой воздухъ такъ же прозраченъ и такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ и рядомъ по близости. Чудный край!

Казалось бы въ этомъ раю, среди этого благорастворенія воздуховъ и изобилія плодовъ земныхъ, должны были бы жить и люди, составляющіе гармонію съ природой—не такъ на дѣлѣ.

Едва я сошелъ на берегъ и вступилъ въ арабскую часть города, какъ попалъ въ сѣть узкихъ улицъ, застроенныхъ какими-то грязными, наскоро побѣленными балаганами. У раскрытыхъ дверей ихъ кипѣла жизнь. Женщины въ черныхъ платьяхъ, съ черными полотенцами, спускающимися со лба почти до пояса, съ безобразными катушками, обитыми мѣдью, на переносицѣ, сидѣли у входа. Арабы и арабчата, суданцы и негры толпились кругомъ, занятые ничегонедѣланіемъ. Едва увидѣли они меня, какъ изъ среды ихъ уже отдѣлились темныя личности. На ломаномъ русскомъ и французскомъ языкахъ они предлагали свои услуги въ качествѣ гидовъ. Уговаривали пойти посмотрѣть danse du ventre, купить фотографіи, магическія карты. Маленькія дѣвочки 12-ти—15-ти лѣтъ предлагали тутъ же, на улицѣ, проплясать танецъ живота. Жизнь лѣзла, какъ и вездѣ на востокѣ, наружу со всѣми своими неприглядными сторонами.

Арабъ съ крикомъ бѣжитъ по улицѣ, подгоняя маленькаго ослика; толстый старикъ въ чалмѣ взгромоздился на его и совершенно придавилъ животное. Повсюду на углахъ стоятъ эти ослы для ѣзды, посѣдланные неуклюжими сѣдлами съ длинной передней лукой и безъ задней. Европейцы на нихъ мало ѣздятъ. Къ ихъ услугамъ прекрасныя коляски, запряженныя парами арабскихъ лошадей съ кучерами-арабами.

Въ европейской части города лѣность и попрошайничанье арабовъ не такъ замѣтны. Улицы широки, магазины прекрасны. Всюду газовые фонари, мѣстами въ отеляхъ

электричество. На каждомъ углу стоитъ бравый англо-египетскій полисмэнъ суданецъ въ красной фескѣ, синемъ однобортномъ мундирѣ и синихъ брюкахъ, при тесакѣ. Тотъ же негръ, а какой прекрасный видъ! Въ лицѣ сознаніе своего достоинства и своей англійской „habeas corpus",— если онъ потребуетъ, то потребуетъ тономъ, не допускающимъ возраженія. Извощикъ, нищій, разнощикъ, чистильщикъ сапогъ—профессія, кажется, наиболѣе распространенная на востокѣ, ему повинуются моментально. И притомъ полная вѣжливость и предупредительность. Я обратился къ одному изъ нихъ съ вопросомъ, какъ пройти въ городъ. Онъ не зналъ французскаго языка. Знакомъ пригласилъ онъ меня слѣдовать за нимъ, привелъ въ участокъ и показалъ на сержанта. Сержантъ вѣжливо и предупредительно разсказалъ мнѣ, какъ пройти, но едва я вышелъ, ему, должно быть, пришло въ голову, что я могу заблудиться и онъ послалъ солдата проводить меня. Хороша англійская муштра:—она изъ солдата дѣлаетъ джентльмена.

Я видалъ и территоріальныя англійскія войска. Изящно и эффектно одѣтые въ своихъ яркокрасныхъ однобортныхъ мундирахъ съ золотыми пуговицами, въ синихъ шапочкахъ, лихо заломленныхъ на бокъ, въ рейтузахъ и бѣлыхъ кушакахъ съ золоченой бляхой, съ хлыстикомъ въ рукѣ, красивые и бравые, почти мальчики, большинство безусые, королевскіе солдаты производятъ хорошее впечатлѣніе. То въ нихъ дорого, что каждый изъ нихъ щеголяетъ мундиромъ, гордится имъ, каждый изъ нихъ, какъ будто, съ восторгомъ объявляетъ всему міру—„я солдатъ королевы— смотри на меня!" И есть на что посмотрѣть. Я видалъ, какъ пьяный солдатъ ночью входилъ въ трактиръ. Сколько самоувѣренности, сколько гордости мундиромъ, не допускающей мысли, что онъ можетъ быть грязенъ или смѣшонъ— и онъ не былъ ни грязенъ, ни смѣшонъ, ни жалокъ...

Я видалъ ихъ на гауптвахтѣ при исполненіи караульной службы. Въ красивомъ бѣломъ шлемѣ съ золотымъ шишакомъ на концѣ, затянутый въ свой алый мундиръ,

часовой лѣниво ползалъ съ ружьемъ на плечѣ. Потомъ онъ остановился и взялъ ружье къ ногѣ—безъ отчетливаго пріема, но изящно. Видалъ я еще вѣстовыхъ верхомъ на лошадяхъ и солдатъ на работѣ въ лагерѣ. Посадка англійская съ широко отставленными шенкелями не производитъ впечатлѣнія прочной посадки. Лошади арабскія, тѣломъ не щеголяютъ, мелкорослы, но чистка доведена до идеала. А какъ блеститъ мѣдь набора, въ какомъ порядкѣ сѣдло! И въ сѣдлѣ солдатъ смотритъ молодцомъ. Ѣздятъ они облегченной рысью, но болтаютъ ногами.

И на работѣ одѣтые въ особыя холщевыя куртки и сѣрые рейтузы солдаты имѣли тотъ же подтянутый видъ... Словомъ, они были „англійской“ вещью, можетъ быть, и слишкомъ дорогой, но зато добротной и изящной.

Къ достопримѣчательностямъ Александріи относятъ— видъ на Нилъ, памятникъ Магомету-Али, музей, садъ Антоніадеса и арабскій кварталъ.

Смотрѣть на Нилъ и гулять по волшебному саду Антоніадеса я ходилъ со всей командой. Это верстъ восемь ходу. Одѣвши казаковъ въ бѣлыя рубашки и бѣлые длинные шаровары, въ бѣлыя фуражки, я вышелъ съ ними рано поутру 28-го октября. По улицамъ города шли маленькими группами человѣкъ по пяти, шагахъ въ 10-ти—20-ти другъ отъ друга. Когда же вышли на ровное гладкое шоссе, обсаженное синеватой громадной туйей, я построилъ казаковъ по шести, впередъ сталъ запѣвало и пустынная африканская мѣстность огласилась громкой маршевой солдатской пѣсныо. Маленькіе арабчата съ удивленіемъ смотрѣли на здоровыхъ бородачей, одѣтыхъ во все бѣлое и маршировавшихъ въ тактъ залихватской казачьей пѣсни. „Ой хмѣль мой хмѣлекъ“, отдавалось по берегу Нила, раздавалось въ рощѣ финиковыхъ пальмъ, въ тѣни банановыхъ огородовъ и родныя картины, картины далекаго сѣвера, невольно рисовались въ возбужденномъ пѣсныо мозгу.

Прошли мимо кладбища, мимо дачъ французскихъ

негоціантовъ съ садами, напоенными запахомъ розъ, и, наконецъ, подошли къ одному изъ Нильскихъ рукавовъ.

Каналъ Магомета неширокъ—саженъ 10, не болѣе. Берега обведены каменной плитняковой набережной безъ перилъ—по одну сторону идутъ дачи французскихъ и англійскихъ купцовъ, по другую—тянется арабская деревня. Крошечные двухъэтажные и одноэтажные домики построены изъ глины, въ окнахъ тѣсныя рѣшетки. Надъ домомъ живописно склонилась финиковая пальма, отягченная плодами, на маленькомъ тѣсномъ дворѣ, въ пыли и въ грязи, возятся грязныя смуглыя дѣти, еле покрытыя лохмотьями рубашки. Темная женщина сидитъ съ закрытымъ лицомъ и толчетъ что-то въ ступѣ, громадный буйволъ стоитъ на спускѣ у желтыхъ водъ Нила и на спину его взобрался маленькій, словно изъ шоколада сдѣланный ребенокъ. По Нилу плывутъ какія-то большія утки, и онѣ особенныя, египетскія. На рѣкѣ стоятъ барки причудливой формы съ длинными косыми реями. Такія реи мы видимъ на барельефахъ древнихъ пирамидъ. Жаркое солнце сильно печетъ, кругомъ царитъ тишина. Словно это не люди, не животныя, не птицы, а картина, мастерски написанная въ тѣ далекія времена, когда царили здѣсь фараоны, и чудомъ уцѣлѣвшая до нашихъ дней. По эту сторону Нила, по берегу его набережной, вьется тропинка. Громадныя бѣлыя акаціи, фиговыя деревья и туйи обрамляютъ ее. Далѣе идетъ пыльная дорога, въ сторонѣ отъ нея невысокій заборчикъ, полный разсѣлинъ. Ящерицы, длинныя, тонкія съ желтымъ брюхомъ и безобразные толстые хамелеоны вышли погрѣться на каменьяхъ. За заборомъ цѣлыя заросли банановъ. Мѣстами полуобвалившійся каменный заборъ смѣняется изящной желѣзной рѣшеткой. За рѣшеткой видны кусты розъ, цвѣтникъ и маленькій европейскій коттеджъ, но людей почти нѣтъ. Сидятъ у воротъ дворники-арабы, какой-нибудь негръ спѣшно проходитъ съ тяжелой корзиной, да полисмэнъ въ своей красной фескѣ молчаливо прогуливается взадъ и впередъ. Но вотъ и садъ Антоніадеса.

Антоніадесъ—богатый грекъ, родомъ изъ Одессы—русскій подданный. Контрабандой—здѣсь это ремесло—онъ нажилъ себѣ нѣсколько милліоновъ состоянія и развелъ удивительно богатый садъ. Онъ надѣялся, что садъ этотъ будетъ купленъ египетскимъ хедивомъ, но надежды его не сбылись, а состояніе пошатнулось, онъ умеръ и теперь садъ его принадлежитъ вдовѣ и двумъ сыновьямъ. Несмотря на то, что поддерживать его стоитъ очень дорого, онъ содержанъ въ большомъ порядкѣ.

Мы подошли къ большимъ чугуннымъ рѣзнымъ воротамъ, за которыми сидѣли арабъ и негръ.

— „Московъ-аскеръ“, сказалъ я, „désirent voir le jardin“.

— „Антоніадисъ“, отвѣчалъ арабъ и улыбнулся, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.

— „Да, да, Антоніадисъ“, отвѣчалъ я.

Арабъ засмѣялся, отрицательно закачалъ головой и махнулъ рукой—проходи дескать. Я повторилъ свою просьбу и обѣщалъ, что ничего не будемъ трогать.

— „Rien toucher?“ недовѣрчиво сказалъ арабъ и скривился весь въ гримасу. „Бакшишъ?“

Я уже въ Константинополѣ привыкъ, что безъ бакшиша, т. е. „на чай“, ничего не дѣлается и поэтому полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ и далъ ему меджидіе. Но ему этого было мало. Подъ самое лицо протянулъ онъ мнѣ свои корявые грязные пальцы и смѣялся, и качалъ головой—пришлось набавить и плутоватое животное, наконецъ, отперло калитку.

Мы въ банановой аллеѣ. По обѣимъ сторонамъ широкой и гладкой дорожки, усыпанной бѣлымъ пескомъ, растутъ громадные кусты банановъ. Красные—это особенный сортъ, плоды свѣшиваются длинными гроздьями внизъ; за ними внизу цѣлая заросль мандариновыхъ деревьевъ, покрытыхъ еще зелеными плодами. Аллея упирается въ площадку, обсаженную олеандрами, туйями, акаціей, мимозой и еще какими-то высокими деревьями, усѣянными громадными желтыми цвѣтами. Нѣжный ароматъ мандари-

новъ разлитъ въ воздухѣ. По срединѣ площадки растетъ гигантская муза. Просто не вѣрится, что она сидитъ прямо въ грунтѣ, ожидаешь увидѣть подъ нею кадку, или горшокъ. А кругомъ розы, магноліи и чудныя бѣлыя лиліи. Изъ чащи деревьевъ бамбукъ кидаетъ тонкіе, будто желѣзные, зеленые стволы, усѣянные массой мелкихъ листьевъ, жасминъ протягиваетъ вѣтку ароматныхъ цвѣтовъ. Не знаешь, что смотрѣть, куда идти. Казаки то и дѣло ахали отъ изумленія и обращались ко мнѣ съ вопросами, какъ какое дерево называется. По галлереѣ, увитой виноградомъ, который здѣсь трехъ сортовъ, мы прошли въ рощу финиковыхъ пальмъ и спустились въ катакомбу. Катакомба, вѣроятно, поддѣльная, слишкомъ чисты ея столбы, слишкомъ аккуратны стѣны и картинно расположеніе.

Выйдешь изъ нея, войдешь въ садъ и не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться. Упиваться ли чуднымъ ароматомъ розъ, олеандровъ, жасмина, банана и мандарина— любоваться ли на оригинальныя причудливыхъ формъ орхидеи, спускающія свои цвѣты съ высокихъ вѣтвей, или замереть на мѣстѣ и смотрѣть на удивительно красивую аллею, на перистые листья пальмъ, синее море и темно-синее небо.

— „Это рай земной!“ говорили кругомъ меня казаки, „таковъ былъ рай!“, „жить бы здѣсь и въ Абиссинію ѣхать не надо бы“... „Я бы вѣкъ здѣсь прожилъ!“ блаженно улыбаясь, говоритъ голубоглазый Крынинъ, „и умирать не надо!“...

Проводникъ-арабъ оказался гораздо любезнѣе арабапривратника. Каждому казаку онъ передалъ по маленькому пучку дивныхъ розъ, а мнѣ ихъ далъ цѣлый букетъ и, кромѣ того, поднесъ намъ корзину свѣжихъ финиковъ, только что сорванныхъ съ дерева. И мы вернулись на пароходъ, бодро распѣвая пѣсни и имѣя у каждаго за ухомъ въ густыхъ казачьихъ кудряхъ по нѣжной розѣ. И я скажу, что контрастъ блѣдно-розовыхъ лепестковъ царствен-

Пальмовый садъ въ окрестностяхъ Александріи.

наго цвѣтка и темныхъ волосъ бородача Духопельникова былъ не лишенъ извѣстной оригинальной прелести...

Памятникъ Магомета-Али помѣщается на большой площади. Арабскій повелитель изображенъ верхомъ на арабскомъ конѣ, идущемъ въ крутомъ сборѣ, въ чалмѣ и широкихъ шароварахъ. Конь стоитъ на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ рѣшеткой. Вокругъ разбитъ цвѣтникъ.

Говоря объ арабской полиціи, я забылъ разсказать о курьезномъ эпизодѣ, бывшемъ съ нашими казаками. Я увольнялъ ихъ командами по звеньямъ въ баню. При возвращеніи изъ бани двое изъ своднаго звена прельстились перспективой доѣхать до пристани на осликахъ, стоявшихъ на площади. Услужливый арабъ за сорокъ копѣекъ (два піастра, на дѣлѣ—піастръ величиной похожъ на двугривенный и люди конвоя называли его постоянно двугривеннымъ) далъ имъ двухъ осликовъ и кавалеры при дружномъ хохотѣ товарищей покатили. Подъѣхавъ къ рѣшеткѣ таможни, они заплатили арабу два піастра и пошли на пристань. Какъ вдругъ къ нимъ привязался другой арабъ, владѣлецъ второго осла, и потребовалъ за него деньги.

— „Отстань“, говорилъ ему разсудительный толстякъ, старшій звена, „мы тому отдали за обоихъ ословъ, чего нудишься?“

Но арабъ не отставалъ. Онъ дергалъ казаковъ за рукава куртокъ и угрожающе показывалъ на полисмэна.

„А, ты хочешь къ городовому, изволь—наше дѣло правое“.

И мой толстый унтеръ-офицеръ въ перевалку направился къ полисмэну-арабу.

— „Вотъ видите, господинъ городовой, резонно заговорилъ онъ, мы рядились вонъ съ тѣмъ извощикомъ, чтобы онъ далъ намъ двухъ ословъ прокатиться, и отдали ему за это сорокъ копѣекъ. Тутъ же является вотъ эта эѳіопская морда и требуетъ еще сорокъ копѣекъ. Мы съ нимъ не рядились и его не знаемъ. За что же намъ еще платить?“

Полисмэнъ внимательно посмотрѣлъ на тяжущихся. Съ

одной стороны передъ нимъ было солидное полное, открытое лицо русскаго фейерверкера, съ другой — кривляющаяся черная морда кричащаго на гортанномъ языкѣ араба. Правда, очевидно, была на сторонѣ „москова“ и арабъ получилъ по шеѣ и исчезъ со своими претензіями...

Я уже писалъ, что александрійская ночь нѣчто волшебное, невѣроятное. Писалъ я, что лунный свѣтъ въ этомъ прозрачномъ свѣтломъ воздухѣ даетъ поразительные эффекты. И вотъ въ такую-то дивную ночь, когда во фланелевой парѣ только-только дышать можно, интересно попасть въ центръ Александріи, въ ея арабскій кварталъ.

Все населеніе наружу. Развратъ самый грязный и въ то же время самый утонченный вылѣзъ на улицу и идетъ совершенно открыто. Вотъ изъ оконъ небольшого дома несется оригинальное пѣніе, сопровождаемое акомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ.

— „Danse du ventre“, шепчетъ вамъ какая-то черномазая личность, съ самаго входа вашего въ кварталъ неотступно слѣдящая за вами и дающая поясненія съ конечной цѣлью выпросить бакшишъ.

— „Не зайдемъ ли“, говоритъ мой товарищъ Ч—овъ, съ которымъ мы уединенно бродимъ уже болѣе часа по чужому городу, прислушиваясь къ біенію чуждой намъ жизни.

— „Идетъ“.

Мы платимъ за входъ и попадаемъ въ довольно высокую квадратную комнату. Съ потолка спускается штукъ до 50-ти обыкновенныхъ керосиновыхъ лампъ съ усовершенствованными горѣлками. Лампы пущены во-всю — отчего въ комнатѣ свѣтло и вмѣстѣ съ тѣмъ жарко. Онѣ повѣшены рядами и такъ тѣсно, что широкіе ихъ желѣзные абажуры касаются другъ друга. Въ маленькіе промежутки пропущены цѣпи, на которыхъ висятъ бумажныя украшенія. На стѣнахъ развѣшены большія зеркала въ потертыхъ широкихъ золотыхъ рамахъ. Весь полъ уставленъ рядами простыхъ деревянныхъ стульевъ, между которыми стоятъ

Danse du ventre въ Александрійской кофейнѣ.

грубые столы, обтянутые черной клеенкой. Нельзя сказать, чтобы зрительный залъ блисталъ чистотой. Публики немного. Молодой турокъ, изъ богатаго дома съ двумя пріятелями, компанія безобразныхъ, пожилыхъ арабовъ, завсегдатаевъ заведенія, толстый, жирный и отвратительный негръ, бедуинъ и еще нѣсколько левантинцевъ.

Задняя часть комнаты занята узкой эстрадой. По стѣнѣ, на эстрадѣ, стоятъ сомнительной чистоты диваны, и на нихъ по-турецки сидитъ хоръ: арабъ съ громадной цитрой, рядомъ съ нимъ другой съ мандолиной, арабка, далѣе нѣсколько нечистыхъ арабовъ въ пиджакахъ, шароварахъ и фескахъ и нѣсколько женщинъ, некрасивыхъ, одѣтыхъ по-восточному, но съ нѣкоторыми претензіями на европейскую моду. Передъ ними стоятъ восьмигранные столики и туда имъ то и дѣло носятъ стаканы съ пивомъ и лимонадомъ и рюмки настоящаго англійскаго виски.

Музыка и пѣніе не прекращаются ни на минуту. Собственно поютъ только арабка и ея сосѣдъ, аккомпанируемые цитрой, мандолиной и маленькимъ бубномъ. Остальные молчатъ, или перебрасываются фразами съ публикой. Мотивъ пѣсни однообразный, не непріятный, но немного раздражающій. Отъ поры до времени къ дуэту присоединяется и хоръ. Хоръ протяжно произноситъ: „а—а“ и умолкаетъ; въ этомъ вся его роль. Хору подпѣваетъ и публика, и старый сѣдой арабъ, продавецъ орѣховъ и изюма, играющій въ заведеніи роль шута.

Такое пѣніе длится долго, даже очень долго. Наконецъ, наступаетъ минута антракта. На сцену выходитъ негритянка съ бубномъ, обтянутымъ буйволовой кожей, и садится съ боку. Пѣвецъ и пѣвица заводятъ снова однообразную мелодію своей пѣсни. Бумъ, бумъ, вторитъ имъ бубенъ въ искусныхъ рукахъ гречанки, выдѣлывающій поразительныя ноты. Публика подсаживается ближе. Изъ-за кулисъ выходитъ танцовщица. Мнѣ потомъ говорили, что это лучшая въ Александріи исполнительница танца живота. Смуглая, но не арабка, съ волосами, запле-

тенными въ нѣсколько десятковъ маленькихъ косъ, усѣянныхъ на концахъ монетами, съ тонкимъ египетскимъ носомъ. Ея костюмъ состоитъ изъ короткой, расшитой золотомъ курточки, едва прикрывающей грудь, и юбки, начинающейся у низа живота. Все остальное прикрыто частой нитяной сѣткой.

Танецъ некрасивъ и неизященъ, онъ только циниченъ. Самое важное въ человѣкѣ, то, что придаетъ миловидность самому некрасивому лицу—глаза и улыбка—въ немъ не участвуютъ. Условіе хорошаго исполненія танца неподвижность лица и видѣнная нами танцовщица его соблюдала. Ноги, обутыя въ грязные, истоптанные башмаки, тоже только изрѣдка дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ или назадъ. Пляшетъ одинъ животъ, да бедра ходятъ то вправо, то влѣво. Костюмъ производитъ уродливое впечатлѣніе отсутствіемъ таліи, а неестественныя движенія мучатъ и утомляютъ глазъ.

„Бумъ", „бумъ", бьетъ и колотитъ буйволовый бубенъ, мандолина и цитра сливаются съ пѣвицей въ одинъ тоскующій напѣвъ. Жутко, страшно среди этой сладострастной толпы въ этомъ жаркомъ и грязномъ балаганѣ. Мы вышли и проѣхались на берегъ Нила. Теперь онъ былъ еще эффектнѣй, еще очаровательнѣй, нежели днемъ. Таинственными силуэтами чернѣли пальмы съ посеребренными вершинами, какъ сверкающая сталь медленно несъ волны свои священный Нилъ и ярко блестѣли бѣлыя стѣны феллахскихъ домовъ. Мандарины и розы благоухали и тишина царила кругомъ, тишина, таившая въ себѣ тысячелѣтія.

28-го октября (9-го ноября), вторникъ. Кромѣ посѣщенія командой сада Антоніадеса въ этотъ день мною, совмѣстно съ поручикомъ Ч—мъ, были пріобрѣтены въ александрійскомъ магазинѣ пробковыя шляпы для нижнихъ чиновъ конвоя. Дѣло въ томъ, что особая легкая фуражка была сдѣлана по указаніямъ полковника Артамонова, много лѣтъ проведшаго въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, учившагося боевому опыту подъ руководствомъ такихъ людей,

какъ генералы: Скобелевъ и Куропаткинъ. Эта „туркестанская“ фуражка съ назатыльникомъ, пріобрѣвшая уваженіе среди азіятскихъ кочевниковъ въ противность англійскому шлему, была любима номадами азіятскихъ степей. Въ столицѣ Абиссиніи—Аддисъ-Абеба, при климатѣ не слишкомъ

Форма казаковъ конвоя въ Африкѣ.

жаркомъ, эта фуражка, особенно, какъ національный уборъ, должна была сыграть свою роль, но на переходѣ отъ Джибути до Харара, въ Сомалійской пустынѣ, весьма рисковано было подвергать нижнихъ чиновъ конвоя опасности солнечнаго удара, вотъ почему, по приказанію начальника миссіи, постоянно отечески заботившагося о конвоѣ и каждый

день съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивавшаго мой рапортъ: „въ конвоѣ *больныхъ* нѣтъ, арестованныхъ нѣтъ, въ теченіе дня происшествій никакихъ не случилось“, было рѣшёно купить пробковыя круглыя шляпы, вентилированныя, съ низкими покатыми полями.

Въ этотъ же день пароходъ спѣшно догружали предметами довольствія конвоя и миссіи, пріобрѣтенными въ Александріи: галетами, виномъ и консервами.

Въ 2 часа дня маленькая старуха „Одесса“ снялась съ якоря и вышла въ Средиземное море. Дулъ вѣтеръ, грозившій перейти въ штормъ. Яркозеленыя волны, вспѣненныя на вершинахъ, бѣшено кидались на пароходъ. „Одесса“, неправильно нагруженная, скрипѣла, трещала и болтыхалась, какъ поплавокъ. Такая качка даже не укачиваетъ. Бывали минуты, когда пароходъ ложился совершенно бокомъ на волны. Въ каютахъ чемоданы, узлы, сундуки дружной стаей переѣзжали изъ угла въ уголъ. Вода изъ умывальника лилась на постель, мочила подушки и простыню. Никакія „скрипки“ не могли за обѣдомъ удержать посуду въ повиновеніи. Супъ лился на колѣни, вино попадало на жаркое. Въ такія минуты самое лучшее спать. Напрасно уговаривалъ меня М. И. Л—ій и Б. П. Л—овъ подняться на верхъ. Усталый отъ ходьбы по городу, утомленный впечатлѣніями этого уголка чуждаго мнѣ міра, я послѣдовалъ примѣру доктора Н. П. Б—на и благополучно заснулъ подъ монотонный скрипъ переборокъ и кряхтѣнье шпангоутовъ, подъ ерзанье чемодановъ по полу и плескъ волнъ. Когда я проснулся, никакой качки не было. На палубѣ раздавались крики и грохотъ цѣпи; въ полупортикъ каюты виденъ былъ желтый берегъ и маленькіе бѣлые домики. Мы медленно втягивались въ Суэцкій каналъ, подходили къ Портъ-Саиду.

VI.

Отъ Портъ-Саида до Джибути.

Портъ-Саидъ. Казарма въ отелѣ „Eastern Exchange". Недовольство казаковъ англійской кухней. Итальянскій консулъ. Портъ-Саидскій циркъ. Въ Англиканской церкви. Итальянскій консулъ въ гостяхъ у казаковъ. На бортѣ „Peï-ho". Суэцкій каналъ. По Красному морю. Франко-русскія симпатіи. Качка. Благотворительный вечеръ на бортѣ парохода. Жары. Обѣдъ казакамъ, устроенный французами. Джибути. Сомалійскіе пловцы.

29-го октября, среда. Портъ-Саидъ—это именно „портъ" и только. „Саидъ" никакого значенія не имѣетъ и не будь онъ вмѣстѣ съ тѣмъ „портъ", онъ былъ бы немыслимъ. Это гостиный дворъ пароходовъ и кораблей, идущихъ изъ Европы и въ Европу. Три большія улицы сплошь заняты магазинами—въ однихъ продаютъ консервы, обувь, бѣлье, шляпы, духи, одеколонъ, вино, банановый ликеръ, печенья—въ другихъ индійскіе шелка, японскія ширмы, божковъ, коробки изъ слоновой кости и перламутра, шкуры, перья страуса, тончайшіе фарфоровые сервизы, мѣдную китайскую посуду, фотографіи...

Все принаровлено ко вкусамъ путешественниковъ ѣдущихъ на востокъ и съ востока. Часы торговли магазиновъ въ прямой зависимости отъ времени прихода и ухода почтовыхъ пароходовъ. Пришелъ пароходъ ночью и освѣщенные газомъ и электричествомъ магазины торгуютъ всю ночь. Утромъ пароходъ ушелъ и усталые хозяева закрыли магазины, иногда до двухъ часовъ дня. Выйдите за предѣлы этихъ чистыхъ улицъ, обогните маленькій скверъ съ бюстомъ Лессепса, строителя канала, и дальше—бѣдныя жалкія улицы арабскаго квартала, а потомъ пески, о которые съ шумомъ разбиваются волны Средиземнаго моря. Тутъ ничего нѣтъ. Нѣтъ ни финиковыхъ пальмъ,

ни банановъ, не растутъ пышные олеандры, не проливаютъ ароматы мандарины и померанцы. Песокъ не родитъ ни картофеля, ни капусты, и Портъ-Саидъ живетъ привозомъ: мясо изъ Александріи и Австраліи, овощи изъ Багдада, картофель изъ Аравіи, молоко изъ Яссъ, лѣсъ изъ Одессы, виноградъ и финики изъ Палестины. Явился большой пароходъ, забрали на него всю провизію и городъ голодаетъ до завтрашняго дня, рынки закрыты. Масло, молоко, варенье—все въ консервахъ въ этомъ ничего не производящемъ городѣ.

Едва „Одесса“ стала на якорь, какъ къ ней подъѣхалъ секретарь русскаго консульства А. П. Пчельниковъ. Члены миссіи, вѣроятно, никогда не забудутъ этого милаго и предупредительнаго молодого человѣка, доставшаго пароходъ для перевозки багажа и вещей съ „Одессы“ на берегъ, устроившаго отель, позаботившагося о размѣщеніи людей. Пускай скажутъ—это его долгъ, но многіе ли выполняютъ такъ свой долгъ.

Часовъ до одинадцати перегружаемся. Команда размѣщена въ двухъ комнатахъ шестого этажа громаднаго „Eastern exchange“, англійскаго отеля. Комнаты свѣтлыя, чистыя. Люди расположились такъ: въ одной большой комнатѣ—два первыя звена и въ другой комнатѣ, поменьше—сводное звено. На полъ положены бурки, въ головахъ чемоданы и платье. Командный образъ виситъ въ углу. Комната фешенебельнаго англійскаго отеля обращена въ казачью казарму. Дежурный въ фуражкѣ и при финскомъ ножѣ слѣдитъ за порядкомъ.

Уборка комнатъ кончена. Люди строятся на верандѣ: часъ—пассивная гимнастика, часъ—отданіе чести, часъ—уставы и свѣдѣнія по географіи странъ, которыя проходимъ. Въ 12 часовъ обѣдъ. Послѣ обѣда прогулка за городъ на берегъ моря—конечно, вольной толпой, чтобы не возбуждать лишняго вниманія. Вечеромъ чтеніе про Абиссинію и курсы абиссинскаго языка; перекличка въ девять часовъ и молитва—день конченъ.

Суецкій каналъ. Портъ-Саидъ.

На перекличкѣ по обыкновенію опрашиваю людей, всѣмъ ли они довольны?—Мнутся. Что такое? Помѣщеніе не хорошо?

— „Отличное помѣщеніе!“ говоритъ Авиловъ.

— „Чего лучше!“ подтверждаетъ вахмистръ.

— „Электричество“, робко тянетъ Могутинъ.

— „Обѣдъ вамъ не нравится, что ли?“ спрашиваю я.

— „Такъ точно“, потупясь и стыдливо опуская глаза, говоритъ Духопельниковъ.

— „Что же вамъ даютъ? Мало что ли?“

— „Мало не мало, а ѣсть нечего“, замѣчаетъ Терешкинъ.

— „Мы бы сами-то лучше“, скромно говоритъ командный кашеваръ, трубачъ Алифановъ.

— „Какой же обѣдъ былъ у васъ сегодня?“

— „Да кто его знаетъ! Вареные огурцы, слизни какіе-то, а мяса почти не было“.

Заглянулъ въ меню. Дѣйствительно, соусы да фарши, а бефъ только одинъ, блюдъ много, а всего по малу.

— „Что дѣлать, говорю, братцы. Помни присягу, ѣшь, что даютъ!“

— „Мы что жъ! Мы ничего. Такъ только!“ послышались голоса. Я распустилъ команду и пошелъ къ себѣ.

„Терпѣть холодъ и голодъ, и всякія нужды солдатскія“ имѣетъ смыслъ тогда, когда избѣжать этого нельзя, но когда избѣгнуть можно, и очень легко можно, то всякое лишеніе уже становится подъ отвѣтственность начальника. Я пошелъ къ хозяину отеля и попросилъ удѣлить мнѣ уголокъ плиты, давать мнѣ на обѣдъ то, что я попрошу, и допустить на кухню двухъ казаковъ стряпать.

Съ большимъ сомнѣніемъ въ томъ, что изъ этого выйдетъ какой-нибудь толкъ, выслушалъ меня швейцарецъ, управляющій отелемъ, но согласился. Какъ обрадовались зато казаки, когда узнали, что на завтра у нихъ будутъ щи донскія и картофель съ саломъ.

30-го октября, четвергъ. Утромъ занимался гимнастикой,

потомъ двухъ отправилъ на стирку бѣлья, двухъ—на кухню готовить обѣдъ и пятнадцать человѣкъ—въ таможню на работы.

Многіе ящики, особенно съ инструментами и съѣстными припасами, закупленными въ Одессѣ, разбились, у другихъ оказались поврежденія. Купили доски и на берегу Суэцкаго канала подъ громаднымъ навѣсомъ французской компаніи устроили плотницкую мастерскую. Застучалъ русскій топоръ и работа закипѣла. Одни строятъ ящики, другіе забиваютъ менѣе поврежденные въ клѣтки, третьи надписываютъ, четвертые увязываютъ, я съ С. Э. С—мъ наблюдаемъ, осматриваемъ, надписываемъ.

По портъ-саидскимъ понятіямъ дьявольскій холодъ, по нашимъ хорошо—градусовъ 16 R. въ тѣни и 22°R. на солнцѣ. Работа кипитъ съ двухъ часовъ до восьми вечера непрерывно.

Въ восемь часовъ обѣдъ. У меня такая пробная порція на столѣ что я думаю, не съѣсть ли мнѣ ее всю и отказаться отъ чопорнаго скучнаго обѣда въ „Dining room'ѣ" отеля. Великолѣпныя щи смастерили Терешкинъ съ Алифановымъ, щи изъ свѣжей капусты съ помидорами и лукомъ. Это можетъ понять только тотъ, кто уѣхалъ давно изъ Россіи, кто пьетъ вареный чай съ перцемъ и ѣстъ, все поливая краснымъ стручковымъ перцемъ и соей.

Итальянскій консулъ спрашивалъ у нашего консула—правда ли, что бѣлые бородатые люди настоящіе казаки и, получивъ утвердительный отвѣтъ, выразилъ крайнее изумленіе, что еще не было скандаловъ, никого не зарѣзали и не ограбили. „Скандалы будутъ", сказалъ онъ съ увѣренностью. „Посмотримъ", подумалъ я.

31-го (12-го ноября) октября, пятница. Съ восьми часовъ утра до пяти часовъ дня вся команда на работѣ въ таможнѣ. Ящики для галетъ вслѣдствіе спѣшности пріемки ихъ въ Александріи оказались необшитыми парусиной, а главное не подписанными, гдѣ лежатъ галеты (для нижнихъ чиновъ) и гдѣ бисквиты—(для офицеровъ). Ихъ двадцать

большихъ ящиковъ. Каждый надо вскрыть, посмотрѣть, обшить холстомъ, обвязать веревкой и надписать. Но люди соскучились ничего не дѣлать на пароходѣ и работаютъ охотно и весело.

Кругомъ кипитъ портовая жизнь. То и дѣло подходятъ тяжело нагруженныя баржи. Нѣсколько арабовъ и негровъ, въ живописныхъ лохмотьяхъ, бѣгаютъ и суетятся, снося вещи на берегъ. Иной ящикъ величиной аршина четыре въ кубѣ и вѣсомъ до шестнадцати пудовъ. Нѣсколько человѣкъ его едва приподнимаютъ. И вотъ его взваливаютъ на спину несчастному носильщику, на грязную рогожную подстилку, онъ закидываетъ его поперекъ веревкой, обматываетъ веревку около лба, гдѣ у него тоже грязная подушечка, и тащитъ, согнувши сухія волосатыя ноги, эту тяжесть одинъ. Да еще посмѣивается.

Арабы на спорную и веселую работу конвоя смотрятъ съ удивленіемъ.

— „Московъ аскеръ—хорошъ!“ говорятъ они и смѣются, скаля свои бѣлые зубы.

Итальянскій консулъ съ опасеніемъ освѣдомляется каждый день у г. Пчельникова о казакахъ.

„Что они дѣлаютъ?“

„Сегодня и вчера работали въ таможнѣ. Чинили ящики, перекладывали грузы“.

— „И Царскіе подарки трогали?“ съ ужасомъ спрашиваетъ консулъ.

— „Да“.

— „И вы это сами видѣли?!“

— „Ну да“.

— „При васъ это было?“

— „Да, при мнѣ“.

Консулъ волнуется и кипятится.

— „Ну вотъ, сейчасъ видно, что вы молодой человѣкъ, неопытный, да развѣ можно это позволить — растащутъ!..“

За столомъ за табль-д'отомъ я сижу противъ итальянскаго

консула: онъ сердито ѣстъ, чавкая толстыми губами. „Бѣдный, бѣдный!“ думаю я... .

1-го ноября, суббота. Ночью лилъ проливной дождь, и утромъ еще немного моросить. Это въ Портъ-Саидѣ рѣдкость. Послѣ утреннихъ занятій водилъ людей на прогулку по берегу моря. Собирали раковины, смотрѣли крабовъ. Назадъ вдали отъ города по берегу моря прошли съ пѣснями. Вечеромъ офицеры и врачи, не уѣхавшіе въ Каиръ, собирались въ циркъ. По темнымъ улицамъ пробрались къ палаткѣ, собранной изъ грубаго холста. Народа не видно, музыки не слышно. Французъ, содержатель цирка, объявилъ, что сегодня по случаю холода представленія въ циркѣ нѣтъ. Холода!—когда мнѣ безъ пальто въ одномъ сюртукѣ было слишкомъ тепло.

— „Что же у васъ есть интереснаго?“ спросили мы у содержателя цирка.

— „О! есть вещи, достойныя вниманія: слонъ, два русскихъ, оселъ, обезьяна, японецъ“. .

— „Что же они дѣлаютъ у васъ, эти русскіе?“ .

— „О, они умѣютъ прыгать, кувыркаться—они очень интересны“. . . .

Итакъ, на завтра намъ предстояло удовольствіе увидѣть двухъ русскихъ, которые умѣютъ прыгать, кувыркаться наряду съ слономъ и ослами. Пріятная перспектива для русскаго! . . .

Возвращаясь изъ цирка въ отель, мы услышали въ маленькой гостинницѣ чудную игру на скрипкѣ съ аккомпаниментомъ арфы. Заглянули въ окно. Небольшая передняя отеля установлена столиками, два english boy'я валяются на соломенныхъ кушеткахъ, куря папиросы и заигрывая съ бѣлокурой miss, сейчасъ съ картинки на конфектной коробкѣ. Въ самомъ углу скромно пріютились два мальчика итальянца. Старшій, лѣтъ 14-ти, игралъ на скрипкѣ, младшій, лѣтъ семи, блѣдный и худой, очевидно, больной, аккомпанировалъ, полулежа въ креслѣ, на арфѣ. Соблазнъ послушать европейскую музыку въ Портъ-Саидѣ въ чудную

лунную ночь, въ заснувшемъ городкѣ, играющемъ роль всесвѣтной почтовой станціи, былъ слишкомъ великъ—мы зашли.

Музыканты оживились. И среди ночной тишины въ пустынномъ кафе раздались чудные звуки серенады Брага. Сколько воспоминаній пробудили они! Они перенесли насъ на минуту въ Петербургъ, на родину, въ Россію...

Вернувшись, я прошелъ въ команду. Люди спали на кошмахъ и на буркахъ. Дежурный сидѣлъ въ углу и при свѣтѣ лампы читалъ книгу. Казарма и въ Портъ-Саидѣ была казармой, со всѣми ея аксесуарами...

2-го (14-го) ноября, воскресенье. Вчера вечеромъ, по случаю субботы, я читалъ подрядъ въ помѣщеніи команды молитвы, псалмы и пѣснопѣнія, положенные для субботней вечерни. Эти молитвы, размѣренное пѣніе „Господи помилуй“ въ помѣщеніи шестаго этажа, залитомъ вечернимъ солнцемъ, были оригинальны, и умилительны для простыхъ казачьихъ сердецъ. Сегодня мы собирались пройти въ одну изъ церквей прослушать обѣдню. Въ десять часовъ утра команда въ ярко начищенныхъ сапогахъ, въ желтыхъ курткахъ, новыхъ шараварахъ и свѣже вымытыхъ бѣлыхъ чехлахъ на фуражкахъ построилась въ своемъ помѣщеніи.

Пошли въ греческую церковь. Губастый черноволосый монахъ объявилъ, что обѣдня уже окончена; осмотрѣли маленькую церковь съ грубо рѣзаннымъ иконостасомъ и пошли дальше. Толкнулись къ коптамъ—тотъ же отвѣтъ—обѣдня окончена. Тогда я повелъ въ англиканскую церковь. Въ маленькой и чистой, изящно обставленной церкви народу было немного. Капеланъ усадилъ казаковъ рядомъ съ матросами англійскаго военнаго судна и казаки стали внимательно вслушиваться въ чуждое для нихъ богослуженіе. За органомъ играла и пѣла молодая дѣвица, хоръ матросовъ ей акомпанировалъ. Гимнъ дрожалъ подъ сводами голубого купола и плавной мелодіей разливался по храму.

„Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!“ На всѣхъ язы-

кахъ разносится хвала Ему... Казаки вставали и садились на свои стулья, сообразно съ тѣмъ, какъ то дѣлали англичане. Ни разговора, ни шопота, полное уваженіе къ чужой религіи.

Служба кончилась. Пошли изъ храма.

— „Ну что", спрашиваю, „понравилась вамъ служба у англичанъ?"

— «Очень понравилась», раздались отвѣты «умилительно такъ эта дѣвушка пѣла, просто за душу хватала, такъ пѣла», говоритъ Терешкинъ, поэтъ въ душѣ.

— «Хорошо! Особенно хорошо, ваше высокоблагородіе, то, что у каждаго книжка въ рукахъ, значитъ съ сознаніемъ службу слушаетъ—очень это полезно», замѣчаетъ грамотѣй Любовинъ.

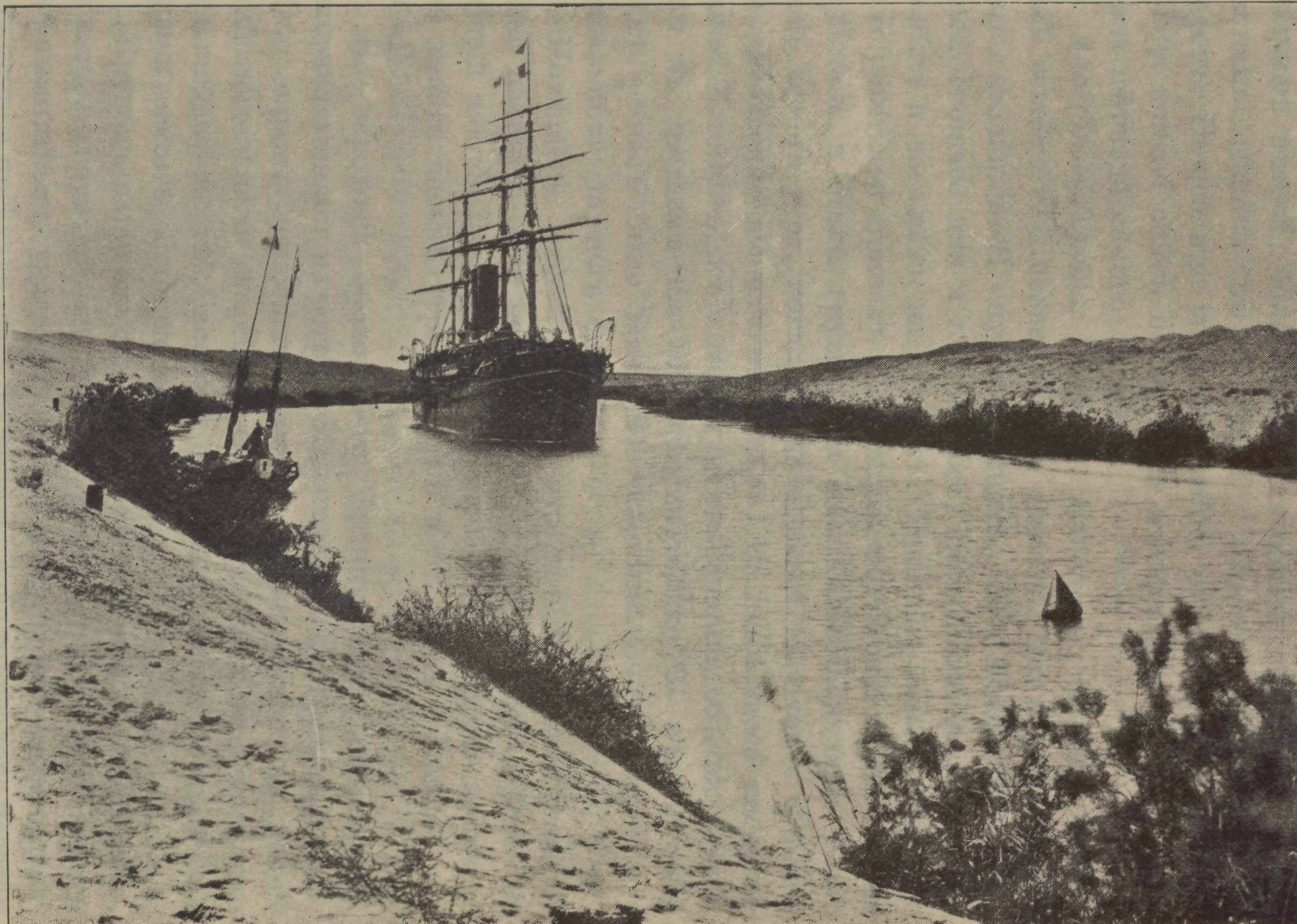
Возвращаемся всѣ въ праздничномъ настроеніи. Оно хотя, конечно, и не у настоящей обѣдни были, а все-таки и пѣніе хорошее слыхали, и мысли думали церковныя, воскресныя, значитъ похоже на Россію, а теперь все, что похоже на Россію, такъ дорого намъ...

Въ «Easterne exchange» — новость — итальянскій и австрійскій консулъ выразили желаніе поближе познакомиться съ казаками. Послѣ завтрака въ отелѣ на верандѣ верхняго этажа пѣніе и пляска. Пановъ, Изваринъ, Полукаровъ и особенно Любовинъ превзошли сами себя, хоръ старался изо всей мочи—это былъ настоящій концертъ. Итальянецъ восхищался пѣніемъ, австріецъ пляской. Въ концѣ и того и другого по русскому обычаю качали.

— „Что-жъ, ваше высокоблагородіе, понравилось имъ?" спрашивали меня съ живѣйшимъ интересомъ казаки.

Имъ такъ хотѣлось произвести хорошее, доброе и лихое впечатлѣніе на иностранцевъ, прославить имя русское, казачье, на берегахъ средиземнаго моря.

3-го (15-го) ноября, понедѣльникъ. Съ семи часовъ вечера ожидаемъ парохода французскаго общества «Messageries maritimes» — «Pei-ho». Всѣ вещи упакованы и сложены на ручныя телѣжки подлѣ отеля. Подлѣ ящика съ деньгами

По Суецкому каналу.

стоитъ часовой, двое бродятъ около имущества, теплая лунная ночь царитъ надъ Портъ-Саидомъ. Съ моря дуетъ сильный вѣтеръ, большія желтыя волны, покрытыя на вершинахъ пѣной, съ глухимъ рокотомъ несутся на берегъ. Ночью, при лунномъ, свѣтѣ онѣ особенно грозны. Люди конвоя спятъ на буркахъ въ пустомъ номерѣ. Парохода нѣтъ до самого утра.

4-го (16-го) ноября, вторникъ. Въ шесть часовъ утра ко мнѣ зашелъ г. Пчельниковъ и сказалъ, что пароходъ входитъ въ портъ. Я спустился внизъ. При блѣдномъ свѣтѣ наступающаго дня я нашелъ все, какъ было: нагруженныя телѣги и часовыхъ на буркахъ. Пришелъ кавасъ русскаго консульства и привелъ носильщиковъ. Вещи перевезли на пристань и стали грузить на маленькій пароходъ. Было семь часовъ утра, когда 10,000-тонный пароходъ «Pei-ho» величественно вошелъ въ каналъ. На немъ масса пассажировъ. Капитанъ, къ которому я отправился, объявилъ мнѣ, что въ третьемъ классѣ имѣется только 21 мѣсто, тогда какъ у насъ было всего 24 человѣка, считая прислугу начальника; пошелъ смотрѣть.

Помѣщеніе людей сносно: это двѣ маленькія каюты, одна на пять, одна на восемь мѣстъ и восемь мѣстъ въ общей каютѣ. Размѣститься можно. Люди будутъ получать въ девять часовъ утра завтракъ и въ пять часовъ дня обѣдъ.

На пароходѣ около 15-ти французскихъ офицеровъ, направляющихся на островъ Мадагаскаръ. Они всѣ въ формѣ. Для охраны денежнаго ящика, помѣщеннаго въ каютѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Власова, временно выставленъ постъ. Часовому внушено отдавать честь всѣмъ французскимъ офицерамъ.

Кругомъ парохода суматоха, бездна лодокъ, пароходовъ, баржъ, нагруженныхъ углемъ, лодокъ, перегруженныхъ черными, какъ уголь людьми. Наши друзья — музыканты-итальянцы пріѣхали насъ проводить. Арія торреадора несется изъ колеблемой волнами лодки — «Addio!»

Въ $11^1/_2$ часовъ сняли канаты и около 12-ти медленно потянулись по каналу. Вскорѣ пустыня залегла по азіатскому берегу. Безконечные пески, ровные, какъ доска, безъ признака растительности, скучные и томительные.

По африканскому берегу показались мелкія озера, громадная стая пеликановъ бѣлѣла на одномъ изъ нихъ.

Пароходъ медленно движется. Вправо безконечная пустыня, влѣво тѣ же пески, мѣстами покрытые мелкой зеленой травкой.

Въ два часа ночи вошли въ Суэцъ. При свѣтѣ электрическихъ фонарей погрузили палатки и ящики съ винами, идущіе изъ Бомбея. Какъ только кончилась нагрузка, тронулись дальше.

5-го (17-го) ноября, среда. Мы въ Суэцкомъ заливѣ. Погода довольно холодная, градусовъ 12 R. тепла не больше. О тропическихъ костюмахъ и думать нечего, не пришлось бы одѣвать пальто. Время на пароходѣ проходитъ въ ѣдѣ. Отъ 6—9 ч.—утренній чай, кофе, или шоколадъ, отъ 9—11—завтракъ, блюдъ изъ четырехъ, въ 1 часъ—lunch, блюдъ изъ четырехъ же, въ $6^1/_2$—обѣдъ изъ восьми блюдъ и въ 9—чай. Несмотря на свѣжую погоду, всѣ на палубѣ. Да и какъ не любоваться на причудливыя очертанія береговъ. Розовато желтыя горы вздымаются ломаной линіей на горизонтѣ. То и дѣло торчатъ остроконечныя ихъ вершины, утопая въ прозрачномъ лиловомъ воздухѣ. Вонъ, доминируя надъ длинною цѣпью высокихъ горъ, высится гора Синай. Она совсѣмъ затянута синевой дали и вторымъ планомъ декораціи рисуется на небѣ. Дика и своеобразна картина первозданной страны. На этихъ голыхъ утесахъ, среди высокихъ, песчаныхъ скалъ, одиноко вздымающихъ къ небу вершины свои, въ ровномъ песчаномъ подъемѣ пусыни безъ признака растительности, на многія версты зародился Богъ мстительный, Богъ евреевъ—Саваофъ. Здѣсь разверзлось Красное море передъ толпой евреевъ, здѣсь въ голубой глубинѣ его поглощены таинственными волнами колесницы египетскія. Страна фантазіи, страна

волшебныхъ замысловъ! Развѣ не позади этихъ странныхъ горъ, залитыхъ розовыми лучами полуденнаго солнца, стоятъ роскошные сады и цвѣтутъ невиданные цвѣты; развѣ не здѣсь въ роскошныхъ дворцахъ томятся черноокія красавицы—награда отважному мореплавателю; не на Красномъ развѣ морѣ арена дѣйствія арабскихъ сказокъ?

Горы уходятъ дальше и дальше—ниже спускается солнце. Азіятскій берегъ подернулся дымкой. Тѣнь закрыла его. Исчезъ рельефъ горъ и скалъ, осталась плоская декорація синеватыхъ зубцовъ. Африканскій берегъ еще освѣщенъ. Розовый закатъ задернулъ полъ неба, тамъ выше онъ побѣлѣлъ, перелился перламутромъ, посинѣлъ и темнѣе, выше и выше слился съ чернотой аравійскихъ горъ. Ниже спустилось солнце. Уже только одинъ край его видѣнъ за горами, пропалъ рельефъ высокихъ горъ, еще минута и на розоватомъ небѣ еле рисуются ихъ сѣрые зубцы. Быстро темнѣетъ. Сумерекъ почти нѣтъ. Не прошло и получаса, какъ зажглись уже таинственныя звѣзды юга, загорѣлись тысячью мелкихъ огоньковъ въ чернотѣ неба и разлили свой кроткій свѣтъ по морской зыби. Берега исчезли—море и небо; небо, сверкающее чужими звѣздами, море таинственное, свѣтящееся мелкими искорками фосфоресцирующихъ животныхъ...

Начинается легкая качка.

На бакѣ слышу веселое пѣніе. Подхожу ближе. Толпа казаковъ, матросовъ, вольныхъ третье-классныхъ пассажировъ, негровъ—занзибарцевъ въ ихъ красныхъ плащахъ-одѣялахъ тѣсно обступила поющихъ и танцующихъ матросовъ. Это все молодой и веселый народъ—бретонцы по происхожденію. Босые, въ фуражкахъ, своихъ и нашихъ казаковъ, они съ увлеченіемъ отплясывали матросскій танецъ—среднее между кадрилью, полькой и канканомъ. Танцовало четыре пары. Одинъ затягивалъ куплетъ про какую-то Віолетту, другіе хриплыми, усталыми, запыхавшимися голосами подхватывали и всѣ кружились.

— «Интересно, ваше высокоблагородіе», говоритъ тутъ же стоящій вахмистръ, давая мнѣ дорогу.

— „Что же, подружились вы съ ними?“ спрашиваю я.

— „Такъ точно. Только чудной народъ, ваше высокоблагородіе. Подойдетъ онъ къ тебѣ, кивнетъ головой и засмѣется, ну и самъ кивнешь головой и тоже смѣешься. Рюсъ-франсе, говоритъ, и пожимаетъ руку. И хочется съ нимъ объясниться и нельзя, потому онъ ничего по нашему, а мы по ихнему не разумѣемъ. Давѣ взялъ гармонику и „Боже, Царя храни“ сыгралъ—мы имъ „Марсельезу“ пропѣли, всѣ въ ладошки такъ и захлопали: здо̀рово обрадовались они. Все къ нашимъ пристаютъ—сыграйте, дескать на гармоникѣ, только больше имъ протяжныя пѣсни нравятся.

Увидѣвъ, что я разговариваю съ казакомъ, толпа дала мнѣ мѣсто и веселый молодой матросъ, весело подмигнулъ мнѣ и сказалъ—„russe bon...“

Такъ на бакѣ происходило франко-русское сліяніе на почвѣ музыки и пѣнія и въ то же время на ютѣ въ каютъ-компаніи при посредствѣ женщины, офицеры дружественныхъ націй знакомились между собой.

Съ офицерами ѣхала жена одного капитана, служащаго на Мадагаскарѣ, молодая еще женщина въ изящномъ костюмѣ парижанки. Вечеромъ Г. В. К—ій подошелъ къ піанино и заигралъ. Французская военная дама оказалась пѣвицей. Сейчасъ одинъ изъ офицеровъ представился К—му и представилъ его пѣвицѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ перезнакомились и въ каютъ-компаніи раздались звуки французскихъ романсовъ.

6-го (18-го) ноября, четвергъ. Что за скучная, надоѣдливая исторія—качка. Неужели она продолжится всѣ пять дней нашего перехода, неужели нельзя къ ней привыкнуть, неужели еще пять дней будетъ эта томительная головная боль, эта пустота желудка, отсутствіе апетита, воли, полная апатія!?.

Въ конвоѣ трое больныхъ.

Я лежу въ душной каютѣ и тяжелыя мысли идутъ въ голову. Смотрю газеты изъ Россіи и, какъ на зло, наты-

каюсь на всякія непріятности. „Новое Время“, по поводу гибели Гангута, ополчается на современный типъ судовъ изъ желѣза и находитъ его небезопаснымъ для плаванія, а нашъ „Pei-ho“ весь изъ желѣза... Чортъ возьми, скучно. Вагнеръ убилъ ни въ чемъ неповинную жену, и судъ смакуетъ по обыкновенію интимныя подробности дѣла. На сушѣ—это все пустяки, но на морѣ, да особенно въ качку, это порождаетъ черныя тягостныя мысли...

Выйдешь на палубу. Кругомъ море и небо. Небо свѣтло-синее, прозрачное, море, покрытое грядами волнъ; по большимъ синимъ волнамъ разсыпаны маленькія волнышки, онѣ налетаютъ на бортъ, ударяются объ него, шумятъ и разсыпаются въ тысячу брызгъ. Скучная, однообразная картина.

Вчера французы угощали насъ шампанскимъ, сегодня вечеромъ мы зовемъ ихъ къ себѣ. Позднѣе на ютѣ, на палубѣ, подъ тентомъ, подъ ласкающимъ дыханіемъ пассата, слышно пѣніе „Si tu m'aimais“, звучитъ надъ волнами Краснаго моря извѣстный романсъ, слышны мягкіе аккорды—и воспоминанія далекой родины толпятся въ мозгу.

Тепло. Половина конвоя ночуетъ на палубѣ. Тропики даютъ себя чувствовать, не даромъ сегодня въ полдень мы были подъ 24° 13′ сѣверной широты и 34°00′ восточной долготы (отъ Парижа).

7-го (19-го) ноября, пятница. Сегодня всѣ съ утра облачились въ фланелевые костюмы и пробковыя каски. Термометръ показываетъ 25° R. въ тѣни. Море, покачавшее было насъ третьяго дня, успокаивается. Большія волны улеглись, осталась только одна мелкая безвредная зыбь. Въ полдень мы прошли 19°46′ сѣверной широты и 36°44 восточной долготы. Каждый день приходится переводить часы—мы быстро подаемся на востокъ. Днемъ всѣ на палубѣ. Тепло, какъ въ самый жаркій день у насъ въ Петербургѣ. Хорошая погода заставляетъ общество немного скучать, приходятъ въ голову неожиданныя остроты, французы придумываютъ развлеченія.

— „Вы будете представляться?“ спрашиваютъ офицеры у нашего секретаря А. А. О—ва; рѣчь идетъ о знакомствѣ съ французскими офицерами.

— „Зачѣмъ же мнѣ представляться, я могу и натуральнымъ быть“—слѣдуетъ быстрый отвѣтъ. Французскіе офицеры придумываютъ устроить на ютѣ „une soirée de bienfaisance“. Къ намъ является депутація съ просьбой пожертвовать какую либо вещь для лотереи-томбола въ пользу сиротъ французскихъ моряковъ; въ пользу ихъ вдовъ устраивается концертъ. Жена мадагаскарскаго офицера подъ акомпаниментъ К—аго исполнитъ нѣсколько романсовъ, одна французская и одна англійская дамы съиграютъ на піанино, Л. К. А—въ споетъ романсъ Чайковскаго: „Но то былъ сонъ“; одинъ французскій офицеръ продекламируетъ стихи на несчастную belle-mère, кандидатъ на классную должность К—овъ, пропоетъ подъ гитару русскую пѣсню, японецъ продекламируетъ японское стихотвореніе,—словомъ, вечеръ ничѣмъ не хуже, чѣмъ тѣ благотворительные вечера, которыми порой развлекаетесь и вы, глубокоуважаемые читатели.

Надо отдать справедливость французамъ: они умѣютъ веселиться. Въ 8 часовъ вечера ютъ былъ неузнаваемъ. Электрическія лампы освѣщали чисто вытертый полъ, корабельные цвѣтные сигнальные фонари горѣли по борту. Подъ тентомъ висѣли цвѣтные флаги, красиво подобранные. Все общество, дамы въ бальныхъ туалетахъ, мужчины въ темномъ, собрались наверху. Концертъ прошелъ блестяще. Порою можно было бы и позабыть, что нѣжный голосъ французской пѣвицы звучитъ подъ тентомъ парохода, чуть видной точкой затерявшагося въ Красномъ морѣ. Концертъ конченъ. Веселый, черноусый французъ, острякъ. приступаетъ къ лотереѣ. Большинство отказывается отъ выигранныхъ вещей и изъ нихъ устраиваютъ аукціонъ.

— „Une machine à coudre!“ восклицаетъ аукціонеръ, потрясая надъ головой, акуратно завернутымъ и завязан-

нымъ шелковой ленточкой, ящикомъ. Цѣна быстро растетъ и доходитъ до 20-ти франковъ.

— „Une machine à coudre pour vingt francs, c'est très bon marché“, говоритъ аукціонеръ, „personne ne donne plus, un, deux, personne ne renonce, personne ne veut pas, c'est fait, trois! adjugée!...“

Купившій „machine à coudre“ за 20 франковъ развязываетъ ленточку и находитъ подъ бумагой деревянный ящикъ изъ подъ сигаръ и въ немъ иголку съ ниткой. Общій смѣхъ. И развѣ не хорошо придумано? Чѣмъ иголка съ ниткой не швейная машина...

Лотерея и шапочный сборъ даютъ тѣмъ не менѣе вдовамъ и сиротамъ французскихъ моряковъ 1,010 франковъ.

Концертъ конченъ. К—ій играетъ вальсъ. Хорошенькая англичанка кружится по скользкому полу съ французскимъ офицеромъ, кругомъ сидятъ дамы и кавалеры, балъ въ полномъ разгарѣ.

Подойдешь къ борту, подъ ногами черная бездна. Маленькими пятнами разбѣгается бѣлая пѣна изъ подъ парохода, изрѣдка въ темныхъ волнахъ сверкнетъ маленькая искорка, еще и еще... Такъ точно ночью, зимой изъ подъ желѣзнаго полоза быстро несущихся саней вылетитъ порой искорка, и горитъ одну секунду. Тутъ покажется яркое пятнышко и исчезнетъ, за нимъ другое, третье— это фосфоресценція моря, таинственныя, мелкія существа, свѣтящія во мракѣ.

Ночь не несетъ съ собой прохлады. Тѣло выдѣляетъ массу испареній. Бѣлье намокаетъ и липнетъ къ нему. Дышать нечѣмъ. Идешь въ ванну, но и ванна не приноситъ облегченія. Погружаешься въ густой полутеплый растворъ соли, будто масломъ обдающій, свѣжести никакой—одно тепло. Идешь и ложишься въ каютѣ, илюминаторъ открытъ, теплый пассатъ едва освѣжаетъ. Тѣло измучено этой жарой, разварено, мысль не работаетъ, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Наконецъ, забываешься, чтобы подъ

утро проснуться мокрымъ отъ пота и сразу почувствовать, что жара не убавилась, а прибавилась.

8-го (20-го) ноября, суббота. Небо совершенно бѣлое отъ водныхъ испареній, мелкая зыбь покрываетъ волны. И кругомъ это небо, кругомъ эти волны. Пароходъ, громадный „Pei-ho“ тонетъ въ этомъ водномъ просторѣ, исчезаетъ среди безконечной глади безпредѣльнаго моря. Это крошечный кусокъ желѣза и дерева, на которомъ, какъ инфузоріи въ каплѣ воды, копошатся люди. Здѣсь и русскіе, и французы, англичане и американцы, испанскій патеръ и компанія занзибарскихъ негровъ—это интернаціональный городъ, плывущій въ безпредѣльномъ просторѣ громаднаго моря... Мы проходимъ 15°23′ сѣверной широты и 39°28′ восточной долготы. Море становится болѣе разнообразнымъ. Вдали на горизонтѣ появляются туманныя очертанія острововъ и скалъ. Отвѣсными, блѣдножелтыми стѣнами вздымаются они вверхъ, принимаютъ самыя разнообразныя, самыя причудливыя формы. Иной, будто громадный столъ вздымается кверху, другой вытянутъ въ длину болѣе чѣмъ въ ширину, третій—совершенно узкій; вершина одного образуетъ ровное плато, у другого всхолмлена и изрыта, третій имѣетъ остроконечный пикъ. Несомнѣнно, это вершины горнаго кряжа, тянущагося подъ водой. Подлѣ нихъ разбивается бѣлымъ поясомъ прибой. Пароходъ проходитъ недалеко отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тотъ же голый песокъ, никакой растительности, никакого движенія—мертвые острова. Словно безмолвные стражи пустыннаго моря то появляются, то исчезаютъ они на безпредѣльной синевѣ водъ. Испаренія пропитываютъ воздухъ и дали чуть покрыты молочной дымкой. Но это не туманъ далекаго сѣвера, густой и плотный—это нѣчто прозрачное, неуловимое, нѣжное, какъ все въ этомъ климатѣ, полномъ контрастовъ.

Между офицерами нашей миссіи и французскими ѣдущими на Мадагаскаръ, начинается настоящая дружба. На палубѣ всѣ перемѣшались, говорятъ другъ другу самые отборные комплименты. Ихъ удивляетъ, что всѣ наши говорятъ по

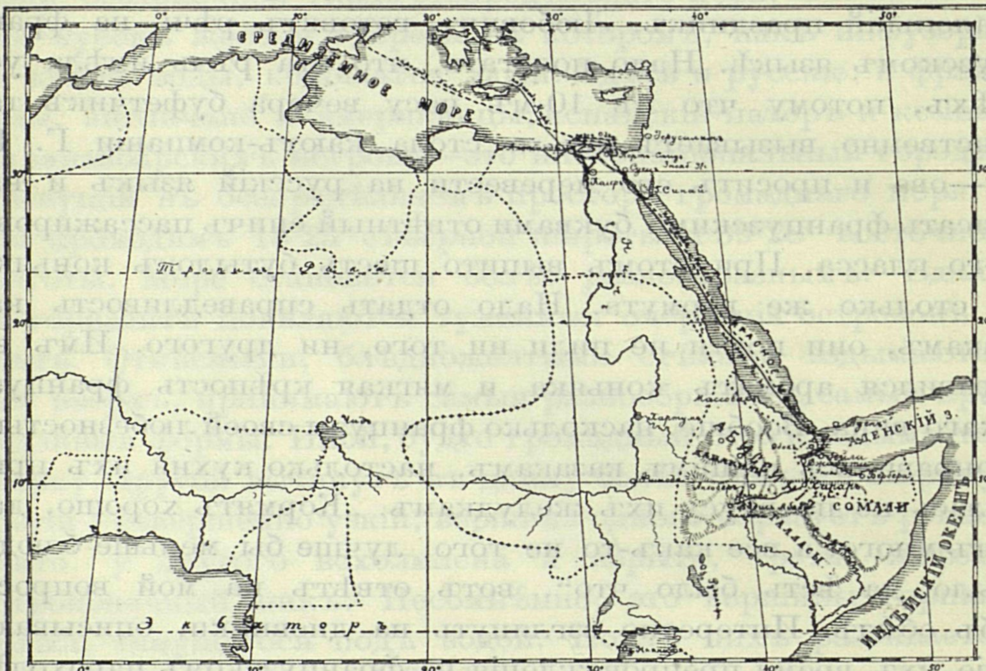
французски. Вечеромъ пьемъ шампанское за ихъ здоровье, желаемъ взаимно счастливаго пути.

На бакѣ сцены происходятъ тоже самыя мирныя и дружественныя. Депутація матросовъ и пассажировъ является ко мнѣ съ просьбой разрѣшить угостить нашихъ казаковъ, распить съ ними бутылочку вина. Съ разрѣшенія начальника миссіи позволено устроить въ каютѣ маленькій праздникъ. Любовинъ готовитъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Надо полагать, что эта рѣчь имѣла успѣхъ, потому что въ 10-мъ часу вечера буфетчикъ таинственно вызываетъ изъ-за стола каютъ-компаніи Г. Г. Ч—ова и проситъ его перевести на русскій языкъ и написать французскими буквами отвѣтный спичъ пассажировъ 3-го класса. При этомъ выпито шесть бутылокъ коньяку и столько же вермута. Надо отдать справедливость казакамъ, они почти не пили ни того, ни другого. Имъ не нравился ароматъ коньяка и мягкая крѣпость французскаго вина. Вообще, насколько французы своей любезностью понравились нашимъ казакамъ, настолько кухня ихъ пришлась не по вкусу ихъ желудкамъ. „Кормятъ хорошо, даютъ много, а все какъ-то не того, лучше бы меньше блюдъ было, да ѣсть было что“, вотъ отвѣтъ на мой вопросъ объ обѣдѣ. Интересно взглянуть на дневники, описывающіе ихъ время препровожденія на французскомъ пароходѣ.

...„Въ 9 часовъ утра насъ пригласили къ завтраку и, къ удивленію нашему“, пишетъ артиллеристъ 6-й батареи Щедровъ, „намъ подали устрицъ (мулекъ), недавно вынутыхъ изъ воды, но не менѣе удивились и французы, когда обратно убрали цѣлыми, мы ихъ не только, чтобы ѣсть, но даже съ отвращеніимъ на нихъ смотрѣли. Могу сказать, что французы съ нами обходились очень хорошо, мы съ ними тоже. Они намъ показывали свои танцы и вообще относились любезно, но одно мѣшало то, что ни они, ни мы не могли объясняться на какомъ-либо изъ двухъ языковъ, но постепенно мы научали нѣкоторыя фразы, какъ-то: поздороваться, пригласить къ табаку, назвать нѣкото-

ѳые предметы, за что они оставались довольны и часто пожимали намъ руки, особенно когда скажешь: „ле франце э ле русъ сонъ де комара, т. е., французъ и русскій товарищи...“

(9-го 21-го) ноября, воскресенье. Ночью прошли Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. Въ темнотѣ видны были огни

На пароходѣ и караваномъ на верблюдахъ и мулахъ.

маяковъ, разставленныхъ въ этомъ самомъ опасномъ мѣстѣ Краснаго моря. Ночь была душная. Большинство спало въ креслахъ на палубѣ. Сильный вѣтеръ развелъ толчею въ проливѣ и пароходъ покачивало. Утромъ мы входили въ Таджурскій заливъ. Море было синее, слегка взволнованное, мѣстами съ чуть зеленоватымъ отливомъ. На горизонтѣ видна полоса песчанаго берега, дальше громоздятся такія же пустынныя, унылыя, невысокія горы. Нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ невысокими куполами вздымаются кверху, между ними лежитъ невысокій кряжъ.

Мы подходимъ къ Джибути. Послѣднія прощанія съ французами. На ютѣ французскій поручикъ снимаетъ франко-русскую группу. Въ серединѣ, рядомъ съ супругой начальника миссіи г-жей Власовой—французскій полковникъ, а съ полковникомъ А—мъ—г-жа де-Кудрэ (пѣвица), дальше наши офицеры въ перемежку съ французскими.

Вчера рѣчь французовъ произвела только половинное впечатлѣніе на нашихъ казаковъ.

— „Чувствуемъ", докладывалъ мнѣ сегодня старшій, „что говорятъ по нашему, а что говорятъ, не поймемъ никакъ".

Надо полагать, тоже впечатлѣніе вынесли и французы отъ рѣчи Любовина.

Въ 10 часовъ утра пароходъ подошелъ къ Джибути.

На нѣсколькихъ лодкахъ къ нему подъѣхали около 50-ти сомалійскихъ мальчишекъ отъ 7-ми—18-ти лѣтъ. Одѣтые... нѣтъ, это будетъ смѣло сказать, повязанные небольшими платками кругомъ бедеръ, темно-шоколаднаго цвѣта, то съ курчавыми волосами на черепѣ, то гладко выбритые, они кинулись съ лодокъ въ воду, цѣлой стаей черныхъ головъ окружили „Pei-ho", громко крича: „à la mer! à la mer".—„О-хо! о-хо!"

Стонъ стоялъ отъ этихъ пронзительныхъ криковъ. Черныя головы улыбались, обнаруживая ряды сплошныхъ бѣлыхъ зубовъ, глаза съ чуть коричневатымъ зрачкомъ лукаво подмигивали, въ прозрачной зеленой водѣ видны были ихъ темныя руки и ноги, дѣлавшія лягушечьи движенія, а они все кричали: „à la mer, un sous, deux sous, trois sous, à la mer, о-хо! о-хо!"

Кто нибудь изъ пассажировъ кинетъ съ борта мѣдную монету и десятокъ черныхъ тѣлъ исчезнетъ подъ водой. Только видны бѣлыя пятки. Пройдетъ нѣсколько секундъ и они снова появятся на поверхности воды. Кто нибудь уже поймалъ монету, показалъ ее, прячетъ въ ротъ и снова кричитъ: „à la mer," „à la mer"...

Больше часа держатся они на поверхности воды, то

ныряя, то снова всплывая на поверхность моря. Иные, цѣпляясь за веревки, карабкаются по отвѣсному борту парохода, взбѣгаютъ на палубу, бѣгаютъ между пассажирами, сопровождаемые шлепками матросовъ, и предлагаютъ кинуться за монетой съ высоты пароходнаго тента.

На первый взглядъ они отвратительны своимъ темнымъ цвѣтомъ, своей наготой. Особенно ужасны тѣ, у которыхъ черепа гладко выбриты, или покрыты желтовато-бурыми выгорѣлыми волосами. Но присмотришься къ худощавымъ, довольно стройнымъ тѣламъ сомалей и начинаешь примиряться. Тѣ, которые хотя какъ нибудь одѣты, даже недурны. Вотъ мальчикъ сомаль Фара̀, бывшій слуга одного изъ членовъ экспедиціи „Краснаго Креста", одѣтый въ бѣлые штаны, бѣлую рубашку и лиловую безрукавку. Его ласковые глаза, почти женскій пріятный голосъ, французскій съ акцентомъ говоръ—даже интересны. Чистая бѣлая одежда смягчаетъ отвращеніе передъ черным тѣломъ: въ своемъ родѣ—онъ недуренъ.

Къ пароходу подошли лодки. Начинается погрузка багажа. Еще часъ, два и морское путешествіе кончено. Можно подвести итоги этому 2-хъ недѣльному пребыванію на водѣ. Кромѣ двухъ, трехъ казаковъ низовыхъ станицъ, дома занимавшихся рыбачествомъ, море не оставило по себѣ пріятнаго воспоминанія. Всѣ рвались скорѣе покинуть бортъ парохода, безпредѣльную синеву океана и ступить на почву, хотя и унылой, но родной стихіи...

VII.

Джибути.

Джибути. Встрѣча миссіи французами. Сомали. Отсутствіе муловъ. Переходъ въ лагерь у Амбули. Французскіе колонисты. Ѣзда на верблюдахъ. Сомали-носильщики. Визитъ Manigot. Зоологическія экскурсіи. Ремонтеры-арабы.

Джибути находится подъ 43°10′ восточной долготы и подъ 11°35′ сѣверной широты, у начала Таджурскаго залива. Схваченная съ двухъ сторонъ каменными молами, бухта залива доступна баржамъ лишь въ часы прилива, поэтому судамъ приходится останавливаться верстахъ въ полутора отъ берега въ самомъ Таджурскомъ заливѣ. Выгрузка производится при помощи большихъ желѣзныхъ понтоновъ, находящихся въ распоряженіи французской компаніи „Messageries maritimes", а также мѣстныхъ парусныхъ лодокъ, довольно примитивной постройки. Понтоны приняли нашъ крупный трюмовой багажъ и отвезли его къ дальнему молу, гдѣ находятся склады компаніи и гдѣ воздвигается портъ Марабу. Ручной багажъ и мы сами высадились на маломъ молѣ, у самого Джибути.

На молѣ миссія была встрѣчена французской стражей, сенегальцами въ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ и такихъ же панталонахъ, маленькихъ фуражкахъ изъ холста, безъ козырька и съ желтыми околышами. Этотъ своеобразный конвой, вооруженный ружьями, оказался весьма небезполезнымъ въ виду того, что прибытіе парохода заставило выдти все черное населеніе города на пристань. Съ несмолкаемымъ крикомъ, на сомалійскомъ и арабскомъ языкахъ, эта полуобнаженная толпа обступила пассажировъ съ предложеніями

своихъ услугъ. Они болтали по французски и вызывались отнести наши ящики, достать намъ лодки и пр. Ихъ черныя кудлатыя головы не были ничѣмъ прикрыты, тѣло до пояса у большинства обнажено, у другихъ же мотались длинныя пестрыя тряпки, Встрѣтившія насъ французскія власти провели въ каменный сарай съ отверстіями, затянутыми цыновками, или прямо забитыми переплетомъ изъ драни. Въ сараѣ былъ поставленъ столъ, покрытый алымъ сукномъ и надъ дверьми висѣла вывѣска съ надписью „Gouvernement du protectorat“. Городъ, если только можно назвать этимъ европейскимъ именемъ двѣ песчаныя улицы съ площадью, всего домовъ въ двѣнадцать, былъ убранъ французскими флагами, а надъ „Hôtel des Arcades“, долженствовавшимъ открыть передъ нами гостепріимныя двери, висѣлъ даже русскій флагъ и краснорѣчивая надпись черными буквами по бѣлому холсту: „Vive la Russie“ и „Vive la France“. Этимъ собственно и выразились симпатіи дружественной намъ націи.

Въ „Hôtel des Arcades“ для начальника миссіи, офицеровъ и врачей были отведены комнаты во второмъ этажѣ, конвой помѣстился на галлереѣ внизу, имѣя одинъ постъ у денежнаго ящика на верхней галлереѣ и одинъ на берегу моря, у сложеннаго тамъ имущества. Жара была неособенно сильная, не болѣе 30° R. на солнцѣ. Голубое небо млѣло надъ заливомъ. По заливу скользили шлюпки съ большими косыми парусами, мѣрный приливъ тихо надвигался по рыхлому илистому дну.

Обойти Джибути можно въ полчаса, изучить нѣсколько труднѣе. Европейская часть города начинается отъ стараго мола, гдѣ на небольшомъ возвышеніи стоитъ бѣлое зданіе съ широкой крышей, какъ и всѣ здѣшніе дома безъ стеколъ въ громадныхъ окнахъ, съ верандой кругомъ. Домъ этотъ выстроенъ изъ кирпича сырца на известкѣ и оштукатуренъ известкой же. Кругомъ дома деревянная рѣшетка, а за рѣшеткой — четыре молодыя финиковыя пальмы — это дворецъ губернатора. Шагахъ въ двухъ стахъ

отъ дворца начинается городъ. Уже издали, доминируя надъ бѣлыми домами съ плоскими крышами и широкими арками верандъ, видна черная вывѣска нашего отеля. Напротивъ пріютился „Hôtel de Paris“, еще далѣе „Hôtel de France“, затѣмъ два, три дома французскихъ коммиссіонеровъ, „gouvernement“, вмѣщающая въ себя и почту, гостиный дворъ, сильно напоминающій своими бѣлеными арками ряды какой-нибудь станицы или малороссійскаго мѣстечка, затѣмъ хаты сомалійской деревни изъ камыша и вѣтвей, окруженныя такимъ же заборомъ, вотъ и все Джибути. Дальше къ сѣверу, верстахъ въ трехъ отъ города, на мысу, отдѣляющемъ Таджурскій заливъ отъ Индійскаго океана, стоятъ громадные склады „Messageries“, сараи желѣзной дороги, станція ея, каменный, неоконченный еще докъ, словомъ, портъ—порта—Марабу. Желѣзная дорога протянута версты на три отъ Марабу. Отъ большихъ ея рельсовъ проложены маленькіе деконвилевскіе, по которымъ перетягиваютъ ручной тягой платформы отъ одного мола къ другому и по проектированному полотну желѣзной дороги верстъ на пять вглубь страны къ Харару.

Всѣ дома однотипной постройки, принаровленные къ жаркому климату. Каждый домъ состоитъ изъ большого арочнаго футляра, окруженнаго широкимъ каменнымъ тротуаромъ. Въ серединѣ находится собственно домъ, съ рядомъ комнатъ безъ оконъ, но съ дверьми въ обѣ веранды. Дверныя отверстія занавѣшены гардинами изъ камыша и бусъ; кромѣ того имѣютъ тонкія двустворчатыя двери Жители домовъ мало работаютъ въ комнатахъ, предпочитая быть на дворѣ, на верандѣ и даже на улицѣ. Зайдите въ любой изъ трехъ отелей днемъ, или ночью, загляните въ двѣ, три „brasseries“, разсѣянныя по площади,—внутри никого. За то на верандѣ вы всегда увидите человѣкъ пять, шесть французовъ, въ легкихъ чи-чун-човыхъ „педжамахъ“, пьющихъ пиво, или лимонадъ, или ѣдящихъ сочный консервъ ананаса. Ночью прямо на улицѣ близъ домовъ стоятъ столики и при свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей

маленькія компаніи играютъ въ карты. Въ раскрытыя настежъ двери комнатъ видишь постель и на ней весьма легко одѣтаго субъекта, читающаго газету, или просто мечтающаго со взоромъ, устремленнымъ въ глубокую даль неба на мелкія яркія звѣзды.

Убійственная скука царитъ кругомъ въ городѣ, вѣчно залитомъ почти отвѣсными лучами солнца. Придетъ и уйдетъ приливъ, обнаживъ черное дно, покрытое бездной маленькихъ крабовъ съ красной клешней, раками отщельниками въ ихъ богатыхъ раковинахъ, налетятъ на эту добычу сѣрые кулики и бѣлыя цапли, снова наступитъ море, затопивъ сѣрый илъ съ разнообразнымъ населеніемъ, а также безоблачно небо, также душенъ и тепелъ раскаленный воздухъ. Смотришь вдаль, а даль колеблется—то идутъ переливы воздуха. Быстро восходитъ солнце, затопитъ оно лучами бѣлыя стѣны каменныхъ домовъ и сѣрыя огорожи сомалей и виситъ, жаркое, часовъ до 6-ти. Въ 6 часовъ также быстро темнѣетъ. Словно изъ мѣшка по темно-синему небу насыпаются звѣзды, а жара все та же. Раскаленный песокъ согрѣваетъ землю. Подъ утро соберутся на небѣ облака, составятъ завѣсу стыдливому солнцу, но подымется оно и опять голубое небо чисто и мерцаютъ и переливаютъ въ знойномъ воздухѣ синеватыя дали. На этой почвѣ кромѣ верблюжьей травки съ мясистыми листочками ничего не растетъ. Посадить финики, бананы, гранаты,— можно, но тогда нужно рыть арыки, проводить воду, нужно работать, а работать не принято. Да и къ чему все это— когда грязное полотенце вполнѣ достаточный костюмъ для мужчины, два, три банана, грязная лепешка изъ дурры— пища и круглая хижина изъ хвороста, обвязаннаго веревками—кровъ воинственнаго сомаля. Водить караваны, бродить по пустынѣ, ища добычи, не разбирая какой, будетъ ли то леопардъ, крадущійся за антилопой, стадо козловъ дигъ-диговъ, пучекъ сухой мимозы на топливо или, наконецъ, одинокій европеецъ съ ружьемъ — его ремесло. За поясомъ у него торчитъ большой кривой ножъ, въ рукѣ

Дикарь пустыни (данакиль).

легкое копье съ плоскимъ остріемъ, которымъ онъ поражаетъ на 60 шаговъ, и такъ идетъ онъ маленькими шайками изъ оазиса въ оазисъ, пробираясь по унылымъ пескамъ Сомалійской пустыни. Они находятся подъ протекторатомъ французовъ, но и Таджурскій султанъ имъ страшенъ. За „бакшишъ“ онъ ведетъ караванъ, распѣвая свою пѣсню, гдѣ всѣ вскрикиваютъ „бура-ма-бурумъ руси ой нига де тальха гуйю“, за „бакшишъ“ служитъ въ полиціи. Какъ слуга, онъ честенъ и акуратенъ. Раскидайте свой чемоданъ въ гостинницѣ онъ соберетъ его снова и ни одна вещь не пропадетъ у него. Дома у него оселъ, да быкъ съ горбомъ, да жена съ ребенкомъ, котораго она таскаетъ сзади на полотенцѣ.

Сомалійскія женщины болѣе одѣты нежели мужчины. Ихъ ноги закрыты длинной пестрой тряпкой, на подобіе малороссійской плахты, грудь прикрыта чѣмъ-то вродѣ рубашки и, конечно, болѣе ничего. По виду онѣ сильно напоминаютъ нашихъ чухонокъ, но только выкрашенныхъ въ темную краску.

Въ Джибути ихъ живетъ около 5.000. Цифра колеблется постоянно въ зависимости отъ прихода и ухода каравановъ. То и дѣло по дорогѣ подходятъ сомали, отдаютъ въ караулкѣ свою пику и ножъ и исчезаютъ въ городѣ, а потомъ снова идутъ назадъ, получая при выходѣ вооруженіе.

Днемъ на площади передъ управленіемъ разбитъ базаръ. Желтые, какъ песокъ верблюды, песокъ желтый, какъ верблюды, тростникъ, верблюжьи сѣдла, дурра и пучки мимозы для топлива — вотъ чѣмъ торгуютъ на немъ. Иногда принесутъ леопардовую шкуру, повѣсятъ ее у входа, потолчется около нея толпа черныхъ и виситъ она до тѣхъ поръ, пока какой нибудь европеецъ не купитъ ее, заплативъ 10 франковъ.

Джибути только передаточный пунктъ между Абиссиніей и Краснымъ моремъ: это окно въ Африку, которое прорубаютъ французы, окно еще не обработанное, безъ рамы,

безъ стеколъ съ однимъ грязнымъ переплетомъ изъ драни такъ то и полагается окну въ Сомалійской пустынѣ.

Тихо идетъ дѣло въ этомъ зноѣ. Агентъ „Messageries", обвѣваемый „панка́" сидитъ и пишетъ отчеты въ конторѣ, черные люди толпятся и ходятъ изъ угла въ уголъ, съ мѣста на мѣсто, не то съ дѣломъ не то безъ дѣла. Наступаетъ темная ночь, на столикахъ у „brasseries" горятъ свѣчи, гарсоны въ „педжамахъ" и безъ оныхъ, сверкая лишь своимъ темнымъ тѣломъ, разносятъ ананасъ и лимонадъ, гдѣнибудь хлопаетъ бутылка съ импатичной надписью „Veuve Cliquot", слышенъ французскій говоръ— вечеринка идетъ часовъ до 10-ти—11-ти, кое-гдѣ еще работаютъ на пристани, пользуясь приливомъ, а затѣмъ городъ погружается въ мертвый сонъ. Спятъ французскіе инженеры, спятъ коммиссіонеры, спятъ арабы-солдаты у „gouvernement de protectorat", спятъ сомали въ своихъ хатахъ; темная ночь сверкаетъ брилліантами своихъ звѣздъ, море немолчно шумитъ, да дико—неустанно кричатъ ослы и мулы, фыркаютъ верблюды, и съ окраины пустыни несется протяжный вой шакала или гіены.

10-го (22-го) ноября, понедѣльникъ. Послѣ вчерашней тяжелой работы по перегрузкѣ багажа сегодня у насъ отдыхъ.

Я брожу по желтымъ пескамъ улицы, смотрю какъ французъ въ пробковой шляпѣ съ широчайшими полями кирпичъ за кирпичемъ складываетъ стѣну дома, а арабъ ему помогаетъ, выхожу по рельсамъ Деконвилевской дороги къ берегу моря, вижу на илѣ отлива массу бѣлыхъ точекъ—то крабы вылѣзли на сушу. Смотрю, какъ при приближеніи моемъ они спѣшатъ укрыться въ илѣ, въ особыхъ круглыхъ трубчатыхъ норкахъ, прихожу въ Марабу, съ мола вмѣстѣ съ А—и и Д—ымъ наблюдаю, какъ крабъ и стая маленькихъ рыбешекъ борятся за хвостъ громадной рыбы. Смотрю, какъ крабъ, размахивая клешней пытается отогнать рѣзвую стаю рыбокъ, какъ онѣ храбро щиплютъ куски хвоста, наконецъ, крабъ перестаетъ ма-

хать клешней и маленькими лапками кидаетъ пищу себѣ въ животъ. А яркое солнце все также свѣтитъ, бросая перпендикулярные лучи свои на раскаленный песокъ. Смотрю, какъ насытившійся крабъ бокомъ укатился, словно плоская коробка, въ глубину и зарылся въ песокъ, а отливъ обнажилъ рыбій хвостъ и прогналъ рыбокъ, смотрю на синее море и фіолетовыя дали Таджурскихъ горъ и понимаю, что только жажда наживы загоняетъ сюда немногочисленныхъ жителей;

Скучно...

Я исчерпалъ весь репертуаръ здѣшнихъ удовольствій. Стрѣлялъ куликовъ на берегу, ловилъ рыбу сѣтью, собиралъ раковины и кораллы, купался въ Индійскомъ океанѣ, ѣздилъ на верблюдѣ и пилъ лимонадъ съ ананасомъ въ какой-то „brasserie".

А затѣмъ оставалось любоваться на голубое море, на небо бирюзоваго цвѣта, на застывшія на немъ облака, на чудный жаркій „ноябрьскій" день...

Подобно тому, какъ лѣниво застыли облака на небѣ, какъ недвижно солнце и спокойно море въ часы отлива, такъ спокойны, лѣнивы и неподвижны арабы и сомали, формирующіе караванъ.

— „Намъ нужны мулы", говоримъ мы поставщикамъ муловъ.

— „Муловъ нѣтъ", флегматично отвѣчаетъ арабъ.

— „Но они намъ нужны".

— „Ихъ нѣтъ".

Идутъ разспросы. Оказывается, что расъ Мангаша, пошелъ, будто бы, войною на негуса Менелика, расъ харарскій Маконенъ отправился ему на помощь и забралъ всѣхъ муловъ подъ войско.

— „Можно достать въ Аденѣ"?

— „Дороги—100 талеровъ за мула".

— „А въ Зейлѣ? тоже и доставка возьметъ много времени".

— „Но, поймите, намъ мулы нужны".

— „Ихъ нѣтъ“.

Обращаемся къ губернатору, мосье Manigot, но и онъ не въ состояніи помочь. Приходится ждать, когда раскачаются неподвижные африканцы, когда, наконецъ, дойдутъ они до того, что „нѣтъ“, иногда должно быть обращено въ „есть“.

Мулы есть, но хитрые сомали и арабы подняли на нихъ цѣну, зная, что ихъ нужно много. Нужно ждать, когда волненіе отъ ожиданія легкой наживы уляжется.

Нужно ждать долго, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли, когда приведутъ хотя бы часть муловъ. Конвой поѣдетъ до Харара на верблюдахъ. Надо разбирать грузъ, становиться лагеремъ.

Лагерь будетъ разбитъ въ пяти верстахъ отъ города по дорогѣ къ Харару, у губернаторскаго сада. Когда-то этотъ садъ среди пустыни замышлялся въ широкихъ размѣрахъ. Большія ворота имѣли каменный фундаментъ, легкая деревянная изгородь охватила десятинъ восемь земли: повсюду нарыты арыки и канавки, сдѣланы колодцы, устроены водокачки. Группы финиковыхъ пальмъ, гранатовыя деревья въ цвѣту, съ маленькими зелеными плодами, ажурныя мимозы съ крупными бѣлыми цвѣтами, похожими на увеличенный разъ въ десять горохъ, кактусы и тимаринды еще образуютъ здѣсь и тамъ аллеи и даютъ нѣкоторую тѣнь. Но изгородь мѣстами повалилась, а большія площади между арыками заполнены сухимъ пескомъ. Этотъ песокъ летитъ съ пустыни, сушитъ молодыя пальмы, губитъ нѣжныя листы мимозы, свертывающіеся отъ одного прикосновенія. За этимъ садомъ, на чуть покатомъ берегу рѣки, покрытомъ галькой и пескомъ подъ раскаленными лучами африканскаго солнца, солнца пустыни, и становился нашъ лагерь. Другого мѣста не было. Здѣсь хотя мѣстами былъ намекъ тѣни, здѣсь былъ просторъ, гдѣ можно было распаковать тюки, грузить верблюдовъ; при томъ рельсы Деконвилевскаго пути облегчали перевозку багажа; здѣсь же были колодцы, а въ пересохшемъ руслѣ мѣстами водо-

моины, откуда можно поить муловъ и верблюдовъ и стирать бѣлье.

Мѣсто для лагеря соединялось съ городомъ широкой каменисто-песчаной дорогой, по одну сторону которой пролегали узкіе рельсы. Съ ранняго утра и до вечера по этой дорогѣ возятъ воду для города. Уже издали слышно своеобразное частое покрикиваніе сомалійскихъ мальчишекъ, сопровождающихъ ословъ. Маленькіе сѣренькіе ослики съ обѣихъ сторонъ нагружены большими четыреугольными жестянками съ водой. Они идутъ партіями по 10—15 штукъ, подгоняемые тремя, четырьмя мальчиками.

— „Але́-алэ, Але́-алэ, оля-лэ", часто нараспѣвъ повторяютъ они, и покорныя животныя мелкой тропотой спѣшатъ къ городу.

Иногда, вмѣсто мальчишекъ, ословъ сопровождаетъ черная женщина съ красиво обтянутыми пестрымъ шарфомъ грудями, стройной упругой ногой и безобразнымъ чернымъ лицомъ съ грязными курчавыми волосами.

Трудно привыкнуть къ этому черному тѣлу сомалей, смотрѣть на нихъ спокойно.

Все утро разбиваю лагерь, а въ тоже время нанятые арабы возятъ вагонетки съ багажомъ.

Солнце печетъ немилосердно весь день.

Усталый и измученный возвращаюсь я домой въ „Hôtel des Arcades", ѣмъ то, что нашему достопочтенному monsieur Albrand, хозяину отеля, угодно преподнести, и ложусь спать.

Ставни открыты, дверь открыта, а тѣло все-таки изнемогаетъ отъ жары. Нѣтъ ночной свѣжести, нѣтъ вѣтерка, раскаленный воздухъ неподвиженъ. Подъ окномъ рычатъ веблюды и немилосердно стонетъ овца.

11-го (23го) ноября, вторникъ. Съ 5-ти часовъ утра идетъ энергичная работа на мѣстѣ бивака. 3-е сводное звено и часть 1-го переѣхали изъ „Hôtel des Arcades" въ пустыню. Кашеваромъ у нихъ назначенъ Терешкинъ, провизію возятъ ежедневно на вагонеткахъ изъ Джибути. Это дробленіе

конвоя вызвано необходимостью работы въ лагерѣ и содержанія караула при свезенномъ въ лагерь имуществѣ. Разбиваемъ и разсортировываемъ палатки лагеря, а я въ промежуткѣ наблюдаю за жизнью около сада.

У самаго колодца стоитъ высокая бѣлая башня, укрѣпленіе—одна изъ первыхъ построекъ, сдѣланныхъ французами на Сомалійской территоріи. Въ этомъ закоулкѣ, бѣдномъ и грязномъ, среди самой неприхотливой обстановки, живутъ два молодыхъ француза-колониста. На глинобитной стѣнѣ виситъ ружье Гра, въ углу револьверъ, грязное ложе и грязный столъ—вотъ обстановка этихъ піонеровъ. Кругомъ торчатъ сухія мимозы, сзади колодцы, гдѣ день и ночь шумятъ и кричатъ арабы, гдѣ ревутъ верблюды и мулы. Еще далѣе—сомалійскій огородъ. Въ губернаторскомъ саду въ круглой хижинѣ изъ вѣтвей мимозы и камыша живутъ арабы, сторожа сада. Въ самомъ саду чирикаютъ и свистятъ хорошенькія птички—ткачи. Ихъ гнѣзда, связанныя изъ тонкой нитки, образуютъ грушевидные, искусно вытканные мѣшки, которые свѣшиваются внизъ съ концовъ вѣтвей. Желтые съ сѣроватой спинкой ткачи, и сѣренькія ткачихи, то и дѣло перелетаютъ съ мимозъ на гранаты и обратно. Сѣрые съ чернымъ хохолкомъ и черной грудью воробьи съ такимъ же рѣзвымъ пискомъ, какъ и у насъ на огородахъ, порхаютъ изъ конца въ конецъ. Изрѣдка пролетитъ надъ песчанымъ русломъ сѣрый голубь съ розоватой грудью, да громадная черная ворона, величиной вдвое больше нашей. Все дышетъ въ саду тишиной запустѣнія, но, и не смотря на это, пальмы и тамаринды съ ихъ нѣжной листвой, громадные бѣлые цвѣты мимозъ и пурпурные колокольчики гранатовыхъ деревьевъ имѣютъ своеобразную прелесть. Смотришь вдаль въ пустыню на сѣрыя крыши сомалійскихъ хатъ у Джибути, на всхолмленное поле песковъ, покрытыхъ мелкимъ верескомъ, на далекое море, на высокія горы у бухты, и чувствуешь, что это что-то новое, неизвѣданное, не европейское, не русское...

Русь далека. Кругомъ незнакомый пейзажъ. Верблюдъ

бѣжитъ подъ почтаремъ, бредутъ ослы, сопровождаемые черными женщинами, сзади мчатся съ крикомъ мальчишки. Краски рѣзки, контрасты тяжелы. Черное тѣло сомаля на желтомъ верблюдѣ, сѣровато-зеленый пейзажъ пустыни, красный плащъ женщины и зелень деревьевъ посреди чистаго желтаго песка.

12-го (24-го) ноября, среда. Быть можетъ, придется конвой посадить на „бѣговыхъ" верблюдовъ и идти такъ до Харара: муловъ нѣтъ. На верблюдовъ накладывается здѣсь грубый ленчикъ изъ дерева съ двумя луками изъ сучковъ длиною два, три вершка. Ленчикъ этотъ обшитъ рогожей и грубымъ холстомъ, подбитымъ травою такъ, что образуется довольно мягкое сидѣнье. Арабы ѣздятъ, садясь бокомъ, опуская лѣвую ногу свободно и ставя правую на шею верблюда. Попробовалъ этотъ способъ—сидѣть отвратительно. Верблюдъ вышибаетъ изъ сѣдла, покатость котораго впередъ не даетъ возможности сохранять равновѣсіе, нога, поставленная на шею верблюда, все время скользитъ и не даетъ опоры корпусу. Сѣсть верхомъ и ѣхать безъ стремянъ тоже неособенно удобно, потому что верблюжье сѣдло слишкомъ широко вверхъ и узко книзу, чтобы можно было съ удобствомъ держаться на немъ колѣнами. Оставалось одно—попытаться положить казачій ленчикъ поверхъ верблюжьяго сѣдла. Что-бы смягчить для сѣдока покатость отъ горба впередъ, подушку положили наоборотъ, болѣе толстой стороной къ переду. На посѣдланномъ такимъ образомъ верблюдѣ ѣхать можно. Стремена даютъ упоръ ногамъ и когда верблюдъ идетъ полной рысью, то можно кое-какъ идти облегченной рысью. Доѣхалъ на верблюдѣ до губернаторскаго сада (пять верстъ), усталости никакой. Садишься на верблюда, заставляя его лечь, слѣзаешь, соскакивая съ боку сѣдла. Оставалось испытать, насколько такое положеніе удобно для верблюда, но для этого опытъ былъ еще слишкомъ малъ.

Въ лагерѣ я засталъ все въ прежнемъ положеніи. Сомали возили на маленькихъ вагонеткахъ ящики съ при-

стани и сгружали ихъ у лагеря. Одна партія ихъ, предводительствуемая длиннымъ, худощавымъ парнемъ, въ бѣломъ плащѣ, дѣлала выгрузку довольно примитивнымъ способомъ. Подведя вагонетку къ лагерю, они опрокидывали ящики на землю, не особенно заботясь о томъ, что они могли разбиться.

—„Ваше высокоблагородіе", обратился ко мнѣ мой толстякъ фейерверкеръ Недодаевъ въ своей большой круглой шляпѣ съ широкими полями, бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ штанахъ, удивительно похожій на Санчо-Панхо, „и постоянно они такъ дѣлаютъ, никакъ ихъ не вразумишь. Скажите имъ, пожалуйста".

—„Попытаюсь".

Но вразумить черную сволочь было не такъ-то легко.

Они отрицательно качали головой на мои разъясненія по французски, смѣялись и иронически заболтали по-своему, когда я имъ показалъ на примѣрѣ, что они должны бережно брать каждый ящикъ и сносить его на то мѣсто, какое я имъ укажу. Дескать, какой, молъ, дуракъ, чего захотѣлъ!

Это меня разсердило. „Et bien je vous batterai...", сказалъ я имъ, показывая на палку. Эта угроза привела ихъ совсѣмъ въ веселое настроеніе. Недодаевъ не вытерпѣлъ, онъ взялъ палку и пошелъ къ нимъ, они быстро разбѣжались и, усѣвшись въ 100 шагахъ отъ насъ, смѣялись, какъ шалящія дѣти. Недодаевъ по колючей мимозѣ предпринялъ обходъ и вскорѣ пригналъ, какъ стадо барановъ, трехъ изъ нихъ, четвертый бѣжалъ.

Нехотя принялись сомали за работу по переноскѣ ящиковъ. Какой это слабосильный народъ! тѣ сундуки, которые въ Портъ-Саидѣ несъ совершенно свободно одинъ кули, и которые два казака поднимали легко, они и въ четверомъ не могли сдвинуть съ мѣста. Ихъ черныя руки безъ всякихъ признаковъ мускулатуры мотались, какъ плети, ноги едва держали ихъ подъ тяжестью пакетовъ. Грустный видъ ихъ вызвалъ сожалѣніе у казаковъ.

— „Ваше высокоблагородіе, ужъ оставьте ихъ такъ, просто болѣзно на нихъ смотрѣть“, говоритъ уралецъ Изюмниковъ, „мы сами лучше потаскаемъ“.

Но я настоялъ на своемъ. Они кончили работу подъ моимъ наблюденіемъ и явились просить бакшишъ. Конечно, я имъ ничего не далъ.

Возвращался я домой позднею ночью. Вдали горѣли огни въ Джибути, пустыня окутана была мракомъ. На темной дорогѣ изрѣдка вырѣзалась бѣлая фигура сомалійскаго воина, она мелькала мимо и утопала во мракѣ.

Отъ города несся равномѣрный рокотъ моря и чудилось разстроенному воображенію, что то поѣзда ходятъ вдали...

13-го (25-го) ноября, четвергъ. Сегодня приводили муловъ, Просятъ 80 талеровъ за побитаго крошечнаго мула. Стачка арабовъ не прекращается. Они узнали, что мулы нужны намъ въ большомъ количествѣ, что нужны они также французскимъ инженерамъ и подняли цѣну. Придется посылать въ сосѣднія деревни. Въ городѣ событіе: пришелъ пароходъ изъ Китая и забралъ нашу почту. Теперь такихъ дней, когда можно переброситься словечкомъ съ далекой родиной, мало,... очень мало.

Вчера, въ 10 часовъ утра, вся наша миссія дѣлала визитъ губернатору m-sieur Manigot. Мы были одѣты въ кителяхъ при оружіи и орденахъ. Г. Manigot принялъ насъ во второмъ этажѣ „gouvernement“. Это невысокій, крѣпкій человѣкъ съ черными усами и черной бородкой, съ умными, быстрыми глазами. Одѣтъ онъ въ кителѣ съ серебряными жгутами и съ шитьемъ министерства колоній на бархатныхъ обшлагахъ. Разговоръ шелъ о Джибути Это городъ, которому предстоитъ въ будущемъ стать рынкомъ Харара и Абиссиніи. Кругомъ идетъ стройка—поспѣшная, спекулятивная. Лишь бы устроить себѣ кровъ, куда бы укрыться, гдѣ бы сложить накупленное сырье. Ни богатыхъ отелей, ни чиннаго порядка англійской колоніи, ни аллей, ни садовъ. Пустыня, ничѣмъ не скрашенная. Бѣлые дома на желтомъ пескѣ.

Купилъ двухъ муловъ за 120 талеровъ—это еще хорошо. Одинъ цѣльный, другой побитый. Рѣшилъ называть ихъ по днямъ покупки, начиная съ буквы А. Перваго назвали „Арбузомъ“, второго, мулиху, „Аріей“. Конвойные сильно обрадовались тому, что, наконецъ, у нихъ явились животныя. Муловъ выкупали въ морѣ, вычистили и завтра отправляемъ въ лагерь. Въ добрый часъ.

Джибути изучено и исхожено вдоль и поперекъ. Охота на куликовъ прискучила даже самымъ заядлымъ охотникамъ. Остается море съ его богатыми дарами. К—ій и докторъ Л—ій пропадаютъ на цѣлые дни и къ вечеру возвращаются съ морскими звѣздами, ежами, раками, кораллами, бѣлыми и красными, съ массой всякой склизкой, обжигающей при прикосновеніи гадости, которая разбѣгается потомъ по нашей комнатѣ, вызывая во мнѣ отвращеніе, а въ другомъ нашемъ сожителѣ, докторѣ Б—нѣ, хладнокровное философское созерцаніе звѣздъ, распростершихъ свои щупальцы по умывальному тазу, раковъ, щиплющихъ за ногу ночью, ежей, занявшихъ кувшинъ. Не въ чемъ умыться, неоткуда взять воды: ужасный народъ эти зоологи.

Завтраки въ $11^1/_2$ часовъ утра и обѣды въ $7^1/_2$ часовъ вечера не совпали съ моими занятіями въ лагерѣ и въ Джибути, пришлось отказаться отъ первыхъ и пользоваться днемъ чаемъ и сладостями, которыми меня любезно снабжаетъ нашъ фармацевтъ Л—овъ.

Ананасъ уже вышелъ у офицерства изъ моды, теперь пьютъ виши и пепермэнтъ—зеленый мятный ликеръ, освѣжающій ротъ. Виши отзываетъ черниломъ, подается теплое и его вяжущій вкусъ не оставляетъ пріятнаго впечатлѣнія.

14-го (26-го) ноября, пятница. День рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Все утро переѣзжалъ съ конвоемъ въ Амбули, мѣстечко у губернаторскаго сада, гдѣ разбитъ нашъ лагерь. Въ 5 часовъ вечера въ большой палаткѣ читали молитвы, положенныя для утрени. Съ сегодняшняго дня опять начали играть зорю и пѣть

молитву:—мы въ пустынѣ и никому не мѣшаемъ. Я остаюсь въ Амбули, прочіе офицеры миссіи и начальникъ ея переѣзжаютъ сюда на-дняхъ...

Ѣдучи сегодня въ Амбули, встрѣтилъ двухъ арабовъ съ ослами, нагруженными бутылками съ лимонадомъ—это „шакалы“ сомалійской пустыни. Одинъ изъ нихъ недурно говорилъ по-французски. Я воспользовался его знаніемъ языка, предложилъ ему по два талера за каждаго поставленнаго имъ мула бакшиша и пошелъ съ нимъ въ сосѣднія деревни. На завтра онъ обѣщалъ доставить мнѣ шесть муловъ...

VIII

Бивакъ у Амбули.

Покупка муловъ. Жизнь въ лагерѣ. Характеръ Сомалійской пустыни. Ея флора и жизнь. Прибытіе черныхъ слугъ. Уходъ за мулами и выѣздка ихъ. Африканскіе наѣздники День въ лагерѣ. Поѣздка Г. Г. Ч. въ Зейлу. Охота на шакала. Прибытіе начальника. миссіи въ лагерь.

15-го (27-го) ноября суббота. Въ виду рѣшительнаго отказа французовъ снабдить въ скоромъ времени миссію мулами и верблюдами, г. Власовъ рѣшилъ воспользоваться услугами находившихся въ его распоряженіи офицеровъ и собрать потребное для каравана количество животныхъ въ окрестныхъ городахъ, пославъ туда на развѣдку членовъ экспедиціи. Полковникъ Артамоновъ еще 12-го ноября выѣхалъ на лодкѣ съ четырьмя верблюдами и казаками Могутинымъ и Щедровымъ въ Таджуру, для осмотра имѣющихся тамъ животныхъ. Сегодня, въ 7 часовъ вечера, на бѣговыхъ верблюдахъ, посѣдланныхъ казачьими ленчиками, описаннымъ мною выше способомъ выѣзжаетъ поручикъ Ч. съ казакомъ Пановымъ въ Зейлу для найма тамъ каравана. Поручикъ К. заключилъ контрактъ съ французомъ monsieur Labordi на поставку отъ 20-ти—30-ти муловъ въ теченіе 14-ти дней.

Я съ Магометомъ-Гасаномъ и Абдулъ-Магометомъ, двумя плутоватыми и юркими, какъ жиды, арабами, рыскаю по городу, по сомалійской деревнѣ, хожу въ грязные сомалійскіе дворы и ищу, ищу.

Каждое утро я ѣзжу съ рапортомъ о благополучіи къ начальнику миссіи въ Джибути. Подъѣзжаешь къ отелю „des Arcades“ и уже видишь смуглое, хитрое лицо Магомета

Лагерь у Амбули. Мулъ „Графъ“.

въ его маленькомъ бѣломъ колпакѣ, бѣлой кофтѣ и юбкѣ. Онъ прикладываетъ руку ко лбу и таинственно говоритъ:

— „Aujourd'hui soir trois bons mulets... Pour toi.",

— „Bien".

Лицо Магомета выражаетъ какую-то необыкновенную хитрость.

— „Toi—n'a pas venir ici... Toi il ne faut pas. Moi—tout"... Я понимаю изъ этого. что покупка идетъ будто не для меня, а для него.

— „Allons, comme nous promenons. Toi dois regarder"... и онъ тащитъ меня за собой въ сомалійскую деревню, мы проходимъ мимо высокихъ заборовъ, хижинъ, своими мохнатыми крышами напоминающихъ наши захолустныя деревушки. Тамъ у одной хаты привязано три мула.

— „Toi n'a pas toucher, seulement regarder", поясняетъ мнѣ Магометъ, и мы тихо проходимъ мимо. Два мула недурны, костисты и широки, третій мулъ худоватъ. Мы возвращаемся—Магометъ наверху блаженства.

— „Bons mulets... C'est d'Obok".

Начинается торговля, Магометъ всѣми святыми заклинаетъ меня, что такихъ муловъ я меньше какъ по 80 талеровъ имѣть не могу. Я смѣло даю 40.

— „Таибъ" (хорошо), грустно говоритъ Магометъ. „Я переговорю съ хозяиномъ. Но это невозможно".

— „Какъ хочешь".

Онъ уходитъ разочарованный и возвращается черезъ полъ-часа, прося меня посмотрѣть ихъ и говоритъ, что онъ уже уладилъ дѣло за 70 талеровъ.

Я накидываю 10 и даю по 50 за штуку.

— „Таибъ, таибъ", говоритъ Магометъ, и мы снова идемъ за городъ.

Близокъ полдень. Солнце поднялось высоко и печетъ нестерпимо. Потъ течетъ градомъ съ моего лица, рейтузы прилипаютъ къ ногѣ. Теперь я смотрю муловъ уже оффиціально. Важный сомаль сидитъ на крыльцѣ и хотя бы съ мѣста тронулся при моемъ приближеніи. Выводитъ и по-

казываетъ муловъ самъ Магометъ. На улицѣ, куда ихъ выводятъ, собирается толпа полураздѣтыхъ сомалей. Они громко разсуждаютъ между собой. Муловъ выводятъ на веревкахъ, накинутыхъ глухой петлей на шею. Я осматриваю спины. Есть старые побои, но они заросли, ноги твердыя, цѣлыя, года не очень большіе. Въ общемъ мулы недурны—они только очень забиты.

Начинается отчаянный торгъ. Я упорно держусь на 50-ти, Магометъ настаиваетъ на 60-ти. Наконецъ, сходимся на 55-ти—мулы взяты.

— „Soir a Ambouilli encore cinq", показываетъ пальцами Магометъ, „bons mulets, forts"...

Вечеромъ онъ является въ лагерь верхомъ на гнѣдой арабской клячѣ, посѣдланной абиссинскимъ сѣдломъ, и пригоняетъ съ собою пять посредственныхъ мулсвъ. Опять отчаянный торгъ, наконецъ, сходимся на 50 за каждаго. Доходитъ дѣло до расплаты. Зову разводящаго, вскрываемъ ящикъ, достаемъ талеры.

Странный народъ абиссинцы, сомали и арабы. У нихъ въ ходу только австрійскіе талеры чеканки 1780 года съ изображеніемъ императрицы Маріи-Терезіи. Ихъ спеціально съ этой датой чеканятъ въ Австріи. Они не примутъ стараго талера, имъ подавай новенькій, чистый, съ тонкимъ изображеніемъ профиля австрійской императрицы. Видъ нашихъ новыхъ талеровъ прельстилъ Магомета и онъ сталъ покладистѣе.

— „Demain matin huit mulets—plus bon marchè. Mahomed a dit".

Потомъ, взглянувъ на наши 23 ящика, воздвигнутые пирамидой позади еще мало населенной коновязи, онъ даетъ мнѣ добрый совѣтъ:

— „Dis achkers (ашкеръ—солдатъ) regarder argent. Arabes et Somalis tuer achker et prendre argent".

— „Et vois tu les fusils?...", и я показываю грозныя винтовки караула.

— „Bon, bon", говоритъ Магометъ, и забираетъ деньги.

Новые мулы поступаютъ въ распоряженіе казаковъ. Казаки сначала смотрятъ на нихъ скептически. „Неужели, дескать, такая маленькая скотина сможетъ везти. И гдѣ у нея сила?“

Но муловъ чистятъ въ двѣ щетки, обдираютъ съ нихъ клещей и кормятъ отборнымъ ячменемъ. Мулы сначала относятся подозрительно къ чисткѣ и сердито щурятъ свои длинныя красивыя уши, но ячмень ихъ смягчаетъ. Съ коновязи слышно мѣрное жеваніе и издали виденъ рядъ мотающихся хвостовъ. Чѣмъ не наша коновязь въ деревнѣ Николаевкѣ?

Въ 9 часовъ вечера перекличка. Трубачъ играетъ зорю, поютъ молитвы, читаютъ приказъ. „Послѣ завтра, отъ 7—8 часовъ утра, манежная ѣзда на новыхъ мулахъ“... Военная жизнь входитъ въ свои права. Часовые подъ темно-синимъ пологомъ африканскаго неба смѣняются такъ же, какъ и подъ холоднымъ небомъ далекаго Петербурга. „Постъ у денежнаго ящика и царскихъ подарковъ охранять обязанъ, подъ сдачей...“, бормочетъ часовой. Смѣна кончена. Люди угомонились въ своей палаткѣ, блѣдный серпъ луны скрылся за далекими горами, стало темнѣе, въ сосѣдней сомалійской деревнѣ умолкъ шумъ и крики. Надъ коновязью раздается уханье гіены и визгливый лай шакаловъ. Громадный звѣрь проходитъ неподалеку отъ коновязи. Я съ Духопельниковымъ беремъ ружья и идемъ къ кухнѣ, гдѣ брошены внутренности барановъ. Но никто не приходитъ. Мы лежимъ около часа и уходимъ домой, никого не видавши...

16-го (28-го) ноября, воскресенье. Дика, непріютна и уныла сомалійская пустыня. По мелкому зыбучему песку поросли крупный можжевельникъ и колючія мимозы. Ихъ сѣроватые листики еле видны среди острыхъ бѣлыхъ колючекъ. Иныя изъ нихъ стелются по землѣ, другія подымаютъ кверху безобразные изломанные стволы; кое-гдѣ кактусъ выставилъ изъ кустовъ мимозы блѣдные и мясистые листья, да сухая сѣдая травка, пища верблюдовъ,

муловъ и ословъ, поросла между мимозъ. А кругомъ песокъ, то мелкій, летучій, то крупный, пересыпанный гравіемъ. Вотъ русло рѣки сбѣгаетъ внизъ, камнями усыпано дно. Пустыня поднимается кверху и мѣняетъ свой характеръ. Пески смѣняются камнемъ. Камни круглые, то шлифованные, ровные, гладкіе, то ноздреватые, какъ губка, черные и темносѣрые мелкіе, съ голубиное яйцо, и крупные, съ большого барана, навалены въ безпорядкѣ. Мимозы становятся рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ; голая каменистая пустыня, безъ признака жизни, безъ растительности кругомъ. Камни громоздятся выше и выше и горы отъ ихъ черноты кажутся такими мрачными, такими унылыми. Безжалостное солнце раскаляетъ песокъ, сверкаетъ на гладкой сторонѣ камня, переливается въ знойномъ голубомъ небѣ.

Возьмешь ружье и бредешь среди мимозъ и камней наблюдать жизнь пустыни. Стадо верблюдовъ вытянуло кверху свои глупыя безобразныя морды и, слегка посапывая, бредетъ, погоняемое арабомъ въ красной чалмѣ и бѣлой курткѣ, съ винтовкой Гра за плечами:—здѣсь безъ оружія не ѣздятъ. Вотъ козы пасутся, подъ присмотромъ черной сомалійки въ чепцѣ и юбкѣ, далѣе стадо сѣрыхъ ословъ бредетъ по дорогѣ, помахивая ушами; свернешь съ дороги, выйдешь въ пески и мертвая тишина кругомъ. Смотришь внимательно по сторонамъ и видишь, какъ маленькая сѣрая бѣлка пустыни, вытянувъ кверху пушистый хвостъ, напоминающій щетку для чистки ламповыхъ стеколъ, перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто и при шумѣ шаговъ поспѣшно прячется въ норку, вырытую въ землѣ у развилистыхъ корней мимозы. Зайцы красные, какъ лисицы, или сѣрые, какъ мыши, съ широкими прозрачными ушами прыгаютъ по песку. Они почти вдвое меньше своихъ сѣверныхъ собратьевъ, шерсть ихъ короче, пушистѣе, шкурка нѣжнѣе, лапы тоньше, хрупче. Маленькія птички чирикаютъ въ кустахъ, сѣрые голуби безстрашно садятся между колючекъ мимозъ и надъ всѣмъ паритъ громадный бѣлый

съ черными крыльями орелъ... И чѣмъ они питаются, гдѣ живутъ шакалы, что визжатъ по ночамъ, гдѣ укрываются гіены? Кажется голый камень, сыпучій песокъ, колючія мимозы, и только, а между тѣмъ между камней кишитъ своеобразная жизнь пустыни.

Лагерь устроенъ. Среди этихъ песковъ, подлѣ камней,

Въ пустынѣ.

подъ которыми таятся скорпіоны, протянута коновязь, за нею идутъ: одна палатка конвоя, четыре индійскихъ офицерскихъ палатки, вмѣщающихъ въ себя пять офицеровъ миссіи, секретаря и двухъ врачей, одна большая круглая абиссинская палатка для фармацевта и класснаго фельдшера, одна круглая египетская палатка для абиссинцевъ-переводчиковъ, одна громадная столовая палатка, пріемная начальника миссіи и далѣе въ жалкомъ подобіи кустовъ ставятъ три палатки Г. Власова. Въ тылу лагеря въ аллеяхъ губернаторскаго сада, помѣщаются кухни. Таковъ

видъ нашего лагеря, окруженнаго сомалійскими деревнями, въ которыхъ всю ночь бьютъ барабаны и протяжно визжатъ сомалійскія женщины...

17-го (29-го) ноября, понедѣльникъ. Приличный и благообразный полувоенный видъ нашего лагеря сегодня нарушился прибытіемъ толпы черныхъ слугъ сомалійцевъ и абиссинцевъ, на голой землѣ расположившихся возлѣ палатокъ своихъ господъ. Одѣтые въ бѣлыя куртки и бѣлые панталоны, съ непокрытыми головами и босыми ногами, они цѣлыми сутками лежатъ, какъ собаки, возлѣ палатокъ, или собираются вмѣстѣ и поднимаютъ крикливый разговоръ, болѣе похожій на брань.

— „Тасси!" слышу я утромъ нетерпѣливый голосъ Д—ва, сосѣда по палаткѣ.

— „Тасси!" повторяется крикъ еще и еще разъ; наконецъ, самъ хозяинъ высовывается изъ палатки и тогда получаетъ отвѣтъ—„мосье?.." и курчавая голова Тасси вылѣзаетъ изъ-подъ бѣлаго плаща, подъ которымъ онъ спитъ.

Тасси утромъ лѣниво чиститъ сапоги и платье, неохотно сметая съ него пыль, бѣжитъ за хозяиномъ, когда онъ на рысяхъ ѣдетъ въ городъ купаться, несетъ его покупки. Этимъ и ограничивается его служба. Остальное время онъ спитъ. Ему не придетъ въ голову почистить мула, или вытереть сѣдло своего барина, это не его дѣло— онъ нанимался слугою, а муловъ пусть чиститъ Арару,— Энми и другіе, которые для того приставлены. Заставьте его это сдѣлать—онъ или не исполнитъ приказанія, или пойдетъ жаловаться своему старшему, держащемуся съ большимъ достоинствомъ чернобородому абиссинцу, и грозится, что уйдетъ въ Джибути. И это за 10 талеровъ (1 талеръ = $2^1/_2$ франка = 1 рубль), т. е. за ту сумму, за которую вамъ въ Петербургѣ и моютъ полы, и готовятъ обѣды, и стираютъ бѣлье, и ходятъ на рынокъ! Удивительные лѣнтяи эти сомали и абиссинцы. Цѣлыми днями толкутся они по лагерю, избѣгая работы. Да и что имъ поручишь,

когда они ничего не умѣютъ. У меня ихъ пять для чистки муловъ. Обращеніе съ мулами заведено самое гуманное. Каждый мулъ имѣетъ свое имя, знаетъ свое мѣсто на коновязи, чистится три раза въ день, ѣстъ овесъ и пшеницу три раза и получаетъ отъ хозяина корочки ситнаго хлѣба послѣ обѣда и послѣ чая. Конвойные мои, какъ настоящіе кавалеристы, это дѣло тонко понимаютъ. Совсѣмъ не то черные. Онъ уже издали замахивается на мула, норовя его ударить локтемъ въ самое больное мѣсто спины; мулъ щуритъ свои большія уши и бьетъ его сзади ногой, тогда черный обрушивается на него съ чѣмъ попало... Дашь имъ повести муловъ на водопой, распустятъ ихъ и потомъ съ крикомъ и смѣхомъ гоняются за ними по песку или сядутъ и скачутъ, размахивая локтями и болтая ногами.

Я объявилъ имъ, что, если они побьютъ мула, я прикажу ихъ высѣчь — они пожаловались старшему, я повторилъ старшему свое приказаніе, они успокоились и легли подлѣ коновязи. Погонишь ихъ на чистку, идутъ нехотя, ломаясь, чистятъ кое-какъ, раза два принудилъ ихъ вычистить и выхолить мула, объявили, что уйдутъ въ Джибути. Богъ съ ними, пускай уходятъ. Однако, не ушли: 10 талеровъ на полу не подымешь.

Интересно смотрѣть, какъ они работаютъ подъ присмотромъ казака. Человѣка четыре ихъ назначены разстелить большой коверъ; расторопный Архиповъ, поставленъ надъ ними. Послѣ долгихъ увѣщаній на русскомъ языкѣ, оставленныхъ черной командой безъ вниманія, они начинаютъ нехотя сгибаться и трогать коверъ.

— „Ну, ну, живѣе, черномазые“, ласково, ободрительно говоритъ широкій и коренастый старовѣръ Архиповъ поталкивая за плечо одного изъ нихъ, но работа отъ этого впередъ не идетъ, черномазые только больше болтаютъ между собой.

— „Экъ вы, народъ какой глупый!“ презрительно говоритъ Архиповъ, и двумя, тремя мощными движеніями, разстилаетъ коверъ. „Черномазые“ смотрятъ и улыбаются,

а потомъ расходятся съ такимъ видомъ, какъ будто они цѣлый домъ наработали.

Зато чуть стемнѣетъ въ тылу лагеря, неугомонно урчитъ

Абиссинскіе ашкеры.

безобразный мотивъ волынки и слышенъ ихъ непріятный говоръ до поздней ночи...

У сомалей и абиссинцевъ, проживающихъ въ Джибути, своеобразная посадка, своеобразныя понятія о ѣздѣ, о выѣздкѣ лошади, о шикѣ. Тѣ лошади, которыхъ они при-

водили ко мнѣ, всѣ безъ исключенія были плохо кормлены, отвратительно содержаны. У всѣхъ побитыя абиссинскимъ сѣдломъ спины, кости, выдавшіяся впередъ, ощипанные хвосты, косматыя гривы, обломанныя копыта. Съ узкой грудью и свислымъ задомъ, онѣ только умными глазами своими говорили о тѣхъ голодовкахъ и тѣхъ истязаніяхъ, которыя онѣ вынесли. Абиссинцы, какъ всѣ народы востока, ѣздятъ на мундштукахъ. Мундштукъ ихъ—это орудіе пытки для лошади. Желѣзо его почти остро, рычагъ длинный, впивающійся въ губы съ боковъ, вмѣсто цѣпки кольцо, пропущенное подъ нижнюю челюсть. Къ усикамъ мундштука привязанъ страшно короткій круглый поводъ, едва достигающій середины шеи. На спину положенъ потникъ изъ козьей шкуры шерстью на шерсть лошади и сѣдло съ двумя громадными луками. Подпруги подтянуты небрежно, сѣдло ерзаетъ деревянными палицами по спинѣ и третъ крупъ ремнемъ подъ задомъ. Показывая лошадь, сомаліецъ съ тысячью предосторожностей садится съ правой стороны на нее, пропуская для этого большой палецъ въ маленькое круглое стремя; сѣлъ, дернулъ за мундштукъ, такъ что бѣдная лошадь закрутилась, какъ змѣй, ударилъ ее палкой и поскакалъ, болтая руками и впиваясь голыми черными шенкелями въ бока лошади. Бѣлый плащъ развѣвается по вѣтру, физіономія выражаетъ удовольствіе. Проскакалъ, осадилъ на мѣстѣ такъ, что лошадь сѣла на заднія ноги и туча пыли поднялась къ небу.

— „Assey toi, assey toi!“ кричитъ онъ мнѣ.

Я сажусь и ѣду шагомъ и рысью. Зацуканная, задерганная лошадь топочетъ на мѣстѣ, абиссинецъ машетъ плащемъ и кричитъ: „Sauter, sauter...“ Но куда тутъ скакать, когда слабыя ноги еле несутъ, а усталая грудь съ трудомъ дышитъ.

И въ пустынѣ встрѣтишь коннаго сомаля или араба, всегда онъ скачетъ во всѣ стороны, или, когда конь его окончательно устанетъ, плетется шагомъ, свѣсившись на бокъ и натирая спину... Наша холя лошади имъ незна-

кома. Съ трехъ лѣтъ она уже подъ сѣдломъ, съ трехъ лѣтъ она уже скачетъ по камнямъ и песку пустыни, обламывая копыта и ослабляя заднія ноги. И это почти на родинѣ арабской лошади!...

18-го (30-го) ноября, вторникъ. Лагерь принялъ окончательно жилой видъ. Пріѣхали доктора и офицеры. Поваръ начальника миссіи началъ готовить обѣды, словомъ жизнь въ палаткахъ вступила въ свои права.

Почти всѣ мулы пріобрѣтены. Ихъ 44,—41 подъ составъ миссіи и три запасныхъ. 24 изъ нихъ доставлены monsieur Labordi, пять куплены у одного богатаго абиссинскаго купца и 15 пріобрѣтены при посредствѣ Гассанъ Магомета. Мулъ, потомокъ лошади и осла, въ достаточной степени сохранилъ умъ и того и другого. Это длинноухое, пугливое, кроткое созданіе, ростомъ немного больше осла. Грудь у мула узкая, шея широкая, переднія ноги тонкія и прямыя. Мулъ растянутъ нѣсколько въ длину, представляя своимъ тѣломъ усѣченный конусъ, основаніе котораго у заднихъ ногъ; вслѣдствіе этого, весьма трудно пригнать на него подпруги такъ, чтобы онѣ не скатывались къ переднимъ ногамъ. Казенныя сѣдла конвоя пришлось почти всѣ передѣлать, подпруги оказались слишкомъ длинны, пахвы узки и неприспособлены.

Пріобрѣтенные мулы, за малымъ исключеніемъ, были въ очень плохихъ тѣлахъ, съ торчащей клочьями шерстью и острымъ хребтомъ. Они никогда не знавали щетки и плохо кормились. Если бы не драгоцѣнная способность мула быстро набирать тѣло и принимать гладкій и блестящій видъ, намъ пришлось бы съ ними плохо. Но, при тщательномъ военномъ уходѣ и усиленномъ кормѣ, они уже на третій день приняли бодрый и почти щегольской видъ. Косматыя гривы подстригли щеткой, хвосты подравняли, клещей повыдергивали, шерсть пригладили... Начали выѣзживать ихъ, заставляя принимать поводъ и отжевывать. Жизнь въ лагерѣ закипѣла.

19-го, 20-го, 21-го и 22-го октября. Какъ скучно стоять

на мѣстѣ, не имѣя возможности сдвинуться съ него, безъ опредѣленной работы, въ полной неизвѣстности, когда можно покинуть знойное, пыльное Амбули.

Въ 4 часа утра подъемъ. Отъ 5-ти—6-ти чистка и первая задача корма, отъ 6-ти—7-ми чай, отъ 7-ми—8-ми ѣзда первой смѣнѣ муловъ, отъ 8-ми—9-ти ѣзда второй смѣны муловъ, отъ 9-ти—11-ти работы по лагерю и упаковкѣ вещей, въ 11 обѣдъ, отъ 12-ти—$12^1/_2$ водопой и вторая задача корма, отъ $12^1/_2$ — 4-хъ отдыхъ, отъ 4-хъ—5-ти работы по лагерю, въ 5 чистка, въ 6 обѣдъ и въ 8—заря, молитва и чай. Въ 9 всѣ, кромѣ караульныхъ, должны спать. Ночью стоятъ два поста, одинъ у денежнаго ящика, другой—въ тылу лагеря, у имущества. Сегодня идетъ, какъ вчера, завтра будетъ, какъ сегодня. 19-го пріѣхалъ изъ Зейлы Ч—овъ и привезъ контрактъ на поставку верблюдовъ. Онъ сдѣлалъ тяжелый переходъ по пустынѣ, съ однимъ казакомъ и однимъ арабомъ-проводникомъ. Цѣлую ночь ѣхалъ онъ до Зейлы на непривычномъ казачьемъ сѣдлѣ, день провелъ въ городѣ въ хлопотахъ по поставкѣ и въ ночь вернулся въ Амбули. Дѣло улаживается, но здѣсь, чтобы дѣло шло, нуженъ постоянный глазъ и 21-го Г. Г. Ч—овъ на парусной лодкѣ отправляется черезъ заливъ въ Зейлу. На этотъ разъ одинъ, безъ казака, съ одними арабами и съ 3,000 талеровъ. Смѣлое предпріятіе...

Здѣсь въ пустынѣ, среди нахальныхъ арабовъ, среди воинственныхъ сомалей, бродящихъ по пескамъ съ копьемъ, кинжаломъ и щитомъ—только оружіе, сила отряда въ состояніи противостать жаждѣ добычи. Но долгъ русскаго офицера—не знать боязни, презирать страхъ и Г. Г. Ч—овъ наотрѣзъ отказался отъ конвоя и одинъ ночью отбылъ изъ Амбули.

Пустѣе стало въ моей палаткѣ безъ Г. Г. Если бы не занятія, не хлопоты съ мулами, къ которымъ невольно привязываешься, быть можетъ, было бы и очень скучно. Во время стоянки живешь мелкими событіями. Д—овъ на ночь ставитъ ружье, заряженное дробью, на сошки, на высоту

морды шакала, къ ружью привязываютъ мясо, отъ мяса веревка идетъ къ антабкѣ ружья. Ночью по лагерю гудитъ выстрѣлъ. Дневальный, Д—овъ бѣгутъ къ ружью,—ничего. Опытъ возобновляютъ, снова выстрѣлъ, на этотъ разъ сопровождаемый воемъ раненаго шакала, всѣ бѣгутъ туда, но шакалъ ушелъ. По утру два сомалійца изъ сосѣдней деревни приносятъ на палкѣ связаннаго шакала. Передняя лопатка у него перебита и мясо виситъ клочьями. Онъ еще живъ, коричневые глаза его вяло смотрятъ по сторонамъ, пушистый, какъ у лисы, черный съ сѣдиною хвостъ протянутъ вдоль, онъ тяжело дышитъ. Кто-то изъ офицеровъ приканчиваетъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Въ общемъ шакалъ похожъ на лису. Онъ только немного крупнѣе, спина у него черная съ густой просѣдью, брюхо рыжевато-бѣлое, шерсть грубая, жесткая.

Крупнымъ и радостнымъ событіемъ является прибытіе парохода изъ Европы. Съ утра ходятъ на холмъ смотрѣть на рейдъ. Парохода нѣтъ. Наступаетъ вечеръ, море темнѣетъ, а на рейдѣ только и видны что французскій бѣлый стаціонеръ, да черный англійскій угольщикъ... Зато, когда передъ восходомъ расчистились дали, на сѣверѣ стало видно бѣлое сонное море, ясно опредѣлился трехъ-мачтовый бѣлый громадный пароходъ „Messageries“—пароходъ съ письмами изъ Россіи. Всеобщая суматоха, поспѣшно сѣдлаютъ муловъ, иные идутъ пѣшкомъ.

Весь день въ лагерѣ тихо. Читаютъ письма, пишутъ отвѣты. За обѣдомъ разговоръ не вяжется. Каждый думаетъ о покинутомъ домѣ, о далекой родинѣ. Странно читать о морозахъ, гололедицѣ, о томъ, что гдѣ-то холодно, скверно, сыро. Странно думать, что все это такъ далеко и надолго далеко!...

Въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы въ большой палаткѣ читаются молитвы, казаки молятся по заведенному обычаю на свой конвойный образъ.

Дни идутъ за днями, тихіе, спокойные, однообразные. Въ палаткѣ предметы все болѣе и болѣе покрываются пылью,

ружья ржавѣютъ въ одну ночь, тоска закрадывается въ сердце. Ко всему этому присоединяется безпокойство о Г. Г. Ч—овѣ и все болѣе и болѣе увеличивающееся заболѣваніе желудкомъ отъ гнилой воды среди обитателей лагеря. Болѣютъ казаки и офицеры. Казакъ Изваринъ 1-го звена настолько плохъ, что, быть можетъ, его придется отправить изъ Амбули домой...

Г. Г. Ч—овъ выѣхалъ 21-го числа одинъ съ двумя арабами на шлюпкѣ въ Зейлу, имѣя съ собою 3,000 талеровъ. Онъ долженъ былъ вернуться утромъ въ субботу, 23-го числа. Но насталъ вечеръ субботы, а Г. Г. не было. Не разъ подходилъ къ окну начальникъ миссіи и его супруга, глядя на голубой рейдъ—Ч—ова не было. Въ этомъ чужомъ краю, среди безшабашнаго народонаселенія, не имѣющаго твердыхъ понятій о законѣ и правѣ, все возможно...

Около 6-ти часовъ вечера отъ Ч—ова пришелъ курьеръ съ письмомъ. Г. Г. извѣщалъ, что онъ прибылъ въ Зейлу двумя днями позже, вслѣдствіе штиля; верблюды будутъ, но не ранѣе какъ черезъ пять дней...

Оставалось вооружиться терпѣніемъ и ждать, когда Провидѣнію угодно будетъ даровать намъ возможность сняться съ бивака у Амбули.

23-го октября (4-го ноября), воскресенье. Сегодня, въ 9 часовъ утра, начальникъ миссіи прибылъ вмѣстѣ съ супругой изъ Джибути въ лагерь, у Амбули. Конвой былъ выставленъ въ почетный караулъ для встрѣчи. Начальникъ поздоровался съ карауломъ, поздравилъ съ походомъ на субботу и приказалъ распустить людей по палаткамъ. Впереди лагеря, на высокой мачтѣ взвился русскій посольскій флагъ, а затѣмъ началась тихая покойная жизнь на бивакѣ. Я не стану описывать событія недѣли съ 23-го по 27-е ноября, по той простой причинѣ, что ихъ не было. Въ Амбули жили и стояли, какъ стояли бы на дневкѣ въ Кипени, распѣвая по вечерамъ пѣсни, а днемъ починиваясь и подчищаясь. Среди недѣли доктора осмотрѣли казака Изварина и при-

знали его неспособнымъ продолжать службу въ конвоѣ, почему рѣшено его отправить въ Петербургъ съ первымъ же пароходомъ. 24-го ноября, вечеромъ, пріѣхалъ изъ своей поѣздки полковникъ Артамоновъ. Путь, совершенный казаками въ эти 13 дней пѣшкомъ по пустынѣ, является настолько интереснымъ въ исторіи африканскаго похода казачьяго конвоя, что я позволю себѣ посвятить нѣсколько строкъ описанію его, составленному со словъ полковника Артамонова и по дневникамъ казаковъ, ѣхавшихъ съ нимъ.

IX.

Поѣздка въ Рахэту.

Ночное плаваніе. Обокъ. Путешествіе по пустынѣ. Рахэта. Пріемъ у Рахэтскаго султана. Обмѣнъ любезностей. Обратный путь. Кражи. Возвращеніе.

Было 3 часа ночи, 12-го ноября, и темныя волны океана медленно прибывали на берегъ, когда на небольшой парусной фелюкѣ отбыла изъ Джибути экспедиція полковника Артамонова. Ее составляли четыре европейца: полковникъ Артамоновъ, кандидатъ на классную должность Кузнецовъ и казаки лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка Могутинъ и лейбъ-гвардіи 6-й Донской батареи Щедровъ, одинъ данакиль, одинъ абиссинецъ, проводники и три араба-лодочника. Итого на крошечной лодкѣ помѣщалось четыре верблюда, уложенные на днѣ фелюки, и девять человѣкъ. Снаряженіе людей было самое легкое. Каждый имѣлъ пробковую каску, рубашку, синіе шаравары, одну пару сапогъ, двѣ смѣны бѣлья, бурку, шашку, 3-хъ-линейную винтовку и 30 патроновъ. 3-хъ-линейная винтовка была у полковника Артамонова и берданка у Кузнецова. Пока шли Таджурскимъ заливомъ, лодку мало качало, но едва выбрались въ Аденскій проливъ и берегъ скрылся изъ вида, маленькая хрупкая фелюка начала переваливаться съ волны на волну, верблюды стали подниматься, лодка каждую минуту теряла равновѣсіе и черпала воду. Сидѣть, опустивъ ноги на дно, уже было невозможно. Арабы вычерпывали воду, казаки же, оба низовые—рыболовы, управляли весьма искусно парусомъ. Въ $10^1/_2$ часовъ утра вдали показались бѣлыя постройки Обока. Обокъ — это первый пунктъ, гдѣ основались французы и откуда завязали

они сношенія съ восточной Африкой. Неудобная бухта, жара, не спадающая никогда, часто дующій хамсинъ дѣлали жизнь колонистовъ Обока адомъ и онъ былъ покинутъ и замѣненъ Джибути. Теперь въ Обокѣ осталось нѣсколько нежилыхъ покинутыхъ домовъ, одинъ губернаторъ, онъ же и телеграфистъ и начальникъ 15-ти наемныхъ солдатъ сомалей, онъ же и вся французская колонія Обока, да группа бѣдныхъ сомалійскихъ хижинъ. Губернаторъ радушно принялъ полковника Артамонова, помѣстилъ его и его людей въ одномъ изъ покинутыхъ домовъ, угостилъ обѣдомъ, но въ главномъ отказалъ—въ Обокѣ нельзя было найти верблюдовъ. Имѣвшіеся въ сомалійской деревнѣ нѣсколько верблюжниковъ просили громадныя деньги за доставку груза внутрь страны, да и тѣ не хотѣли скоро подниматься.

Все 14-е число прошло въ поискахъ за верблюдами. Когда выяснилось отсутствіе животныхъ въ Обокѣ, рѣшено было двинуться вглубь страны пѣшкомъ, погрузивъ оружіе, галеты, консервы и запасъ воды на имѣвшихся верблюдовъ.

Путь предстоялъ длинный, тяжелый, по каменистой и мѣстами песчаной пустынѣ, безъ воды на остановкахъ, путь по компасу, почти безъ тропинокъ. Впервые казакамъ приходилось проходить пѣшкомъ такія пространства.

Съ утра, 15-го ноября, стали собираться въ путь и, долго провозившись съ вьючкой, только въ 10 часовъ утра бодро выступили въ походъ. Съ непривычки этотъ первый день пути показался ужаснымъ. Солнце палило африканскимъ зноемъ, подъ ногами были черные камни пустыни, дали безотрадно сливались съ синимъ небомъ, жажда мучила. Тропинка то вилась между камней, то пропадала, и тогда шли на-угадъ. Неправильно навьюченные верблюды то и дѣло останавливались, нужно было поправлять и перетягивать вьюкъ. Въ 2 часа дня подъ небольшимъ чахлымъ кустомъ мимозы отрядъ остановился. Разогрѣли чай и утолили имъ немного жажду. Въ $3^1/_2$ часа пополудни тронулись дальше. Пустыня не измѣнила своего характера,

лишь вдали показались кое-гдѣ козы, но убить ихъ не представлялось возможности—онѣ убѣгали, завидѣвъ путниковъ издали. Къ 6-ти часамъ вечера переходъ былъ конченъ—стали, гдѣ шли, среди камней пустыни, безъ воды и безъ тѣни. Несмотря на усталость, на побитыя непривычнымъ маршемъ пѣшкомъ ноги, казаки хлопотали съ постановкой палатки, заварили чай и сварили незатѣйливый походный ужинъ. Вскорѣ, оставивъ часового, легли, подостлавъ на землю бурку, одѣтые, имѣя подлѣ заряженную винтовку: предосторожность не излишняя въ пустынѣ, гдѣ еще недавно одному уснувшему въ пути французскому купцу гіена выкусила носъ, щеки и оба глаза...

Жажда казаковъ была такъ сильна, что они выпили всю воду, какъ этого дня, такъ и запаса..

Въ воскресенье, 16-го ноября, выступили съ разсвѣтомъ въ походъ. Путь былъ еще тяжелѣе. Камень постепенно исчезъ и начавшіеся пески затрудняли движеніе. Шли шагъ за шагомъ, полковникъ и Кузнецовъ впереди, сзади казаки и верблюды Въ раскаленномъ пескѣ, нога, обутая въ смазные сапоги, сильно нагрѣвалась и мучила кожу. Температура къ полудню поднялась до 34°Ц. въ тѣни. Воды не было. Шли непрерывно въ продолженіе 11-ти часовъ. Къ вечеру вдали показалось море, свернули по его берегу и вскорѣ пришли въ сомалійскую деревню. Близъ нѣсколькихъ солоноватыхъ колодцевъ стояли хижины кочевниковъ-сомалей. Нечего было и думать найти у нихъ ужинъ, разогрѣли чай, переночевали кое-какъ на пескѣ и со свѣтомъ тронулись дальше. Этотъ третій переходъ въ понедѣльникъ 17-го былъ сдѣланъ значительно легче. „Нужно сказать“, пишетъ урядникъ Щедровъ, „что сегодня мы нисколько не устали, потому что сдерживали себя, чтобы не пить воды, а во-вторыхъ, немного привыкли, такъ что походъ намъ былъ совершенно не въ тягость...“

Во вторникъ стали подходить къ селенію Рахэта. Данакилецъ-слуга былъ отправленъ впередъ предупредить старшину о прибытіи русскихъ путешественниковъ. Съ

полу-перехода были высланы для полковника и Кузнецова два мула, „украшенные сбруею по вкусу дикой страны“, какъ выразился Щедровъ въ своемъ дневникѣ, и два верблюда съ мѣхами воды. Это нѣсколько облегчило движеніе отряда впередъ. Самъ рахэтскій старшина въ парадномъ одѣяніи, встрѣтилъ у выхода изъ своей деревни. Обмѣнявшись привѣтствіями, старшина повелъ путниковъ въ круглую хижину, ничѣмъ особенно не отличавшуюся отъ хижинъ другихъ данакилей. Внутри стояло четыре кровати, убранныя коврами—ложе для усталыхъ путешественниковъ.

Старшина и все селеніе не представили для казаковъ конвоя ничего замѣчательнаго. Оно напомнило имъ калмыцкое кочевье на Дону, напомнило и грязью своихъ хижинъ, и кривыми улицами несимметрично расположенныхъ домовъ. Около полудня среды пришелъ въ гости къ полковнику старшина съ знатнѣйшими данакилями. Впереди его два дикаря несли барабаны и били въ нихъ все время разговора. За гостепріимство старшина получилъ отъ полковника Артамонова подарки и, между прочимъ, часы съ изображеніемъ Государя Императора. Когда дикарю объяснили, кто изображенъ на часахъ, онъ сказалъ:

— „Мы много слышали про Великаго Московскаго Государя. Когда въ Габешѣ (Абиссиніи) была война, никто не помогъ исцѣлять раненныхъ абиссинцевъ, только Царь Московскій прислалъ своихъ врачей. Да будетъ славно имя Его!“

Часы переходили изъ рукъ въ руки и всѣ съ любопытствомъ разсматривали изображеніе того, чья великая рука въ минуту нужды простерлась надъ далекой и чужой страной и осыпала ее благодѣяніями.

— „Царь Московъ!... Царь Московъ!“ говорили данакили, передавая другъ другу часы.

Старшина прислалъ барана и верблюжье сѣдло въ подарокъ; его угостили бараниной, приготовленной по русски, и завели съ нимъ разговоръ о доставкѣ верблюдовъ и муловъ...

Это оказалось невозможнымъ. Животныя были въ горахъ и согнать ихъ къ Обоку нельзя было ранѣе восьми дней. Пришлось отказаться отъ этого и подумать о возвращенiи.

Назадъ выступили, сопровождаемые всѣмъ селенiемъ. Дѣти и взрослые старались выразить чѣмъ-либо свое сочувствiе. Худые, какъ всѣ черные, данакильскiе воины съ удивленiемъ разсматривали мощныя фигуры русскихъ гвардейцевъ и все время повторяли: „ашкеръ малькамъ", т. е. хороши солдаты.

Назадъ шли тѣмъ же путемъ. Та же пустыня была кругомъ, тѣ же сыпучiе пески, раскаленные камни. Къ жарѣ и безводiю присоединилась еще непрiятность отъ комаровъ и мошекъ. Когда шли туда, ровный SO хотя и срывалъ временами шляпы и стѣснялъ движенiе, но за то облегчалъ зной, теперь этотъ вѣтеръ дулъ въ спину, жара не смягчалась ничѣмъ и тучи мелкихъ мошекъ облѣпляли лицо, забивались въ глаза, ноздри, сквозь отверстiя шляпы попадали на голову. Но казаки шли бодро. По временамъ, завидѣвъ стадо антилопъ или дикихъ козъ, кто-либо отдѣлялся въ сторону и стрѣлялъ по нимъ. Убитая дичь вечеромъ шла на ужинъ и была украшенiемъ походнаго стола. Во время пребыванiя въ Рахэтѣ черные успѣли выказать свое вѣроломство. Одинъ изъ слугъ, воспользовавшись общимъ утомленiемъ послѣ тяжелаго перехода-открылъ сумку съ деньгами и укралъ изъ нея 130 талеровъ, половину денегъ, взятыхъ полковникомъ Артамоновымъ. Сильно тужили объ этомъ казаки. Нельзя видно было полагаться на черную стражу. Укравшiй деньги въ ночлегъ передъ Обокомъ, ночью порѣзалъ путы муламъ и верблюдамъ и разогналъ ихъ по пустынѣ. Первыми бросились искать ихъ черные и, дойдя до Обока, скрыли слѣды своей кражи.

23-го ноября на двухъ парусныхъ лодкахъ отплыли изъ Обока и 24-го, къ утру, прибыли въ Джибути. За восемь дней пути по пустынѣ было пройдено 240 верстъ по жарѣ, безъ воды, питались консервами и охотой. Камни

пустыни обдирали сапоги, песокъ затруднялъ движенiе и увеличивалъ усталость. На ночлегѣ приходилось хлопотать возлѣ огня, приготовляя ужинъ и чай. Не всегда разбивали палатку. Иногда ложились въ повалку, прямо на голые камни пустыни, не боясь ни скорпiоновъ, ни змѣй. Усталость превозмогала страхъ укушенiя. Шакалы и гiены каждую ночь сбѣгались, привлекаемые запахомъ жаренаго мяса, и тревожный сонъ нарушался частыми выстрѣлами часового. Стояли на часахъ всѣ—офицеры и казаки, безъ различiя. Быстро установилась между людьми та нравственная спайка, которой сильны русскiя войска, гдѣ всѣ за одного, одинъ Богъ за всѣхъ. Вернулись всѣ здоровыми и бодрыми, не поддавшись унынiю ни среди голой пустыни, ни въ открытомъ морѣ на маленькой лодкѣ. Офицеры были впереди, подавая примѣръ. На далекихъ переходахъ отрывались еще въ сторону, ради охоты. Порученiя, которыя имѣлъ полковникъ Артамоновъ, были имъ выполнены при самыхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ.

24-го ноября люди прибыли въ Амбули и вошли въ составъ конвоя.

Сомалійскіе вожди (Абаны).

X.

Прибытіе каравана.

Ожиданіе верблюдовъ. Прибытіе абановъ. Сомалійская фантазія. Погрузка перваго каравана. Необходимость раздѣленія. Прибытіе второго каравана. Абанъ Либэхъ. Выступленіе изъ Амбули.

29-го ноября (11-го декабря), суббота. Верблюдовъ!... Верблюдовъ!... Я думаю, никто такъ жадно не желалъ, не ожидалъ такъ страстно верблюдовъ какъ мы эти дни. Вѣдь было сказано, что они придутъ въ субботу, т. е. сегодня, что условіе заключено..., но верблюдовъ не было. Напрасно смотрѣли вдаль, принимая поднятую вѣтромъ пыль за пыль отъ стада, напрасно люди конвоя торопливо раскладывали багажъ по вьюкамъ. снося, ихъ на чистую площадку бивака — верблюдовъ все не было.

Только тотъ пойметъ это страстное ожиданіе каравана, это стремленіе выбраться, какъ можно скорѣе, кто просидѣлъ въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли на бивакѣ, среди песковъ пустыни, кто пилъ плохую воду, погрязалъ по щиколку въ пескѣ, спалъ на походной кровати, на-

крывшись простынею, а днемъ изнемогалъ отъ жары, съ трудомъ передвигаясь и увязая всякій разъ въ раскаленной почвѣ, кто дѣлалъ все это, сознавая, что это даромъ потерянное время.

Разложиться, устроиться, какъ на квартирахъ?... А завтра придутъ верблюды и снова укладывайся, видя, какъ всѣ вещи испорчены ржавчиной и пылью.

А тутъ еще эта однообразная природа, это солнце, что вдругъ выплываетъ изъ моря ровно въ 6 часовъ и съ мѣста въ карьеръ жаритъ градусовъ на 30° R., эта темная ночь, что въ двѣ минуты становится въ 6 часовъ вечера, это голубое небо—такое же голубое сегодня, какъ было вчера, какъ будетъ и завтра, какъ будто съ такимъ же рисункомъ облаковъ, помѣщенныхъ на тѣхъ же мѣстахъ; эти пальмы со своей яркой зеленью и пыльныя, грязныя мимозы... Тоска...

Сегодня, въ 4 часа ночи, на почтовомъ верблюдѣ прибылъ изъ Зейлы поручикъ Ч—въ.

— „Что верблюды?" спросили у него первымъ дѣломъ.

— „Когда же верблюды?" раздался сонный голосъ изъ другой палатки.

— „Ну, какъ верблюды?" говорили изъ третьей.

Верблюды будутъ—сегодня, завтра, или послѣ завтра. Придетъ ихъ сначала 104, потомъ остальные.

Все оживилось. Спѣшно начали собираться, заканчивали корреспонденцію, я сдалъ больного казака Изварина на пароходъ, докончили сортировку багажа, подошелъ вечеръ, наступила ночь, а верблюдовъ все не было.

Прошло воскресенье, наступилъ понедѣльникъ 1-го (13-го) декабря, мы уже третій мѣсяцъ захватывали своимъ путешествіемъ, а верблюдовъ еще не было. Тяжелое подозрѣніе начало закрадываться въ душу каждаго. Положимъ, обѣщали и составили контрактъ, положимъ, резидентъ Зейлы написалъ начальнику миссіи записку съ обѣщаніемъ выслать къ вечеру воскресенья верблюдовъ. Но вѣдь контрактъ здѣсь не писанный и туземцы племени Исса легко

могли отказаться, ничѣмъ не рискуя. Здѣсь все возможно...

Наконецъ, около 9-ти часовъ утра понедѣльника они явились.

Я стоялъ въ это время съ начальникомъ миссіи у его палатки. Вниманіе наше было привлечено группой чернокожихъ, которые важно приближались къ лагерю со стороны Джибути. Впереди всѣхъ шелъ высокій, худощавый старикъ съ гладко выбритымъ черепомъ, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на бородѣ, въ бѣлой рубахѣ съ плащемъ, перекинутымъ черезъ плечо, и какими-то грязными тряпками возлѣ ногъ. Въ лѣвой рукѣ у него былъ большой бѣлый зонтикъ, въ правой длинное копье, за поясомъ была заткнута кривая сабля въ кожаныхъ ножнахъ, обернутыхъ тряпочкой, съ серебрянымъ эфесомъ безъ дужки. Сзади него шло человѣкъ шесть сомалійцевъ съ копьями и круглыми щитами въ рукахъ.

Это былъ начальникъ верблюдовожатыхъ, абанъ, и его помощники.

Абанъ—это дикарь въ полномъ смыслѣ слова, начальникъ дикихъ номадовъ, но въ то же время это очень важное лицо, которое нельзя ни раздражить, ни обидѣть.

Они привели съ собою 104 верблюда, которые придутъ къ вечеру, остальные верблюды прибудутъ во вторникъ или среду.

Абана и его помощника провели въ столовую и предложили имъ по чашкѣ кофе и леденцовъ. Кофе они выпили, а отъ леденцовъ отказались, подозрѣвая отраву.

Прихожу я черезъ нѣсколько минутъ въ свою палатку и застаю абана, развалившагося въ самой безцеремонной позѣ на моей койкѣ, на моихъ простыняхъ, положивъ лысую голову на мое полотенце, а грязныя вонючія ноги на сафьянную подушку. Приближенные его сидѣли на койкѣ Ч—кова, на моихъ чемоданахъ, осматривали оружіе. Согнать ихъ нельзя: обидятся и не возьмутъ караванъ. Пришлось звать переводчика и просить ихъ въ другую палатку. Неохотно поднялся абанъ и, разминаясь и поче-

сываясь, пошелъ въ палатку переводчика и К—цова. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ пришлось просить объ выходѣ и оттуда. Абанъ занялъ постель К—цова, а его провожатые, сидя кругомъ, сплевывали не глядя, куда попадетъ, на подушку, на сѣдло, одѣяло — все равно... Разбили имъ особую палатку и тогда успокоились.

Вечеромъ пришли верблюды съ провожатыми. Это было такое зрѣлище, полное фантастической прелести, что врядъ ли слабое перо мое сумѣетъ передать чудную гармонію красокъ и звуковъ, изящества и дикости, красоты и безобразія. Ни одинъ балетъ, ни одна феерія, никакая самая блестящая, самая волшебная постановка не дадутъ даже жалкаго подобія сомалійской „фантазіи".

Жаркій безоблачный день догоралъ. Солнце тихо спускалось за горы, дали синѣли. На востокѣ потянулись тона перламутра, они слились съ чуть фіолетовымъ тономъ неба и вдругъ потемнѣли. Пустыня готовилась ко сну. Саранча умолкла, птицы перестали чирикать, кусты темнѣли и сливались въ длинныя темныя массы, вѣтви мимозъ принимали видъ чудовищъ, распростершихъ свои руки.

И вотъ изъ дали этой пустыни, изъ-за холмовъ и кустовъ, изъ лиловаго неба послышалось стройное хоровое пѣніе. Это пѣлъ большой мужской хоръ, съ преобладающими басовыми нотами, съ переливами тоновъ, то встающихъ, идущихъ кверху и потомъ падающихъ до низкихъ, густыхъ звуковъ. Поющихъ не было видно. Слышны были лишь голоса, все приближающіеся и приближающіеся. Вотъ на горизонтѣ показалась тонкая дымка пыли и за ея пеленою неясныя очертанія каравана.

Абанъ и его свита вышли на край бивака и стали у куста мимозы. Величественна и важна была стройная фигура старика абана. Бѣлый плащъ изящными складками ниспадалъ книзу; онъ опирался на свою саблю; отступя отъ него, стали другіе сомали.

Караванъ приближался. Справа показались большіе грузовые верблюды, которые медленно выступали, высоко

Пляска Сомалей (фантазія).

неся свои безобразныя головы, покачиваясь горбами, мотаясь длинными палками рогожныхъ сѣделъ.

Лѣвѣе въ двѣ шеренги шла толпа верблюдовожатыхъ. Черные, съ непокрытыми головами, то гладко выбритыми, то съ курчавыми черными, или рыжеватыми волосами, то съ цѣлой копной вьющихся волосъ, были одѣты въ бѣлыя рубахи; въ рукахъ у нихъ были копья и круглые щиты, за поясомъ торчали длинные, чуть кривые кинжалы. Они подвигались медленно, шагъ за шагомъ, съ пѣніемъ торжественной пѣсни. Ихъ бѣлые плащи красиво рисовались на декораціи пустыни, на темныхъ кустахъ мимозы.

Голоса становились громче, слышнѣе. Уже на фонѣ стройнаго хорового пѣнія можно было различить отдѣльные дикіе возгласы, уже можно было видѣть передъ фронтомъ сомалей двухъ, трехъ воиновъ, которые носились взадъ и впередъ, размахивая копьями, присѣдая и подпрыгивая. Ихъ взвизгиванія — военный кличъ сомалей, прыжки и возня—изображеніе боя. Подойдя шаговъ на сто къ намъ, они пріостановились и, поднявъ на насъ копья, съ дикимъ визгомъ „й-йу-гу-гухъ“ кинулись на насъ и, пробѣжавъ шаговъ пятьдесятъ, разомъ остановились. Передніе пали на колѣни и сейчасъ же вскочили. Постоявъ съ минуту, они снова съ такимъ же точно крикомъ кинулись и теперь уже добѣжали до группы офицеровъ и казаковъ и окружили ихъ. Впечатлѣніе отъ такой атаки не страшное, но непріятно чувствовать совсѣмъ близко эти черныя тѣла, видѣть улыбки, обнажающія рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Теперь они отхлынули отъ насъ, хоръ пересталъ пѣть, абанъ, поднявъ шашку и не вынимая ее изъ ноженъ, заговорилъ что-то, его перебилъ другой, тамъ затрещалъ третій и черезъ минуту ихъ толпа напомнила рынокъ во время перебранки. Прыткій и юркій сомаліецъ со щитомъ и кинжаломъ въ рукахъ, въ пестромъ плащѣ перебѣгалъ тѣмъ временемъ вдоль линіи, устанавливая и уравнивая вожаковъ каравана въ кругъ. Въ одномъ мѣстѣ кругъ раздался и мы увидѣли рядъ черныхъ головъ, копья надъ

ними и круглые щиты, плотно приставленные одинъ къ другому. Абанъ махнулъ нѣсколько разъ шашкой, голоса смолкли, кто-то сказалъ еще одно, два слова и наступила тишина. И вотъ хоръ снова запѣлъ, отчетливо выговаривая каждое слово.

— „Бура ма́ буру румъ си, энъ нигадэ тальха̀ гуйу", и затѣмъ, приплясывая и притоптывая въ тактъ босыми ногами, они закричали: „йухъ", „йухъ", „йухъ"—йййй-ухъ, и кинулись всѣ въ середину, размахивая копьями, щитами и кинжалами.

Во все время продолженія пѣсни по кругу бѣгало два молодыхъ сомалійца, одинъ съ мечомъ и щитомъ, другой съ копьемъ; они прыгали, кидались одинъ на другого и пронзительно взвизгивали. И вотъ одинъ упалъ, а другой сталъ надъ нимъ, замахнувшись на него кинжаломъ. Какая поза! Сколько пластики было въ этой согнутой и запрокинутой за голову рукѣ, въ упругомъ торсѣ, сильныхъ ногахъ; сколько экспрессіи въ звѣрски улыбающемся лицѣ! Секунда молчанія и опять мѣрное пѣніе хора: „бура ма̀ буру румъ си, энъ нигадэ тальха, гуйу", та же пляска, тѣ же визги. И такъ до трехъ разъ.

Отойдешь къ ящикамъ, смотришь на нихъ и восхищаешься.

Небо стало темнѣе—южная ночь близка. Послѣдніе лучи прячущагося за горы солнца сверкаютъ на копьяхъ. Бѣлые, красиво задрапированные плащи развѣваются, мечи сверкаютъ, темные глаза горятъ вдохновеніемъ, а тутъ еще мѣрный дикій мотивъ хора, бѣготня воиновъ въ серединѣ. Черныя ноги прыгаютъ въ тактъ, поднимая легкую пыль, а сзади стоятъ желтые, спокойные верблюды, лѣсъ палокъ отъ сѣделъ, желтый песокъ и синяя даль востока.

„Фантазія" кончена. Съ говоромъ и шумомъ расходится толпа по верблюдамъ и гонитъ ихъ на водопой.

Абанъ и свита его просятъ бакшишъ...

2-го (14-го) декабря, вторникъ. Проснувшись въ 3 часа ночи, я ожидалъ увидѣть верблюдовъ, разведенныхъ по

нашимъ вьюкамъ, и черныхъ сомалей, торопливо грузящихъ караванъ. Но все было тихо. Верблюдовъ не было видно, абанъ со свитой спалъ мертвымъ сномъ въ палаткѣ, лагерь былъ тихъ и только наши часовые медленно бродили по сыпучему песку. Небо было покрыто тучами, собирался дождь. Прошло три часа, на востокѣ появилась желтая полоска, казачья труба пропѣла подъемъ, а ящики и тюки: все лежало на мѣстѣ, и абанъ задумчиво ковырялъ у себя въ ногахъ.

Двинуть караванъ, раньше чѣмъ вздумается этимъ дикарямъ, невозможно. Развѣ дадите имъ хорошій „бакшишъ". Вольные сыны пустыни, они не признаютъ надъ собой ничьего авторитета. Пригрозите имъ палкой, нагайкой, револьверомъ, скажите имъ рѣзкое слово и они уйдутъ и уведутъ съ собой верблюдовъ. Номады Азіи лѣнивы, номады Африки еще лѣнивѣе. Но номадъ Азіи привыкъ покоряться своему султану, его лѣнь смѣшана съ раболѣпствомъ, онъ боится насилія надъ собой. Сомаль никого не признаетъ. Это капризный ребенокъ, котораго надо уговаривать, упрашивать, покажите ему палку — онъ обидится и его не скоро успокоишь. Абанъ и его помощники обошли разложенные нами и нами приспособленные вьюки.

— „Хорошо", сказали они, вьюки вѣрны, и пошли за своимъ племенемъ.

Съ шумомъ и крикомъ подошли сомали къ вьюкамъ, стадо верблюдовъ окружило ихъ, еще минута и все это кинулось на вьюки, на ящики и на свертки: ни уговариванія абана, ни сопротивленіе часовыхъ, ни угрозы, ничто не могло остановить ихъ. Какъ враги, завоевавшіе станъ, кидаются на добычу, такъ кинулись люди нашего каравана на ввѣренный имъ грузъ. Каждый хваталъ, что хотѣлъ. Въ минуту наши вьюки были разрознены, легкія вещи спѣшно грузились на верблюдовъ, тяжелыя въ безпорядкѣ валялись по песку. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Вызвали казаковъ конвоя, вернули слабо нагруженныхъ верблюдовъ и втолковали сомалійцамъ, что каждый верблюдъ долженъ нести четыре ящика.

— „Арба, àрба!“ говорили имъ, показывая четыре пальца.

Они смѣялись, скаля бѣлые зубы, и отрицательно качали головами: „мàфишь“.

Но вѣдь было же условіе, что они должны везти не менѣе восьми пудовъ на спинѣ верблюда, что они должны дойти до Гильдессы (300 верстъ) въ 12 дней и что они получатъ тогда по 18 талеровъ за верблюда, а абаны, кромѣ того, хорошій бакшишъ—ружья, сабельные клинки и часы. Три ящика вѣсятъ только шесть пудовъ!

— „Мàфишь!“ энергично кричитъ какой-то остроносый сомаль съ длинными вьющимися коричневатыми кудрями, кладетъ своего верблюда и начинаетъ разгружать. За нимъ, какъ по командѣ, разгружаются и остальные. Люди уходятъ въ сторону. Что такое?

— „Пойдемъ посидѣть“, объясняетъ абанъ и идетъ къ людямъ. При его приближеніи шумъ и крики усиливаются. Мнѣ такъ и слышится въ ихъ гортанномъ говорѣ ругательства на абана; наконецъ, голоса немного утихаютъ, начинаетъ говорить абанъ, его сейчасъ же перебиваетъ другой, третій и снова сомалійское вѣче принимаетъ характеръ толкучаго рынка.

Совѣщаются больше часа. Наконецъ, абанъ возвращается и сообщаетъ, что люди отказываются вести караванъ, они оставляютъ намъ верблюдовъ, а сами уходятъ въ Зейлу. Дорогой, въ горахъ верблюдамъ нечего ѣсть, они не могутъ нести большого груза.

Начинаются опять переговоры.

— „Скажи ему“, говоритъ С—нъ, „что мы прибавимъ тѣмъ верблюдовожатымъ, которые возьмутъ по четыре ящика“.

— „Сколько прибавишь?“ хитро спрашиваетъ абанъ и все лицо его сжимается въ комокъ морщинъ.

— „Твои верблюды, ты и назначь“.

Опять переговоры.

— „Надо спросить у людей—по талеру на верблюда“.

— „Хорошо“.

Абанъ идетъ къ людямъ и тѣ снова идутъ къ верблюдамъ. Опять среди ящиковъ бѣгаютъ обнаженные черные люди, приподнимаютъ, взвѣшиваютъ, пробуютъ. Особенно имъ не хочется брать короткіе ящики съ виномъ, неудобные къ погрузкѣ. Въ дѣло нагрузки вмѣшиваются казаки и наши черные слуги, дѣло кипитъ.

Атаманецъ Крынинъ затянулъ веревкой верблюду шею на правый бокъ и подгибаетъ ему лѣвую ногу, думаетъ повалить, какъ лошадь. Верблюдъ не понимаетъ въ чемъ дѣло и идетъ впередъ, наступая на веревку.

— „Да ты не такъ“, кричитъ ему уже бывалый въ походахъ на верблюдѣ Щедровъ, „ты по ихнему—смотри:—онъ тянетъ верблюда впередъ и энергично говоритъ: „ахръ“, „ахръ“,—верблюдъ ложится.“ Казаки подносятъ ящики, казаки укладываютъ грузы, наши черные увязываютъ веревки. Сомали въ отчаяніи.

Вотъ одинъ молодой и курчавый, запрокинувъ руки кверху жестомъ, достойнымъ хорошаго коръ-де-балетнаго танцовщика, взываетъ о пощадѣ и отталкиваетъ толстяка Недодаева.

— „Да ты постой“, ласково говоритъ ему хохолъ фейерверкеръ, „ты зря не ершись, сказано четыре, а ты три хочешь, экой ты, какой супротивный. „Ну ка, Арару“, обращается онъ къ нашему слугѣ абиссинцу, ни слова не знающему по русски, „какъ бы ты веревочкой поджился, а, другъ мой милый!“

Смотрю: Арару ему несетъ веревку и вдвоемъ они начинаютъ вьючить. Тяжелые ящики подвязаны съ боку, легкіе стали на горбу. Сомаль хозяинъ съ трагическими жестами бѣгаетъ къ абану, потомъ назадъ, слезы начинаютъ капать изъ его глазъ, грязные черные кулаки лѣзутъ къ глазамъ, все лицо сморщено, онъ не такъ плачетъ, какъ дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Такъ въ балетѣ опытный мимикъ изображаетъ сцену отчаянія.

— „Экой ты право“, ласково говоритъ ему Недодаевъ, „ну

кто тебя обидѣлъ? тебѣ же дураку помогли, а ты ревешь, какъ бѣлуга. Нехорошо. Не маленькій вѣдь".

И сомаль успокаивается.

Между дикарями верблюдовожатыми и нашими казаками устанавливается невидимая связь и они понимаютъ другъ друга лучше, чѣмъ насъ съ переводчикомъ.

— „Арба, арба," кричитъ Сидоровъ, уралецъ, показывая четыре пальца.

— Таибъ, таибъ", отвѣчаетъ сомаль, и четыре ящика подвязаны къ бокамъ.

— „Ваше высокоблагородіе", мягко обращается ко мнѣ Крынинъ, „вотъ этотъ—вотъ не желаетъ грузить четыре ящика, говоритъ, что онъ полу-верблюдка и что онъ возьметъ по два ящика на каждаго изъ своихъ верблюдовъ".

— „Да какъ же ты понялъ?"

— „Объяснились, ваше высокоблагородіе", широко улыбаясь, говоритъ Крынинъ.

Иные сомали пришли съ женами. Вотъ немного поодаль мужъ и жена, молодые сомалійцы, грузятъ верблюда.

Кругомъ полный разгромъ. Часть верблюдовъ уже вытянулась въ пустыню, остальные спѣшно грузятся. Около 4-хъ часовъ пополудни первый эшелонъ 112 верблюдовъ, считая въ томъ числѣ и полуверблюдковъ, вытянулся въ пустыню. Подняли всю аптеку, часть съѣстныхъ припасовъ, мебель, ковры и домашнюю утварь.

30 мѣстъ, вопреки условію, не было взято и приходится молчать: возмущаться и молчать. Ничего нельзя подѣлать съ этими дикарями, которыхъ только бакшишъ двигаетъ впередъ, только бакшишъ заставляетъ грузить вещи.

Много нужно терпѣнія, спокойствія, выдержки, чтобы разговаривать съ этими людьми, чтобы имѣть съ ними дѣло. Мы потеряли сутки, не догрузили 30 мѣстъ (10 верблюдовъ) и все-таки выступили счастливо. Могли просидѣть двое сутокъ, ожидая, когда переговорятъ, когда согласятся вести. Африка—страна, гдѣ можно или научиться терпѣнію, или потерять послѣднее...

5 (17-го) декабря, пятница. 3-е, 4-е и 5-е декабря проходятъ въ тихой бивачной жизни. Поручикъ Ч—въ уѣхалъ съ казакомъ Архиповымъ въ Зейлу за вторымъ эшелономъ верблюдовъ. Тѣмъ временемъ разложили вьюки и съ грустью убѣдились, что, при обычныхъ капризахъ сомалей при нагрузкѣ, заказанные 120 верблюдовъ не поднимутъ этого груза. Положеніе тяжелое. Остались все такія вещи,

Въ ожиданіи похода.

которыя кинуть нельзя. Остались царскіе подарки, казна, продовольствіе людей и муловъ, палатки, имущество членовъ миссіи... Все это поднять рѣшительно невозможно — остается или оставить часть вещей какому-либо довѣренному лицу изъ французовъ, обязавъ его собрать третій караванъ и послать его намъ вслѣдъ, или раздѣлиться...

Раздѣлиться, это значитъ оставить двухъ или трехъ офицеровъ, одного врача и часть провіанта. Раздѣлить

кухню, столовую, раздѣлить вещи, по существу недѣлимыя. Наконецъ, раздѣлить конвой. Отдать двухъ или трехъ казаковъ въ остающуюся часть, а съ пятнадцатью, шестнадцатью казаками взяться охранять и личность Императорскаго посланца, и казну, и подарки. Какой разсчетъ на службу можно сдѣлать при такихъ условіяхъ?! скольким ночью придется отдыхать и сколькимъ придется стоять на стражѣ послѣ дня, проведеннаго въ хлопотахъ по нагрузкѣ и разгрузкѣ каравана, въ путешествіи на мулѣ въ теченіе 6—8 часовъ при 30° жарѣ, при отсутствіи воды!... А какъ пойдетъ остальная часть отряда, имѣя только двухъ нижнихъ чиновъ на охрану, для вьючки верблюдовъ, для надзора за караваномъ. А охрана необходима и охрана сильная и внимательная. Не говоря уже про опасность отъ хищныхъ звѣрей, отъ гіенъ и шакаловъ, могущихъ утащить кожаные предметы, сапоги, сѣдла, чему имѣлись прецеденты, или изуродовать спящихъ, нужно считаться и съ сомалійскими разбойниками. Цѣлыя племена сомалей, до 2,000 человѣкъ, поднимаются иногда на грабежъ по Сомалійской пустынѣ. Издали слѣдятъ за бивакомъ ихъ востроглазые развѣдчики — они высматриваютъ время, когда усталый, изнуренный походомъ часовой, склонившись на ружье, задумается о далекой родинѣ и сонъ невольно смежитъ его очи, когда стражъ абиссинецъ, подстеливъ свою шаму, разляжется между камней, звѣзды потухнутъ, а разсвѣтъ еще не заблеститъ—тогда, раздѣвшись до-нага, слившись съ черными камнями и темнымъ пескомъ, съ копьями въ рукахъ и кинжалами въ зубахъ, они кидаются со всѣхъ сторонъ на бивакъ, какъ змѣи скользятъ между камней и рѣжутъ сонныхъ путешественниковъ, рѣжутъ стражу, рѣжутъ верблюдовожатыхъ. Когда они прикончатъ со всѣми, они кидаются на багажъ и дѣлятъ добычу...

Такъ былъ зарѣзанъ французскій купецъ съ женой, такъ было зарѣзано еще шестеро туристовъ. Мы получили анонимное письмо на имя начальника миссіи съ извѣще-

ніемъ, что на насъ весьма вѣроятно будетъ произведено нападеніе. И при такихъ условіяхъ приходилось охранять караванъ съ 16-ю казаками, караванъ изъ 111 верблюдовъ съ крайне упрямыми верблюдовожатыми. И еще тяжелѣе, еще болѣе жутко придется тому каравану, который пойдетъ съ двумя казаками.

Вечеромъ пришелъ караванъ изъ 111 верблюдовъ и ясно стало, что дѣленіе необходимо.

Начальникъ миссіи собралъ подъ вечеръ совѣтъ изъ офицеровъ и врачей, и въ виду крайняго неудобства раздѣленія рѣшено было сдѣлать все возможное къ тому, чтобы погрузить всѣхъ верблюдовъ, если же это окажется немыслимымъ, оставить поручиковъ А—и и Д—ва, кандидата Кузнецова и казаковъ Могутина и Демина, а съ остальными двинуться, во что бы то ни стало, съ бивака. Съ вечера мною были отданы распоряженія для похода. Назначенъ караулъ къ денежнымъ ящикамъ и царскимъ подаркамъ, оцѣпленіе вокругъ бивака, люди для снятія палатокъ и для наблюденія за вьюченіемъ. Въ восемь часовъ вечера протрубили зарю, пропѣли молитвы и гимнъ, я поздравилъ казаковъ съ походомъ на завтра и, полные надеждъ на выступленіе, мы заснули въ палаткахъ Амбули.

6-е декабря, день тезоименитства Государя Императора, долженъ былъ быть для насъ вдвойнѣ радостнымъ днемъ: мы должны были выступить, наконецъ, съ бивака. Въ четыре часа утра проиграли подъемъ, почистили муловъ и начали собирать палатки. Черезъ два часа нашъ лагерь являлъ изъ себя полную картину разрушенія. Всюду кипѣла работа, здѣсь валили палатки, тамъ укладывали чемоданы, собирали вьюкъ. Увязая въ пескѣ, бродили люди по бивaку, торопливо собирая вещи. И въ то время, какъ эта суета, эти свернутыя и упакованныя палатки показывали наше намѣреніе скоро двинуться въ путь, ни одного верблюда не было приведено изъ стада, ни одного сѣдла не положено имъ на спину. Абаны безпечно валялись на пескѣ, а сомалійцы, верблюдовожатые, сидѣли въ кругу на корточ-

кахъ, поднявъ къ верху свои копья и думали крѣпкую думу. Имъ словно дѣла не было до насъ, будто не мы имъ платили, не на наши деньги они были наняты, не для нашихъ грузовъ.

Люди собрались на молитву, потомъ пропѣли гимнъ, прокричали за здоровье Императора „ура“, все что могли сдѣлать въ этотъ высокоторжественный день, заставшій насъ за работой, и были распущены для отдыха. Около десяти часовъ утра пришли первые шесть верблюдовъ, абаны, арабъ Саидъ-Магометъ, получившій вчера за хлопоты по устройству каравана для „Краснаго Креста“ орденъ Станислава 3-й степени и теперь пришедшій помочь намъ, нѣсколько верблюдчиковъ обступили наши ящики и пробовали ихъ тяжесть, обдумывая способъ ихъ погрузки. Повторялась исторія перваго каравана. Того не хочу, другого не желаю—ящики съ деньгами такъ тяжелы, что больше двухъ ихъ класть на верблюда нельзя (въ каждомъ ящикѣ 1,500 талеровъ Маріи-Терезіи 1780 г.), ящики съ подарками громоздки, ихъ и совсѣмъ брать не желаютъ, словомъ, по испытаніи выходило, что болѣе четырехъ пудовъ на каждаго верблюда класть не приходится и мы можемъ поднять меньше половины всего груза́. И все это заявлялось съ нахальнымъ сознаніемъ собственной силы и нашей зависимости отъ нихъ. Споры длились долго. Саидъ-Магометъ и молодой, юркій абанъ каравана съ исхудалымъ лицомъ и видомъ голоднаго актера изливали трескучія рѣчи на сомалійскомъ языкѣ,—но тщетно, старые сомали съ удрученнымъ видомъ подходили къ нашимъ ящикамъ и, сильно пыжась, чтобы показать, насколько они тяжелы, съ неимовѣрными усиліями поднимали ихъ. Напрасно я съ С—мъ сейчасъ же поднималъ ихъ и показывалъ, что они ошибаются, они отрицательно качали головами и отходили. Такъ посмотрѣли всѣ ящики и объявили, что, чтобы поднять всѣ грузы, нужно заплатить вдвое. Тогда начальникъ миссіи вышелъ къ абанамъ и приказалъ сказать имъ, что, такъ какъ они наняты черезъ посредство англійскаго

резидента Зейлы, съ уплатой по 18-ти талеровъ за каждые восемь пудовъ груза, которые они доставятъ въ Гильдессу, а они не желаютъ брать и шести пудовъ, то онъ предлагаетъ имъ возвратить деньги обратно, оставить, если у нихъ денегъ нѣтъ, опредѣленное количество верблюдовъ въ залогъ и отвѣчать за нарушеніе контракта передъ англійскимъ резидентомъ Зейлы, который за нихъ поручился. „Я сказалъ—и это рѣшено", закончилъ свою рѣчь Г. Власовъ и отошелъ отъ старшинъ. Быстро перевелъ его слова абанамъ переводчикъ. Между абанами поднялся страшный шумъ и крикъ, очевидно, заявленіе на нихъ подѣйствовало. Они ушли и собрали верблюдчиковъ въ сторону на совѣщаніе. Мы стали ставить палатки, чтобы показать имъ, что наше рѣшеніе неизмѣнно. Прошло еще три часа. Отвѣсные лучи солнца начали падать нѣсколько косвеннѣе, день склонялся къ вечеру. Абанъ вернулся съ совѣта и объявилъ, что завтра съ утра начнутъ грузить верблюдовъ такъ, какъ мы укажемъ.

Для найма верблюдовъ для остальныхъ тяжестей былъ выписанъ арабъ Гасанъ-Магометъ, бывшій нашъ поставщикъ муловъ, и ему поручено къ ночи собрать до 40 верблюдовъ. Онъ обѣщался поискать, но сказалъ, что дешевле, какъ по 24 талера за верблюда до Гильдессы, онъ врядъ ли достанетъ. Нужда вынудила принять и эти условія.

Эту ночь половина офицеровъ и конвой ночевали безъ палатокъ. Мы собрались вечеромъ у поручиковъ К—го и Д—ва по случаю ихъ баталіоннаго праздника и пили за здоровье стрѣлковъ.

7-го (19-го) декабря, воскресенье. Съ четырехъ часовъ утра все на нашемъ бивакѣ было на ногахъ. Казаки чистили муловъ, черные слуги помогали офицерамъ укладывать по ящикамъ и чемоданамъ вещи. Послѣдняя четверть луны и звѣзды юга проливали мягкій свѣтъ надъ разбросаннымъ бивакомъ. Почти одновременно на бивакѣ черныхъ, среди верблюдовъ, началось движеніе. Женщины-сомалійки надѣвали на горбатыя спины животныхъ цыновки изъ со-

ломы и шерсти, навязывали на нихъ четыре палки, крестъ на крестъ, и прикручивали это все къ верблюду.

Очевидно, караванъ серьезно готовился къ выступленію. Старыхъ абановъ, испортившихъ намъ столько крови вчера и третьяго дня, смѣнилъ молодой сомаліецъ, по имени Либэхъ—что значитъ—Левъ—онъ насъ и поведетъ. Либэхъ человѣкъ аккуратный и знающій свое дѣло. Онъ ходитъ между ящиковъ со стариками, осматриваетъ ихъ и формируетъ вьюки.

Дѣло тянется томительно долго. Отъ шести часовъ и до $11^{1}/_{2}$ погружено только 20 верблюдовъ съ подарками, казной и патронами. Изъ-за каждаго ящика происходятъ споры—иныхъ никто не хочетъ брать, тогда на помощь казакамъ является абанъ. Усиленно жестикулируя, онъ говоритъ пламенную рѣчь сомалямъ, хватаетъ ихъ за рукавъ, трогаетъ ящики, доказываетъ, что они нетяжелы, что ихъ удобно можно умѣстить на боку верблюда, подноситъ ихъ къ сѣдлу и вьючитъ, не обращая вниманія на протесты хозяина, а потомъ бѣжитъ къ слѣдующему и тамъ продѣлываетъ то же. Погрузка идетъ все далѣе и далѣе, подняли палатки офицеровъ, подняли ихъ имущество, не спѣша, принялись за галеты и консервы. Уже число непогруженныхъ верблюдовъ стало ничтожно, а груза все еще оставалось много. Оставалось одно: или вернуть часть каравана назадъ и остаться на неопредѣленное время въ Амбули, или тронуться съ тѣмъ, что поднято на верблюдовъ, и оставивъ часть отряда наблюсти за погрузкой ящиковъ. Метнули жребій, оставаться пришлось поручикамъ К—му, А—и и Д—у, классному фельдшеру Сасону и кандидату Кузнецову...

Въ $2^{1}/_{2}$ часа пополудни 7-го декабря мы сѣли на муловъ и тронулись изъ Амбули на Харарь...

XI.

По Сомалійской пустынѣ.

Движеніе каравана.—Порядокъ разстановки на бивакъ.—Первый ночлегъ.—Подъемъ.—Характеръ пустыни.—Дневка въ Баяде.—Охота.—Прибытіе второго каравана.—Я заблудился на охотѣ.—Сомаль-проводникъ.—Драки съ абаномъ.—Охота на кабановъ въ Дусе-Кармуне.—Опасность отъ сомалійскихъ племенъ.—Капризы сомалей.—Встрѣча съ Мандономъ въ Феррадѣ.—Тревога въ Мордале.—Сарманъ.—Граница Абиссиніи.—Ночной переходъ въ арьергардѣ.—Горячіе ключи у Арту.—Пріѣздъ Гильдесскаго губернатора Ато-Марши.—Дурго.—Абиссинскіе солдаты.—Гильдесса.—Галласская фантазія.

Дорога отъ Амбули до Гумаре, нашего перваго ночлега, идетъ по каменистой пустынѣ, кое-гдѣ поросшей сухой мимозой. Это не дорога въ европейскомъ смыслѣ слова, а лишь проходъ, шириною около двухъ сажень, усыпанный каменьями, иногда настолько крупными, что мулъ едва-едва можетъ перешагнуть черезъ нихъ. Путь поднимается все выше и выше; на протяженіи двухъ верстъ отъ Амбули виднѣются брошенные рельсы Дековилевской дороги. Верстахъ въ 2½ стоитъ сторожевая башня, первый оплотъ французовъ на Сомалійской территоріи; подлѣ—нѣсколько бѣдныхъ хижинъ сомалей за соломенной стѣнкой, а дальше прямая пустынная дорога между черныхъ камней. Оглянешься назадъ—видны бѣлые домики Джибути, да млѣетъ, ласкаясь на вечернемъ солнцѣ, голубой заливъ, тихій и блестящій. Впереди цѣпь горъ самыхъ причудливыхъ очертаній. То торчатъ почти остроконечные шпили, вершины рѣзки и обставлены прямыми, почти отвѣсными линіями, то вершины округлы, или совершенно прямоугольны, словно гигантскій столъ стоитъ въ отдаленіи. Черные загорѣлые камни, результатъ вывѣтриванія и дѣйствія солнечныхъ лучей, видны всюду, куда только хватаетъ глазъ.

Усилія мои организовать движеніе каравана хотя въ ка-

комъ-нибудь порядкѣ не увѣнчались успѣхомъ. Верблюды, нагруженные подарками, шли въ перемѣжку съ верблюдами съ галетами и имуществомъ членовъ отряда. Одни шли по десяти, связанные другъ съ другомъ и ведомые одной женщиной, другіе медленно ступали по одиночкѣ. Въ одномъ мѣстѣ образовался интервалъ почти съ версту, въ другомъ ихъ скопилось нѣсколько десятковъ. Впередъ я послалъ кашевара съ котлами, въ тылу шло шестеро казаковъ, караулъ слѣдовалъ при верблюдѣ, погруженномъ канцеляріей и документами, нѣсколько человѣкъ было при начальникѣ миссіи, остальные были распредѣлены при караванѣ. Мы выѣхали послѣдними. На всемъ протяженіи пути слѣдованія каравана намъ попадались развьюченные верблюды. Изъ-за одного какого-нибудь свертка останавливалась иногда цѣлая цѣпь верблюдовъ. Я назначалъ здѣсь казака, которому вмѣнялъ въ обязанность наблюсти за быстрой погрузкой и приказывалъ отсталаго верблюда отводить въ сторону.

Такъ, то спускаясь, то поднимаясь съ горы на гору, шли мы все дальше и дальше.

Около пяти съ половиной часовъ мы пришли на ночлегъ, пройдя въ этотъ день 16 верстъ, и остановились верстахъ въ 40-ка отъ Баяде, подъ горой, на песчаной площадкѣ между камней. Часть каравана, казна и подарки прибыли раньше и въ страшномъ безпорядкѣ были свалены по пустынѣ. Здѣсь же лежали верблюды, вытянувъ свои безобразныя морды. Въ ожиданіи коновязи, привязали муловъ къ камнямъ, зачистили ихъ и стали сносить денежные ящики, подарки и воду подъ сдачу часовому.

Только къ ночи стянулся весь караванъ. Переходъ былъ ничтожный, но утомленіе казаковъ было велико. Съ 4-хъ часовъ утра, весь день, при страшной жарѣ работали они, собирая караванъ, грузя вещи, ссорясь и бранясь съ сомалями изъ-за каждаго свертка. На вечерней перекличкѣ казаковъ арьергарда еще не было. Скудный обѣдъ и чай

въ небольшомъ количествѣ подкрѣпилъ наши силы для тяжелой ночи.

Два поста стали на ночь: одинъ—у денежнаго ящика и одинъ постъ—у палатки начальника миссіи. Для обхода я съ Ч—ковымъ разбили ночь на двѣ смѣны. До полуночи дежурилъ Ч—ковъ, а послѣ полуночи до утра я.

Вечеромъ пришелъ къ намъ Либэхъ за приказаніями.

— „Demain quatre heures du matin commencer“...

— „Bon“.

— „Tout sera prêt vers six heures. Six heures en route, le soleil couchant a Bajadé“.

— „Bon“.

Абанъ помолчалъ немного, посмотрѣлъ на меня своими смышленными усталыми глазами и сказалъ:

— „Bagage faut pas toucher. Moi garder tout. Ma tête malade—je tiens dans ma tête tout. Faut pas toucher bagage—moi arranger tout“.

Онъ ушелъ, я легъ на постель, подъ открытымъ небомъ, чтобы отдохнуть немного. Бивакъ засыпалъ. Подъ камнями въ повалку спали люди; офицеры и врачи расположились на пескѣ дороги. Бурка служила мнѣ матрацомъ и одѣяломъ, сложенная одежда подушкой, а темное небо, усѣянное яркими звѣздами юга, роскошнымъ пологомъ. Тишина царила кругомъ. Слышно было мѣрное жеваніе верблюдовъ, да тяжелые вздохи бѣдныхъ муловъ, оставшихся безъ воды на ночлегѣ. И вотъ среди этой ночной тишины раздался звучный гортанный говоръ Либэхъ.

— „Оріà“, по-сомалійски вскричалъ онъ, „завтра за два часа до восхода будемъ грузиться“.

И ровнымъ гуломъ, какъ театральная толпа, прогудѣли сомали:

— „Слушаемъ; верблюды будутъ готовы“.

— „Пойдемъ прямо до Баяде. У Гумаре остановимся на два часа“.

— „Правильно, надо накормить верблюдовъ“.

— „Осмотритесь и приготовьтесь“.

—„Будемъ готовы“...

И снова все смолкло.

Въ тишинѣ темной волшебной ночи, на таинственной декораціи каменистыхъ горъ—этотъ голосъ абана и дружные отвѣты сомалей на гортанномъ, никому непонятномъ языкѣ звучали торжественно. Невольный страхъ закрадывался въ душу. А что, какъ этотъ невинный приказъ для похода не приказъ, а заговоръ, приказаніе зарѣзать насъ и овладѣть грузомъ, а дружные голоса верблюдовожатыхъ отвѣты хорошо организованной и дисциплинированной шайки разбойниковъ...

Такъ получали, надо думать, приказанія отъ своихъ военачальниковъ легіоны Цезаря, такъ, должно быть, сообщалась воля вождя въ войскахъ, едва ознакомленныхъ съ цивилизаціей.

Въ полночь меня разбудилъ Ч—овъ и я, взявъ ружье, пошелъ въ обходъ. Тихо было въ пустынѣ. Здѣсь не визжали подъ самымъ бивакомъ шакалы, не ухали гіены, не слышно было пѣнія сомалійскихъ женщинъ и лая собакъ, но тишина мертвая, тишина пустыни. Трудно было ходить въ этой темнотѣ, ежеминутно, натыкаясь на камни, цѣпляясь за колючки мимозы. Бивакъ, разбитый, повидимому, въ крайнемъ безпорядкѣ, однако, имѣлъ свой смыслъ. Сомали, проводники верблюдовъ, ни за что бы не отдали своего груза для устройства изъ него ограды, потому что каждый зналъ свои ящики, каждый устроилъ изъ нихъ и изъ цыновокъ, составлявшихъ верблюжье сѣдло, нѣкоторое подобіе дома. Подлѣ него тлѣлъ костеръ, на которомъ жена вожака вечеромъ приготовляла ему рисъ. Но весь лагерь былъ перемѣшанъ. Верблюды, ящики, черные слуги, офицеры, мулы все это было скучено между камней, все спало мертвымъ сномъ въ эту прохладную сырую ночь. Я сидѣлъ за походнымъ столикомъ и набрасывалъ впечатлѣнія перваго дня нашего пути... Сырость проникала сквозь сукно мундира, смачивала бумагу и трудно было писать при такихъ условіяхъ.

Кругомъ спалъ бивакъ, охранителемъ котораго являлся я со своими людьми. Невеселыя мысли шли мнѣ въ голову. Какъ охранить эти драгоцѣнные грузы, какъ охранить личность царскаго посла, его супруги и женщинъ лагеря въ эту темную ночь. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Нѣсколько разъ я выходилъ изъ предѣловъ бивака и, спотыкаясь о камни и падая, уходилъ далеко въ пустыню. Тамъ, затаивъ дыханіе, я прислушивался. Какая тишина была кругомъ! Какое поразительное отсутствіе жизни на многія версты. Абиссинецъ-слуга окликнулъ меня при моемъ возвращеніи и приложился изъ своего Гра.

— „Московъ ашкеръ“—отвѣтилъ я, и прошелъ на бивакъ. Часовой въ верблюжьей курткѣ сталъ передо мной смирно.

— „Крынинъ?“

— „Такъ точно“.

— „Тебѣ холодно?“

— „Никакъ нѣтъ“.

Имъ никогда не бываетъ холодно, они никогда не устаютъ, эти славные бородачи, лихіе наѣздники, охотники африканскихъ пустынь!

8-го (20-го) декабря, понедѣльникъ. Отъ Гумаре до Баядэ—42 версты. Въ 4 часа утра трубачъ Терешкинъ протрубилъ подъемъ, изображавшійся у насъ сигналами: „слушай“, „всѣ“ и „сборъ“, и бивакъ зашевелился. Было совершенно темно, сыро и прохладно. Винтовки и ружья были покрыты легкимъ налетомъ ржавчины, сырость легла на бурки, на шляпы, на все. Заварили чай, а остатокъ воды роздали муламъ. Каждый получилъ по $^1/_4$ ведра. Бѣдныя животныя страшно намучились. Надо было видѣть ихъ оживленіе, когда разливали воду. Мой „Графъ“, балованный мулъ съ умными, какъ у лошади глазами, жалобно ржалъ и топалъ хорошенькой тоненькой ножкой, прося еще и еще воды. Но воды было всего шесть жестянокъ на всѣхъ муловъ. Въ полной темнотѣ вьючили сомали верблюдовъ, бѣгали, разыскивая чемоданы съ лич-

нымъ имуществомъ офицеровъ, и отправляли ихъ партія за партіей. Абанъ Либэхъ сердился, когда кто-либо изъ офицеровъ напоминалъ ему что-либо, или давалъ указанія.

— „Laisse moi, laisse. Je suis malade . . . si grand bagage, je prends tout á moi“.

И онъ шелъ резониться съ сомалями, произносилъ имъ рѣчи, топалъ на нихъ ногой, размахивалъ руками, убѣждалъ и настаивалъ.

Въ 6 часовъ изъ-за горъ показалось солнце, а въ 7 тронулся послѣдній верблюдъ, а за нимъ и мы.

Опять тѣ же камни, та же черная пустыня. Мѣстами дорога такъ узка, такъ тѣсно протоптана, что верблюдъ еле умѣщаетъ свои ноги, мѣстами круглые камни навалены одинъ на другой, какъ петербургская мостовая во время ремонта. Невольно удивляешься здѣсь муламъ и нашимъ слугамъ. Отпустишь поводъ мулу и онъ нагнетъ голову, распуститъ уши по бокамъ и внимательно приглядывается, какъ и куда ему поставить ногу, и никогда не споткнется, никогда не покатится съ круглаго камня. А слуги идутъ сзади, неся ружья, фляги съ водой, идутъ босыми ногами по камнямъ, бѣгутъ сзади васъ, если вы поѣдете рысью.

Какія нужно имѣть ноги, какія имѣть подошвы, чтобы бѣжать по раскаленнымъ камнямъ пустыни? Мы подымаемся постепенно выше и выше, изрѣдка проходимъ ущелья и потомъ снова подъемъ. Около полудня мы были на обширномъ плато, усыпанномъ камнями и поросшимъ кое-гдѣ жидкой и чахлой мимозой. Изрѣдка алоэ протягивало свои длинныя мясистые листья и стебель съ пучкомъ мелкихъ красныхъ цвѣтовъ. Говорятъ, на этомъ плато водятся страусы. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ на полчаса. Фармацевтъ Л—въ и трубачъ Терешкинъ быстро сготовили чай и на буркѣ въ жидкой тѣни сухой мимозы мы освѣжили пересохшее горло.

Въ 2½ часа мы были въ Баядэ.

Когда вы слышите, или читаете эти названія, быть мо-

жетъ вамъ рисуется поселокъ, раскинувшійся въ горахъ, стадо барановъ, щиплющихъ сухую полынь, маленькое общество людей, у которыхъ вы можете пріобрѣсти курицу, или козьяго молока.

Гумаре—это груда камней, сложенныхъ неправильнымъ четыреугольникомъ среди пустыни, со слѣдами костровъ внутри него. Баядэ—французскій постъ, состоящій изъ двухъ соломенныхъ хижинъ, обнесенныхъ заборомъ, и флагштока съ мотающимся на немъ французскимъ флагомъ. Здѣсь дорога круто спускается внизъ въ песчаное русло рѣки, кое гдѣ поросшее мелкой туйей. Берега этой рѣки, саженъ 15 вышиною, состоятъ изъ черныхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, за которыя цѣпляются сухія колючія мимозы, Дно этой рѣки и было избрано для ночлега. Вода была въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивака въ песчанныхъ копанкахъ. Вода чистая свѣжая, но съ чуть солоноватымъ вкусомъ. Наученные горькимъ опытомъ вчерашняго дня, когда пришлось держать муловъ въ рукахъ до прибытія верблюда съ коновязью, мы отправили теперь коновязный канатъ съ первой партіей и черезъ полчаса уже протянули коновязь, разложили сѣдла, зачистили животныхъ и вышли встрѣчать верблюдовъ и направлять каждаго къ своему мѣсту. Подарки, деньги и вода были сложены въ одно мѣсто подъ сдачу часовому, имущество офицеровъ складывалось подлѣ мѣста, избраннаго для палатокъ. Становище сомалей располагалось на флангѣ.

Въ Баядэ къ намъ присоединился лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ А. К. Б—чъ съ тремя абиссинскими слугами и двумя вьючными животными, прошедшій въ 11 дней отъ Аддисъ-Абебы до Баядэ. Онъ передалъ намъ о нетерпѣніи, съ которымъ ожидаютъ въ Аддисъ-Абебѣ прибытія нашей миссіи.

Къ вечеру бивакъ установился. Мы сидѣли за ужиномъ, когда къ завѣдующему караваномъ, поручику Ч—ву подошелъ абанъ и доложилъ, что грузъ дошелъ благополучно.

— „Demain n'est pas marcher. Chameaux fatigués, chameliers fatigués, moi malade—grand bagage“.

Дневка входила въ нашъ разсчетъ: намъ нужно было дождаться оставшейся части каравана.

9-го (21-го), 10-го (22-го) декабря, Дневки въ Баядэ. Утро. Близъ коновязи обыденныя казачьи занятія на дневкѣ — чистка ружей, стирка бѣлья. Къ полудню управились.

— „Ваше высокоблагородіе! дозвольте на охоту пойтить?“—обращается ко мнѣ мой столяръ и сапожникъ, и записной охотникъ Кривошлыковъ. Работъ на бивакѣ не предвидится—я разрѣшаю.

Черезъ полчаса является уралецъ Сидоровъ, „дозвольте, ваше вышокоблагородіе, дигъ-диговъ поштрѣлять“, отпускаю и его, бросаю писаніе, беру винтовку и выхожу съ бивака.

Я иду около версты русломъ рѣки въ громадномъ каменномъ корридорѣ, образованномъ высокими черными отвѣсными скалами. Наконецъ, скалы разрываются справа и въ рѣку круто спускается узкая кривая балка. Дно этой балки усѣяно громадными сѣрыми кругловатыми камнями. Эти камни громоздятся одинъ на другой, образуютъ уступы и подымаются вверхъ. Засохшій стволъ мимозы, дикая азалея, олеандръ, хлопчатникъ вдругъ подымаются изъ-за камней. Мѣстами съ трудомъ идешь, цѣпляясь за камни руками, всползаешь на животѣ на почти отвѣсныя скалы. Какія силы природы, какіе перевороты, какіе бѣшеные потоки воды нагромоздили эти скалы одна на другую, раскидали ихъ по ущелью. Здѣсь водятся, говорятъ, кабаны. По отвѣснымъ скаламъ видна жизнь. Большіе сѣрые сурки хлопотливо бѣгаютъ по обрывистымъ ступенямъ, поднимаются на заднія лапы, осматриваются и скрываются въ норахъ. Я убилъ одного изъ нихъ. Трехлинейная пуля на 250 шаговъ прошла сквозь его бокъ и нанесла страшное пораженіе: часть внутренностей вышла наружу. Сурокъ еще былъ живъ, когда я къ нему подошелъ. Ударомъ камня по головѣ я прекратилъ страданія животнаго. Это толстый, круглый звѣрекъ, поросшій густой жесткой

сѣрой шерстью. Ростомъ онъ съ молодую кошку, безъ хвоста, съ короткими мягкими лапами.

Поднимаюсь выше и выхожу, наконецъ, на обширкое плато, усѣянное камнями. Кое-гдѣ между камнями маленькими пучками пробивается сѣрая травка, горькая на вкусъ, жесткая и ломкая. Мѣстами мимозы, столпясь въ малень-

Мамозовая роща.

комъ острову, образовали сѣрую заросль, дальше виденъ желтый песокъ и черные, загорѣлые камни. Общій колоритъ пустыни свѣтло-сѣрый. Далеко на самомъ горизонтѣ чернѣютъ горы. Ихъ то круглыя, то остроконечныя вершины красивымъ узоромъ легли по сѣрому небу. Погода лѣтняя, петербургская. Совсѣмъ не жарко. Свѣжій вѣтеръ обдуваетъ лицо. Небо покрыто тучами. Тамъ, далеко на горизонтѣ, льютъ дожди. Вотъ дождь дошелъ и сюда и заморосилъ мелкій и свѣжій. Онъ продолжался не болѣе десяти минутъ, тучи разсѣялись, распались, словно чер-

ныя думы, развѣянныя ласковымъ словомъ, и голубое небо и ясное солнце освѣтили равнину.

Изрѣдка среди сѣрыхъ кустарниковъ выпрыгнетъ парочка стройныхъ козъ—дигъ-диговъ. Дигъ-дигъ ростомъ съ молодого козленка, строенъ и изященъ. Рубашка его серебристо-сѣрая, нѣжная и мягкая, по цвѣту напоминающая пухъ цесарки, брюшко бѣлое, на ногахъ, подъ мышками, желтоватыя подпалины. На головѣ у него два маленькихъ, черненькихъ рожка; большія уши и черные любопытные глаза напоминаютъ нашу лань.

Дигъ-диговъ я встрѣчалъ всегда парами. Они поднимались изъ кустовъ очень далеко, шаговъ на 300, на 400, и рѣзвымъ галопомъ бѣжали по пустынѣ, дѣлая саженные прыжки черезъ камни и скалы. Стрѣлять ихъ чрезвычайно трудно. Пробѣжавъ шаговъ сто, они останавливаются гдѣ-либо среди кустовъ и серебристо-сѣрое тѣло ихъ едва видно на сѣромъ фонѣ мимозъ. Цѣлишься почти на-угадъ, по впечатлѣнію

Казаки принесли 9-го двухъ дигъ-диговъ, а 10-го шесть и одну дрофу. Дичи хватило на обѣдъ и ужинъ; въ эти дни совсѣмъ не рѣзали барановъ.

Кругомъ убитыхъ козочекъ собралась толпа.

— „Какія у нихъ ножки, ваше благородіе“, говоритъ Крынинъ, „словно резинкой подложеныя“.

Дѣйствительно, пятка ноги дигъ-дига образуетъ мягкую и необыкновенно упругую сѣрую мозоль, способствующую дигъ-дигу дѣлать прыжки.

Мы ждали нашъ остальной караванъ 9-го послѣ полудня, но онъ не явился. Подъ вечеръ послали съ письмомъ къ поручику К—му старшаго черной прислуги Ато-Демесье. Онъ взялъ свое ружье Гра на плечо, укутался шамой и бодро зашагалъ въ Джибути. Вернулся онъ 10-го рано утромъ и сказалъ, что онъ нашелъ караванъ близъ Гумарэ и что завтра, послѣ полудня, К—ій и его спутники присоединятся къ каравану. Ато-Демесье въ эту ночь прошелъ по тяжелой каменистой дорогѣ, со многими спусками

и подъемами, около 60-ти верстъ. Онъ ни минуты не отдыхалъ на пути.

Начальникъ миссіи рѣшилъ еще раньше сдѣлать вторую дневку, чтобы собрать весь караванъ. Со вторымъ эшелономъ шла большая часть зерна для муловъ, много ящиковъ сахару и вопросъ прибытія каравана былъ немаловажный.

10-го, около полудня, прибыли наши офицеры К—ій, А—ди, Д—овъ, классный фельдшеръ С—онъ и кандидатъ К—овъ.

Они не могли выступить, какъ предполагали, 8-го, потому, что, несмотря на всѣ хлопоты Гасанъ-Магомета, онъ могъ собрать вмѣсто 50-ти всего 23 верблюда, да и тѣ пришли къ вечеру 8-го. Пришлось обратиться къ французскому купцу Монату съ просьбой забрать неподнятый грузъ и доставить его въ Гильдессу. Монатъ согласился не сразу и, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ отряда, запросилъ за коммисію громадныя деньги. Пока сторговались, пока заключили контрактъ, былъ вечеръ среды. За-темно 9-го выѣхали офицеры и врачи изъ Амбули и ночью прибыли на бивакъ у Гумарэ. У нихъ не было ни свѣчей, ни мыла, ни воды. Темно было и палатку не разбивали. Положивъ подъ голову сѣдла, а на землю бурки, они заснули крѣпкимъ сномъ. Одинъ сидѣлъ по-очереди, охраняя жизнь своихъ товарищей. Офицеры и казаки несли сторожевую службу наряду. Силы были такъ малы, что, въ случаѣ нападенія, защита свелась бы къ самообoронѣ.

Съ большою радостью увидали они на другой день русскій флагъ надъ Баядэ и услыхали сигналъ къ завтраку, повторенный эхомъ въ ущельяхъ горъ. Ихъ опасныя скитанья по пустынѣ кончились.

По утру 10-го заболѣлъ въ конвоѣ казакъ Любовинъ. Съ нимъ сдѣлалась тошнота и рѣзь въ желудкѣ. Человѣкъ съ повышенной нервной системой, богатый помѣщикъ дома, писарь на службѣ въ Петербургѣ, съ трудомъ переносилъ онъ невзгоды военно-походной жизни. Все, и среди

природы, и среди чуждаго населенія, поражало его, било по нервамъ сильнѣе, чѣмъ другихъ его товарищей. Онъ и Изваринъ, уже уволенный изъ конвоя, оба нестроевые, оба низовые, оба богатые, плохо переносили непривычный климатъ, постоянный физическій трудъ. Другое дѣло атаманцы Крынинъ, Архиповъ, Кривошлыковъ, Алифановъ, Авиловъ и Деминъ—лапотники *), какъ ихъ презрительно зовутъ „гвардейцы", другое дѣло уральцы-моряки, малороссъ Недодаевъ, толстякъ, съ массой природнаго юмора, рязанецъ Полукаровъ—эти весело работали, шутили на безводномъ переходѣ, находили время охотиться, ежедневно стоя полъ ночи на часахъ. И не худѣли, не томились, но, памятуя присягу, терпѣливо сносили и голодъ, и холодъ, и жару, шли пѣшкомъ по камнямъ пустыни, чинили ящики, вьючили верблюдовъ, ради общей пользы, ради общаго дѣла. Я приказалъ накрыть Любовина бурками и положить въ тѣнь, а ночью забинтовать ему желудокъ. Доктора отряда не нашли въ его положеніи ничего опаснаго для жизни.

Въ 12 часовъ дня насъ покинулъ А. К. Б—ичъ. Онъ ѣхалъ черезъ Эреръ на Аддисъ-Абебу съ письмомъ начальника миссіи къ Менелику.

Подъ вечеръ 10-го, я съ двустволкой пошелъ на охоту на дигъ-диговъ. Вмѣстѣ со мной вышли А—и и Д—овъ и два казака. Мы скоро разошлись по пустынѣ. День склонялся къ вечеру, солнце спускалось къ горамъ. Я былъ въ это время въ незнакомой мнѣ балкѣ, поросшей свѣжими мимозами, алоэ и еще неизвѣстными деревами съ ярко-зелеными мелкими листиками. Пара стройныхъ дигъ-диговъ выскочила шагахъ въ шестидесяти отъ меня и, отскочивъ немного въ сторону, стала за кустами. Мнѣ видны были ихъ тонкія мордочки, ихъ розоватыя на солнцѣ уши и любопытные глаза, устремленные на меня. Я выцѣ-

*) Низовые казаки называютъ верховыхъ за ихъ привязанность къ земледѣлію и бѣднотѣ „лапотниками". Лейбъ-казаковъ на Дону иначе не называютъ какъ „гвардейцами", лейбъ-гвардіи атаманцевъ—просто атаманцами и остальныхъ—армейцами.

лилъ одного изъ нихъ, выстрѣлилъ и увидѣлъ, что оба кинулись прочь. Одинъ быстро скакалъ черезъ камни, другой бѣжалъ, прихрамывая на трехъ ногахъ. Я перебилъ ему ногу. Я кинулся за нимъ. У меня не было патроновъ, снаряженныхъ картечью, я выстрѣлилъ дробью, но дигъ-дигъ продолжалъ уходить отъ меня все дальше и дальше. Увлеченный погоней, я и не замѣтилъ, какъ солнце скрылось за высокими горами и пустыня быстро начала темнѣть. Я бросилъ дигъ-дига и пошелъ, поспѣшно шагая черезъ камни, спотыкаясь о нихъ, накалываясь на иглы мимозы, къ сторонѣ высокихъ горъ, окружавшихъ Баядэ. Африканская ночь наступила сразу. Желтый отблескъ заката догорѣлъ, по темному своду неба проступили незнакомыя мнѣ яркія звѣзды. Не было еще полярной звѣзды, этого компаса сѣвернаго кавалериста, и я почувствовалъ себя жутко въ пустынѣ. Я помнилъ, что за Баядэ были двѣ высокія горы, соединенныя между собой въ видѣ буквы „М"; я помнилъ, что правѣе меня должна была быть дорога изъ Харара на Джибути. Я оглянулся кругомъ. Цѣпь черныхъ горъ лежала и впереди, и влѣво, и сзади. Горы въ видѣ буквы „М" были видны повсюду. Темное небо ничего не говорило. Я пошелъ наугадъ. То и дѣло спотыкался я о камни, иногда дѣлалъ непроизвольные шаги внизъ, шелъ долго. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ появится передо мной крутой обрывъ ущелья Баядэ. Но его не было. Вдругъ камень прекратился. Нога ступала по ровному песку, поросшему сухой травой, шелестившей у меня подъ ногами.

Я понялъ, что окончательно заблудился. Нигдѣ подлѣ Баядэ не было этой травы, не было ровнаго песчанаго пространства. Жутко стало на сердцѣ, тоскливо, одиноко. Вспомнилось, какъ сегодня еще нашъ переводчикъ Габро Христосъ говорилъ, что у Баядэ „нэбыръ-бузу", много леопардовъ, вспомнилъ разсказы про громадныхъ гіенъ. зарядилъ ружье пулей, сѣлъ подлѣ камня и рѣшилъ провести темную ночь въ пустынѣ, а утромъ искать вѣрнаго

направленія. Но тутъ я вообразилъ, какая поднимется тревога въ лагерѣ, если я не приду къ обѣду, каково будетъ безпокойство, если и къ утру я не вернусь. Пожалуй не снимемся съ бивака, а каждый день такъ дорогъ!

Я поднялся и, взявъ приблизительно направленіе, какъ мнѣ казалось, къ дому, скорымъ шагомъ пошелъ по пустынѣ. Я шелъ такъ около получаса. Наконецъ, шагахъ въ десяти отъ меня показалась тропинка. Другой дороги быть не могло, какъ только дорога изъ Джибути на Хараръ. Слава Богу, подумалъ я, я на вѣрномъ пути — и, закинувъ ружье на плечо, бодро зашагалъ по дорогѣ. Теперь, каждую минуту ожидая придти домой, я шелъ очень скоро. Я прошелъ уже болѣе четверти часа, а дома все не было. Вотъ какой-то крутой, каменистый спускъ, мимоза зацѣпила меня за ногу; у Баядэ спускъ сворачивалъ вправо, здѣсь онъ шелъ влѣво, значитъ бивакъ еще дальше, я напрягалъ послѣднія силы и шелъ, шелъ. Я поднялся опять на гору и опять спустился: по сторонамъ дороги показались какія-то громадныя деревья. Я былъ не на вѣрномъ пути.

Но куда же идетъ эта дорога? По пустынѣ такъ мало проложено тропинокъ, что врядъ ли это дорога не на Джибути...! А что, какъ въ Зейлу?... Что жъ. Падать духомъ нечего. Придется собрать послѣднія силы и безъ пищи и питья идти до Зейлы, тамъ явиться англійскому резиденту и просить его помощи отправиться въ Аддисъ Абебу... А тѣмъ временемъ на бивакѣ?!!... Отчаянное, скверное положеніе. У меня оставалось еще три патрона съ бекасинникомъ и два съ разрывной пулей. Я выстрѣлилъ на воздухъ одинъ разъ, потомъ еще и еще. И вотъ далеко въ горахъ, въ сторонѣ отъ дороги, я услышалъ голоса.

Люди!... какъ я обрадовался имъ, этимъ людямъ. Кто бы ни были они, но они могутъ меня провести въ Баяде. Если даже это дикій Гадебурси и тогда, съ одной стороны, два патрона съ пулей, съ другой законъ гостепріимства — порука въ моемъ спасеніи.

И я сталъ кричать. Изъ горъ мнѣ слышались отвѣты. Я свернулъ съ дороги и, шагая черезъ мимозы, побрелъ по каменистому склону въ гору. Но какъ убѣдить дикаря, чтобы онъ шелъ навстрѣчу, какъ вызвать его на помощь. По сомалійски я зналъ только два слова: „орія“—господинъ, человѣкъ и „аурка“—верблюдъ. По счастью есть одно слово, общепонятное для всѣхъ народовъ востока Азіи и Африки и для всѣхъ одинаково заманчивое. Слово это „бакшишъ“ „на чай“.

И вотъ я сталъ кричать: „орія сомаль, бакшишъ! бакшишъ“!!,

Слово произвело магическое дѣйствіе. Отвѣтный голосъ приближался и, наконецъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня показался сомаліецъ съ копьемъ и щитомъ и маленькой деревянной бутылкой въ рукѣ. Бѣлая шама, украшенная черными квадратами, расположенными въ шахматномъ порядкѣ, была живописно закинута черезъ плечо. Подойдя почти вплотную ко мнѣ, онъ протянулъ руку и сказалъ: „бакшишъ“.

— „Бакшишъ Баядэ“, отвѣчалъ я. „Московъ апкеръ Баядэ, бакшишъ“.

— „Оуэ“! дикарь открылъ свою гомбу и предложилъ мнѣ козьяго молока, я отрицательно закачалъ головой и упрямо повторялъ „Баядэ, Баядэ“.

Дикарь показалъ, что ему нужно отнести гомбу съ молокомъ домой, взялъ меня за руку и повелъ въ гору. Онъ велъ меня осторожно, указывая на каждый камень, на каждую мимозу. Въ полугорѣ показался костеръ. Онъ горѣлъ передъ маленькой круглой хижиной, сплетенной изъ камыша и изъ соломы, съ конической крышей. Хижина имѣла не болѣе сажени въ діаметрѣ и аршина два вышины. Стадо козъ и овецъ, сбившись подлѣ въ кучу, стояло въ маленькомъ загонѣ изъ мимозъ. Молодая сомалійка въ красномъ платкѣ и пестромъ платьѣ сидѣла подлѣ костра и подбрасывала въ него сухія вѣтки. Двое маленькихъ, совершенно голыхъ дѣтей, стояли у дверей хижины.

Сомалійка предложила мнѣ молока—я опять отказался, но мужъ ея настаивалъ и, чтобы не обидѣть ихъ, я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, а потомъ, попрощавшись съ женой, я протянулъ мужу руку и снова сказалъ: „Баядэ!“

— „Оуэ!“ Сомаль задрапировался въ шаму и пошелъ, положивъ копье на плечо. Я пошелъ за нимъ. Онъ вывелъ меня на ту же дорогу, по которой я шелъ, и мы бодро зашагали въ противоположную сторону.

— „Джибути“, сказалъ сомаль, указывая въ одномъ направленіи—„Хараръ“, махнулъ онъ рукой въ другую сторону.

Мы шли долго. Онъ указывалъ мнѣ на камни, на вѣтви мимозы, иногда даже отводилъ ихъ рукой.

Почти часъ прошагали мы такъ. И вотъ вдали послышались выстрѣлы.

Я отвѣтилъ, за выстрѣлами стали слышны голоса, показались, наконецъ, огни и я увидѣлъ на вершинѣ холма доктора Л., фармацевта Л—ва, нѣсколькихъ казаковъ, вышедшихъ мнѣ навстрѣчу. Оказывается, отсутствіе мое изъ лагеря произвело весьма сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Абанъ Либэхь подлилъ масла въ огонь безпокойства.

— „Içi somal mechant“, сказалъ онъ, „içi on peut pas marcher seul la nuit“.

Сейчасъ же разослали искать меня всю абиссинскую прислугу, подняли казаковъ, жгли бенгальскіе огни, стрѣляли залпами.

Я наскоро пообѣдалъ и легъ спать. Усталость была слишкомъ сильна, а съ 12-ти часовъ ночи нужно было заступать на дежурство.

11-го (23-го) декабря. Отъ Баядэ до Дусе-Кармунэ 34 версты. Съ утра начали грузиться. Дѣло пошло, казалось, такъ скоро и удачно, что можно было думать о скоромъ выступленіи, однако, мы ошиблись. Не прошло и получаса, какъ абанъ уже ходилъ съ лицомъ, облитымъ кровью. Всѣ верблюдовожатые наши вооружены маленькими топориками на длинныхъ рукояткахъ, копьями и кинжалами.

Вотъ такимъ-то топорикомъ одинъ изъ сомалей разсѣкъ правую бровь абану. Оказалось, что абанъ принуждалъ брать правильный грузъ, а верблюдовожатые отказывались, произошла драка и схватились за ножи. Часть груза была брошена и валялась среди пустыни, для нея надо было возвратить верблюда. Со всѣми этими проволочками, недоразумѣніями и драками едва могли выступить въ 8 часовъ утра.

Порядокъ слѣдованія былъ такой: впереди—начальникъ миссіи, его супруга, доктора, офицеры и одно отдѣленіе казаковъ, затѣмъ арабскій караванъ, вышедшій съ К—имъ, потомъ сомалійскій караванъ. Казаки конвоя были разбросаны вдоль по каравану для побужденія сомалей къ скорѣйшему движенію, для помощи при нагрузкѣ и для обороны, въ случаѣ нападенія. Сзади каравана шли два казака и офицеръ. Все время двигались шагомъ.

Дорога изъ Баядэ—это узкая тропинка, мѣстами заваленная камнями, пробитая среди усѣяннаго гравіемъ плато. Тропинка эта на шестой верстѣ отъ Баядэ сбѣгаетъ въ лощину, идетъ нѣкоторое время по ней, потомъ подымается, опять опускается, попадая въ цѣлую систему горъ. То желтыя отвѣсныя, словно полированныя колонны базальта нагромождены по сторонамъ тропинки, образуя коридоръ, то плитами навапенъ этотъ горный массивъ, шлифованный мѣстами, какъ хорошій тротуаръ, всѣхъ оттѣнковъ отъ блѣдно-желтаго до краснаго, мутно-зеленаго и, наконецъ, совершенно чернаго. Мѣстами дорога сбѣгаетъ внизъ и идетъ песчанымъ русломъ рѣки. Сѣрыя вѣтви мимозы, покрытыя маленькими листиками, здѣсь смѣняются блѣдно-зелеными пушистыми туйями, большими деревами молочая съ его раздутыми круглыми плодами, полными блѣдной молочной жидкостью. Особая порода вьющихся растеній съ ягодами, похожими на виноградъ, подымается по деревьямъ, свѣшиваетъ свои грозди внизъ, обманывая жаждущаго путника своимъ пріятнымъ видомъ.

Заросли кустовъ зеленѣютъ на голомъ пескѣ по краямъ

русла. А по сторонамъ отвѣсныя скалы, горы, кончающіяся почти остроконечными вершинами, полузакрытыми сѣрыми тучами. Жара не достигаетъ на этихъ вершинахъ болѣе 20° R., мулы бредутъ между камней, тщательно обходя мимозы, шагая черезъ каменья. Смотришь по сторонамъ и видишь на скатахъ горъ среди сѣренькихъ кустиковъ пары дигъ-диговъ. Испуганныя караваномъ эти граціозныя животныя скачутъ по скаламъ, скрываются на минуту за кустомъ и смотрятъ оттуда, вытягивая свои тонкія мордочки.

Мы идемъ около $5^1/_2$ часовъ. Отъ Баядэ до Дусе-Кармунэ считается 30 верстъ. Въ половинѣ второго, пройдя мимо громаднаго пика, мы вошли въ долину рѣки, опять таки одного русла безъ воды, и прибыли на станцію. Вода оказалась въ $3^1/_2$ верстахъ отъ стоянки. И, не смотря на это крайнее неудобство, приходилось мириться съ нимъ и становиться тамъ, гдѣ „привыкли“ становиться караваны. Вода была въ двухъ глубокихъ колодцахъ, прокопанныхъ въ пескѣ и окруженныхъ маленькой оградой изъ вѣтокъ мимозы. Она коричневаго цвѣта, мало прозрачная и солоноватая на вкусъ. Муловъ разсѣдлали, растерли имъ спины, почистили и выпустили въ кустарники щипать листочки. Едва только начали располагаться въ кустахъ туйи, чтобы напиться чаю, и нашъ бивачный кормилецъ, трубачъ Терешкинъ, началъ съ искусствомъ любителя разводить костеръ, какъ вижу, что состоящій при генералѣ конвоецъ Габѣевъ съ крикомъ „левъ!... левъ!...“, съ винтовкой въ рукахъ, побѣжалъ въ кусты. Въ минуту всѣ расхватали ружья. Казаки, офицеры, абиссинцы все бросилось за нимъ, на бѣгу расходясь, чтобы оцѣпить зеленя, куда, по указанію Габѣева, скрылся левъ.

— „Швиньи, дикія швиньи!“, слышу изъ кустовъ возгласъ уральца Изюмникова.

— „Да сколько ихъ?“—„Цѣлое стадо!...“

Однако, свиней оказалось только двѣ. Одну убилъ поручикъ Д—овъ, другую казакъ Могутинъ. Это были гро-

мадные кабаны пудовъ по шести вѣсомъ, жирные и сочные. Они доставили большое разнообразіе нашему столу.

Казаки третій день уже не рѣжутъ барановъ. Козы, зайцы, кабанъ—даютъ и вкусную похлебку, и холодный завтракъ.

Въ этотъ день къ нашему отряду присоединился докторъ Щ., прибывшій въ Джибутти 9-го декабря и на почтовомъ верблюдѣ догнавшій насъ сегодня утромъ въ Баядэ.

Бивакомъ стали довольно раскинуто. Офицерскія палатки сбились въ одномъ мѣстѣ, столовая отошла въ кусты. Охранять пришлось двумя постами и охранять серьезно. На ночь назначаются два офицера — одинъ сидитъ съ 8-ми до 12-ти часовъ ночи, другой—съ 12-ти— 4-хъ часовъ утра. Сидѣть каждому приходится черезъ день.

Вся сомалійская пустыня имѣетъ характеръ скалистыхъ горъ, перерѣзанныхъ песчаными руслами рѣкъ, на днѣ которыхъ, на глубинѣ двухъ, трехъ саженъ, можно найти воду. Отъ воды до воды располагаются переходы. Русла эти поросли кустарникомъ туйи, молочаемъ, высокими мимозами и смоковницами. По сторонамъ расходятся кряжи скалистыхъ горъ. Среди этихъ горъ, въ ущельяхъ, въ первобытной простотѣ живутъ сомалійскія племена. Двѣ, три хижины, стадо овецъ, иногда нѣсколько ословъ и верблюдовъ—все ихъ богатство. Ихъ пища—козы и бараны, питье—козье молоко. Кочуя съ мѣста на мѣсто, ища пропитаніе своимъ стадамъ, они проводятъ всю жизнь среди дикихъ и угрюмыхъ скалъ пустыни. Бѣлая рубашка и пестрая шама̀—ихъ костюмъ, копье и кривой ножъ—оружіе для нападенія, круглый щитъ—оружіе защиты. Съ копьемъ и щитомъ идетъ сомаль на льва, копьемъ поражаетъ леопарда, копьемъ бьетъ шакала и гіену. Европейское просвѣщеніе ему незнакомо. Даже спичекъ онъ не видалъ никогда и добываетъ огонь посредствомъ тренія двухъ деревянныхъ брусковъ. Есть гдѣ-то у нихъ старшины, но они не имѣютъ большого значенія, и всѣ болѣе

важные вопросы рѣшаются общимъ совѣтомъ—„вѣчемъ“, или кругомъ. Караванъ европейца, особенно, если онъ невеликъ и плохо охраняемъ—богатая добыча для номада, сомаля. Особенно прославилось подвигами такого рода воинственное племя „гадебурси“. Въ 1890 году они вырѣзали подъ Дусе-Кармунэ караванъ француза Пино, и теперь горе тому каравану, подлѣ котораго не горитъ всю ночь бивачный огонь и часовой арабъ, или европеецъ не ходитъ, мурлыкая пѣсню при заревѣ костра.

А при нашемъ караванѣ 26 тяжелыхъ ящиковъ, въ которыхъ побрякиваютъ новенькіе талеры, а сколько еще сундуковъ и тюковъ съ дорогими подарками „Царя Москова“. Для этого стоитъ собраться большою партіей, поднять все племя, 2,000—3,000 человѣкъ.

Вотъ почему всю ночь горятъ кругомъ бивачные огни, вотъ почему часовые бродятъ взадъ и впередъ по его угламъ, а время отъ времени дежурный офицеръ съ винтовкой на-готовѣ обходитъ кругомъ бивака.

Но холодная (около $+14°$ R), сырая ночь тиха. Звѣзды блещутъ съ темносиняго неба, пустыня безмолвна. Поутру арабы затягиваютъ молитву. Сначала одинъ голосъ заводитъ мотивъ, къ нему пристраиваются другіе и въ просторѣ долины звучитъ однообразная мелодія востока, такая же мѣрная, плавная, безъ порывовъ страсти, безъ зноя юга, безъ холодной граціи сѣвера, однообразная, какъ и жизнь востока, идущая денв за днемъ. Молитва кончена. Востокъ пожелтѣлъ, звѣзды погасли, свѣтлое солнце выходитъ на голубое небо и капли росы сверкаютъ бриліантами на вѣтвяхъ кустовъ и на сухой травѣ...

6 часовъ утра—время снимать палатки.

12-го (24-го) декабря. Отъ Дусе-Кармунэ до Аджина 20 верстъ.

Переходъ пустяшный, какихъ-нибудь 20 верстъ. Можно разсчитывать прибыть къ завтраку на бивакъ, а послѣ и поохотиться.

Съ такими мечтами я вышелъ въ 6 часовъ утра къ

нашимъ столамъ, подлѣ которыхъ хлопоталъ буфетчикъ Дмитрій съ чаемъ. Едва я успѣлъ сѣсть, какъ къ столу, поддерживаемый двумя сомалями, подошелъ абанъ Либэхь и безпомощно опустился на колѣни. Все лицо его было въ крови. Густыя капли ея текли изъ ноздрей, падали на губы, кровянили песокъ. За нимъ бѣжала его жена, молодая женщина съ округлыми плечами и красивыми руками, въ клѣтчатой юбкѣ и платкѣ, кокетливо завязанномъ на плечахъ и прикрывающемъ тѣло. Она сѣла подлѣ него и стала вытирать ему лицо. Позвали доктора. Пришелъ Н. П. Б—нъ, осмотрѣлъ его и серьезныхъ поврежденій не нашелъ. Ему обмыли лицо, приложили вату на раны и онъ, шатаясь, пошелъ къ каравану.

Оказалось слѣдующее. Сомали отказались идти далѣе и потребовали дневки. Абанъ сталъ уговаривать, кричать, его ударили, онъ далъ сдачи, завязалась драка и сомали схватились за ножи. По счастью, это было недалеко отъ нашихъ денежныхъ ящиковъ. Часовой, здоровый казакъ Могутинъ, косая сажень въ плечахъ, кинулся къ нимъ и ударомъ кулака сбилъ трехъ нападавшихъ сомалей съ ногъ и, отнявъ ножъ, освободилъ абана.

Г. Г. Ч—овъ, завѣдующій у насъ караваномъ, пошелъ переговариваться. Рѣшили дать верблюдамъ пастись до 11-ти часовъ утра и въ полдень выступить. Для того, чтобы не оставили, какъ вчера, вещей, придумали слѣдующую мѣру: я съ двумя казаками всталъ поперегъ дороги и пропускалъ верблюдовъ. Первымъ погрузился и пошелъ арабскій караванъ, нашъ „лейбъ-гвардіи караванъ“, какъ мы прозвали его за его образцовый порядокъ. Впереди шелъ арабъ въ красной чалмѣ съ ружьемъ на плечѣ, сзади всѣ 23 верблюда, одинъ за однимъ въ полномъ порядкѣ. Отрядъ замыкалъ абанъ арабскаго каравана.

Ихъ я пропустилъ безпрепятственно.

Первый же сомалійскій верблюдъ былъ мною задержанъ. Вожакъ сталъ что-то говорить мнѣ.

— „Мафишь!“, коротко отвѣтилъ я.

Онъ опять чѣмъ-то резонился—„мафишь“, было моимъ отвѣтомъ.

Верблюды подходили одинъ за однимъ, я никого не пропускалъ. Скоро ихъ собралось здѣсь порядочное стадо. Сомали стали собираться толпой, поднялся шумъ, разговоръ, всѣ побросали верблюдовъ и пошли толпой въ сторону. Начинались обычные сомалійскіе капризы. Оставивъ двухъ казаковъ, я на рысяхъ проѣхалъ впередъ толпы и преградилъ ей путь.

— „Аурка!“, крикнулъ я имъ и пригрозилъ плетью. Они остановились и указали на ножи. Докторъ Щ—евъ, переводчикъ и казаки скакали на мулахъ ко мнѣ.

— „Аурка! (къ верблюдамъ), иначе нагайка!“, крикнулъ я имъ; начались переговоры. Они жаловались, что ихъ останавливаютъ, что имъ не даютъ идти впередъ. Имъ сказали, что задерживаютъ ихъ потому, что они неаккуратно берутъ грузы; „если вы пойдете хорошо, васъ никто не задержитъ“.

Они поворчали немного, но пошли. Караванъ началъ вытягиваться и опять пошли горы, синѣющія причудливыми очертаніями, манящія въ даль, неизвѣстную человѣку, даль неизслѣдованную, полную чудесъ, хищныхъ звѣрей, невиданныхъ минераловъ. Отойти версты на двѣ отъ тропинки и кончится изслѣдованная, знакомая земля, начнутся новыя страны. Оттого-то такъ и манятъ эти фіолетовыя горы, тонущія въ голубомъ небѣ, стушевывающіяся въ синеватой дали. Хребты громоздятся одинъ на другой, уходятъ въ небо, то остроконечными пиками, то плоскогорьями, съ крутыми обрывистыми краями, и что за ними—никому неизвѣстно.

Мы выступили около полудня и къ тремъ часамъ дня подошли къ водной станціи Аджинъ. Опять песчаное русло рѣки, сбитое, стѣсненное между утесовъ, между крутыхъ отвѣсныхъ горъ. Бивакъ ставится быстро и кучно. Палатки разбиты въ три шеренги, по двѣ въ каждой. Вода мутная, солоноватая, въ колодцѣ верстахъ въ полутора

отъ стоянки. Едва разобрались, какъ кругомъ уже послышались выстрѣлы. Охотники принесли дикихъ куръ, зайцевъ и дигъ-диговъ. Къ вечеру стала стража, пошелъ патруль и въ утесахъ загорѣлись костры. Ночь прошла благополучно.

13-го (25-го) декабря. Отъ Аджина до Феррада 16½ верстъ. Выступленіе было назначено въ 7 часовъ утра. Около этого времени я замѣтилъ между сомалійскими старшинами движеніе. Всѣ сомали стали собираться около абана Ширдона, невысокаго человѣка съ курчавой черной бородой, и вслѣдъ за нимъ съ копьями, ножами и щитами въ рукахъ пошли къ палаткѣ начальника миссіи. Я, Ч—овъ, переводчикъ Габро Христосъ и Щ—евъ подоспѣли къ нимъ на встрѣчу. Они подошли къ самой палаткѣ и сѣли полукруглой кучкой, на корточкахъ у входа. Лѣсъ копій поднялся надъ ними. Ширдонъ выступилъ впередъ и изъявилъ желаніе говорить.

— „Говори, я слушаю", сказалъ Ч—овъ.

— „Ты большой человѣкъ", началъ Ширдонъ, и тотъ, кто меня послалъ изъ Зейлы (англійскій резидентъ), тоже большой человѣкъ. Я говорю съ большимъ человѣкомъ".

Переводчикъ передалъ дословно эту рѣчь. Сомали, сидя на корточкахъ, молча слушали съ полнымъ вниманіемъ.

— „Я слушаю",—было отвѣтомъ.

— „Вчера, ты не хорошо поступилъ. Твои ашкеры задержали караванъ; мы очень этимъ обижены. Мы идемъ каждый день и не имѣемъ даже барана. Ты намъ долженъ дать бакшишъ".

— „Бакшиша я вамъ не давалъ и задерживалъ васъ ашкерами потому, что вы сами нехорошо поступали. Какъ вы будете со мной поступать, такъ и я буду поступать съ вами. Въ Баядэ вы бросили ящики и вотъ, чтобы вы этого не сдѣлали въ Дусе-Кармунэ, я задержалъ солдатами караванъ. Потомъ вы избили абана, который намъ служитъ и стоитъ за насъ".

— „Съ абаномъ мы поступили неправильно. Но мы это

дѣло покончили. Человѣкъ, побившій абана, присужденъ нами и заплатилъ абану одного барана. Бросать вещей мы больше не будемъ и пойдемъ такъ, какъ ты укажешь“.

— „Если вы пойдете такъ, какъ я укажу, я дамъ вамъ завтра барана и ашкеры мои вамъ мѣшать не будутъ“.

Абанъ передалъ эти слова сомалямъ; они поговорили между собой, потомъ начали вставать и уходить къ верблюдамъ.

— „Будетъ такъ, какъ ты сказалъ“, проговорилъ Ширдонъ, поклонился и вышелъ.

Караванъ быстро погрузился и около девяти часовъ утра мы покинули Аджинъ.

Мѣстность все та же. Та же узкая тропинка, среди горъ, тѣ же мелкіе кусочки камня, то отшлифованные и круглые, то квадратные съ рѣжущими острыми краями. Мулы идутъ не такъ смѣло: видно ѣзда по этимъ скаламъ отозвалась и на ихъ, почти желѣзныхъ, копытахъ. Горы подымаются выше и выше, въ гору идемъ въ поводу, слѣзаемъ также каждый часъ на четверть часа, чтобы дать отдохнуть нашимъ муламъ. Мѣсто обычной стоянки каравановъ въ Феррадѣ оказалось занятымъ большой круглой абиссинской палаткой мосье Мандона, французскаго неоффиціальнаго консула въ Аддисъ-Абебѣ, ѣдущаго лечиться во Францію. Но вода была и далѣе, въ какой-нибудь верстѣ отъ дороги. Оставивъ казака на мѣстѣ поворота, мы спустились съ крутого монолита въ русло рѣки и нашли здѣсь два прѣсныхъ колодца съ довольно чистой водой. Муловъ, какъ и раньше на водныхъ стоянкахъ, пустили пастись, а сами, въ ожиданіи каравана, напились чаю съ галетами, лежа на пескѣ, а потомъ разбили палатки.

На этой стоянкѣ появились колибри. Докторъ Б—нъ убилъ одну, маленькую птичку, вдвое меньше, чѣмъ нашъ воробей, стального цвѣта, съ бѣлой грудью и розовымъ горломъ. Вечеромъ за обѣдомъ у насъ сидѣлъ Мандонъ, только что получившій орденъ св. Анны 2-й степени. Его

поздравляли бокаломъ шампанскаго съ полученіемъ отличія, а онъ благодарилъ и желалъ намъ скорѣйшаго и вполнѣ благополучнаго возвращенія. Мандонъ много лѣтъ провелъ въ Аддисъ-Абебѣ, составилъ грамматику абиссинскаго языка, лучшее описаніе Абиссиніи, изучилъ ея исторію и бытъ. Абиссинія для Мандона стала второй родиной. Онъ прожилъ 23 года на ея территоріи, полюбилъ ея языкъ и нравы. Онъ просидѣлъ у насъ до 9-ти часовъ вечера и, распростившись, уѣхалъ въ темную ночь, сопровождаемый благими пожеланіями.

Наступила холодная сырая ночь. Казаки проводили ее въ палаткѣ. Между ними было два случая заболѣванія, по счастью весьма незначительныхъ, но несомнѣнно простуднаго характера; а какъ не простудиться, лежа на сырой холодной землѣ студеными африканскими ночами. Ночь эта прошла спокойно безъ тревоги.

14-го (26-го) декабря, воскресенье. Отъ Феррада до Мордалэ 16 $^1/_2$ верстъ. День начался шакаломъ. Едва забрезжилъ свѣтъ, погасли звѣзды и желтый отблескъ разсвѣта охватилъ полъ неба, какъ ко мнѣ въ палатку заглянулъ разводящій и сказалъ, что на горѣ бродятъ шакалы.

Я вышелъ въ лагерь. На крутомъ каменистомъ скатѣ, шагахъ въ полутораста, стоялъ крупный шакалъ и внимательно осматривалъ палатки. Я и казакъ Крынинъ взяли винтовки и двумя выстрѣлами уложили его на мѣстѣ. Выступать надо было поздно. Сомали хотѣли выкормить верблюдовъ, да и переходъ до Мордалэ, какихъ-нибудь 18 верстъ, невеликъ. Тронулись безъ недоразумѣній около полудня. Я оставилъ при аррьергардѣ пять казаковъ въ распоряженіи поручика Ч—ова, а съ остальными съ громкими пѣснями тронулся въ походъ.

И опять пошли перевалы съ одного скалистаго хребта на другой. Мы поднимались по каменнымъ ступенямъ изъ нагроможденныхъ одинъ на другой камней на высокія горы, спускались въ долины, шли по плоскогорьямъ. И всюду и вездѣ, куда только хваталъ глазъ, былъ разбро-

санъ мелкій черный камень. Онъ покрывалъ склоны горъ, валялся на вершинахъ, попадался поперегъ дороги. Высокіе монолиты отъ солнца и песка разсѣдались, давали трещины, разсыпались на отдѣльныя скалы, эти скалы падали внизъ, образуя утесы и пещеры, разсыпались опять и становились все мельче и мельче. А полуденное солнце пекло ихъ и они чернѣли, загорая и вывѣтриваясь, принимая черный, тусклый цвѣтъ.

Тропическое солнце обжигало лицо и руки. Носъ, щеки и губы потрескались и болѣли. У многихъ на губахъ появились язвы. Кожа слѣзала съ лица. Солнечные лучи отражались отъ темныхъ, будто шлифованныхъ, скалъ, падали сбоку, падали сверху.

Было безъ четверти три часа, когда мы, поднявшись на высокую полукруглую возвышенность, увидѣли передъ собой русло рѣки, заросшее кустарниками мимозъ, туйей и другими растеніями. Мягкая зеленая трава пробивалась сквозь песокъ, образуя пріятный для глаза газонъ. Въ этой травѣ въ глубокихъ ямахъ была свѣжая прозрачная вода. И такихъ ямъ, большихъ и малыхъ, было шесть. Муловъ сейчасъ же пустили на траву, разбили бивакъ и въ ожиданіи каравана разбрелись на охоту. Кругомъ воды была масса слѣдовъ дигъ-диговъ, гіенъ и обезьянъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ уже, обремененные добычей, стали возвращаться охотники. Кандидатъ К-овъ принесъ трехъ дигъ-диговъ, одного зайца и нѣсколько дикихъ куръ. Казаки тоже нанесли дичи.

Сегодня за обѣдомъ мы имѣли прекрасныя кислыя щи, приготовленныя изъ консервовъ; не смотря на жару, запахъ и вкусъ ихъ вполнѣ сохранился.

Мордалэ пользуется наиболѣе плохой репутаціей между всѣми стоянками. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него кочуютъ сомалійскія племена; воровство и грабежъ даютъ имъ средства къ жизни.

Охрана каравана была усилена, яркіе костры горѣли по угламъ бивака и не напрасно.

Около $1^1/_2$ ч. пополуночи, меня разбудилъ дежурный по отряду поручикъ Д-овъ. Я вышелъ изъ палатки и увидѣлъ конвой, собранный въ ружье. Офицеры выходили изъ палатокъ, всюду зажигались огни.

Оказалось слѣдующее: Около часу ночи поручикъ Д-овъ услыхалъ на скалѣ надъ собою тихій разговоръ, будто бы совѣщаніе. Онъ пошелъ на гору и увидѣлъ двухъ черныхъ людей, которые при его приближеніи бросились бѣжать. Онъ выстрѣлилъ по нимъ, а самъ сошелъ въ лагерь и доложилъ о видѣнномъ полковнику А-ву. Тихо и безъ шума, безъ лишнихъ разговоровъ, казаки собрались у столовой. Офицерскіе патрули были посланы по горамъ. Они вернулись черезъ полъ-часа. Поручикъ А-и доложилъ, что видѣлъ трехъ черныхъ, тоже пустившихся въ бѣгство. Дальше въ горахъ, по словамъ казаковъ, видны были силуэты людей. Конвой былъ распущенъ. Одинъ секретъ былъ заложенъ въ лощинѣ у тропинки.

Ночь не принесла ничего новаго.

Очевидно, это была рекогносцировка. Сомали убѣдились въ нашей бдительности и отошли въ свои кочевья: они нападаютъ только навѣрняка на сонныхъ, которыхъ можно спокойно зарѣзать. Но имѣть дѣло съ громадными бородачами „ашкерами московъ“ они не посмѣли.

15-го (27-го) декабря, понедѣльникъ. Отъ Мордалэ до Гагогинэ—безводный переходъ 25 верстъ. Изъ Мордалэ въ Гагогинэ выступили въ 10 часовъ утра. Караванное дѣло, благодаря заботамъ Г. Г. Ч-ова и доктора Щ-ва, начинаетъ налаживаться. Сомали изучили свои вьюки, каждый беретъ то, что ему нужно, ссоръ и недоразумѣній становится меньше и меньше.

Отъ Мордалэ до Гагогинэ считается 25 верстъ. На 5-й верстѣ отъ Мордалэ мѣстность начинаетъ мѣнять свой характеръ. Между горъ образуются большія площадки, усѣянныя мелкими каменьями. Мѣстами изъ этихъ камней сложены четыреугольные валы—защита козъ и овецъ со-

малей отъ хищныхъ звѣрей. Горы раступаются и широкая даль развертывается передъ путникомъ.

Мы спускаемся на нѣсколько ступеней внизъ по каменистой тропинкѣ и попадаемъ на обширное плато. Грунтъ мягкій, песчаный. Клочки сухой сѣрой травы покрываютъ эту пустыню здѣсь и тамъ. Раскаленный воздухъ дрожитъ и переливается, и чудится, будто, тамъ, на далекомъ горизонтѣ, синѣетъ лазурное море; въ море окунулись высокія горы, отдѣльныя скалы торчатъ изъ воды. Густой темный лѣсъ растетъ на берегу голубаго озера, совсѣмъ недалеко отъ дороги. А впереди песокъ и клочки травы по нему. Оглянешься назадъ и видишь, какъ медленно уходятъ скалистыя горы, смотришь впередъ — голубое море манитъ прохладой береговъ, лѣсъ очаровываетъ своей тѣнью.

Миражъ... Знойный воздухъ дрожитъ, съ нимъ дрожитъ и море, и голубыя горы.

Ни куста, ни дерева—одинъ песокъ. Дорожка утрояется, учетверяется, караванъ идетъ въ двѣ колонны. Мои казаки построились въ двѣ шеренги и мягкій баритонъ Сидорова заводитъ:

Въ битвахъ крѣпко закаленны
Мы, лихіе моряки
Своимъ жребіемъ довольны,
Мы, ура-альски казаки.

Хоръ подхватываетъ и по далекой пустынѣ звенитъ лихая морская пѣсня рыбаковъ уральцевъ.

Въ пустынѣ солнце печетъ еще больше, чѣмъ въ горахъ. Лицо начинаетъ болѣть, губы ссыхаются и лопаются. Ни вѣтерка, ни звука. И такъ идемъ три часа. Съ двухъ часовъ по сторонамъ дороги начинаютъ появляться невысокіе песчаные холмики—это постройки термитовъ. Почти подлѣ каждаго муравейника видны ямы, прокопанныя муравьедомъ. Чахлыя мимозы растутъ по сторонамъ, они становятся чаще и чаще и, наконецъ, покрываютъ всю пустыню. Горы слѣва, крутыя и утесистыя, подступаютъ ближе и ближе, среди кустарниковъ видны деревья, сплош-

ная заросль мимозъ и зеленыхъ вьющихся растеній покрываетъ песокъ. Эта мѣстность называется „Сарманъ“...

То и дѣло изъ кустовъ выпрыгиваютъ зайцы и дигъ-диги; они смотрятъ испуганно на караванъ, а затѣмъ несутся, прыгая черезъ кочки и колючіе кусты мимозъ. Въ 3 часа по полудни пришли въ Гагогинэ и стали бивакомъ среди мимозъ, правѣе дороги. Палатокъ здѣсь не разбиваемъ, завтра выступимъ чуть свѣтъ, чтобы попасть къ полудню на воду и напоить муловъ. Сами обходимся 16-ю жестянками съ водой, взятыми на верблюдахъ изъ Мордалэ. При такихъ условіяхъ, умыванье рукъ и лица является такой роскошью, какую мы не можемъ себѣ позволить.

Устроивъ бивакъ, я пошелъ на охоту. Отойдя версты три отъ Гагогинэ и приблизясь къ горамъ, я увидѣлъ на горномъ кряжѣ подъ сѣнью высокихъ мимозъ стадо антилопъ, головъ въ двѣнадцать, и правѣе ихъ двухъ страусовъ. Прикрываясь кустами, я подползъ къ нимъ шаговъ на 600 и выстрѣлилъ по страусу, но попасть не удалось. Все стадо всполохнулось и насторожилось, я успѣлъ дать еще выстрѣлъ, опять безрезультатно—все стадо исчезло за горой во мгновеніе ока. Напрасно я перебрался черезъ гору и спустился внизъ, отыскивая ихъ, напрасно прошелъ въ зеленую рощу на днѣ глубокой балки, ни антилопъ, ни страусовъ я не нашелъ. Я выгналъ только парочку дигъ-диговъ, которыхъ и положилъ на мѣстѣ двумя удачными выстрѣлами изъ трехлинейной винтовки. Сарманъ и Гагогинэ—это звѣринецъ среди сѣрыхъ кустовъ мимозы. Вы стрѣляете по куропаткамъ, а изъ куста выбѣгаетъ пятнистая гіена; зайцы то и дѣло прыгаютъ изъ-за травы, срываются съ мѣста дигъ-диги, а на горизонтѣ бродятъ стада антилопъ и страусовъ.

Благословенная страна для охотника.

Вернувшись домой, я нашелъ въ конвоѣ громадную (аршина два вышиной и столько же длиной) антилопу, убитую урядникомъ Авиловымъ, зайца, дикую курицу;

пріобщивъ къ этому мою пару дигъ-диговъ, мы съ капеваромъ Алифановымъ порѣшили, что на завтра для конвоя ни консервовъ, ни барана не нужно. Обойдемся своей охотой.

Холодная, сырая ночь прошла благополучно. Всю ночь кругомъ бивака визжали шакалы, какіе-то большіе звѣри приближались къ коновязи и снова бросались въ кусты. Среди ночи, когда звѣзды еще высоко горѣли на небѣ и Большая Медвѣдица выплыла на небосклонъ, зазвенѣла казачья труба и при свѣтѣ костровъ, въ сырости холодной ночи сталъ подниматься караванъ.

16-го (28-го) декабря, вторникъ. Отъ Гагогинэ до Біа-Кабоба (22 версты). Въ 4 часа утра караванъ началъ грузиться и въ 6 часовъ мы покинули голую степь Гагогинэ. Солнце еще не поднялось изъ-за горъ, было сыро и очень холодно. Въ кителѣ и въ рубашкѣ съ трудомъ можно было ѣхать Мулы бодрымъ шагомъ подавались впередъ. Тропинка шла прямо на югъ. Кругомъ до самыхъ горъ видны были сѣдыя заросли мимозъ и мѣстами купы ярко-зеленыхъ цвѣтовъ. Дичь срывалась ежеминутно. Громадныя дрофы показывались между кустовъ на прогалинахъ, а вдали виднѣлись большія красныя антилопы, съ любопытствомъ разглядывавшія нашъ караванъ. Около 8-ми часовъ утра мы перешли черезъ маленькую цѣпь холмовъ и спустились въ песчаное русло рѣки—это Дагаго. Мимозы по берегамъ достигали высоты нѣсколькихъ саженъ, съ нихъ навѣсами падали ліаны и весь берегъ привѣтливо зеленѣлъ на яркомъ солнцѣ. Темносиніе стальные дрозды, маленькія колибри, туканы и перцеѣды носились среди колючихъ вѣтвей мимозы.

Въ пескѣ былъ вырытъ колодезь; мы напоили здѣсь муловъ и тронулись дальше. Мѣстность отъ Мордалэ до Біа-Кабобы образуетъ три террасы. Поверхность плато покрыта мелкимъ ровнымъ пескомъ, чахлыми кустами сѣренькой травки, мимозами и молочайными растеніями, терраса оканчивается цѣпью горъ, то круглыхъ, холмообраз-

ныхъ, то почти четыреугольныхъ, по виду напоминающихъ столъ. По мѣрѣ приближенія къ ней, почва мѣняетъ свой характеръ. Мимозы растутъ рѣже и рѣже, мягкій песокъ смѣняется круглой галькой, начинаютъ попадаться и болѣе крупные булыжники и, наконецъ, тропинка вздымается на монолитовую гору. Поднимешься на верхъ и опять песчаное плато и густо населенный звѣремъ и дичью перелѣсокъ мимозъ.

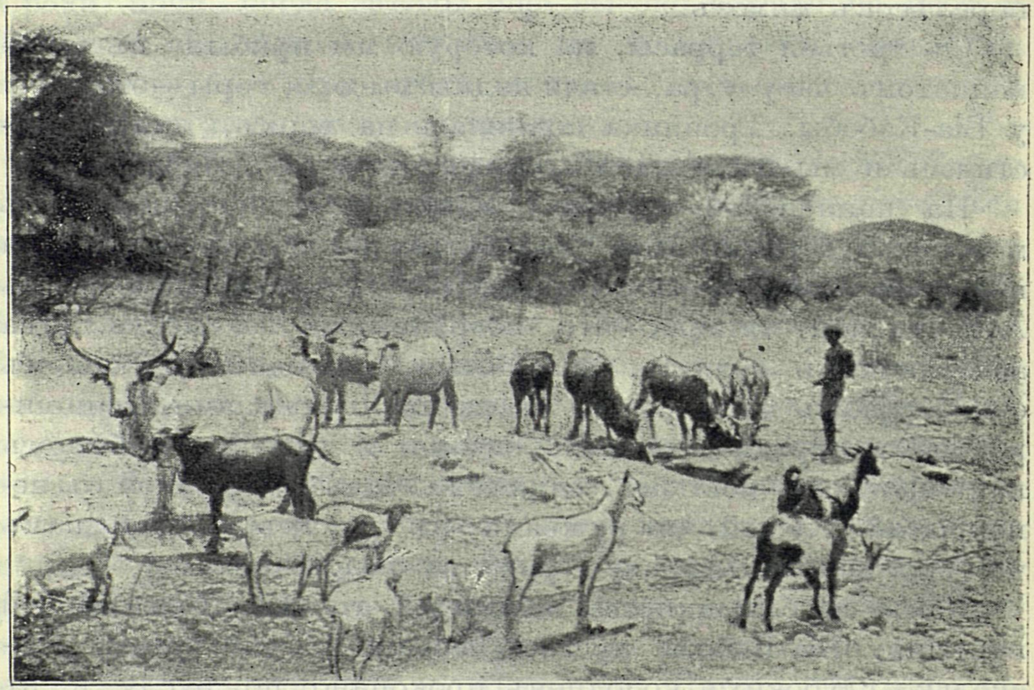
Съ третьей террасы, на которую мы прибыли въ одиннадцатомъ часу утра, стали видны высокія горы—это горы у Біа-Кабобы. Тропинка поднялась на верхъ, опять опустилась и мы были въ широкомъ песчаномъ руслѣ.

На конической вершинѣ стоитъ каменное зданіе съ маленькой башней. Изъ окна башни высунута палка и на ней развѣвается красный, желтый съ зеленымъ флагъ Абиссинской имперіи—это пограничный ея постъ. Два абиссинскихъ солдата, оба босые, но одинъ въ синемъ однобортномъ мундирѣ съ желтыми пуговицами, напоминающемъ куртки турецкаго низама, а другой въ бѣломъ національномъ костюмѣ, одинъ въ чалмѣ, а другой съ непокрытой головой, съ ружьями въ рукахъ отдали намъ честь, приложивъ правую руку къ головѣ.

Какъ и большинство водныхъ станцій Сомалійской пустыни, Біа-Кабоба пустое песчаное русло рѣки. Нѣсколько глубокихъ колодцевъ прокопано по руслу и въ нихъ набирается мутная прѣсная влага. Это не вода, а настой песку и минеральныхъ примѣсей, чрезвычайно легкихъ, трудно отстаивающихся. Но и такая вода доставила намъ большое удовольствіе.

Берега рѣки густо поросли высокими колючими мимозами, блѣднозелеными кустами кактусовъ съ листьями, похожими на восковыя свѣчи и вся эта гущина мимозъ и кустовъ обвита ліанами. Тонкія нити ихъ свѣшиваются внизъ, образуя тѣнистые навѣсы, упадаютъ до земли, стелются по ней. Мѣстами кусты разрослись такъ густо, что трудно пройти. Эта роща, на чистомъ и твердомъ пескѣ,

кажется искусственно взращеннымъ садомъ. Недостаетъ среди этихъ деревьевъ только зеленаго газона. Бѣлый песокъ убиваетъ зелень и съ сѣроватымъ тономъ стволовъ, сухихъ вѣтокъ и листьевъ даетъ грустный, унылый тонъ. Но посмотришь на верхъ, на переплетъ зеленыхъ ліанъ, на блѣдную зелень мимозъ, на листву молочаевъ, на прозрачное голубое небо, бездонное и безконечное, вдохнешь

Стада сомалей близъ Біа Кабоба.

теплый ароматъ листвы и отрадно станетъ на душѣ и забудешь про унылую пустыню.

Птицы всевозможныхъ породъ, формъ и цвѣтовъ летаютъ и чирикаютъ по всѣмъ направленіямъ. Маленькія колибри медососы, сѣрые попугаи, сѣрые длиннохвостые перцеѣды, дикіе голуби, куры и цесарки видны повсюду. Стада маленькихъ дигъ-диговъ, спугнутыя шумомъ шаговъ, выскакиваютъ изъ кустовъ и скрываются въ чащѣ.

Вокругъ колодцевъ цѣлый день кипитъ жизнь. Изъ

окрестныхъ сомалійскихъ кочевьевъ подходятъ черныя женщины съ пестрыми платками на плечахъ, съ бусами на шеѣ, съ маленькими ребятами за плечами. На головахъ онѣ несутъ деревянныя гомбы, украшенныя раковинами. Медленно наполняютъ онѣ кувшины и идутъ далѣе, а на смѣну имъ приходятъ громадныя стада барановъ, бѣлыхъ съ черными головами, стада пестрыхъ козъ и сѣрыхъ ословъ. И все это толпится кругомъ кожъ, растянутыхъ на палочкахъ. Подъ вечеръ—все русло полно стадами.

Глядишь на пестрыя тряпки женскихъ юбокъ, на широкіе кувшины, на бѣлыхъ барашковъ, и вспоминаешь библейскія времена. Такъ кочевали къ колодцу овцы Лавана, такъ паслись стада богача Іова въ первобытной простотѣ костюма, среди однообразной величественной природы пустыни.

Передъ закатомъ солнца, когда отъ нашихъ палатокъ, кустовъ и деревъ потянулись длинныя тѣни, изъ лагеря сомалійцевъ раздалось торжественное пѣніе.

— „Бура ма, буру румъ си“, пѣли сомали, и дикая „фантазія“ готовилась разыграться передъ нашими глазами. И опять пляска съ копьями и мечами, топотъ босыхъ ногъ, вздымающій столбъ пыли, опять дикіе возгласы и киданья съ горящими глазами, съ поднятыми на насъ копьями и съ улыбкой на лицѣ—и опять просьба „бакшиша“.

Имъ дали двухъ барановъ. Барановъ они взяли, даже не поблагодаривъ за нихъ, а на наше предложеніе идти послѣ завтрашней дневки въ Дебаасъ, а потомъ въ Арту—отказались.

Снова начались безконечные переговоры, упрашиванія этихъ взрослыхъ дѣтей сдѣлать такъ, какъ того хотимъ мы...

17-го (29-го) декабря. Дневка въ Біа-Кабоба. Отъ Біа-Кабоба до Арту на протяженіи почти 100 верстъ идетъ песчаная пустыня, поросшая рѣдкимъ лѣсомъ мимозъ. У Арту она поднимается по крутому склону, образуетъ террасу, затѣмъ идутъ опять каменистыя горы, спускающіяся круто внизъ, въ ущелье Арту. На всемъ протяженіи этихъ

100 верстъ нигдѣ нѣтъ воды. Караваны обыкновенно дѣлятъ его на четыре части—до Орджи, Дебааса, Буссы и Арту, дѣлая три ночлега безъ воды. Нашъ караванъ, состоящій изъ 53-хъ муловъ, почти сотни людей, считая съ черными, и 136 верблюдовъ, долженъ былъ въ такомъ случаѣ поднять на себя около 150 ведеръ воды и, кромѣ того, подвергнуть себя всѣмъ лишеніямъ и неудобствамъ безводныхъ ночлеговъ.

Вотъ почему рѣшено было сдѣлать въ Біа-Кабоба дневку съ тѣмъ, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ и муламъ, а затѣмъ идти во что бы то ни стало первымъ переходомъ въ 48 верстъ до Дебааса и вторымъ—около 45-ти черезъ горы до Арту.

Дневка прошла тихо. Близъ полудня прибылъ на верблюдѣ почтовый французскій курьеръ, двумя выстрѣлами изъ винтовки возвѣстилъ о своемъ прибытіи, забралъ письма и уѣхалъ далѣе. Эти курьеры, послѣдняя связь съ цивилизованнымъ міромъ, время отъ времени передаютъ наши вѣсти въ Европу. Днемъ почти всѣ разошлись на охоту. Около восьми дрофъ было добычей офицеровъ, казаки убили двухъ дигъ-диговъ, пять дрофъ и одну вонючку. Кандидатъ К—овъ видѣлъ издали льва, но подойти къ нему не было возможности. Полковникъ А—овъ, составляющій точное описаніе пути, разслѣдовалъ и разрылъ колодецъ съ чистой прѣсной водой и сдѣлалъ опредѣленіе мѣста по солнцу. Днемъ шли переговоры съ сомалями верблюдовожатыми. Угрозами бросить ихъ и обратиться къ Гильдесскому губернатору Ато-Марша, удалось заставить ихъ идти завтра въ Дебаасъ и послѣ завтра въ Арту.

18-го (30-го) декабря. Отп Біа Кабоба до Дебааса 50 верстъ. Мы выступили изъ Біа-Кабоба въ 8 часовъ утра. Въ виду возможныхъ недоразумѣній съ караваномъ, конвой почти цѣликомъ былъ оставленъ въ арріергардѣ. При конвоѣ, кромѣ меня, находился поручикъ Ч—овъ. Шагъ за шагомъ подавались мы впередъ за послѣднимъ верблюдомъ. Казаки пѣли пѣсни; протяжныя, унылыя, казачьи пѣсни,

что поются въ донской степи, что тянутся съ кургана до кургана, переливаются въ тепломъ воздухѣ, напоенномъ запахомъ полыни и травъ; теперь звучали онѣ, такія же переливистыя, въ рѣдкомъ лѣсу мимозъ, отдавались эхомъ отъ далекихъ горъ, разносились по пескамъ африканской пустыни.

Свѣжее утро смѣнилось жаркимъ полуднемъ. Пекло, какъ въ банѣ, лицо горѣло и кожа шелушилась отъ этого зноя отвѣсныхъ лучей. Жажда мучила все сильнѣе и сильнѣе. Умолкли казаки. Шедшіе сбоку дороги охотники принесли пять дрофъ и одного стрепета и привьючили ихъ арабамъ. Арабы повыдергивали длинныя перья и украсили ими свои чалмы—дикій, но красивый видъ.

Около 2-хъ часовъ у дороги, въ тѣни мимозы, показался костеръ, бѣлый мулъ привязанъ у дерева, бурка раскинута по песку, на вѣтвяхъ сверкаетъ серебряная сигнальная труба—это Терешкинъ ожидаетъ насъ съ чаемъ

— „Постойте, ваше благородіе“, кричитъ онъ издали, „чай по порціямъ, понемногу, по двѣ кружки“.

— „Откуда же ты воду досталъ?“

— „Изъ поросеночка, ваше благородіе. У черныхъ висятъ поросеночки съ водой, я за двѣ „анны“ и добылъ воды. Все думаю господамъ офицерамъ напиться съ дороги хорошо“,

„Поросеночкомъ“, на языкѣ Терешкина, назывался козій бурдюкъ, который постоянно возятъ при себѣ сомали.

Чай на водѣ изъ поросеночка оказался прекраснымъ.

—„А вамъ, ваше благородіе“, обратился ко мнѣ Терешкинъ, „я и клюквы досталъ“.

Мы утолили жажду, угостили арріергардъ и поѣхали догонять караванъ.

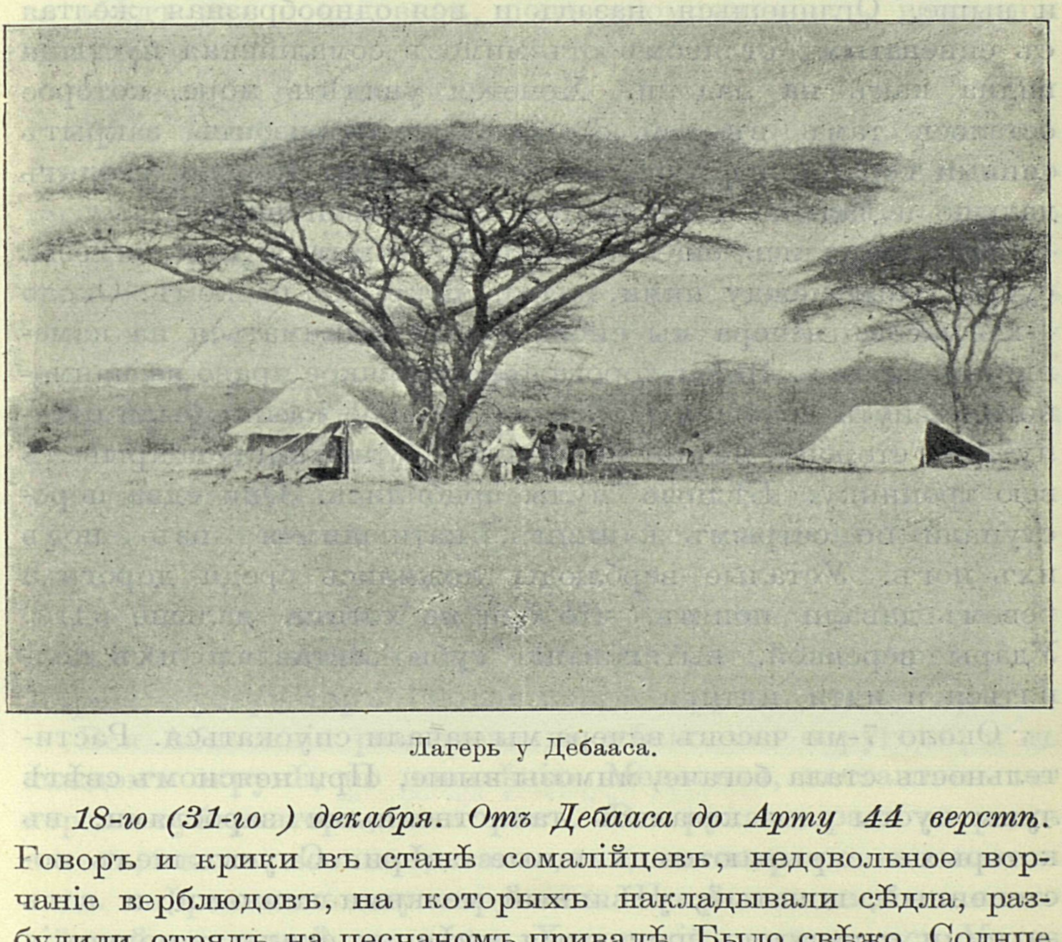
Послѣ вчерашней дневки, по ровной песчаной тропинкѣ, мулы идутъ весело. Синіе, стального цвѣта дрозды съ красной шеей то и дѣло перелетаютъ съ куста на кустъ. Верблюды шагаютъ медленно, чуть колыхаясь съ боку на бокъ. По сторонамъ идутъ арабы лейбъ-каравана, въ цвѣт-

ныхъ чалмахъ, съ ружьями Гра за плечами. Итакъ, мы двигаемся за ними шагъ за шагомъ, часъ верхомъ, полчаса пѣшкомъ, ведя муловъ въ поводу.

Солнце стало склоняться книзу, заалѣлъ западъ, красные лучи потянулись по зеленоватому небу, тѣни мимозъ стали длиннѣе, жаръ меньше. Солнце подошло къ горамъ, отбросило длинныя тѣни изъ-за нихъ, нѣсколько столбовъ лучей поднялись наверхъ, разошлись по бокамъ, потомъ и они погасли, пурпуръ заката сталъ блѣднѣть, перешелъ въ оранжевый, потомъ въ желтый цвѣтъ, наконецъ, потухъ совсѣмъ. Стало темно, тѣни исчезли, лѣсъ мимозъ слился въ одну черную стѣну, небо стало синее, на востокѣ загорѣлась одна звѣзда, за ней другая и вотъ выплылъ мѣсяцъ. Ночныя неясныя тѣни пошли отъ верблюдовъ, отъ людей, отъ мимозъ. Песокъ сталъ бѣлѣе, яркіе серебряные блики появились на чалмахъ арабовъ, перья стали еще фантастичнѣе и длинная вереница верблюдовъ съ ящиками и тюками по бокамъ, озаренная луннымъ свѣтомъ на фонѣ ажурныхъ мимозъ и далекой пустыни, озаренной фантастическимъ свѣтомъ луны, была чуднымъ волшебнымъ зрѣлищемъ. Безобразныя головы и длинныя ноги, все уродство контура верблюда скрадывалось полусумракомъ ночи, а пестрыя краски арабскихъ костюмовъ были мягче и изящнѣе. Мягкая прохлада легла съ этимъ сумракомъ; она освѣжила наши тѣла, вольнѣе дышалось, легче было идти. Ароматъ мимозъ, неясный, едва уловимый, наполнилъ воздухъ. Эта пустыня ночью, эти мягкія тѣни мимозъ, просторъ, окруженный едва видными горами, эта ночная мягкость воздуха, этотъ слабый запахъ, пестрыя тряпки, красота природы, только безъ женщины, безъ человѣка, какъ дѣятеля, но лишь какъ статиста, дополняющаго декорацію—не эти ли ночи пустыни создали цвѣтистый арабскій языкъ, бездну эпитетовъ, подобно тому, какъ жаръ, раскаленной днемъ пустыни, придали знойный колоритъ арабскимъ сказкамъ.

Около 10-ти часовъ вечера мы прибыли къ засохшему

руслу рѣки, протекающей по жидкому лѣсу мимозъ, и вошли въ Дебаасъ. Палатокъ не разбивали. Каждый заночевалъ, гдѣ сбросили его вещи, подъ открымъ небомъ. До полуночи казаки рыли колодцы, но воды найти не удалось. Пришлось примирится съ мыслью не умываться пить въ мѣру, не поить муловъ. Ночь прошла спокойно и тихо.

Лагерь у Дебааса.

18-го (31-го) декабря. Отъ Дебааса до Арту 44 верстъ. Говоръ и крики въ станѣ сомалійцевъ, недовольное ворчаніе верблюдовъ, на которыхъ накладывали сѣдла, разбудили отрядъ на песчаномъ привалѣ. Было свѣжо. Солнце вставало изъ-за горъ. Караванъ медленно грузился.

Мы выступили около 9-ти часовъ утра. Выйдя изъ песчанаго русла Дебааса, тропинка вошла въ лѣсъ мимозъ и тянулась по этому лѣсу на протяженіи пяти верстъ. Здѣсь мимозы стали рѣже, сухая трава исчезла совсѣмъ,

между кустовъ стали попадаться черные булыжники. Они становились все чаще и чаще, кусты исчезали и вскорѣ дорога пошла по крутому подъему на гору. Большія скалы громоздились ступенями одна на другую, между ними лежали мелкіе камешки, цо сторонамъ громоздились еще большія глыбы камня, образуя мѣстами довольно тѣсный коридоръ. Дорога вилась между скалъ, поднимаясь выше и выше. Оглянешься назадъ и вся однообразная желтая съ синеватымъ отливомъ отъ мимозъ сомалійская пустыня видна какъ на ладони. Хочется увидѣть море, которое осталось тамъ въ той сторонѣ, но горизонтъ закрытъ синими горами, горы громоздятся одна на другую, уходятъ дальше и дальше и сливаются съ синевой неба.

Мы поднялись еще на террасу. Опять кусты мимозы, сухая трава между ними, плато, покрытое пескомъ. Около 4-хъ часовъ вечера мы снова стали подниматься на каменистый кряжъ. Здѣсь дорога теряла всякое право на наименованіе пути сообщенія. Только большіе камни были оттянуты въ сторону, мелкій же круглый булыжникъ покрывалъ всю тропинку. Бѣдные мулы подбились. Они едва переступали по острымъ камнямъ, катившимся изъ подъ ихъ ногъ. Усталые верблюды ложились среди дороги и ревомъ давали понять, что они не хотятъ дальше идти. Удары веревкой, вытягиваніе губы заставляло ихъ подняться и идти, идти.

Около 7-ми часовъ вечера мы начали спускаться. Растительность стала богаче, мимозы выше, При неясномъ свѣтѣ луны кусты алоэ казались таинственными зарослями, въ которыхъ скрываются хищные звѣри. Спускъ шелъ постепенный, покатый, усѣянный мелкими камнями, и вотъ за ними показались громадныя отвѣсныя скалы, у подножія которыхъ протекалъ теплый ручей—это и было Арту.

Арту—горячій ручей и нѣсколько холодныхъ минеральныхъ ключей. Вода въ ключахъ насыщена содой и глауберовой солью и весьма непріятна на вкусъ. Теплая вода ручья тоже противна. Хорошую свѣжую воду можно найти

въ двухъ верстахъ отъ Арту, въ Гаразлѐ. При неясномъ свѣтѣ луны маленькими партіями подходили верблюды, разбивались палатки, лагерь устраивался.

Арріергардъ привезъ антилопу, убитую поручикомъ Ч—вымъ, и двухъ дрофъ.

Послѣдній верблюдъ пришелъ около 10-ти часовъ вечера, и усталые, и голодные, обожженные солнцемъ, мы сѣли за обѣдъ изъ консервовъ, подъ акомпаниментъ вижжанія шакаловъ.

На завтра назначена дневка.

20-го декабря (1-го января). Дневка въ Арту. Дневка въ Арту была необходима для мытья людей, стирки бѣлья и поправленія муловъ и верблюдовъ. Овесъ, взятый на муловъ въ Джибути, почти весь вышелъ. Послѣдніе дни несчастныя животныя, не имѣя воды, весь день проводя подъ сѣдломъ, получали всего по двѣ горсти ячменя. Въ Арту изъ Гильдессы, по приказанію начальника миссіи, переданному черезъ Щ—ева, было прислано три мѣшка ячменя и три мѣшка дурры (машиллы).
Муловъ накормили и напоили. Люди были посланы на купанье въ горячій ручей; тамъ же устроена была прачешная.

Около полудня отъ доктора Щ—ева пришло донесеніе о томъ, что къ начальнику миссіи ѣдетъ съ дургò Ато-Маршà, губернаторъ Гильдесскаго округа.

Вся Абиссинія раздѣлена на нѣсколько округовъ, и въ каждомъ округѣ, по повелѣнію Менелика, поставленъ генералъ-губернаторъ, или расъ. Въ рукахъ раса сосредоточена, какъ военная, такъ и административная власть надъ ввѣреннымъ ему округомъ. Пограничнымъ съ самолійской пустыней является Харарскій округъ раса Маконена. Округа дѣлятся на меньшіе отдѣлы, управляемые губернаторами. Въ рукахъ губернатора сосредоточивается власть уѣзднаго воинскаго и земскаго начальника. Гильдесскимъ округомъ вѣдалъ Ато-Маршà.

Въ полдень въ мимозномъ лѣсу, недалеко отъ бивака,

раздались частые выстрѣлы, возвѣстившіе о прибытіи губернатора. Пять ашкеровъ, въ цвѣтныхъ чалмахъ и пестрыхъ курткахъ, сидя на бѣгунахъ верблюдахъ, ѣхали въ рядъ и стрѣляли боевыми патронами вверхъ. Позади нихъ шелъ абиссинецъ въ бѣлой рубашкѣ и панталонахъ и бѣлой шамѣ и велъ худую гнѣдую лошадь, плохо зачищенную, посѣдланную пестрымъ абиссинскимъ сѣдломъ.

Пріѣздъ правителя провинціи.

Еще далѣе ѣхалъ на большомъ мулѣ самъ Ато-Маршà, рядомъ съ нимъ докторъ Щ—евъ и еще далѣе человѣкъ тридцать абиссинцевъ. Знатнѣйшіе жители Гильдессы были верхомъ на мулахъ, ашкеры шли пѣшкомъ; сзади всего гнали двухъ козъ и двухъ барановъ и несли большія корзины—это „дурго“, приношеніе Ато-Маршà русскому послу.

Вся эта процессія съ ашкерами въ красныхъ чалмахъ,

въ бѣлыхъ и бѣлыхъ съ красной полосой шамахъ, съ ружьями Гра на плечахъ, съ мулами, посѣдланными разубранными пестрыми тряпками сѣдлами, съ верблюдами впереди и козами и овцами сзади, съ группой черныхъ людей, одѣтыхъ въ бѣлые плащи—на фонѣ песка, лѣса мимозъ и глубокаго синяго неба была процессіей богатой феерiи, иллюстрацiей волшебной сказки тысячи и однсй ночи.

Подъѣхавъ къ лагерю, Ато-Маршà и его спутники спѣшились.

Секретарь миссiи А. А. О—въ вышелъ на встрѣчу и провелъ Ато-Маршà къ начальнику. Аудiенцiя у русскаго посланца длилась пять минутъ. Послѣ аудiенцiи губернатора пригласили къ офицерскому столу и угостили водкой. Тѣмъ временемъ люди, несшiе дурго, подошли къ палаткѣ начальника миссiи и положили приношенiе на пескѣ. Правѣе поставили барановъ, рядомъ съ ними козъ, затѣмъ положили пять живыхъ куръ, лукошко съ полсотней яицъ, двѣ большiя чашки „инжиры“, мягкихъ, тонкихъ, черныхъ блиновъ изъ дурры и два громадныхъ папельмуса *). Начальникъ миссiи приказалъ дурго взять, кромѣ козъ и барановъ, которыхъ передать ашкерамъ Ато-Марши.

Ато-Маршà мужчина лѣтъ пятидесяти, высокiй, коренастый, толстый. Мясистое лицо его съ толстыми губами не имѣетъ ни усовъ, ни бороды. Только маленькiй клочекъ сѣдыхъ волосъ торчитъ на подбородкѣ. Черные волосы его острижены подъ гребенку. На головѣ онъ носитъ круглую, мягкую фетровую шляпу свѣтло-сѣраго цвѣта съ широкими полями. На немъ одѣта бѣлая рубашка и бѣлые панталоны, а поверхъ онъ носитъ шаму бѣлую же, съ широкой красной полосой. На кожаномъ ремнѣ у него въ желтой кобурѣ револьверъ Смита и Вессона. Онъ ходитъ безъ сапогъ.

Ашкеры его одѣты въ бѣлые панталоны и бѣлыя рубашки и шамы. Всѣ босы. У иныхъ на головѣ чалма,

*) Папельмусомъ въ Абиссинiи называютъ большiе лимоны „Цитроны“.

иные съ непокрытыми головами, наконецъ, у одного италіанское кепи и шпага въ желѣзныхъ ножнахъ—трофей недавней кампаніи.

Солдаты ходятъ не въ ногу, толпой. Ружья несутъ, какъ попало, на плечѣ, за плечомъ, въ рукахъ. Выправки въ европейскомъ смыслѣ слова у нихъ нѣтъ, но держатся они свободно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Ружья въ порядкѣ, хорошо вычищены и исправны. По большей части это однозарядныя французскія ружья системы Гра, образца 1874 года, но у нѣкоторыхъ есть и старыя италіанскія ружья системы Ветерли. Патроны носятъ открытыми въ кожаныхъ широкихъ поясныхъ патронташахъ, украшенныхъ шитьемъ по сафьяну.

Ато-Маршà выразилъ удовольствіе снова видѣть въ управляемомъ имъ краю русскихъ. Онъ охотно, не закусывая, выпилъ водку, къ завтраку же, состоявшему изъ языка, консервовъ и жареной антилопы, отнесся весьма скептически. Казалось, употребленіе ножа и вилки его стѣсняло. Онъ бралъ вилку, то въ правую, то въ лѣвую руку, и съ трудомъ управился съ языкомъ, отъ антилопы же наотрѣзъ отказался. Ему нравилось что мы охотно ѣли инжиру, которая послѣ галетъ намъ показалась очень вкусной. По окончаніи завтрака Ато-Маршу, слегка охмѣлѣвшаго отъ непривычки къ водкѣ, отвели въ палатку О—ва для отдыха.

Тѣмъ временемъ казаки угощали его свиту и ашкеровъ водкой, чаемъ и галетами. Водку и чай они выпили спокойно, а галеты расхватали „какъ индюшки“, по выраженію вахмистра Духопельникова.

Около 4-хъ часовъ дня Ато-Маршà уѣхалъ изъ лагеря обратно въ Гильдессу. Вечеромъ д-ръ Б—нъ, ходившій на охоту, убилъ верстахъ въ трехъ отъ лагеря антилопу. Нести ее было очень тяжело; онъ предложилъ двумъ сомалямъ, проходившимъ неподалеку, отнести дичь въ лагерь.

— „Бакшишъ“? дружно отвѣтили черные, протягивая руки Б—ну.

— „Бакшишъ вамъ будетъ въ Арту, со мной нѣтъ денегъ“.

Но сомали не хотѣли вѣрить въ то, что будетъ, и Б—ну пришлось нести на себѣ 4-хъ-пудовую антилопу до тѣхъ поръ, пока его не встрѣтили посланные изъ лагеря люди.

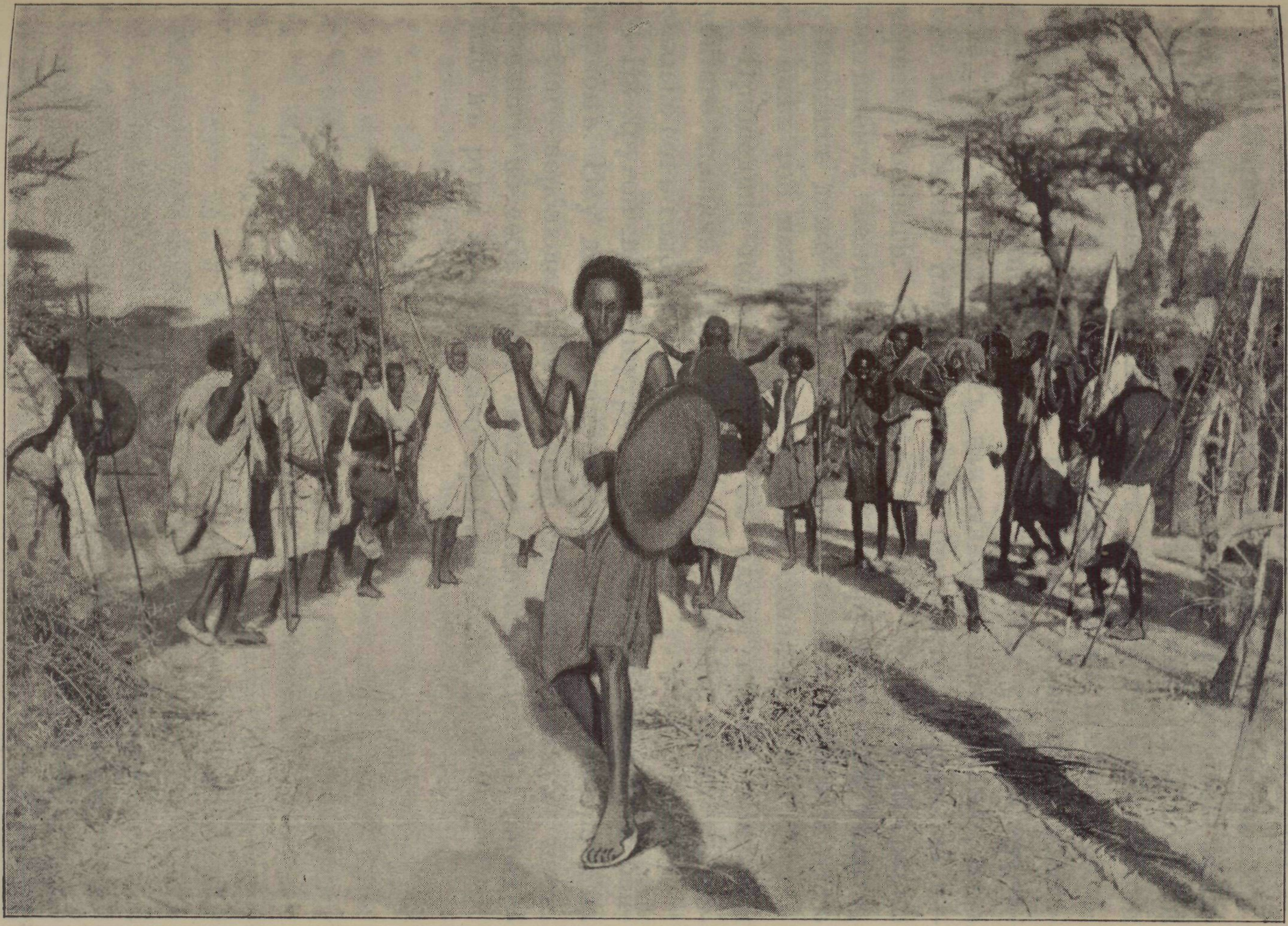
Кто виноватъ въ этомъ? Жадные ли до бакшиша черные, или бѣлые, обманывавшіе ихъ и не внушившіе довѣрія къ своему слову.

Вечеромъ доложили мнѣ, что казакъ Пановъ боленъ. Оказалось, что купанье подъ тропическимъ солнцемъ не прошло ему даромъ. Онъ получилъ ожогъ обѣихъ ногъ выше колѣна. Кожа вздулась и покраснѣла, но, по счастью, опасности для здоровья не было никакой. Едва стемнѣло, какъ вокругъ лагеря начался дружный концертъ шакаловъ, къ нимъ вскорѣ присоединилось свирѣпое уханье гіены. Начальникъ абиссинскихъ слугъ Демесье пошелъ на охоту и двумя выстрѣлами ранилъ гіену. Ее нашли на другой день и принесли на бивакъ. Это былъ прекрасный самецъ, ростомъ болѣе полутора аршина и аршина два длиною. Громадная голова и богатая мускулатура выказывали въ ней большую силу. Кожа покрыта рѣдкой, желтоватой шерстью съ темными круглыми пятнами. Ни кожа, ни шерсть ея никуда не годятся—трупъ ея былъ брошенъ на бивакѣ.

21-го декабря (2-го января). Отъ Арту до Гильдессы 14 верстъ. Мы выступили съ бивака въ $7^1/_2$ часовъ утра. Дорога шла между мимозныхъ деревьевъ то по песчаному грунту, то по каменистымъ спускамъ. Большія купы деревьевъ, обвитыя зелеными ліанами, казались искусственно насажденнымъ садомъ. Синіе дрозды, красноносые туканы, голуби и сѣрые попугаи то и дѣло перелетали съ дерева на дерево. Кругомъ видна была жизнь—пустыня кончилась. Черныя женщины стерегли стада барановъ и козъ, которыя паслись въ тѣни кустовъ, то и дѣло попадались верблюды и ослы, нагруженные кофеемъ и кожами. Около 10-ти часовъ утра въ лощинѣ между горъ раздался ружей-

ный залпъ, а затѣмъ частая трескотня ружей, то Ато-Марша встрѣчалъ русскаго посланника близъ границъ своихъ владѣній. Онъ выѣхалъ впередъ въ бѣлой съ краснымъ шамѣ, на мулѣ, посѣдланномъ парадным сѣдломъ. Человѣкъ тридцать ашкеровъ сопровождали его. Трое наѣздниковъ на верблюдахъ, трое на арабскихъ коняхъ гарцовали вокругъ. И опять я видѣлъ, какъ вдругъ, пригнувшись къ передней лукѣ, помчится всадникъ въ сторону отъ отряда. Пестрая шама развѣвается по вѣтру, конь распустилъ свой пышный хвостъ, а всадникъ воинственно потрясаетъ копьемъ. Проскакавъ саженей тридцать, всадникъ вдругъ дергаетъ за короткій поводъ, острый мундштукъ впивается въ нёбо лошади, давитъ языкъ и ошеломленная лошадь быстро останавливается, поджавъ красивыя ноги, колесомъ подобравши умную голову. А съ другой стороны уже скачетъ, гарцуя, другой. Вотъ и наѣздники на верблюдахъ, усиленно размахивая локтями, поскакали на своихъ животныхъ, отставивъ хвостъ, неуклюже перебиваясь ногами, скачетъ верблюдъ; перешелъ на рысь и пошли снова шагомъ. Красныя чалмы мотаются между зелеными вѣтвями лѣса, а бѣлыя шамы сверкаютъ на яркомъ солнцѣ. Абиссинскій трубачъ на изогнутомъ пѣхотномъ рожкѣ наигрываетъ настоящую нашу „козу", ашкеры шагаютъ за нимъ, дальше группа всадниковъ на мулахъ, наши офицеры и врачи красивой толпой, а затѣмъ конвой по четыре, въ бѣлыхъ рубашкахъ, новыхъ погонахъ, съ вынутыми шашками. Кругомъ толпа нашихъ черныхъ слугъ, мальчишекъ, женщинъ, любопытныхъ. Мулы идутъ въ этой толпѣ торопливымъ шагомъ и вся эта процессія, залитая жаркимъ полуденнымъ солнцемъ на фонѣ яснаго голубаго неба, желтыхъ скалъ и песка, зелени садовъ, быстро подвигается къ мѣсту бивака.

Мы стали за Гильдессой, на вершинѣ горы, покрытой деревами различныхъ породъ. Внизу подъ обрывомъ была ярко зеленая лужайка, ручей бѣжалъ подъ горой, высо-

Танецъ Галласовъ въ Гильдессѣ.

кая трава росла по краямъ, а за ручьемъ, за зеленой поляной, были опять высокія, крутыя, каменистыя горы.

Ато-Марша обѣдалъ у насъ. Вечеромъ пришли галласы, которые насъ поведутъ до Харара и устроили свою „фантазію“. Утомительно однообразенъ мотивъ ихъ хоровой пѣсни, прерываемый шипѣніемъ, подъ тактъ котораго они кидаются другъ на друга съ ножами. Ихъ костюмъ однообразнѣе костюма сомалей. На всѣхъ одинаковыя желтовато-сѣрыя рубашки и шамы, ихъ волосы, у всѣхъ курчавые, висятъ по сторонамъ, закрываютъ уши и капли пота отъ напряженія пляски, словно бриліанты, горятъ на вечернемъ солнцѣ. Сомалійское „йухъ“ у нихъ замѣнено шипѣніемъ, менѣе грознымъ, и вооруженіе ихъ бѣднѣе, у многихъ даже вовсе нѣтъ копій, пляска проще и нѣтъ въ нихъ той назойливости, какъ у сомалей.

Пришедшіе подъ вечеръ съ охоты казаки принесли убитаго павіана. Они видѣли ихъ цѣлое стадо въ нѣсколько сотъ головъ.

На другой день поутру абанъ Либэхъ явился за бакшишомъ. Ему дали 15 талеровъ и по четыре піастра *) на каждаго верблюда. Сомалійскій караванъ покинулъ насъ, оставивъ по себѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы переходили въ руки абиссинскаго правительства...

*) Талеръ=12 піастрамъ=23 аннамъ.

XII.

Взглядъ назадъ.

Составъ каравана.—Абаны.—Распредѣленіе вьюковъ.—Время потребное на прохожденіе пути отъ Джибути до Харара.—Стоимость верблюда.—Мулы.—Обмундированіе. путешественниковъ.—Чорная прислуга.—Правила обращенія съ абаномъ и верблюдовожатыми.

Сомалійская пустыня пройдена. 300 верстъ по каменистому грунту, нѣсколько горныхъ переваловъ остались за нами. За нами осталась безводная пустыня, кое-гдѣ лишь населенная бродячими черными племенами, хищными и опасными. Сдѣлано 11 переходовъ, изъ нихъ три безводныхъ, было три дневки. Не утомленіе людей и муловъ заставляло идти такъ медленно отъ станціи до станціи, иногда совершая всего 3-хъ-часовые переходы, останавливаясь, то совсѣмъ безъ воды, то на водѣ плохой, дурно дѣйствующей на органы пищеваренія, но постоянные капризы каравано-вожатыхъ, а главнымъ образомъ обычай, рутина, которую трудно преодолѣть.

Для подъема всего нашего груза намъ требовалось 250 верблюдовъ, считая ношу каждаго въ восемь пудовъ. Европейскія державы, занимая сомалійское побережье, прельщали народонаселеніе легкостью заработка путемъ вожденія каравановъ, разведенія и утилизаціи верблюдовъ. Дикіе, почти никогда не видавшіе европейца, жители африканскихъ плоскогорій легко прельщались на эти предложенія и съ теченіемъ времени создали особую, своеобразную организацію каравана. Старшина кочевья, или просто богатый человѣкъ, владѣющій многими верблюдами, принимаетъ на себя хлопоты по снаряженію каравана, по сбору верблюдовъ, распредѣленію груза—это „абанъ“ каравана. У него есть помощники, есть меньшіе абаны, которыхъ онъ по-

сылаетъ при караванѣ. Абанъ, или прямо живетъ въ европейскомъ центрѣ, подобномъ Зейлѣ, Джибути и проч., или имѣетъ тамъ своихъ агентовъ, которые своевременно извѣщаютъ, когда и сколько нужно верблюдовъ. Абанъ у довѣреннаго лица, резидента, губернатора или богатаго, популярнаго въ краѣ негоціанта, заключаетъ съ нанимателемъ предварительный контрактъ, приблизительно договаривается о вѣсѣ груза на верблюда, о числѣ ихъ, о платѣ за каждаго верблюда. Но, не передавъ этихъ условій своему племени и не переговоривъ съ нимъ предварительно, онъ не можетъ дать окончательнаго отвѣта.

Абанъ уходитъ въ горы, въ знакомыя ему кочевья, собираетъ владѣльцевъ верблюдовъ, говоритъ съ ними, получаетъ ихъ согласіе. Проходятъ недѣли, пока онъ соберетъ караванъ. Караванъ собирается не спѣша. Идутъ цѣлыя семьи, мужья и жены, надо запасти рисъ, отдать распоряженія по дому, пригнать верблюдовъ. Въ ближайшемъ селеніи отъ мѣста расположенія грузовъ караванъ, наконецъ, собирается. Иногда всѣ деньги должны быть уплочены тутъ же впередъ. Сомаль не рискуетъ везти назадъ эти деньги и притомъ онъ не вѣритъ европейцу: бывали случаи, что ихъ обманывали. Деньги получены, караванъ собранъ, онъ сходится непремѣнно подъ вечеръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ грузовъ и идетъ на ночлегъ. Абаны съ выборными верблюдо-владѣльцами выходятъ передъ караванъ и осматриваютъ вьюки. Подъ вечеръ: — вечеромъ фантазія эфектнѣй; онъ подходитъ съ пѣніемъ и пляской къ грузамъ и тѣшитъ васъ фантазіей. Нужно давать бакшишъ, но дадите бакшишъ, съ мѣста рискуете избаловать ихъ и поставить себя въ такое положеніе, что дальше они не пойдутъ безъ бакшиша. Дайте имъ двухъ, трехъ барановъ.

На другой день съ утра начинается разборка груза. Нужно, чтобы ящики были извѣстной формы, такого вѣса, чтобы по сторонамъ верблюда были хорошо уравновѣшены.

При помощи абана это наладится въ концѣ концовъ, но изъ вышепомѣщеннаго описанія видно, чего это стоитъ.

Вьюкъ разобранъ. Если караванъ идетъ безъ васъ, то этимъ дѣло кончено. Всякій взялъ свой грузъ, запомнилъ его и будетъ хранить отъ мѣста и до мѣста. Но если вы сами идете съ караваномъ, если у васъ есть вещи перемѣннаго груза, тогда на каждой стоянкѣ выходитъ недоразумѣніе, перемѣна верблюдовъ и ссоры. Выступили съ водой, но дорогой воду выпили, нѣсколько верблюдовъ освободилось; зорко слѣдите, чтобы эти верблюды не ушли домой, тогда на слѣдующемъ переходѣ вы останетесь безъ воды.

Караванъ идетъ, не обращая никакого вниманія на вашу личность. Удобно вамъ, или неудобно, это имъ все равно. По ихъ разсчетамъ, нужно кормить верблюдовъ и дѣлается дневка, нужно отдохнуть людямъ и выступаете въ 12 часовъ дня, въ самую жару. Вы назначаете часъ выступленія, продолжительность марша, но ваше назначеніе подвергается критикѣ абана, а иногда и всего караваннаго вѣча. Заставить перемѣнить рѣшеніе этого вѣча можно бакшишемъ, угрозой, но не силой. Вы можете бить ихъ; если хотите, вы можете, безнаказанно застрѣлить нѣсколькихъ: пустыня законовъ не знаетъ, но тогда васъ въ первую же ночь покинетъ караванъ и въ глухой пустынѣ вы останетесь со своими грузами, безъ верблюдовъ и проводниковъ. Лучше въ мѣру дѣйствовать бакшишемъ, иногда мириться съ обстоятельствами, а за Біа-Кабобой, на абиссинской территоріи, гдѣ всегда (если у васъ есть разрѣшеніе Негуса идти въ Абиссинію) вамъ могутъ помочь изъ Гильдессы—угрозой.

Большой караванъ, такимъ образомъ, употребляетъ на проходъ отъ Джибути до Гильдессы отъ 12-ти до 14-ти дней. Маленькій караванъ изъ 30-ти — 50-ти верблюдовъ пройдетъ это разстояніе въ 8—10 дней, одиночные люди и курьеры—4—6 дней.

Во время слѣдованія каравана, на ночлегахъ охранять

имущество своими людьми нѣтъ необходимости. Каждый сомаль бережетъ свой грузъ на пути, на ночлегѣ складываетъ изъ своихъ ящиковъ стѣнки, покрываетъ ихъ цыновками верблюжьяго сѣдла и ночуетъ тамъ. Нужно имѣть людей въ аріергардѣ для того, чтобы подпирать караванъ сзади, помогать нагружать развьючившихся верблюдовъ, при выступленіи съ бивака внимательно осматривать, не забыто ли что. Отъ двухъ до шести вооруженныхъ людей для этого совершенно достаточно. Остальнымъ лучше идти вмѣстѣ, подчиняясь опредѣленному для проѣздокъ кавалерійскому режиму, чѣмъ сохраняются силы муловъ и людей.

Багажъ идетъ на верблюдахъ и стоимость каждаго верблюда съ восьми-пудовой ношей отъ 18—20 талеровъ (съ бакшишами)—17—20 рублей *). Нужно полагать, что если протекторатами караванное движеніе не будетъ упорядочено, цѣна эта будетъ быстро выростать, въ виду все болѣе и болѣе частыхъ сношеній европейцевъ съ Хараромъ и Абиссиніей.

Сомалійскій верблюдъ высокъ ростомъ, но не силенъ. Онъ въ высшей степени выносливъ. По нѣсколько дней обходится безъ питья, питается нерѣдко однѣми мимозами пережевывая колючки, свободно протыкающія толстую подошву. Сѣдло верблюда состоитъ изъ 5-ти—6-ти цыновокъ, которыя накладываются ему на спину и подвязываются веревками къ животу. Съ обѣихъ сторонъ цыновокъ крестъ на крестъ привязываютъ двухъ-аршинныя палки, къ нимъ вьючится багажъ. Веревки для вьючки положено имѣть отъ грузоотправителя. Бакшишъ изъ двухъ-трехъ барановъ, выданныхъ два три раза на пути, да небольшой запасъ риса, пища сомалей; сами они идутъ пѣшкомъ.

Для передвиженія бѣлаго состава экспедиціи необходимы мулы. Цѣна на муловъ растетъ съ каждымъ днемъ. Хорошій мулъ теперь уже стоитъ до 70-ти талеровъ; въ

*) Цѣна зависитъ отъ того: 1) багажъ это, или грузъ; 2) формы и вѣса въ каждой отдѣльной верблюжьей ношѣ.

недалекомъ будущемъ цѣна эта дойдетъ до ста талеровъ (95 рублей) за животное. Хорошій мулъ долженъ обладать крѣпкой непобитой спиной (рѣдкость), не быть сподпруженнымъ и имѣть широкій частый шагъ. Всѣ мулы у туземцевъ-сомалей и у арабовъ очень плохо содержаны. Кромѣ сухой травы пустыни и небольшой порціи пшеницы, не больше гарнца, они не получаютъ ничего; поэтому передъ походомъ необходимо подкормить и почистить муловъ. Для муловъ нужно пріобрѣсти прочные недоуздки, а къ нимъ непремѣнно цѣпи, а не веревки, такъ какъ въ ожиданіи корма мулъ перегрызетъ не только смоленый канатъ, но даже ремень. Муловая коновязь должна быть прочна съ желѣзными кольями и хорошо охраняема, особенно на безводныхъ ночлегахъ, иначе мулы уйдутъ ночью. Если бы случилось такое несчастіе ихъ нужно искать на предыдущей водѣ. Чѣмъ мягче будетъ обращеніе съ мулами, тѣмъ скорѣе они бросятъ свои дурныя привычки и охотнѣе будутъ служить подъ сѣдломъ.

На мула, какъ и на лошадь, самымъ лучшимъ сѣдломъ является англійское, съ чуть приподнятой холкой, вообще такое, какое кладется на небольшую лошадь. Казаки конвоя ѣхали на казачьихъ сѣдлахъ и если они не побили спинъ муламъ, то только потому, что были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы этого не случилось. Каждыя шесть верстъ муловъ вели въ поводу, всѣ болѣе или менѣе значительные подъемы и спуски проходили пѣшкомъ. Вообще, набитыхъ спинъ было очень мало: только у вольнонаемной прислуги, никогда раньше не ѣздившей верхомъ. Для путешествія англійское сѣдло безусловно легче и пріятнѣе казачьяго. Черная подушка сѣдла накалялась на солнцѣ, ноги, вклиненныя въ узкій ленчикъ, согнутыя въ колѣнѣ, страдали гораздо болѣе, нежели при естественной и свободной посадкѣ на англійскомъ сѣдлѣ. Тяжелый каменистый грунтъ подбилъ копыта почти 10% муловъ, но въ общемъ мулы вынесли эту первую половину похода прекрасно. Несмотря на недостатокъ въ зернѣ, на недоста-

токъ въ водѣ и кормѣ, они бодро шли впередъ и послѣдніе тяжелые переходы совершили легко. Въ Дусе-Кармунэ, Аджинѣ, Феррадѣ, Мордалэ, Гагогинэ, Біа-Кабобѣ и Арту они имѣли, кромѣ ячменя, еще и подножный кормъ.

Обмундированіе людей днемъ—пробковый тропическій шлемъ, бѣлая гимнастическая рубаха, синіе шаровары и высокіе сапоги чернаго товара при обычномъ походномъ снаряженіи (безъ пикъ), не стѣсняло казаковъ. Ночью одѣвали верблюжьи куртки и накрывались бурками, что для ночей съ температурой не ниже 8°R. болѣе чѣмъ достаточно. Сильно пострадала обувь. Новыя подметки уже на 10-й день пути пришли въ полную негодность. Пришлось дорогой подбивать подошвы, а у нѣкоторыхъ и подборы. Желтые, нечерненные сапоги не даютъ особаго облегченія ногѣ. За все время пути у людей замѣчалось преніе ногъ, но это скорѣе слѣдуетъ приписать отсутствію воды для купанья, а не сапогамъ. Купаться было можно только въ Мордалэ, на 8-мъ днѣ пути, въ Арту—на 12-мъ днѣ и Гильдессѣ, и то съ большими неудобствами. Люди довольно сильно страдали желудкомъ, причемъ являлся упадокъ силъ, потеря энергіи и тошнота. Это происходило отъ того, что ни на одномъ ночлегѣ не было воды совершенно свѣжей, пріятной на вкусъ и безъ минеральныхъ примѣсей; вода же въ Арту такъ насыщена послѣдними, что прямо можетъ служить, какъ слабительная минеральная вода.

Остается сказать нѣсколько словъ о черныхъ слугахъ. Это народъ безусловно полезный, но лѣнивый и безпечный. Тамъ, гдѣ ихъ учили, гдѣ за ними былъ постоянный надзоръ, они служили усердно, но, предоставленные самимъ себѣ, они предпочитали спать. На нихъ лежала обязанность собирать и разбирать вещи своего господина, чистить его платье, носить воду, на походѣ нести сзади него ружье.

Караванъ дошелъ вполнѣ благополучно, но этимъ мы обязаны не только честности сомалей, но и искусной лави-

ровкѣ между угрозой и уступкой, извѣстному такту завѣдующаго караваномъ, а въ рѣшительныя минуты—начальника миссіи. Какъ только неоднократно битый сомалями абанъ Либэхъ терялъ голову, завѣдующій караваномъ самъ говорилъ съ сомалями и то угрозой, то посуломъ бакшиша побуждалъ ихъ идти впередъ. Одинъ день наши казаки силой преграждали имъ путь, сомалямъ оказывалось полное недовѣріе, а на другой день они грузились почти безъ присмотра. Извѣстный тактъ, наблюденіе за настроеніемъ умовъ караваннаго вѣча, лучшая гарантія въ успѣхѣ дѣла.

„Никогда не горячись и никогда не выказывай равнодушія. Разсердись и возвысь голосъ, если найдешь нужнымъ, но всегда сознательно.

„Помни, что ты бѣлый, человѣкъ высшей расы, и не теряй своего достоинства рукоприкладствомъ и суетой. Олимпійское спокойствіе внушитъ къ тебѣ уваженіе.

„Угрожай чѣмъ можешь и властно, но помни, что ни одной угрозы привести въ исполненіе не имѣешь возможности.

„Никогда не доводи дѣла до крайности, такъ какъ, если не выполнишь угрозы—признаешь свое безсиліе.

„Помни, что ссора съ караваномъ для сомалей невыгодна, для тебя гибельна.

„Давай бакшишъ, всегда предоставляя выборъ между угрозой и посуломъ.

„Не балуй бакшишемъ, давая его только за дѣло, иначе требованіямъ не будетъ границъ.

„Обѣщая награду, точно обусловь, за что дашь и по исполненіи свято исполни обѣщанное.

„Съ абаномъ говори много и часто. Допускай къ себѣ и сажай, давая подачки, табакъ, чай и т. п.

„Поддерживай абана передъ караваномъ, но давай ему чувствовать свое презрѣніе къ нему и превосходство надъ нимъ.

„Внимательно слѣди за настроеніемъ каравана, подмѣть наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ верблюжниковъ.

„Если увидишь, что абанъ не пользуется авторитетомъ, собери верблюжниковъ и переговори съ ними лично.

„Говори съ ними терпѣливо, выслушивай ихъ, требуя, чтобы одинъ говорилъ, а остальные молчали.

„Самъ говори ясно, по частямъ и внушительно, излагая свою мысль во всей ея логической послѣдовательности. Помни, что говоришь съ дѣтьми.

„Говоря черезъ переводчика, требуй, чтобы онъ переводилъ отдѣльныя, короткія фразы, иначе слова будутъ искажены.

„Не позволяй верблюжникамъ уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ на твои вопросы.

„Помни. что, ради твоего бакшиша, ни одинъ сомаль не зарѣжетъ верблюда“.

Вотъ краткія правила веденія каравана, которыя естественно выработались у нашего завѣдующаго караваномъ.

XIII.

Черезъ Гильдесскія горы.

Погрузка вьюковъ галласами. Прибытіе курьеровъ съ письмами. Гильдесса. Гильдесское ущелье. Деревня Беляуа. По горамъ. Абиссинскія лошади въ конвоѣ.

Въ понедѣльникъ, 22-го декабря (3-го января), вечеромъ нашъ бивакъ, садъ у Гильдессы, вдругъ наводнился толпой галласовъ, ослами и верблюдами. Галласы трещали на своемъ гортанномъ нарѣчіи, верблюды стонали и хрипѣли, ослы кричали, пронзительно икая. Ато-Маршá медленно и величественно, кутаясь въ бѣлую съ краснымъ шаму, прохаживался между ними, помахивалъ тоненькой палочкой-жезломъ и самъ приподнималъ вьюки и назначалъ кому что везти. Его адъютантъ, въ зеленой, расшитой узоромъ курткѣ, съ серебряной цѣпочкой у карманчика на груди, ходилъ, какъ тѣнь, сзади него, наблюдая, чтобы приказанія Ато-Марши были точно исполнены. Галласы подъ присмотромъ своего начальника работали усердно. Ихъ курчавые волосы покрылись серебристой росой пота, тѣла заблестѣли и запахъ пота заглушилъ на нѣкоторое время вечерній ароматъ тѣнистой рощи. Грузилась на Хараръ первая часть нашего каравана, которую мы должны были нагнать на другой день. Болѣе рослые и сильные верблюды галласовъ поднимали большій грузъ противъ сомалійскихъ, люди работали покорно, а гдѣ раздавался недовольный голосъ, туда направлялся самъ губернаторъ, сурово сдвигались его брови и грузъ поднимался безъ критики. Цѣлое стадо ословъ, безъ недоуздковъ, подгоняли къ мелкимъ вещамъ, два дюжихъ галласа поспѣшно накидывали на коголибо изъ нихъ цыновки, поверхъ цыновокъ

валили два, три ящика, прикручивали ремнями и пускали осла на волю. Бѣдное животное качалось подъ тяжелымъ грузомъ и не въ состоянiи будучи идти шагомъ бѣжало рысью или жалось въ стадо, гдѣ другiе ослы не давали ему падать.

На завтра съ утра была назначена погрузка второй партiи, палатокъ и ручного багажа. Эти караваны пойдутъ уже подъ присмотромъ абиссинскихъ ашкеровъ и за ихъ отвѣтственностью. Около десяти часовъ вечера мы проводили поручика К—го и секретаря миссiи О—ва, посланныхъ гонцами въ Хараръ предупредить о днѣ нашего прибытiя и заготовить муловъ подъ багажъ.

Полная луна сiяла на голубомъ, усѣянномъ звѣздами небосклонѣ, внизу, подъ обрывомъ, клубился надъ рѣкой туманъ, кусты и мимозы стояли уснувшiя, неподвижныя, гдѣ то неподалеку ухала гiена и таинственныя тѣни бродили въ лѣсу, когда два всадника удалились, сопровождаемые абиссинскими слугами.

23-го декабря (4-го января), вторникъ. Съ возней, съ укладкой, погрузкой, при обычномъ недохватѣ животныхъ, мы выступили поздно. Передъ самымъ выступленiемъ два выстрѣла въ чащѣ мимозныхъ вѣтвей, окутанныхъ яркозеленой лiаной, возвѣстили о прибытiи курьера изъ Джибути. Не прошло и минуты, какъ уже послышалось урчанье верблюда, опускающагося на колѣни, и у лагеря показался смуглый арабъ въ красной чалмѣ. Онъ развязалъ свои сумы и передалъ пакетъ съ письмами и газетами, адресованный въ миссiю. Если въ Джибути, среди французовъ вѣсть изъ далекой родины радовала и волновала насъ, то какое же сильное впечатлѣнiе произвела она на насъ, горами и пустынями отдѣленныхъ отъ всего цивилизованнаго мiра. Читаешь про концерты и балы, про крушенiя и наводненiя узнаешь, что стали морозы, что рѣки сковало льдомъ, что нѣмцы и италiанцы наводнили Петербургъ, что кто то съ кѣмъ то поругался, кого то судятъ, что сумерки стали въ Петербургѣ съ 12-ти часовъ дня, читаешь, обливаясь потомъ

подъ жаркими лучами полуденнаго солнца, подъ небомъ, не знающимъ ни облаковъ, ни тучъ, подъ яркой зеленью ліаны, и съ удивленіемъ прислушиваешься къ этой ключемъ бьющей тамъ далеко, на родинѣ, жизни. Тамъ танцуютъ подъ звуки бальнаго оркестра дамы, закутанныя въ шелки и бархатъ, тамъ ждутъ производства, орденовъ, наградъ, трепещутъ и волнуются, мерзнутъ и скучаютъ, а здѣсь полуголые галласы съ унылымъ говоркомъ грузятъ сѣрыхъ ословъ, верблюды протягиваютъ свои апокрифическія головы и медленно жуютъ колючки мимозъ, а всѣ интересы сосредоточены на томъ, когда и гдѣ будемъ ѣсть, поспѣемъ ли дойти до Белауа, продвинемся ли еще дальше къ Харару. Тамъ фантазія художника и декоратора въ зимній вечеръ подъ ласкающій темпъ балетнаго оркестра переноситъ васъ въ иной сказочный міръ, здѣсь сама сказка развернулась передъ вами широкимъ необъятнымъ голубымъ небомъ и пестрой толпой властителей востока и чудной декораціей скалистыхъ горъ. Тамъ хлопоты и заботы проводятъ морщины на челѣ, жизнь горитъ, какъ солома, здѣсь все уснуло въ спокойномъ міросозерцаніи, нервовъ нѣтъ, они вынуты, жизнь тлѣетъ такъ медленно и тихо, что съ трудомъ замѣчаешь ея проблески. Письма даютъ толчекъ, письма напоминаютъ, что тамъ все идетъ иначе, чѣмъ здѣсь, на свѣжемъ морозѣ лишь бодрѣе работается.

Съ массой мыслей, воспоминаній, разбуженныхъ почтой изъ Россіи, выѣхали мы изъ лагеря подъ Гильдессой и направились по Харарской дорогѣ. Опять по тому же лѣсу мимозъ, по которому проходили третьяго дня, мы спустились къ Гильдессѣ. Подобно сомалійской деревнѣ въ Джибути, Гильдесса это рядъ хижинъ, построенныхъ изъ хвороста и обнесенныхъ такимъ же заборомъ съ тѣсными, перекрещивающимися улицами. Народонаселеніе Гильдессы, около 4,500 человѣкъ, состоитъ изъ галласовъ, сомалійцевъ и небольшого числа абиссинцевъ-ашкеровъ губернатора Ато-Марши и купцовъ. Гильдесса раскинулась у подножія крутой горы, на берегу ручья. На маленькой площадкѣ

она вся скучилась съ торговымъ рынкомъ, съ безобразными черными старухами со сморщенными грудями, висящими наружу изъ-подъ темныхъ тряпокъ платка. У ногъ продавщицъ круглыя корзиночки, наполненныя зернами машиллы, перцемъ, красными томатами, зелеными бананами. Здѣсь же продаютъ маленькихъ куръ и мелкія куриныя яйца. Мальчишки-галласы и абиссинцы бѣгутъ за нами при проѣздѣ, абиссинскій воинъ съ ружьемъ за плечомъ, въ бѣлой шамѣ и панталонахъ смотритъ на насъ равнодушнымъ взглядомъ.

Отъ Гильдессы дорога поворачиваетъ направо и входитъ въ Гильдесское ущелье. Высокія, крутыя, почти отвѣсныя базальтовыя скалы тѣснымъ корридоромъ обступаютъ узкое русло рѣки. Мулъ бредетъ уже по мелкой прозрачной водѣ, а съ боковъ торчатъ отвѣсныя глыбы минерала. Чахлая травка лѣпится по горамъ, мѣстами изъ маленькой каменной насыпи торчитъ сухая мимоза. Каменный гротъ задернутъ прозрачной зеленью ліаны, дорога раздалась и желтое поле сжатой машиллы видно у склона горы. Ущелье даетъ развѣтвленія, принимаетъ вправо, животворящая влага даетъ себя чувствовать, появляются травы и чаще и чаще видны желтыя поля сжатаго злака. Еще часъ пути по галькѣ русла и тропинка поднимается на узкій карнизъ, лѣпящійся по горной кручѣ — густая заросль канделябровидныхъ кактусовъ, ползучія растенія, касторовое масло съ своими звѣздообразными темными листьями и шариками цвѣтовъ, и кусты, покрытые, словно сирень, кистями ароматныхъ цвѣтовъ отдѣляютъ обрывъ отъ тропинки. Съ другой стороны такая же густая заросль травъ, кустовъ и цвѣтовъ. Громадные, черные иркумы, съ двойнымъ клювомъ, съ рѣсницами на глазахъ, величаво сидятъ на камняхъ. Выстрѣломъ изъ винтовки я снялъ одного изъ нихъ, другого убилъ Кривошлыковъ. Казаковъ такъ поразила величина этихъ птицъ и сходство ихъ издали съ индюками, что они долго не хотѣли вѣрить, что это птицы „дикія“, а не „свойскія“. Маленькія трясогузки съ

желтой шеей и желтымъ задомъ прыгаютъ по камнямъ голубые дрозды перелетаютъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ съ куста на кустъ. А сквозь ароматный переплетъ цвѣтовъ и листьевъ видны по скатамъ горъ круглыя, черныя хижины съ коническими крышами, раскинувшіяся среди полей машиллы, большія стада барановъ и козъ, и громадные, и сытые горбатые абиссинскіе быки съ большими, болѣе аршина длиной, рогами. На поляхъ и между хижинъ сидятъ и ходятъ черные люди въ желтовато-сѣрыхъ шамахъ—это осѣдлые, трудолюбивые галласы, крѣпостные богатаго Ато-Марши. По краямъ полей съ уступа на уступъ бѣгутъ арыки, одни полны свѣжей водой, другіе на сжатыхъ поляхъ высохли и только каменное русло показываетъ ихъ направленіе. А вдали крутыя высокія горы, цѣлая цѣпь горъ, уходящихъ дальше и дальше, подымающихся округлыми вершинами одна надъ другой, тонущихъ въ голубой перспективѣ. Каждый шагъ мула открываетъ вамъ новые виды, одинъ богаче, одинъ совершеннѣе другого. Вотъ по крутымъ гранитнымъ ступенямъ, нагроможденнымъ самой природой, спускаешься внизъ и идешь по руслу. Кусты протянули свои ароматныя кисти цвѣтовъ вамъ навстрѣчу, ручей звенитъ подъ ногами у мула. Крутая отвѣсная скала, вышиной саженей пять, преградила путь руслу и дорогѣ и оттуда прямо навстрѣчу вамъ падаетъ прозрачная струя студеной воды. Кругомъ размытаго водоема стѣснились кусты и травы, они глядятся въ прозрачную глубину, любуются другъ на друга, смотрятъ на нависшія надъ ними скалы и слушаютъ таинственную сказку, что разсказываетъ горный ручей. Однообразная скучная пустыня кончилась, пастуховъ-сомалей смѣнили земледѣльцы - галласы, появились зародыши культуры. Словно шагнули мы на нѣсколько вѣковъ впередъ отъ первобытнаго человѣка и попали въ зачатокъ осѣдлости. Крутыя горы поросли мелкимъ кустарникомъ, болѣе пологіе скаты разбиты на площадки изъ наносной земли, на площадкахъ, словно высокій камышъ, торчатъ длинные

стволы зеленовато-желтой машиллы, большая смоковница растетъ среди поля и подъ тѣнью ея тѣснятся стада бѣлыхъ козъ и барановъ. Навстрѣчу идутъ женщины въ черныхъ юбкахъ, съ волосами, убранными въ черные чепцы, съ круглыми корзинами на головахъ—это харарійки спѣшатъ въ Гильдессу со своими товарами. Вотъ ослы несутъ мѣшки кофе на спинѣ, встрѣтились съ нами, столкнулись, заторопились и распустили свои уши по сторонамъ, растерянно глядя на нашихъ муловъ.

— „Мать, мать!", коротко кричитъ галласъ и длинной хворостиной отгоняетъ ословъ въ сторону.

Жизнь кипитъ въ этой благодатной странѣ, кипитъ жизнью, а не нервами, кипитъ дѣйствительностью, а не вымысломъ неврастеничнаго декадентства. Вотъ куда, на этотъ ручей „Белау", посылать нервно-больныхъ, чтобы жизнь мѣрная, какъ колебанія маятника, погасила порывы страстей, чтобы ровная природа, тишина высокихъ горъ уняла жаръ крови...

Но какая дорога! Иногда камни въ $^3/_4$ аршина вышиной, на самомъ краю карниза пересѣкали узенькую тропинку, нужно было удивляться, какъ взбирался на эти камни мулъ, какъ не скользилъ и не падалъ онъ на шлифованной поверхности гранитной глыбы. Мѣстами круглые валуны величиной съ большую тыкву, нагроможденные одинъ на другой, поднимались на саженную вышину. Возьмешься за гриву, пригнешься къ передней лукѣ, а терпѣливый, выносливый мулъ уже вскарабался на верхъ, ни разу не подскользнувшись, ни разу не сдѣлавъ невѣрнаго шага. Имъ не нужно управлять, да онъ и не послушаетъ тутъ никакого повода, онъ самъ своимъ инстинктомъ, своимъ животнымъ чутьемъ, опытомъ и умомъ, свѣтящимся въ кроткихъ глазахъ, знаетъ куда поставить тонкую ногу, гдѣ перешагнуть черезъ камень, гдѣ на него подняться.

Мы поднимались выше и выше. Чаще попадались канделяброобразные кактусы, больше было цвѣтовъ, сильнѣе ароматъ.

Вечерѣло. Солнце пряталось за горы. Прозрачныя тѣни тянулись отъ кустовъ и домовъ. Синяя дымка кутала ущелье—мы приближались къ ночлегу у „Белау“.

Белау—по абиссински значитъ ножъ, это наименованіе присвоено цѣлой группѣ галласскихъ деревень, расположенныхъ на ручьѣ того же имени и составляющихъ имѣніе нравителя гильдесскаго округа, Харарской провинціи, Ато-Марши. Галлаская деревня состоитъ изъ пяти, шести хижинъ, раскинувшихся на протяженіи нѣсколькихъ десятинъ, окруженныхъ машилловыми полями и банановыми кустами. Было около 6-ти часовъ вечера, когда мы подъѣхали къ перекрестку дорогъ. Дорога направо вела въ имѣніе Ато-Марши, прямо—къ деревнѣ Белау, у которой стоялъ нашъ отрядъ. При свѣтѣ луны мы разбили палатки. Конвой на ночь помѣстился въ просторномъ каменномъ сараѣ. Нужно было почиститься, приготовится къ завтрашнему въѣзду въ Харар.

24-декабря (5-го января), среда. Отъ Белау до Харара.

Было 4 часа утра и полная луна свѣтила изъ-за горъ, когда рѣзкій звукъ кавалерійской трубы поднялъ нашъ отрядъ. При свѣтѣ костровъ напились мутнаго чаю, поѣли холоднаго мяса антилопы и начали собираться въ путь. Галласы накладывали сѣдла на верблюдовъ и ословъ, грузили ихъ багажемъ и чуть загорѣлась блѣдная заря на востокѣ, какъ первые верблюды и ослы пошли карабкаться по горной кручѣ. Въ 6½ часовъ выѣхалъ начальникъ миссіи, за нимъ всѣ офицеры—въ кителяхъ при шашкахъ, а сзади конвой въ полномъ составѣ, въ чистыхъ рубашкахъ съ погонами, при караульной амуниціи. Я ѣхалъ на бѣлой абиссинской лошади, подаренной мнѣ въ Баядэ поручикомъ Б—мъ. Она за время путешествія черезъ сомалійскую пустыню подбилась на острыхъ камняхъ и еле шла передними ногами. Въ Гильдессѣ, на дневкѣ, я подковалъ ее на передъ и теперь хотѣлъ испытать, возможна ли ковка на этихъ кручахъ—лошадь шла прекрасно. Подъемъ начался съ самаго мѣста бивака; вскорѣ мы опять втяну-

нулись въ горное ущелье. Узкая тропинка шла по горному карнизу, состоящему изъ гладкихъ и крупныхъ обломковъ горной породы. Мѣстами проходъ былъ такъ узокъ, что лошадь еле помѣщала ноги между камнями. Горный кряжъ густо поросъ мшистой, сѣроватой травой, высокими кактусами, ліанами, пихтой и туйей. Только что вставшее солнце еще не проникло въ ущелье и зеленая сырость лежала по пути. Внизу на страшной глубинѣ струился ручей, то ниспадая съ груды камней небольшимъ потокомъ, то припадая къ песку и разливаясь узкимъ разливомъ. Кругомъ была зелень. Дорога, достигнувъ почти вершины горы, вдругъ по крутымъ каменнымъ ступенямъ сбѣгала внизъ, мы брели черезъ ручей и снова поднимались по узкимъ карнизамъ, по уступамъ скалъ, на страшную высоту. Не смотря на то, что солнце пекло немилосердно — въ тѣни была прохлада. Пихты и туйи поросли между сѣрой травой и желтымъ пескомъ разложившейся каменной породы и весь пейзажъ напоминалъ унылые, хвойные пустыри Финляндіи. Мы были на высотѣ 1,260 метровъ надъ уровнемъ моря. Оглянешься назадъ—длинныя цѣпи горъ уходятъ въ голубую даль, далеко на горизонтѣ чуть синѣютъ горы Арту. За ними уже, невидная больше, лежитъ сомалійская пустыня. Теплый воздухъ дрожитъ и переливается внизу, а верхи необыкновенно чисты...

Широкій горизонтъ холмовъ, покрытыхъ полями, убѣгаетъ передъ нами. Узкая тропинка, обсаженная съ обѣихъ сторонъ высокими кактусами, вьется по холмамъ. Камень смѣняется пескомъ, супескомъ и черноземомъ, еще дальше синѣютъ громадныя горы, влѣво полная таинственности, столовидная высокая гора Джарсо. На вершинѣ ея лежитъ озеро. Ни одинъ бѣлый не былъ на этой горѣ. Львы, леопарды и носороги гнѣздятся на ея вершинѣ—это заповѣдная охота вице-короля Харара, раса Маконена.

У спуска съ горы начальника миссіи встрѣтило два абиссинца съ недурной темно-сѣрой лошадью. Вершковъ трехъ росту, правильно сложенная, съ тонкой серебристой

14*

шерстью, гладко прилегающей къ кожѣ, съ роскошнымъ отдѣломъ темно-сѣраго хвоста, съ чолкой въ одинъ волосъ, съ тонкой гривой, небольшой головой, съ маленькими ушами и глазами на выкатѣ, она была типичнымъ представителемъ абиссинской лошади. Узкая грудь и развинченная походка, характерные ея признаки. Начальникъ миссіи предложилъ мнѣ ее испытать. Эта лошадь создана лишь для гарцованія—да абиссинская кавалерія только и гарцуетъ. Задерганная, зацуканная на чрезвычайно строгомъ мундштукѣ, она не идетъ, а танцуетъ въ крутомъ сборѣ лебединой шеи. Рыси она не знаетъ, пустишь рысью—она выбрасываетъ впередъ свои ноги, нетвердо, неувѣренно становитъ ихъ, бросаетъ совершенно поводъ и отказывается принять его. Но подберите ей голову, дайте ей шенкель, и вся она сожмется и пойдетъ короткими скачками, раздувъ хвостъ по вѣтру, картинно согнувшись; дайте поводъ, толкните еще, и вихремъ вынесется она впередъ и только начнете собирать поводъ, она снова идетъ шагомъ, бросая ногами, прядая ушами...

У подножія послѣдней высокой горы, подъ тѣнью раскидистой смоковницы, пріостановились на минуту; начальникъ миссіи пересѣлъ на параднаго мула, посѣдланнаго малиновымъ бархатнымъ сѣдломъ, расшитымъ золотомъ, мы поднялись на невысокій холмъ къ деревнѣ Кальбоджѣ—здѣсь насъ ожидала встрѣча.

XIV.

У стѣнъ Харара.

Первая встрѣча абиссинскими войсками. Абиссинскіе кавалеристы. Игра въ „гуксъ". Видъ на Хараръ. Геразмачъ Банти. Встрѣчный обѣдъ. Дурго. Рождественская ночь въ Харарѣ.

Широкая полевая дорога, испорченная немного промоинами бѣжавшихъ по ней ручьевъ, спускалась съ невысокаго холма въ долину, покрытую полями сжатой машиллы. У въѣзда въ долину съ лѣвой стороны пути стояла неранжированная толпа людей, человѣкъ около полутораста. Босые, съ непокрытыми головами, въ бѣлыхъ панталонахъ, и бѣлыхъ съ краснымъ шамахъ, съ ружьями Гра, Вѐтерли, и Кропачека, поднятыми на караулъ—люди эти не имѣли воинственнаго вида. А между тѣмъ это была прекрасная пѣхота геразмача Урадда, выѣхавшаго намъ навстрѣчу.

Сзади линіи пѣхоты и нѣсколько на флангѣ ея стояли богато посѣдланные рослые мулы и лошади офицеровъ — „башей" и наѣздниковъ кавалеріи.

Геразмачъ Урадда сѣдой, бодрый старикъ, подъѣхалъ къ начальнику миссіи и, прикрывая ротъ шамой, тихимъ голосомъ, согласно абиссинскаго этикета, привѣтствовалъ начальника миссіи въ преддверіи Харара. Всѣ спѣшились; геразмачу передали наше удовольствіе встрѣтиться съ нимъ на территоріи абиссинской имперіи и затѣмъ тронулись. Впереди начальникъ миссіи, за нимъ геразмачъ Урадда, сзади три абиссинскихъ дворянина, помѣщика, въ сѣрыхъ фетровыхъ шляпахъ, еще немного позади нашъ переводчикъ, потомъ офицеры и конвой въ колоннѣ справа по шести. Едва только мы прошли мимо линіи войскъ, геразмачъ сдѣлалъ чуть замѣтный взмахъ палочкой и пѣхота пристроилась сзади конвоя. Они шли толпою, безъ равне-

нія, не въ ногу. Большинство имѣло ружье на погонномъ ремнѣ, на правомъ плечѣ, но нѣкоторые несли его „на плечо“, нѣкоторые за плечами. У каждаго на панталонахъ подъ шамой былъ одѣтъ широкій кожаный ремень съ патронами, а у иныхъ еще италіанская сабля въ жестяныхъ ножнахъ. Они шли легко и свободно по дорогѣ и по краямъ ея, презирая камни, канавки и болотистые ручьи. Подходя къ болоту, черезъ которое повсюду перекинуты узкіе горбатые мосты, обсыпанные землей, безъ перилъ, они сами безъ толкотни и шума перестраивались въ узкую колонну. Кавалеристы сѣли на коней и мимо насъ по выгону, поросшему мелкой травой, по сжатымъ нивамъ началась абиссинская джигитовка.

На чудномъ пѣгомъ, бѣломъ съ черными пятнами конѣ, съ уздой, богато украшенной монетами и бляхами, съ бубенчикомъ на подбородномъ ремнѣ, съ двумя тоненькими палочками въ рукахъ, съ круглымъ щитомъ на локтѣ, съ длиннымъ мечомъ съ правой стороны, вылетаетъ всадникъ картиннымъ галопомъ. Лошадь не идетъ ни съ правой, ни съ лѣвой ноги, она бросаетъ переднія ноги одновременно впередъ, подбираетъ упругій задъ и скачетъ звеня монетами и бубенцомъ уздечки. Пестрыя тряпки сѣдла мотаются по сторонамъ, леопардова шкура развѣвается вѣтромъ, а подъ ней видна пестрая куртка, расшитая серебромъ. Чудный, эффектный видъ!! Всадникъ скачетъ откинувшись назадъ, держась шенкелями, заложивъ большіе пальцы ногъ въ маленькія, овальныя стремена. Онъ оглядывается назадъ, грозитъ кому то своими дротиками, онъ слился съ лошадью, его гибкое тѣло дѣлаетъ тѣ же движенія, что и конь. За нимъ изъ среды всадниковъ отдѣляется другой. Гнѣдой конь его свился клубкомъ, мохнатая шкура барана, словно грива льва, ожерельемъ легла около шеи, красная шама огненнымъ языкомъ мотается сзади. Онъ ударилъ быстро плеткой лошадь и она легла на землю, разостлалась на карьерѣ, по характерному французскому выраженію „ventre à terre“ и, потрясая въ рукѣ дротикомъ, угрожая врагу,

онъ несется впередъ. Леопардова шкура осадила коня и изогнувшись назадъ ждетъ противника, И вотъ чуть колеблясь, со свистомъ, шаговъ на шестьдесятъ, летитъ тоненькій дротикъ. Упалъ подлѣ леопардовой шкуры, а тотъ уже скачетъ впередъ по склону холма, у хижинъ деревни описываетъ широкій вольтъ и кидаетъ свой дротикъ, за нимъ и другой. Послѣ этого, онъ подъѣзжаетъ къ мѣсту паденія дротиковъ, останавливаетъ лошадь и, ловко склонясь впередъ, поднимаетъ дротикъ, не слѣзая съ сѣдла.

А на смѣну имъ уже летятъ новыя пары. Зеленое поле покрыто этими скачущими наѣздниками. Сѣрые, бѣлые, гнѣдые кони со звономъ на бора скачутъ впередъ и назадъ. Красныя, пестрыя шамы, шкуры леопардовъ и дикихъ котовъ, гривы барановъ, зеленые и розовые вальтрапы мотаются на фонѣ травы, сверкаютъ восточной пестротой на яркомъ синемъ небѣ, горятъ и переливаются подъ лучами жгучаго солнца.

Мягкая, ровная, пыльная дорога идетъ между полей, проходитъ мимо холмовъ съ раскинувшими на нихъ деревнями; женщины и дѣти въ сѣроватыхъ шамахъ бѣгутъ навстрѣчу отряда. Среди полей на зеленомъ лугу ростетъ смоковница. Цѣлая рота можетъ отдыхать подъ ея тѣнью. Стадо козъ и барановъ бродитъ тамъ, мѣшаясь съ большерогими зебу. Мирныя картины обработанныхъ полей, сытыхъ стадъ и черныхъ пастуховъ и черныхъ земледѣльцевъ служатъ фономъ джигитовкѣ пестро одѣтыхъ наѣздниковъ. Кень-азмачъ Абанада, дядя раса Маконена подъѣзжаетъ ко мнѣ и видя прекраснаго сѣраго коня подо мной предлагаетъ свой дротикъ—попробовать свое искусство въ метаніи копій. Я отказываюсь, вынимаю свою шашку и показываю ее ему.

— „Малькамъ?“ (хороша) спрашиваю я.

Старый воинъ бережно беретъ лезвее въ руки, звенитъ по нему ногтемъ, пробуетъ пальцемъ.

— „Маляфья“ (отлична), говоритъ онъ и передаетъ мнѣ клинокъ.

Я рублю, проскакивая мимо кактуса, нѣсколько вѣтокъ сразу и старикъ кень-азмачъ снова произноситъ свое одобрительное „маляфья“.

Знатный абиссинецъ.

Дорога спускается внизъ, мы переходимъ въ бродъ черезъ мутный ручей, по крутому утесу поднимаемся въ гору, затѣмъ идемъ нѣкоторое время узкимъ ущельемъ между отвѣсныхъ скалъ и выходимъ на высокій горный кряжъ.

Полдень. Усталые мулы неохотно бредутъ впередъ. Сейчасъ откроется дорога на Хараръ.

И онъ показался въ тѣсной лощинѣ между холмовъ и горъ, темный, шеколаднаго цвѣта. Черные квадраты домовъ подымались и опускались по скатамъ холмовъ, крѣпостная стѣна вилась кругомъ, бѣлый храмъ съ жестянымъ куполомъ сверкалъ посрединѣ, и неподалеку отъ него видѣнъ былъ въ арабскомъ стилѣ построенный бѣлый, съ статуями по угламъ, дворецъ раса Маконена.

На высокомъ и крутомъ утесѣ, доминирующемъ надъ городомъ, виднѣлись три абиссинскихъ флага. Оттуда вылетѣлъ клубъ бѣлаго дыма и громкій выстрѣлъ раздался въ привѣтствіе намъ и эхомъ перекатился въ горахъ и ущельяхъ.

Абиссинскіе солдаты бѣжали впередъ прямо въ гору, легко отталкиваясь отъ камней голыми пятками. Кавалеристы слѣзли съ лошадей и ведя ихъ въ поводу тоже легкой рысью выбѣгали впередъ, все торопилось опередить насъ, бѣжали по тѣсной дорогѣ, толпились, упирались руками въ бока нашихъ муловъ, въ наши ноги и обгоняли одинъ за другимъ. Дорога поднималась къ городу мимо громадныхъ банановыхъ садовъ, обнесенныхъ каменными завалами, обросшими кофейными кустами. Теперь стали видны громадныя толпы солдатъ, спѣшно собиравшіеся у воротъ. Скоро бѣлые ряды ихъ стали по обѣимъ сторонамъ дороги у темныхъ воротъ города. Съ горы стрѣляли изъ пушекъ, наши казаки ружейными залпами салютовали абиссинскому флагу. Еще нѣсколько минутъ и мы смѣшались съ толпой солдатъ и ихъ начальниками.

Ато Уонди, отецъ кадета Хейле Маріама на прекрасной громадной и, что рѣдко, широкой, сѣрой лошади выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. Красная шама развѣвалась по вѣтру, глаза его горѣли счастьемъ увидѣть сына и онъ поѣхалъ рядомъ съ нимъ, здороваясь со своими старыми знакомыми докторами Б—мъ и С—мъ. Трудно описать чудное зрѣлище, развернувшееся передъ нами.

Около тысячи солдатъ толпами стояло по сторонамъ

дороги. Яркими бѣлыми пятнами горѣли ихъ шамы и среди нихъ пестрѣли желтыя, красныя, синія и зеленыя куртки начальниковъ. Черныя лица, руки и ноги; разнокалибернее вооруженіе ихъ, пестрота цвѣтныхъ плащей—все производило впечатлѣніе вооруженной толпы, да оно такъ и было, такъ какъ абиссинская армія есть ничто иное, какъ совершеннѣйшее воспроизведеніе вооруженнаго народа. Городская стѣна была передъ нами...

Библейскими временами, временами, когда амаликитяне и моавитяне сражались, побиваемые каменнымъ градомъ, когда стѣны Іерихона падали отъ трубныхъ звуковъ, пахнуло отъ этихъ неровныхъ двухъ-саженной высоты коричневыхъ стѣнъ. Ворота съ темными досчатыми дверьми съ надписью на нихъ на абиссинскомъ языкѣ, суковатая палка-кривуля привязанная на ихъ вершинѣ и тряпочка абиссинскаго флага мотающагося на ней—все это было такъ дико и необычно.

Правителя Харара не было дома. Расъ Маконенъ ушелъ съ войскомъ на югъ, оставивъ управлять своей провинціей преданнаго геразмача Банти. Онъ и встрѣтилъ насъ въ бѣлой съ пурпуромъ шамѣ у воротъ города.

Банти около пятидесяти лѣтъ. Онъ женатъ, у него двое дѣтей—оба мальчики, лѣтъ 12-ти—14-ти. Жена его живетъ въ Аддисъ-Абебѣ. Въ молодыхъ годахъ Банти сражался въ рядахъ Маконеновыхъ дружинъ, отличился храбростью, былъ произведенъ въ офицеры и усердной службой достигъ званія начальника Маконенова праваго крыла—геразмача. Это крѣпкій коренастый старикъ, съ застывшимъ выраженіемъ сонливости на лицѣ. Онъ слушаетъ съ легкимъ напряженіемъ, будто старается усвоить то, что ему говорятъ, отвѣчаетъ коротко, односложно. Это старый солдатъ, чуждый политики, и плохой придворный. Черные короткіе волосы его чуть вьются, глаза его, усталые и спокойные смотрятъ и будто не видятъ. Послѣ привѣтствій мы поднялись по каменнымъ ступенямъ къ воротамъ, вошли въ нихъ и очутились въ узкой вонючей

улицѣ, между двухъ стѣнъ домовъ. Въ домахъ, построенныхъ изъ коричневаго, слегка ноздреватаго камня, оконъ на улицу нѣтъ. Мѣстами маленькія квадратныя отверстія выводятъ со двора нечистоты прямо на улицу. Иногда окажется небольшое окно, но и оно заложено сѣрой ставней. Городъ тихъ, городъ мертвъ своими домами.

Но бойкая жизнь кипитъ на улицѣ. Коричневыя, того же цвѣта, какъ и стѣны домовъ женщины, въ сѣровато-желтыхъ шамахъ жмутся къ стѣнамъ и смотрятъ на насъ любопытными глазами. Бѣлые армяне, смуглые арабы, коричневые абиссинцы, черные сомали, сидятъ, стоятъ и лежатъ на низкихъ и плоскихъ крышахъ. Ослы, нагруженные камышомъ, идутъ навстрѣчу, но ашкеры загоняютъ ихъ палками въ сосѣдніе переулки. Всюду говоръ большого города, большого торговаго центра. Вотъ коричневый домъ побольше другихъ, зеленая дверь увѣнчана арабской зеленой рѣшеткой съ бронзовымъ полумѣсяцемъ—это старый дворецъ раса Маконена. Вотъ площадь у круглаго храма, опять тѣсная узкая улица по камнямъ, какъ по ступенямъ подымающаяся кверху — мы у дома геразмача.

Черезъ узкую дверь мы вошли на небольшой квадратный дворъ. Два фаса его образованы двухъ-этажными коричневыми домами и два фаса—высокими каменными стѣнами. Прямо противъ двери крыльцо, обвитое виноградомъ, зеленыя гроздья котораго свѣшиваются сквозь деревянную рѣшетку. Подъ крыльцомъ узкая дверь, ведущая въ небольшую комнату, и въ ней столъ, накрытый по-европейски бѣлой, съ розовой каймой скатертью, фаянсовыми тарелками, стеклянными гранеными стаканами, ножами и вилками. Буковые соломенные стулья окружали этотъ столъ. Въ глубинѣ комнаты было широкое ложе, покрытое цыновками и коврами. Стѣны комнаты, бѣленыя когда-то, были украшены лишь пылью да гвоздями. Въ стѣнахъ были сдѣланы выемки въ формѣ равносторонняго треугольника для свѣчей. Единственнымъ украшеніемъ было зер-

кало въ широкомъ золотомъ багетѣ, стоявшее въ небольшой выемкѣ стѣны.

Геразмачъ отъ имени Маконена просилъ насъ сѣсть и откушать хлѣба-соли. Шесть бутылокъ пива и большіе бѣлые хлѣбы были серьезной приманкой для насъ, не ѣвшихъ ничего съ четырехъ часовъ утра. Мы усѣлись за столъ. Абиссинецъ Маркъ, бывшій переводчикъ г. Леонтьева, прекрасно говорящій по-русски, а лицомъ удивительно напоминающій Н. Н. Фигнера въ роли Отелло, отецъ Уонди, еще два, три знатныхъ абиссинца ходили кругомъ и угощали насъ. Черные слуги принесли громадные черные (около полу-аршина въ діаметрѣ) круги инжиры изъ лучшей пшеницы, налили намъ стаканы „тэча" и пива.

Обѣдъ, приготовленный армянкой-кухаркой, состоялъ изъ капусты съ жареной бараниной, бульона, жаренаго съ чеснокомъ бараньяго сѣдла и чудныхъ банановъ. Двое слугъ едва могли нести громадную банановую гроздь, сплошь усѣянную крупными желтыми плодами. Такихъ большихъ, сочныхъ и ароматныхъ банановъ я не видѣлъ ни въ Александріи, ни въ Портъ-Саидѣ. Чай въ маленькихъ чашечкахъ съ золоченой надписью „think of me" заключилъ сытный обѣдъ, сильно приправленный перцемъ. Геразмачъ Банти съ нами не обѣдалъ, онъ постился по случаю сочельника Рождества Христова.

Съ такимъ же большимъ отрядомъ пѣхоты впереди, сопровождаемые Банти, мы вышли изъ дома и тѣсной улицей прошли къ городскимъ воротамъ, вышли на Аддисъ-Абебскую дорогу, близъ которой у самыхъ стѣнъ города было отведено мѣсто для нашего лагеря.

Палатки начали разбивать около четырехъ часовъ дня. Геразмачъ оставался до тѣхъ поръ, пока палатка начальника миссіи не установилась на мѣстѣ.

Около шести часовъ вечера цѣлая процессія солдатъ и женщинъ принесла намъ отъ имени Маконена „дурго". Шесть жирныхъ барановъ, шесть большихъ гомбъ наилуч-

шаго тэча, три корзиночки особаго перечнаго варенья, три громадныхъ корзины инжиры, корзина банановъ, два пучка сахарнаго тростника и четыре бутылки самосскаго вина, предназначались намъ по законамъ абиссинскаго гостепріимства въ подарокъ. Для нашихъ муловъ принесли десять мѣшковъ ячменю и нѣсколько вязанокъ сѣна.

Эта процессія черныхъ женщинъ съ низкими круглыми корзинами, укутанными бѣлыми съ краснымъ плащами на головахъ, это стадо барашковъ впереди, пучки тростника, такъ напоминали картины библейской жизни, что забывалось, гдѣ находишься, въ какомъ вѣкѣ живешь.

Солдаты Банти тѣснымъ кольцомъ окружили мѣсто нашего бивака. Они остались здѣсь до сумерокъ, а въ сумерки въ мое распоряженіе прислали офицера и 14 солдатъ для охраны бивака.

Рождественская ночь застала насъ за разбивкой лагеря. Кухня опоздала и три яйца на человѣка и чай съ кисловатымъ харарскимъ хлѣбомъ составили нашъ ужинъ.

Но когда мы вышли изъ-за стола, чудный видъ, представившійся передъ нами, заставилъ насъ забыть всѣ тревоги далекаго похода. Высоко на темно-синемъ небосклонѣ почти безъ звѣздъ сіяла свѣтлымъ дискомъ полная луна. Не луна сѣвера, кроткая и спокойная, напоминающая скромную красавицу, не та луна, что робко кидаетъ бѣлые лучи свои на березы и ивы далекой родины, нѣтъ, гордая красавица, увѣренная въ своихъ силахъ, затмившая всѣ звѣзды яркимъ блескомъ своимъ, сверкала высоко на небосклонѣ; яркій обручъ лежалъ вокругъ нея, а лучи лились и лились; они серебрили палатки, обливали молочнымъ свѣтомъ зубцы городской цитадели, сверкали на полотнѣ нашего посольскаго флага, что висѣлъ на одной веревкѣ съ абиссинскимъ, дрожали эти блики на застывшихъ, опущенныхъ внизъ листахъ кофейныхъ деревъ. И озаренныя блѣднымъ свѣтомъ луны, далеко на горизонтѣ синѣла столовая гора Джерсо, два конуса другихъ горъ и длинная лиловая полоса хребта Эго. Лощина пропадала въ

серебристомъ туманѣ. Изъ тумана выросталъ холмъ и словно игрушки торчали на холмѣ темныя хижины галласской деревни. А дальше выплывали по скату горы правильные квадраты, засаженные высокими кофейными деревами. Сады таинственной Савской царицы, культура этихъ полей съ правильными четыреугольниками кофейныхъ

Лагерь у воротъ Харара.

плантацій и рядомъ дикія горы, яркимъ контрастомъ темнѣвшія вдали.

Изъ этой же синей пропасти, будто заложенной дымчатой ватой, воздымались зубчатыя стѣны громаднаго города. Кубическіе домики лѣпились одинъ къ другому, образовывали кварталы, равно освѣщенные бѣлымъ свѣтомъ луны. На горѣ сверкалъ бѣлый дворецъ раса Маконена и горѣлъ яркій жестяной куполъ харарскаго собора. А за городомъ опять таинственныя синія горы, манящія на

себя, за себя, какъ манитъ волшебная сказка востока, какъ манитъ все, прикрытое дымкой неизвѣстности.

Нашъ лагерь имѣлъ волшебный видъ. Зубчатая стѣна съ двумя круглыми башнями у воротъ, и надъ стѣной бѣлыя палатки, ровныя, словно бутафорскія вещи, сдѣланныя изъ картона. Подъ обрывомъ горятъ костры нашей кухни, люди въ бѣлыхъ шамахъ ходятъ между, стадо барановъ толпится у куста; въ живописно наваленныхъ камняхъ неподвижный стоитъ часовой. Тишина. Ни вѣтерка, ни звука. Стоишь на вершинѣ холма у коновязи и забываешь, что это сама природа; кажется, вотъ-вотъ, откуда-нибудь изъ-подъ земли раздадутся звуки незримаго оркестра и пестрый кордебалетъ вылетитъ дополнить восточнымъ танцемъ красивую картину Рождественской ночи.

Но вмѣсто мощныхъ и стройныхъ аккордовъ обширнаго оркестра слышны дикіе возгласы абиссинскаго хора, видна толпа черныхъ, которые, сбившись въ тѣсный кругъ, прикрывшись распростертой надъ кругомъ бѣлой шамой, поютъ и пляшутъ, хлопая въ ладоши. Дикій танецъ! Танецъ волшебной сказки, танецъ демоновъ, спустившихся въ лощину изъ страшныхъ горныхъ ущелій. То разыгрывалась на нашихъ глазахъ рождественская абиссинская фантазія.

Но смолкъ однообразный мотивъ абиссинскаго пѣнія, разошлись черные люди, а съ высокаго холма отъ палатки конвоя раздалось мѣрное торжественное пѣніе „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“, и „Дѣва днесь“ и въ этотъ день, вблизи того мѣста, гдѣ свершилось чудо, даровавшее спасеніе человѣчеству, въ мягкомъ воздухѣ харарской ночи, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ милліонами огней свѣтятся храмы, гдѣ толпятся праздничные молельщики, среди горъ, кофейныхъ деревъ, у стѣнъ африканскаго Парижа это пѣніе звучало особенно торжественно и красиво...

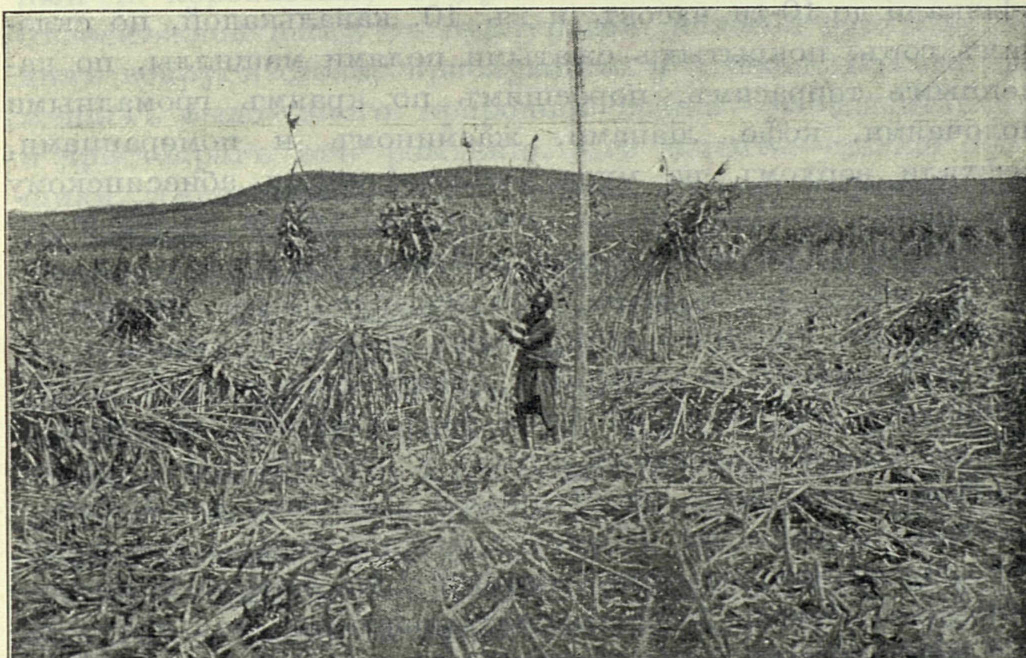
И будто въ отвѣтъ на пѣніе ударилъ за городской стѣной барабанъ, раздались крики по всѣмъ концамъ города, завыли и залаяли собаки, зазвенѣли бряцала, сонный городъ ожилъ—абиссинское богослуженіе началось...

И вмѣстѣ съ шумомъ ожившаго таинственнаго города, слабый вѣтерокъ донесъ до насъ ароматъ востока, смѣсь ладана съ дымомъ.

И всю ночь кричали и пѣли черные христіане, всю ночь билъ барабанъ и выли собаки.

сіи. Это былъ званый обѣдъ подъ чуднымъ южнымъ небомъ, усѣяннымъ миріадами звѣздъ, при кроткомъ свѣтѣ луны, освѣщавшей волшебную декорацію Харарскихъ стѣнъ, садовъ и холмовъ, при звукахъ родныхъ пѣсенъ казачьяго хора...

А потомъ 26-го, 27-го декабря потекла тихая, мирная и томительно-скучная жизнь на дневкахъ. Конвой занялся

Сборъ дурры подъ Хараромъ.

исправленіемъ своего инвентаря. Купили коверъ для палатки на случай холодовъ, купили кожу на подметки, купили цѣпи для привязыванія муловъ—это было наиболѣе необходимо. Всѣ ремни, всѣ веревки, взятыя изъ Джибути и Петербурга, были до-чиста поѣдены мулами. Они грызли смоленые канаты и до-чиста съѣдали кокосовыя бичевки. По Сомалійской пустынѣ ихъ путали чѣмъ попало, цѣлую ночь стерегли и все-таки опасались бѣгства на безводныхъ переходахъ.

Скучная жизнь у стѣнъ Харара нарушилась въ воскресенье 28-го декабря, когда мы были приглашены къ отцу Хейле Маріама—Ато Уонди.

Ато Уонди бывшій начальникъ полиціи города Харара и одинъ изъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ Харарскаго округа. Онъ пригласилъ всѣхъ насъ, офицеровъ, врачей и казаковъ конвоя, къ себѣ въ имѣнье на обѣдъ... Мы должны были выѣхать какъ можно раньше, но со сборами промѣшкали до 10-ти часовъ и въ 10, кавалькадой, по склонамъ горъ, покрытыхъ сжатыми полями машиллы, по каменнымъ террасамъ, поросшимъ по краямъ громадными молочаями, кофе, ліанами, жасминомъ и померанцами, поѣхали верхомъ на мулахъ къ радушному абиссинскому помѣщику. Съ разрѣшенія начальника миссіи на африканскій пиръ было взято восемь казаковъ.

До мѣста пира ѣзды было полтора часа. Вскорѣ на скатѣ горы, покрытой машилловой соломой, показался сарай, сдѣланный изъ камыша и деревянныхъ жердей. Этотъ зеленовато-желтый сарай былъ предназначенъ для нашего пріема. Одной продольной стѣны у него не было, она замѣнялась столбами, оплетенными зеленымъ камышемъ и банановыми листьями. Поперекъ онъ дѣлился на три части, двѣ, по краямъ, большія столовыя и въ серединѣ узкая—буфетная. Правая бесѣдка предназначалась для насъ, лѣвая для казаковъ. Столы, сдѣланные изъ кольевъ, вбитыхъ въ землю, съ верхомъ изъ камыша съ зеленой скатертью изъ громадныхъ банановыхъ листовъ, были расположены въ видѣ буквы П. Кругомъ шли такія же скамьи, покрытыя коврами.

Хозяинъ, окруженный толпою своихъ кліентовъ и слугъ, ожидалъ насъ у своеобразной постройки. Тутъ же былъ и абиссинскій священникъ абба Ульде Мадгинъ въ русской вязаной, черной съ малиновыми полосами фуфайкѣ и круглой шапочкѣ, „другъ русскихъ“, во время пира игравшій роль шута.

Да это былъ пиръ, а не обѣдъ, пиръ, воскресившій въ

памяти членовъ миссіи гомерическія описанія, гомерическія сравненія. Невольно заговорили гекзаметрами.

На скамьяхъ, вокругъ стола, можно было сидѣть или лежать, по желанію. Съ шумнымъ разговоромъ, съ восклицаніями удовольствія по адресу радушнаго хозяина мы разсѣлись кругомъ.

Ато Уонди, мужчина лѣтъ 45-ти, скорѣе толстый, плотный и коренастый, съ умными ласковыми глазами, въ бѣлоснѣжной шамѣ съ пурпуровой полосой вдоль ея, ходилъ вокругъ стола, прислуживая и угощая. Въ его движеніяхъ было много природной граціи—это джентльменъ и аристократъ отъ рожденія. Его кліенты—мелкіе помѣщики, баши (начальники пятидесятковъ) и баламбарасы (начальники сотенъ) сѣли противъ насъ; мальчикъ лѣтъ пятнадцати командовалъ слугами и пиръ начался...

Намъ подали большіе стеклянные стаканы и по нѣсколько блиновъ инжиры; скатерти, если не считать таковою банановыхъ листовъ, намъ не полагалось, не было ни салфетокъ, ни ложекъ, ни ножей, ни тарелокъ. Въ стаканы самъ Уонди налилъ французскаго абсента, разбавили его водой и послѣ этого европейскаго преддверія перешли на абиссинскій столъ. Двое слугъ внесли большой красный подносъ, усыпанный кусками горячей бараньей печенки, обильно посыпанной перцемъ. Каждый бралъ сколько хотѣлъ, бралъ руками, клалъ на инжиру и ѣлъ запивая тэчемъ. Тэчу было сколько угодно, цѣлое море тэча, мутнаго, желтаго, ѣдкаго, пьянаго. Его наливали изъ синихъ эмалированныхъ чайниковъ, изъ деревянныхъ гомбъ, изъ бутылокъ. Мальчикъ-буфетчикъ не зѣвалъ. Едва отвернешься—глядишь, уже стаканъ наполненъ и, лукаво и ласково улыбаясь, Ато Уонди подходитъ чокнуться.

Кто мало взялъ печенки, тому самъ хозяинъ своими руками отсыпаетъ цѣлую груду. По чернымъ пальцамъ течетъ жиръ, но это никого не шокируетъ—тутъ такъ принято. Гляжу всѣ наши съ аппетитомъ ѣдятъ руками проперченную блѣднорозовую внутри печенку. Ѣдятъ до

отвала, ѣдятъ такъ, какъ никогда не ѣли, да и не будутъ ѣсть, ѣдятъ гомерически, запивая хмѣльнымъ тэчемъ. На смѣну печенки явилась снова инжира. И такъ передъ каждымъ цѣлая гора красноватыхъ блиновъ, но Уонди сыплетъ еще каждому свѣжихъ, лучшихъ. Вереница слугъ несетъ бараньи косточки, на костяхъ кистями висятъ куски жареной баранины, жидкій красный перецъ течетъ по нимъ. Каждый рветъ сколько хочетъ руками, помогая перочиннымъ ножемъ или кинжаломъ. Полусырая баранина проперчена насквозь, она обжигаетъ ротъ, захватываетъ горло. Но всякій ѣстъ и опять-таки ѣстъ гомерически и нельзя иначе. Зорко слѣдитъ за гостями хозяинъ, отбираетъ лучшія гирлянды кусочковъ мяса, рветъ ихъ руками и даетъ.

— „Малькàмъ", говоритъ онъ, и столько радушія въ темномъ лицѣ, что невольно отвѣчаешь—„мàляфья" *) и ѣшь, ѣшь.

Абба смѣшитъ гостей. То онъ передразниваетъ французовъ, забавно засовываетъ за шею салфетку, брезгливо ѣстъ маленькіе кусочки мяса и бормочетъ слова, похожія на французскія, то прыгаетъ и поетъ духовные гимны.

Смѣются отъ души, смѣются много, такъ много, какъ и ѣдятъ, да и что прикажешь дѣлать, когда сидишь въ камышевомъ домѣ, ѣшь съ бананового листа и запиваешь тэчемъ, когда кругомъ зеленыя горы и безоблачное голубое небо, когда Европа осталась гдѣ-то позади, когда сидишь въ Африкѣ!...

Вслѣдъ за бараньими кусочками цѣлая толпа слугъ внесла на жердяхъ изъ кипариса запеченныхъ цѣликомъ барановъ. Съ копытами, съ оскаленными зубами и обуглившимися глазами, несомые двумя, тремя слугами бараны преподносились каждому. Видя, что русскіе гости не вполнѣ усвоили масштабъ абиссинскаго пира и берутъ слишкомъ маленькіе куски, Ато Уонди взялся рѣзать самъ. У кого

*) Малькамъ—хорошо, маляфья—отлично.

очутилась баранья ляжка, у кого половина бока, каждый погружался въ нѣжное, мало прожаренное, сладковатое мясо, рѣзалъ куски, обливая руки жиромъ, и ѣлъ ихъ безъ соли, безъ ничего. Подгорѣлая вкусная кожа хрустѣла на зубахъ, Уонди отыскивалъ лучшія части и подкидывалъ ихъ то и дѣло гостямъ. И половины одного барана еще не съѣли, какъ уже внесли второго, третьяго, четвертаго... По оживленію, которое слышалось изъ сосѣдняго навѣса, можно было предположить, что такое угощеніе въ древнемъ стилѣ пришлось по вкусу и казакамъ.

Къ баранамъ подали салатъ съ головками чесноку между его листьевъ, красное вино и снова тэчь.

Ѣсть стало не въ моготу, но впереди предстоялъ чай, медъ и еще тэчь. Мы попросили антрактъ. Большинство забрало ружья и пошло на охоту стрѣлять маленькихъ колибри и длиннохвостыхъ медососовъ.

По возвращеніи подали вареный темный чай и абиссинскій медъ въ желѣзныхъ тарелкахъ съ кусочками грязнаго воска въ немъ.

Но уже ѣсть было невозможно. Пиръ начался около полудня, а теперь солнце клонилось къ западу, надо было думать о возвращеніи.

Назадъ ѣхали весело, пѣли пѣсни, смѣялись, вспоминая, какъ рвали руками полусырое мясо, какъ „пожирали", другого слова найти нельзя, цѣликомъ зажаренныхъ барановъ. Двое слугъ Ато Уонди несли за нами въ лагерь барана, увитаго зелеными гирляндами; привѣтливый хозяинъ посылалъ его начальнику миссіи, не могшему посѣтить этого пиршества.

Во время обѣда интересно было наблюдать отношеніе Уонди патрона къ его кліентамъ. Они обѣдали за однимъ столомъ съ нами, но имъ давали наши объѣдки, наливали имъ изъ недопитыхъ нами стакановъ, они третировались добродушнымъ, но умнымъ Уонди, какъ третировались римскіе мелкіе граждане своими патриціями. Большіе желтые псы бѣгали подъ столами и подбирали крохи, упа-

давшія на землю, это не были собаки Уонди, это были чьи-то собаки, но ихъ никто не гналъ, такъ было надо...

И вспоминались за зеленымъ столомъ абиссинскаго помѣщика незатѣйливые разсказы ветхаго завѣта и чудилось, что это не жизнь, а волшебный сонъ, художественная иллюстрація книгамъ Моисеевымъ.

XVII.

Сборы въ путь.

Новый годъ.—Наемъ муловъ.—Несогласія купцовъ.—Новая единица вѣса—винтовка Гра.—Раздѣленіе отряда.

Для поднятія громаднаго груза нашего каравана требовалось болѣе трехсотъ муловъ; нужно было или купить ихъ, или нанять... Но экспедиція раса Маконена въ землю галловъ потребовала отъ населенія почти всѣхъ способныхъ къ работѣ животныхъ и геразмачъ Ба́нти находился въ большомъ смущеніи. Миссіи надо было спѣшить, идти большими переходами, выступить, какъ можно скорѣе, а начальникъ купцовъ, расъ Нагадій, не могъ найти желающихъ взять подрядъ на себя. Посмотрѣли купцы нашъ грузъ, массивные ящики съ царскими подарками и задумались. Съ одной стороны желаніе Менелика, чтобы посла Москова безъ задержки отправили въ Аддисъ-Абебу, съ другой—отказъ купцовъ принимать грузъ на себя, нежеланіе ихъ давать муловъ—положеніе непріятное.

Начальникъ миссіи предполагалъ выступить изъ Харара 31-го декабря, но со всѣми этими проволочками, переговорами и сборами пришлось отложить выступленіе до 2-го января и встрѣчать новый годъ въ своемъ лагерѣ у Харарскихъ стѣнъ.

Темная и холодная ночь спустилась надъ долиной Харара. Полная луна бросила отблески на далекій куполъ собора, на бѣлыя стѣны Маконенова дворца, лиловый туманъ залегъ на кофейныя плантаціи и таинственно зажглись семь звѣздъ Оріона въ зенитѣ, когда мы собрались на нашу новогоднюю жженку.

Блѣдно-голубое пламя то вспыхивало, то исчезало въ большой кострюлѣ, языки его то взбирались на самый верхъ сахарной головы, то лились огненными струями въ чашку, гдѣ угасали, помѣшиваемыя искусными руками нашего фармацевта Л—ва, поручика Ч—ова и другихъ офицеровъ. Начальникъ миссіи съ супругой обѣщали быть на встрѣчѣ, и всѣ ожидали 12-ти часовъ. Температура въ палаткѣ быстро поднималась, пріятная теплота послѣ холодной ночи разливалась по тѣлу. За веселой бесѣдой, за ужиномъ, въ приготовленіи котораго нашъ поваръ воркунъ Илья Захаровичъ превзошелъ самого себя, незамѣтно подкрался таинственный моментъ смѣны стараго года новымъ, прошлое отходило въ область воспоминаній, наступало новое, новыя свѣтлыя надежды возлагались на новый годъ, являлись новыя мечты. Въ двѣнадцать раздались первые тосты, первыя пожеланія. И невольно мысль членовъ абиссинской миссіи, русскихъ, надолго оторванныхъ отъ родного края, отъ родныхъ обычаевъ перенеслась за многія тысячи верстъ въ родные дома, вспомнились тѣ, которые покинуты на холодномъ сѣверѣ, и не одна чарка добраго пунша была осушена въ нѣмомъ молчаніи за доброе здравіе отсутствующихъ. И въ эту минуту, словно напоминая, что встрѣча новаго года происходитъ не въ обычныхъ условіяхъ, подъ самымъ лагеремъ протяжно завыла гіена...

Разошлись около двухъ часовъ ночи, задумчивые, немного грустные, полные воспоминаній.

1-го (13-го) января, по утру, въ конвойной палаткѣ молились Господу Богу, а потомъ, не смотря на праздникъ, приступили къ работѣ по снаряженію каравана.

Явился расъ Нагадій, плотный человѣкъ съ сѣдымъ, плохо бритымъ подбородкомъ, пришелъ геразмачъ съ цѣлой свитой ашкеровъ, пришелъ Ато Марша и Ато Уонди, явились купцы. Веденіе переговоровъ было возложено на поручика К—го, хорошо говорящаго по абиссински. Начались торги. Мы требовали пройти разстояніе отъ Харара до Энтото, около 600 верстъ, въ 20 дней, при уплатѣ

Данакили.

за мула по 15-ти талеровъ за конецъ, эти условія были предложены намъ геразмачемъ и очень имъ одобрены.

Купцы кинулись къ ящикамъ и заявили:

— „Мы не согласны брать съ мула, да и вы будете недовольны. Есть ящики легкіе, но громоздкіе, неудобные для вьючки, на нихъ нужны особые мулы, вы будете недовольны. Лучше брать по вѣсу".

— „Хорошо, мы согласны".

Но какъ брать по вѣсу въ странѣ, гдѣ матерію и веревки продаютъ локтями, гдѣ нѣтъ понятія о вѣсѣ. Купцы предлагаютъ взять за единицу платы вѣсъ 20 винтовокъ Гра одному мулу. Итакъ вводится новая единица силы локте-винтовка Гра. Мы согласны узнать вѣсъ нашего багажа въ ружьяхъ Гра, раздѣлить на 20 и за каждую полученную единицу заплатить по 15-ти талеровъ. Кажется дѣло кончено. Не тутъ-то было.

— „Мы не пойдемъ до Энтото въ двадцать дней", заявляютъ намъ купцы.

— „Они не пойдутъ двадцать дней", важно мычитъ за ними жирный расъ Нагадій.

— „Сколько же вы пойдете?", спрашиваетъ К—ій.

— „Намъ нужно полтора мѣсяца", нахально заявляютъ купцы.

Призываемъ на помощь имя Менелика, но купцы уже уперлись, безмолвная стачка готова.

— „Отберите наиболѣе громоздкія вещи и отправьте ихъ на Эреръ и далѣе по Данакильской пустынѣ на Энтото, подъ охраной абиссинскаго конвоя", совѣтуетъ Банти.

Мы и на это согласны. Энтото и Хараръ имѣютъ два пути—одинъ черезъ долину Черчеръ, по крутымъ и скалистымъ горамъ со многими подъемами и спусками, трудно проходимый верблюдами —муловая дорога, другая правѣе ея, сѣвернѣе идетъ отъ Гильдессы на Эреръ, а затѣмъ по Данакильской пустынѣ на Бальчи и на Энтото. По этому пути идутъ верблюды до Бальчи, а далѣе носильщики и мулы.

Но купцамъ и этого показалось мало. Какія мы ни дѣлали имъ уступки, какъ бы ни уменьшали свои требованія, они все были недовольны. Часы проходили за этими переговорами, мы теряли терпѣніе и ни къ чему не могли придти. Они говорили свое „твердое слово“ и тутъ же нарушали его. Пришлось обратиться къ геразмачу. Геразмачъ допросилъ ихъ.

— „Вы правы, они виноваты“, сказалъ онъ и приказалъ забрать купцовъ въ тюрьму.

Утѣшительнаго въ этомъ было мало. Мы все-таки сидѣли на мѣстѣ въ Харарѣ и не имѣли надежды выступить скоро. Геразмачъ совѣтовалъ бросить намъ купцовъ, взять караванъ на Эреръ и идти черезъ него. Тамъ и теплѣе и охота хорошая и дойдете вы въ то же почти время... Въ планахъ похода на Эреръ прошелъ вечеръ 1-го января.

2-го (14-го) января, около полудня явились купцы, геразмачъ, Ато Марша и Ато Уонди. Они согласны. Они одумались; вчера они не соглашались потому, что мулы были въ Дэру (120 верстъ отъ Харара), но теперь геразмачъ обѣщалъ дать до Дэру носильщиковъ и они могутъ везти нашъ багажъ. Приступаютъ къ вѣшанію груза. На трехъ бревнахъ воздвигаютъ обыкновенные вѣсы, отбираютъ отъ солдатъ конвоя геразмача ружья и начинаютъ вѣшать. Пять писцовъ палочками надписываютъ имя купца, который беретъ на себя ящики. Въ то же время наиболѣе громоздкія вещи отбираютъ для эрерскаго каравана. Вѣшаютъ точно, медленно. Желѣзный крюкъ изображаетъ четверть винтовки, вѣшаютъ до одной четверти, повѣряютъ, перевѣшиваютъ. Толпа купцовъ сидитъ кругомъ вѣсовъ и смотритъ за правильнымъ вѣсомъ, тутъ же и расъ Нагадій и Ато Уонди.

Яркое солнце освѣщаетъ живописную картину. Полуголые носильщики таскаютъ ящики, расъ Нагадій въ черномъ плащѣ, Ато Уонди въ бѣлой съ красной полосой шамѣ, пестрые ашкеры кругомъ, три столба съ примитивными вѣсами и груда ружей. Толстякъ Недодаевъ стоитъ

съ книжкой въ рукѣ и повѣряетъ вѣсъ, К—iй сидитъ на ящикѣ и записываетъ.

— „Асра-андъ (одинадцать)“, говоритъ арабъ-писецъ.

— „Одиннадцать ружей, ваше высокоблагородіе“, заявляетъ Недодаевъ, „ну, чудаки, на ружья вѣшаютъ, вотъ бы тебѣ Полукаровъ свѣситься, сколько ружей въ тебѣ—то-то запалилъ бы!“

— „Шути!“ огрызается Полукаровъ, „ты вотъ смотри, они крюкъ положили на разновѣсъ, а ты молчишь“.

— „Нехай, имъ же хуже...“

День проходитъ, солнце прячется за горы, а еще много вещей остается на завтра.

3-го (15-го) января. Мы выступили, отправивъ 27 верблюдовъ по 18-ти талеровъ за верблюда на Эрреръ, подъ наблюденіемъ абиссинцевъ, оставивъ д-ра Щ—ва и кандидата К—цова и казаковъ Демина и Панова для сопровожденія каравана, идущаго отъ Гильдессы на Эреръ, выступили около 2-хъ часовъ дня, въ половинномъ составѣ.

Галласы-носильщики забрали часть груза и унесли его, когда оказалось, что не все еще перевѣшено. Нужно было еще остаться на нѣкоторое время въ Харарѣ. Начальникъ миссіи, его супруга, штатъ его слугъ, полковникъ А—овъ, я, поручики Ч—въ и Д—овъ, фармацевтъ Л—овъ и восемь человѣкъ казаковъ, составляя изъ себя ядро миссіи, направились къ озеру Хоромайя.

XVIII.

По Харарской провинціи.

Слуга Уольди.—Тяжелый ночлегъ на озерѣ Хоромайя.—Носильщики.—Праздникъ Крещенія въ Урабиле.—Воспоминанія о боѣ у Челенко.—Въ дѣвственномъ лѣсу.—Солнечное затмѣніе.—Недоразумѣнія въ Бурка.—Бѣдственное положеніе К—го на старомъ ночлегѣ.—Жизнь на походѣ.—Покупка лошадей.—Въѣздъ въ Черчеръ.

Когда живешь мѣсяцы въ палаткѣ, когда каждый день передвигаешься съ мѣста на мѣсто, устанавливаешь колья, походную постель, столъ для работы, развѣшиваешь оружіе по стойкамъ, невольно привыкаешь считать палатку своимъ домомъ. Черномазый Уольди, слуга моего сожителя, въ синей курткѣ становится своимъ человѣкомъ, интересуешься его здоровьемъ, наблюдаешь его простое міросозерцаніе, задумываешься надъ этимъ человѣкомъ, судьба котораго невольно связана съ вашей судьбою, трудами черныхъ рукъ котораго вы живете и, наконецъ,—любишь его.

Для него весь міръ слагается изъ бакшиша и жалованья, съ этихъ свѣтлыхъ талеровъ онъ переходитъ потомъ на источникъ ихъ, на бѣлаго человѣка, господина, гэту—и онъ привязывается къ вамъ, какъ собака. Въ однихъ холщевыхъ штанахъ, босой, накрытый ночью одной тонкой полотняной шамой, безъ тюфяка и безъ подушки, онъ спитъ при 4° мороза на инеѣ травы, дрожитъ какъ собака, хвораетъ лихорадкой, а на завтра, едва раздается властный голосъ — „Уольди!“ уже слышенъ хриплый отвѣтъ—„Абьэтъ“, откуда-то извнѣ, изъ холода и сырости травы.

Онъ подастъ вамъ воды умыться, онъ принесетъ отъ буфетчика чаю, поможетъ одѣться, соберетъ ваши вещи и, едва вы выйдете, онъ свалитъ и сложитъ палатку. Днемъ,

навьюченный фотографіей, ружьемъ и бутылкой съ водой, онъ бѣжитъ сзади мула на высокія горы, по острымъ утесамъ. Онъ ищетъ ваши вещи среди разбросаннаго каравана на бивакѣ, ставитъ палатку, дѣлаетъ постель, а потомъ садится подлѣ раскинутыхъ чемодановъ и сторожитъ имущество. Онъ не чуждъ извѣстнаго сентиментализма. Вы устали съ похода, васъ раздражили сомали и вы легли не въ обычный часъ на жесткую койку. Черное лицо заглянуло подъ полы палатки разъ, заглянуло другой...

— „Мындерну"? *), спрашиваете вы.

— „Toi malade"?, участливо говоритъ Уольди.

— „Non!" и вы отворачиваетесь къ стѣнѣ и думаете невеселыя думы.

Уольди исчезаетъ.

Вечеромъ къ чаю онъ приноситъ вамъ три апельсина. Вы далеки отъ города, кругомъ нѣтъ никакихъ фруктовъ, Хараръ давно покинутъ.

— „Откуда ты досталъ"?

— „Хараръ. Pour toi"...

Вы позволяете ему въ холода накрыться вашей буркой, спать подъ пристѣномъ палатки, вамъ еще болѣе жаль его...

Онъ не идеальный человѣкъ, нѣтъ... Вы ему даете на чай талеръ, онъ вскидываетъ его на рукѣ и говоритъ.

— „Ça n'est pas бакшишъ".

— „Почему"?

— „Бакшишъ—trois talèrs".

Оказывается, другимъ слугамъ дали на чай три талера, и вотъ норма бакшиша стала три талера. Онъ обидѣлъ васъ, вы обидѣли его—и все потому, что взгляды на вещи у васъ разные—черный и бѣлый.

Въ Хирарѣ онъ пьянствовалъ акуратно каждый день. Наконецъ, вы сдѣлали ему выговоръ—пьянство прекратилось. Вы можете его высѣчь, если хотите, по закону вы

*) Мындерну—что такое?

можете дать 15 ударовъ, но врядъ ли подымется у васъ на него рука. Въ концѣ концовъ вы слились съ нимъ въ одну столь отличную другъ отъ друга жизнь—жизнь офицера и деньщика. Вы лежите на койкѣ изъ двухъ чемодановъ, подъ одѣяломъ, на простынѣ, ѣдите два раза въ день баранину, пьете чай, одѣты согласно температурѣ — онъ вѣчно въ своей старой шамѣ, всегда на воздухѣ, на голой землѣ, питается горстью риса, да блиномъ инжиры... По міровоззрѣніямъ, по существу, по службѣ—человѣкъ, по образу жизни, вѣрности и неприхотливости—собака...

О чемъ онъ думаетъ, когда бѣжитъ за вами, о чемъ онъ думаетъ, когда, будто прислушиваясь, сидитъ на вашемъ чемоданѣ и смотритъ на далекія звѣзды?... Онъ думаетъ о томъ, что вы думаете, онъ старается проникнуть ваши желанія и предупредить ихъ—вы будете жалѣть его, когда онъ уйдетъ отъ васъ, онъ будетъ плакать и цѣловать ваши ноги на прощанье...

Вы забудете его, едва только сядете на пароходъ и почувствуете привычное біеніе европейской жизни—онъ забудетъ васъ, когда подпрыгивая и потрясывая талерами отбѣжитъ отъ васъ на сто шаговъ. Вы займетесь своими дѣлами, отдадите свою персону въ распоряженіе бритаго Карла—онъ найдетъ другаго „гэту", за которымъ также будетъ ходить. Побольше сердечнаго отношенія къ черному слугѣ и онъ полюбитъ, какъ любилъ васъ...

Мы выступили изъ Харара около 2-хъ часовъ дня и и въ 5-мъ часу, все время идя по прекрасной аллеѣ, обсаженный молочаями, дошли до нашего бивака у озера Хоромайя.

Видъ обширнаго воднаго пространства, среди невысокихъ зеленыхъ холмовъ, чуть волнующагося при легкомъ вѣтеркѣ, ласкалъ наши взоры, отвыкшіе отъ воды. Хоромайя имѣетъ продолговатую форму и по длинѣ тянется верстъ на пять, имѣя въ ширину около двухъ верстъ. Его берега густо поросли, саженей на десять отъ края, водорослями, далѣе озеро чисто и глубоко. Стада утокъ

всевозможныхъ породъ: кряковыхъ, нырковъ, широконосовъ, пестрыхъ селезней, водяныя курочки, гуси и небольшія, необыкновенно пушистыя гагары цѣлыми стаями держатся подлѣ берега. Все озеро усѣяно черными точками водяной дичи, которая свободно подпускаетъ на ружейный выстрѣлъ. Кругомъ, по невысокимъ холмамъ лежатъ галласскія дерезни, видны поля машиллы, отгороженныя стѣнами молочаевъ.

Нашъ маленькій отрядъ пришелъ на ночлегъ безъ провіанта, безъ палатокъ, безъ постелей, даже безъ бурокъ и подстилокъ. Все осталось позади въ Харарѣ и серьезнымъ вопросомъ являлось для насъ—придетъ ли багажъ сегодня, или останется до завтра. Мы выслали Уольди сторожить наши вещи, а сами отправились на охоту. Я и поручикъ Д—овъ обѣщали доставить ужинъ на весь отрядъ.

Едва только, закинувъ за плечо ружье, я отошелъ отъ мѣста бивака, какъ цѣлая толпа, человѣкъ въ сорокъ, галласовъ съ шумомъ послѣдовала за мной. Знаками я объяснилъ имъ, что мнѣ нужно только двухъ человѣкъ, что остальные мнѣ только мѣшаютъ,—двое, выбранныхъ мною, кивнули головами въ знакъ того, что они поняли мое желаніе, но и остальные не отстали. Я не отошелъ и десяти шаговъ, какъ уже стрѣлялъ по уткамъ. Какъ скоро галласы увидали, что птица убита, быстро сбросили они съ себя шамы и на перегонки пустились вплавь доставать дичь. Потомъ, со вторымъ выстрѣломъ они завели между собою очередь и безропотно лазили между водорослей, доставая птицъ. Черезъ часъ мой патронташъ былъ пустъ. Восемь утокъ, одна гагара и четыре водяныя курочки были моей добычей; я возвращался домой. Уже вечерѣло, багровое солнце спускалось за холмы, озеро почернѣло, птицы скрылись въ камыши.

Д—овъ принесъ 12 утокъ, одну гагару и двухъ курочекъ, ужинъ у насъ былъ, но въ чемъ варить?

— „Котлы не пришли, ваше высокоблагородіе“, трагически докладываетъ мнѣ Терешкинъ.

— „А безъ котловъ нельзя“, слышу бодрый, звенящій голосъ Д—ова сзади себя, „ты ихъ палочкой проткни, да на вертелѣ и жарь“.

— „Какъ же такъ“, разводитъ руками Терешкинъ. „Нѣшто въ чайникѣ попробовать“?

— „И прекрасно, вали въ чайникъ. Ты, братъ, не мудрствуй лукаво, а дѣйствуй!“, одобряетъ планъ Терешкина полковникъ.

— „Слушаюсь. Попытаюсь. Только много не наворишь“, плачевно говоритъ Терешкинъ и съ черными слугами садится щипать дичь. Мы всѣ голодны. Утка, вареная или жареная, кажется намъ лакомымъ блюдомъ.

Палатокъ нѣтъ. Уольди является и заявляетъ, что „дунканъ іэллэмъ“...

Пришла палатка полковника и то безъ шестовъ и безъ кольевъ, а между тѣмъ холодная ночь наступаетъ, ночь безъ крова и теплой одежды.

Сырой туманъ потянулъ съ озера. Онъ задернулъ молочнымъ покровомъ долину, пролѣзъ къ невысокимъ холмамъ и закрылъ предметы. Влага стала пробирать насквозь. Полковникъ роздалъ части своей палатки намъ и казакамъ, мы разослали ихъ на мокрой травѣ и легли, накрываясь остаткомъ холста. Ноги коченѣли отъ холода и сырости, мы лежали, сбившись въ кучу, ожидая, когда проварятся наши утки.

И, когда онѣ поспѣли и Терешкинъ принесъ ихъ, мы ѣли ихъ, безъ соли, руками, кладя на кислую инжиру и запивая коньякомъ, случайно оказавшимся у поручика Ч—кова. Но бодрое настроеніе никого не покидало. Острили и шутили все время, проводили паралель между нашимъ плачевнымъ положеніемъ безъ крова въ сырую холодную ночь, на берегу Африканскаго озера, и положеніемъ нашихъ петербургскихъ знакомыхъ гдѣ-нибудь на балу или въ театрѣ. Шесть яицъ, принесенныхъ галласами, довершили нашъ ужинъ и, укрывшись съ головой въ жидкое полотнище, мы забылись тяжелымъ сномъ.

Пробужденіе было непріятно. Температура упала до 0°, трава, на которой мы лежали, покрылась инеемъ. Я выползъ изъ-подъ холста и пошелъ размять закоченѣвшія руки съ ружьемъ и опять толпа галласовъ сопровождала меня, опять при всякомъ удачномъ выстрѣлѣ они кидались въ воду, не смотря на утренній холодъ...

Поручикъ К—ій на оз. Хоромайя разбираетъ съ купцами груза каравана.

Но взошло солнце, пригрѣло зазябшее тѣло и забылись невзгоды холодной и сырой ночи.

4-е января. Озеро Хоромайя, дневка. Мы отошли всего 20 верстъ отъ Харара и уже принуждены дѣлать дневку. Вчера вышла разница въ счетѣ винтовокъ, на 21 мула. Абиссинскіе купцы считали больше—мы меньше. Начальникъ миссіи предлагалъ прибывшему рано утромъ геразмачу заплатить по ихъ, абиссинскому счету, лишь бы выступить безъ проволочки, безъ задержки. Но геразмачъ

просилъ перевѣшать еще разъ вьюки. Пришлось согласиться и сдѣлать дневку.

Около полудня прибыли купцы, поставили вѣсы, любезный нашъ помощникъ Ато Уонди усѣлся управлять этимъ дѣломъ, арабы взяли свои карандаши и длинные и узкіе листы бумаги и начали вѣшать и записывать багажъ по купцамъ...

За этимъ занятіемъ прошелъ весь день.

Наши вещи распоряженіемъ геразмача Ба̀нти идутъ до пятаго нашего ночлега, до Дэру, на носильщикахъ. 120 слишкомъ верстъ семи, восьми пудовые ящики несутся на рукахъ полуголыми босыми людьми, несутся по страшной кручѣ, по острымъ каменнымъ утесамъ.

Кто эти носильщики?—Все тѣ же галласы, трудами рукъ которыхъ, лопатами вскопаны нивы и засѣяны машиллой, тѣми галласами, что вскормили и вспоили этихъ сытыхъ горбатыхъ быковъ, этихъ бѣлыхъ овецъ и барановъ.

Ихъ съ нами идетъ болѣе четырехсотъ человѣкъ. Каждый знаетъ свой ящикъ и со своими помошниками бережетъ его. Онъ принесъ вашу палатку и ложится подлѣ нея, онъ идетъ за вашимъ чемоданомъ. По утру онъ съ видомъ голоднаго звѣря ожидаетъ, когда вы соберете свои пожитки и повалите палатку. Онъ хватаетъ ящики, колья и бѣжитъ на слѣдующую станцію. Не ставьте часовыхъ, не стерегите имущества, галласъ-носильщикъ сохранитъ вамъ ввѣренный ему ящикъ, бдительнѣе лучшаго часоваго, вѣрнѣе сторожа. Онъ головой отвѣчаетъ за цѣлость сундуковъ и ящиковъ и онъ скорѣе умретъ, нежели кому-либо безъ приказанія передастъ вашу вещь. Бѣдно одѣтые, безъ панталонъ въ одной лишь грязной шамѣ, они сильно страдали по ночамъ отъ холодовъ, цѣлыя группы ихъ можно было видѣть по утрамъ подлѣ догорающаго костра.

Они дрожали, какъ въ лихорадкѣ, стараясь прикрыть свои худыя голыя плечи грязной сѣрой шамой, они питались крохами сухой инжиры и это не мѣшало имъ бѣ-

гомъ взносить наши вещи на крутыя горы. Тихіе, скромные, трудолюбивые, они безропотно сносили всѣ тягости похода, терпѣли холодъ и голодъ, ежеминутныя оскорбленія абиссинскихъ шумовъ и ашкеровъ. Ими завѣдывалъ шейхъ Абдулляхи, начальникъ мусульманъ города Харара, въ помощь ему было дано нѣсколько абиссинскихъ кавалеристовъ. Въ пестрой шамѣ, съ ружьемъ Гра на плечѣ, съ длинной палкой въ рукахъ, то и дѣло проскакивали они вдоль нашего каравана, подбодряя „вьючныхъ людей" словами и тростью.

Абиссинецъ побѣдитель, абиссинецъ завоеватель—жестокъ къ побѣжденнымъ. Гордый своею побѣдою, онъ уже не признаетъ ничего человѣческаго въ покоренной націи. Наши мальчишки слуги, при встрѣчѣ съ галласами, отбирали у нихъ воду и молоко безъ платы и галласы смотрѣли на это со стоическимъ спокойствіемъ. Онъ абиссинецъ—онъ имѣетъ право сдѣлать это, хорошо еще, что не побилъ... Когда, однажды, мы узнавъ объ этомъ, наказали слугу,—онъ былъ пораженъ и понять не могъ, что обираніе галласа—преступленіе. Нашъ Уольди сталъ бариномъ. Носильщики-галласы ставили намъ палатку, по его жесту приносили вещи. Эта покорность, терпѣніе, привычка уважать абиссинцевъ настолько вкоренилась даже въ это короткое время *) среди галласовъ, что когда я пошелъ на охоту съ галласомъ проводникомъ и самъ понесъ винтовку, галласъ кинулся отнимать ее у меня, увѣряя, что такому „большому человѣку", какъ я, неприлично самому носить ружье.

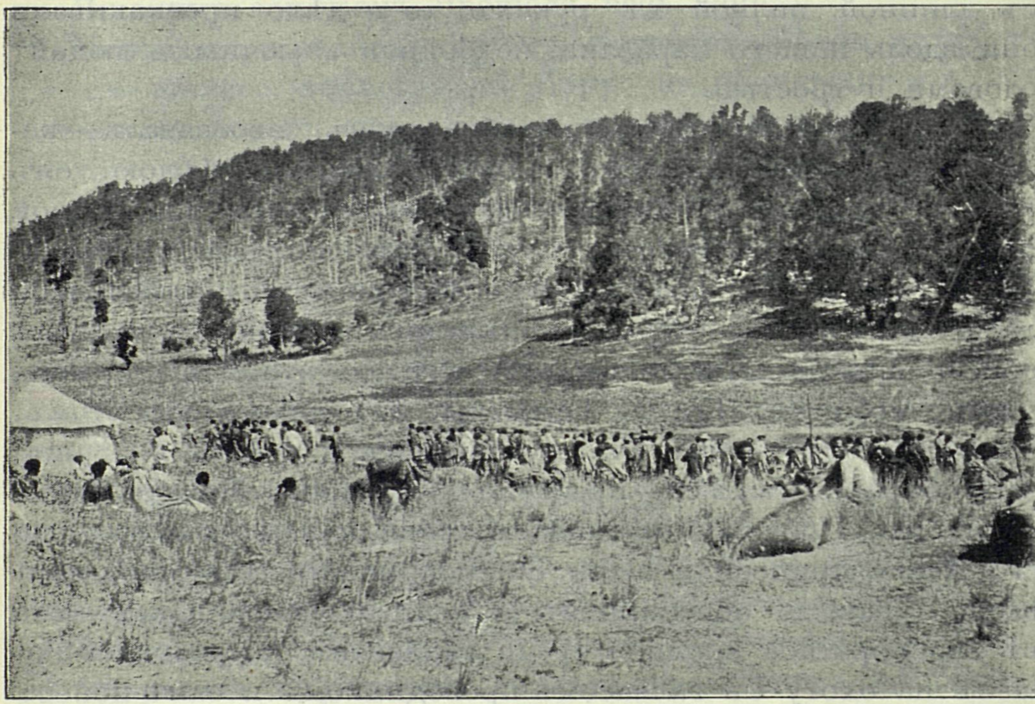
Ихъ сгоняли по распоряженію геразмача въ мѣста нашихъ ночлеговъ для смѣны, и они смѣнялись безъ шума, безъ пропажи вещей.

По пути то и дѣло попадались ихъ убогія хижины, сплетенныя изъ хвороста, кругомъ торчали тычки сжатой машиллы. То тутъ, то тамъ видны были пласты новины,

*) Одиннадцать лѣтъ.

свѣже поднятой лопатами земли, другаго способа обработки полей они не знаютъ,—стада быковъ и ословъ—это была собственность раса Маконена, а галласы его крѣпостные.

Воскресенье, 5-го января. Отъ озера Хоромайя до Лаго-Корса—20 верстъ. Мы проснулись рано утромъ отъ оживленнаго говора на галласкомъ языкѣ, возлѣ самой нашей палатки. Уольди нѣсколько разъ заглядывалъ, приподнимая полы ея, и всякій разъ укоризненно посматривалъ на моего сожителя, несобиравшагося повидимому вставать. Было страшно холодно. Наши легкія индійскія палатки продувало насквозь, бурка не защищала отъ сырости, земля была покрыта инеемъ. Я вышелъ на воздухъ и увидѣлъ группу галласовъ, сидящихъ кругомъ на корточкахъ и ожидающихъ, когда мы имъ дадимъ свои вещи. Деньги,

Носильщики у Урабиле.

царскіе подарки, канцелярія, галеты—все это уже было разобрано и спѣшно увязывалось на грубыя носилки. Иные болѣе счастливые галласы имѣли съ собою маленькихъ осликовъ, на которыхъ клали назначенный имъ грузъ, другіе несли его сами.

Около 7 часовъ утра, весь лагерь уже былъ поднятъ и мы тронулись вдоль берега Хоромайи.

Мѣстность мѣняла свой характеръ. Горы становились выше, показались пихты и кедры, мѣстами пошли перелѣски. Но полей все еще было много.

Около $11^1/_2$ часовъ утра, все время слѣдуя по хорошей черноземной дорогѣ, мы перешли черезъ ручей, благополучно избѣгнувъ ненадежнаго моста, и на холмѣ, покрытомъ высокой сухой прошлогодней травой, стали бивакомъ, въ виду галласской деревни—Лаго-Корса.

Вторникъ, 6 января. Отъ Лаго-Корса до Урабилэ—20 верстъ.

Изъ Лаго-Корса мы выступили около $7^1/_2$ часовъ утра, и черезъ какой-нибудь часъ вошли въ громадный лѣсъ пихтъ и кипарисовъ. Высокія деревья простирали свои пушистыя нѣжныя вѣтви надъ нашими головами, маленькія туйи обступили дорогу, а сквозь переплетъ ихъ вѣтвей видны были толстые сѣрые стволы, охватовъ въ шесть или восемь. Сухая трава и мохъ покрывали почву. Большіе молочаи, громадные кусты дикаго геліотропа показывались здѣсь и тамъ, среди густаго, темнаго лѣса. Дорога то подымалась, то опускалась, то шла по карнизу, попадая вглубь высокаго лѣса, то выбивалась на его опушку.Ароматъ туйи, геліотропа и травъ, мягкая прохлада воздуха, въ тѣни развѣсистыхъ деревъ, дѣлали путешествіе весьма пріятнымъ.

Около 12-ти часовъ, мы круто спустились внизъ и попали въ долину, окруженную густыми лѣсами. По долинѣ протекалъ неширокій ручей. Эта мѣстность называлась Урабилэ. Вечеромъ, послѣ переклички, я приказалъ казакамъ, по случаю праздника Крещенія Господня, спѣть „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“. Ночь прошла

спокойно. Въ лѣсу выли шакалы, а по склону лѣсной горы съ вечера загорѣлась бездна галласскихъ костровъ. Среди тумана въ темнотѣ южной ночи, эти костры висѣли въ воздухѣ одинъ надъ другимъ волшебной декораціей; синеватые дымы вертикально поднимались къ верху, образуя ровныя освѣщенныя полосы.

Среда, 7-ю января. Отъ Урабилэ до Челенко—18 верстъ. Выступили между 7-ю и 8-ю часами, по прекрасной лѣсной дорогѣ, и около полудня прибыли на широкую холмистую прогалину, поросшую высокой сухой травой—мѣсто боя между абиссинцами и хараритами въ 1886 году.

12 лѣтъ тому назадъ 1-го января, потомокъ эмира Нура—эмиръ Харарійскій Абдулъ-Аги прибылъ на эту мѣстность, чтобы воспрепятствовать движенію абиссинскихъ войскъ къ сторонѣ Харара. Все населеніе города, способное носить оружіе, галласы съ копьями и щитами, арабская артиллерія изъ четырехъ орудій заняли опушку лѣса и приготовились къ упорному бою. Каждый зналъ, на что онъ шелъ. Галласы защищали свои дома, нивы, стада, харарійцы стояли за свой городъ, за своихъ женъ и дѣтей. Но они были слабо вооружены, не имѣли силы воли, твердости духа, чтобы смѣло вынести и неудачи и несчастія начала боя. Это были купцы и земледѣльцы, вмѣсто плуга и вѣсовъ, взявшіеся за ружье, копье и пушку.

На разсвѣтѣ на опушкѣ лѣса показалась абиссинская пѣхота. Она шла пятью колоннами—раса Маконена, раса Дарги, негуса Менелика, раса Гувена и Дадьяча Ольде Габріеля. Мѣстность, на которой предстояло столкнуться противнымъ сторонамъ, представляетъ изъ себя лѣсную прогалину версты двѣ шириною и верста глубиною. Перерѣзанная нѣсколькими некрутыми балками, она въ общемъ имѣетъ форму котловины, со всѣхъ сторонъ окруженной густымъ лѣсомъ.

Бой предстоялъ лѣсной.

Абиссинцы разсыпались въ нѣсколько цѣпей (лавъ) и открыли частый безпорядочный огонь по войску Абдулъ-

У Урабиле. Въ ожиданіи каравана.

Аги. Харариты отвѣчали имъ, но безъ большаго успѣха. Артиллерія ихъ не могла пристрѣляться, да за громадными стволами вѣковыхъ туйй, ядра почти не наносили вреда.

Бой развивался необыкновенно быстро, Начавшись около 8-ми часовъ утра, онъ къ 10-ти достигъ наибольшаго напряженія. Въ это время конница всѣхъ пяти отрядовъ собралась въ одномъ мѣстѣ, на правомъ флангѣ абиссинскихъ войскъ и вразсыпную кинулась на артиллерію Абдула-Аги. Въ нѣсколько минутъ они достигли пушекъ и начали бросать свои дротики, которыми пронизали насквозь харарійскихъ артиллеристовъ. Одновременно съ атакой на батарею, пѣхотныя лавы, подбодряя себя воинственными кликами „Айгумэ!, Айгумэ!", линія за линіей побѣжали на войска противника. Харариты не выдержали и обратились въ бѣгство. Абиссинская конница понеслась преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. По крутымъ склонамъ, поросшимъ громадными деревьями, кустами и высокой травой, бѣжали галласы и харариты, разбиваясь на отдѣльныя кучки, за ними, обгоняя ихъ, нанося страшные удары своими саблями, скакали абиссинскіе всадники. Привычные кони не спотыкались о камни, перелѣзали черезъ поваленные стволы, прыгали черезъ горные потоки. Трупы несчастныхъ покрывали узкій путь отъ Челенко до Харара.

Безъ корма, безъ ѣды, въ продолженіи 12-ти часовъ гнали абиссинцы обезумѣвшаго отъ страха противника и въ 10 часовъ вечера побѣдителями вошли въ Хараръ, разсѣялись по его улицамъ, всюду внося смерть и ужасъ за собой.

Хараръ палъ, Абдулъ-Аги съ веревкой на шеѣ былъ введенъ въ городъ, которымъ столько лѣтъ правили его предки. Абиссинскіе чиновники сѣли въ домахъ и таможня заработала въ пользу новаго правителя Харара раса Маконена...

Подъ сѣнью раскидистой туйи, лежа на желтой соломѣ,

я выслушалъ этотъ разсказъ отъ абиссинца Марка. Когда, слегка путаясь въ русскомъ языкѣ, онъ повѣствовалъ о натискѣ конницы на арабскую артиллерію, стоявшую „вотъ здѣсь, на этомъ самомъ холмѣ“, его глаза разгорѣлись. Суровые призраки воиновъ для войны, воиновъ отъ рожденья появились между стволовъ, въ зелени геліотроповъ и ліанъ... Виднѣе стали сѣрые и вороные кони, гордо скрутившіе свои точеныя шеи, грызущіе острые мундштуки, раздался воинственный вой, загудѣла земля, запестрѣли побѣдные лемпты на плечахъ у черныхъ всадниковъ, запѣли жгучую пѣсню чуть колеблющіеся при полетѣ дротики и умолкли арабскія пушки...

Вся лощина покрылась бѣлыми шамами; видны черные круги кожаныхъ щитовъ; сверкаютъ копья, у иныхъ видны ружья за плечами. Мстительный, дикій, полный страсти африканскій бой въ разгарѣ.

Смолкъ Маркъ, задумчиво опустивъ курчавую голову свою... Тихо шелеститъ въ долинѣ сухая трава, да временами мирно шумятъ при налетѣвшемъ вѣтеркѣ высокія туйи...

Четвергъ 8-го января. Отъ Челенко до Дэру 27 верстъ. Конвой выступилъ непосредственно за начальникомъ миссіи въ $7^1/_2$ часовъ утра.

Съ громкими пѣснями подвигались мы по красивой, поросшей цвѣтущими кустами лощинѣ. За лощиной начался крутой подъемъ на высокую гору. Усѣянная мелкимъ булыжникомъ дорога шла по узкому карнизу надъ глубокой пропастью. Деревья и кусты всѣхъ породъ поросли по кручѣ. Шелковица свѣшивала кисти еще сырыхъ ягодъ, красныхъ и плотныхъ. Ея вѣтви поднимались на нѣсколько сажень, образовывали густую свѣтло-зеленую заросль. Кругомъ блѣдно-розовыя штокъ-розы, бѣлый шиповникъ и жасминъ, переплетенныя ліанами, сплошной стѣной стояли по горѣ и проливали нѣжный сладкій ароматъ. А за пропастью поднимались новыя горы, мохнатыя отъ густого лѣса, такія же высокія, дикія, неприступныя. Эти горы

уходили вдаль, выдвигаясь одна за другою, синѣя своими покрытыми лѣсомъ вершинами. За горами тянулись безпредѣльные пески Данакильской пустыни. Голубое небо, яркое солнце и зелень всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ!!

Не напрасно зовется Абиссинія—Африканской Швейцаріей. Эти горные склоны, покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ, красивѣе, богаче Европейскихъ лѣсовъ. Размѣры и форма Африканскихъ горъ грубѣе и рѣзче, растительность удивительно разнообразна.

Съ каждымъ шагомъ открывались новыя красоты. То дорога опускалась круто внизъ, между мелкими каменьями струился тихій ручей, дерево-великанъ легло поперекъ него, по сѣрой корѣ поросъ тонкими нитями нѣжный, зеленый мохъ, за стволомъ подняли ажурныя головки туйи, дальше громадный рицинусъ раскинулъ свои лапчатые блестящіе листья, еще дальше цѣлая компанія темно-сѣрыхъ великановъ стволовъ поросла такъ густо, что черныя тѣни легли въ лѣсу и таинственно глядятъ оттуда заросли молодыхъ кипарисовъ...

Съ высокой горы дорога постепенно спускается внизъ. Пейзажъ достигаетъ удивительной красоты. Громадная долина, чуть всхолмленная, покрыта желтой травой, вышиной въ ростъ человѣка. И среди этой травы здѣсь и тамъ видны густые острова кустовъ и развѣсистыхъ деревъ. Высокія горы окружаютъ долину. Горы поросли лѣсомъ. Лѣсъ сбѣгаетъ тутъ и тамъ остроконечными мысами въ долину. Неширокій ручей струится черезъ нее, камышъ и зеленая трава поросли по его берегамъ...

Но особенно красива эта картина вечеромъ передъ закатомъ солнца. Яркій дискъ опустился уже за горы. Багровый закатъ догораетъ. Природа затихла. Мрачный, таинственный, чернѣетъ вдали тропическій лѣсъ. Чуждые голоса слышны оттуда. То фыркаютъ гуарецы (гверецы), визжатъ шакалы, неизвѣстныя птицы кричатъ въ самой чащѣ. Тамъ своя жизнь; жизнь, чуждая людей, жизнь, полная кровавой борьбы за существованіе...

Лагерь утихаетъ. Носильщики-галласы, получившіе 100 талеровъ бакшиша, расходятся съ веселымъ говоромъ по дорогѣ.

Конвой становится на перекличку. Въ сыромъ воздухѣ звенитъ казачья труба и эхо дѣвственныхъ лѣсовъ отражаетъ кавалерійскую зорю.

Чудная, величественная картина!!

9-го, 10-го и 11-го января—три дневки въ Дэру. Муловъ нѣтъ... Абиссинскіе купцы оправдали свое семитическое происхожденіе—они надули и не пришли ни 9-го, ни 10-го... Пошли скучные дни, скрашенные лишь роскошью природы да царской охотой въ тропическомъ лѣсу.

Мулы пришли лишь 11-го января—и то не всѣ, 30 муловъ не хватало... На 12-е назначили выступленіе...

Со словомъ Африка обыкновенно связывается понятіе о безпредѣльныхъ пескахъ, о перистыхъ пальмахъ, здѣсь и тамъ выросшихъ отдѣльными купами, о скалахъ и камняхъ, у подножія которыхъ лежатъ желтые львы... Густые лѣса, безконечныя степи, покрытыя высокой травой, принято считать принадлежностью Америки.

Лѣса у Дэру имѣютъ совершенно не Африканскій видъ.

Чѣмъ ближе вы подходите къ лѣсу, тѣмъ мощнѣе развертываетъ свои красоты тропическая флора. Сухая желтая трава становится выше. Она уже закрываетъ васъ съ головой. Издали несется ароматъ цвѣтовъ, ароматъ оранжереи. Высокія розовыя штокъ-розы образуютъ густую заросль, къ нимъ примѣшиваются большіе кусты мимозъ, геліотроповъ, жасмина и шиповника. Маленькія птички перелетаютъ съ куста на кустъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ. Кусты становятся гуще. Тонкія зеленыя ліаны, плющъ и виноградъ ползутъ по нимъ, поднимаются до самой вершины и зеленымъ каскадомъ падаютъ внизъ въ зелень малины, въ розовые кусты пахучихъ штокъ-розъ.

Въ изумленіи останавливаешься и замираешь среди высокой травы. Не знаешь, вдыхать ли мягкій ароматъ цвѣтовъ, слушать ли чириканье и пѣніе птичекъ, или рас-

крыть широко глаза и смотрѣть, смотрѣть на пестроту красокъ, на чудную гармонію зеленыхъ тоновъ, на калейдоскопъ цвѣтовыхъ пятенъ... Дальше идти нельзя. Висячіе корни, покрытые мягкимъ зеленымъ мхомъ, толстыя ліаны, плотный переплетъ стволовъ, вѣтвей, листвы и нитей—непроницаемъ. Нагибаешься къ самой землѣ и нѣ-

Въ дѣвственномъ лѣсу у Бурка.

сколько шаговъ ползешь по мягкой травкѣ подъ иглами мимозъ и шиповника...

Лѣсъ сталъ рѣже, вы выпрямляетесь. Зеленый полумракъ кругомъ. Густая заросль кокосовыхъ пальмъ высоко подняла стволы и распустила зеленыя кроны. Громадные бананы съ листьями въ нѣсколько саженей длиной кинули кверху свѣтлую зелень свою. Одна кокосовая пальма упала, стволъ ея сгнилъ и далъ жизнь массѣ мелкихъ ползучихъ растеній. А рядомъ сѣрый стволъ смоковницы, саженей въ пять въ обхватѣ, распростеръ гигантскія вѣтви, распи-

халъ кругомъ девевья и образовалъ лужайку, поросшую папоротникомъ. Одни стволы лежатъ на землѣ, покрытые ліанами и цвѣтами, другіе простерли надъ ними мощныя вѣтви. Лѣсной ручей тихо струится между камней, зеленыхъ мимозъ и лиловыхъ геліотроповъ.

Тепло, сыро, ароматно.

Большія зеленыя птицы съ ярко-красными крыльями прыгаютъ и ныряютъ въ вѣтвяхъ, маленькія колибри со стальными перьями хлопочутъ среди цвѣтовъ.

Тише! Что-то зашуршало въ густой заросли сплошныхъ кустовъ. Не леопардъ ли крадется за добычей? Крѣпко сжимаешь винтовку и осматриваешь таинственный сумракъ вѣтвей и ліанъ. И видишь пугливую газель, что словно тѣнь скользитъ между травъ и кустовъ. Видишь маленькихъ птичекъ, что прыгаютъ по землѣ.

Съ большимъ трудомъ, перелѣзая черезъ громадные стволы, подползая подъ толстыя ліаны, обрывая одежду о колючки мимозъ, продираешься сквозь лѣсную чащу. Громадныя деревья столпились въ одномъ мѣстѣ, заросль стала гуще. Стадо гуарецъ, большихъ, черныхъ, съ бѣлымъ кольцомъ на спинѣ и бѣлой пушистой кистью на хвостѣ, обезьянъ, услышавъ шумъ шаговъ пугливо прыгаетъ съ дерева на дерево и прячется въ зелени. Ни одной не видно. Галласъ-проводникъ долго смотритъ вверхъ, беретъ васъ за руку и говоритъ—„шуфъ, шуфъ, мульто аллэ“ (смотри, смотри, есть много). Смотришь по направленію его пальца и видишь бѣлую точку хвоста. Начинаешь цѣлить по хвосту... выстрѣлъ—и тяжелая обезьяна падаетъ съ сука. Въ предсмертныхъ мукахъ цѣпляется она за сучки и вѣтки, наконецъ, обрывается окончательно и съ глухимъ шумомъ упадаетъ на землю. Но она не мертва. Жалостно прижимаетъ она свои переднія руки къ ранѣ и тяжело дышетъ. Смерть наступаетъ медленно.

А кругомъ шелестятъ задумчивыя мимозы, пальмы качаютъ перистыми головами.

Идешь дальше черезъ ручей, карабкаешься по утесу и

видишь новую картину. Туйи, мимозы и кусты вновь преграждаютъ путь настолько, что дальше идти невозможно—дѣвственный, непроходимый лѣсъ.

Газели, коричневые лающіе олени, лѣсныя курочки то и дѣло мелькаютъ въ лѣсной чащѣ, среди кустовъ и ліанъ...

Выйдешь изъ этого лѣса и долго стоишь очарованный на его опушкѣ; долго удивляешься, что столько вѣковъ растутъ развѣсистыя туйи, прочныя мимозы, тѣнистыя смоковницы и не коснулась ихъ рука человѣка, не застучалъ топоръ, не расчистилъ колючія заросли... Абиссинцы мало заняты своимъ лѣсомъ. Онъ растетъ, никѣмъ не посѣщаемый, и страшно терпитъ отъ пожаровъ. Пожаръ при насъ истребилъ всю мѣстность у Дэру и пожегъ опушку прекраснаго лѣса.

Еще съ 10-го числа на горизонтѣ видѣнъ былъ дымъ, а ночью небо пылало, отражая зарево. Къ вечеру 11-го трава загорѣлась на холмѣ по ту сторону ручья, она вспыхнула какъ порохъ, съ сухимъ трескомъ; пожаръ огненной волной полился съ горы въ лощину. 12-го января, около полудня, все запылало. Листья деревьевъ на опушкѣ рощъ краснѣли и свертывались въ трубку; стволы чернѣли, но огонь не проникалъ далеко, губя только молодые невысокіе кусты. На мѣсто желтаго поля съ чуть колышимой соломой—осталась черная земля, покрытая мѣстами сѣрой золою. Опушка лѣса потеряла свой роскошный зеленый уборъ, и красныя, погорѣлыя деревья уныло торчали по его краю. Эти пожары иногда бываютъ страшно губительны. Цѣлые лѣса выгораютъ въ нѣсколько дней и никому въ голову не приходитъ косить траву, пока она зеленая, уничтожать эти обширные склады сухой соломы...

10-го декабря мы наблюдали солнечное затменіе. День насталъ какой-то хмурый, задумчивый. Вѣтра не было и дымъ отъ недалекаго степного пожара поднимался кверху и расплывался по голубой небесной глади. Около 9-ти часовъ утра солнце вдругъ потускнѣло.

— „Дымомъ застилаетъ“, заговорили казаки.

Птицы въ лѣсу смолкли, мулы, пущенные на пастбище, перестали ѣсть, во всей природѣ чувствовалось какое то напряженіе, всѣ чего то ждали. Термометръ, показывавшій 21°R въ тѣни, сталъ падать. Горы и лѣсъ приняли какой то мутный оттѣнокъ. Тѣни стали блѣдныя, мало видныя, но солнце все еще сіяло во всей своей силѣ. Ровно въ 9½ часовъ утра солнечный дискъ началъ уменьшаться. Черная тѣнь луны заходила съ боку, свѣтъ началъ убывать, термометръ упалъ до 13°R. Всѣ вышли изъ палатокъ и стояли кучками, наблюдая сквозь закопченыя стекла.

— „Быть большой войнѣ!“, говорили абиссинцы; казаки были спокойнѣе. Они вспоминали когда и при какихъ обстоятельствахъ наблюдали они еще солнечныя затменія.

Свѣтъ сталъ тусклый, разсѣянный. Лица казались зелеными, деревья сѣрыми, но предметы не потеряли ясности очертаній. Въ 10 часовъ 30 минутъ утра только узкій и длинный серпъ ярко-краснаго солнца освѣщалъ землю. Серпъ перешелъ съ боку на верхъ, острые концы его перевѣсились къ низу, затменіе стало убывать, въ 11 часовъ 30 минутъ оно окончилось.

Но еще долго въ природѣ царило молчаніе, долго не рѣшались пѣть и чирикать въ зеленой листвѣ птицы и безмолвныя и грустныя стояли деревья...

12-го января, понедѣльникъ. Отъ Дэру до Бурка. 24 версты. Съ восходомъ солнца въ станѣ купцовъ началось движеніе. На муловъ и лошадей накладывали примитивнаго устройства вьючныя сѣдла и купцы разошлись по бивваку.

Я смотрѣлъ на несчастныхъ вьючныхъ животныхъ. Почти ни одной лошади, ни одного мула не было съ непобитой спиной... Эти побои ярко-краснаго цвѣта иногда тянулись съ обѣихъ сторонъ отъ холки до крупа. Прямо на мясо клали мягкія тряпки, старыя бараньи кожи, а поверхъ всего ленчикъ съ одной передней лукой. И мулы, и лошади не имѣли ни уздечекъ, ни недоуздковъ, но одну

только веревку, прицѣпленную на шею. Погрузка шла спѣшно. Партія за партіей бѣжали мулы по горной дорогѣ. Канцелярія, царскіе подарки, казна, большая часть груза ушла уже, начальникъ миссіи тронулся въ путь, за нимъ потянулся и конвой.

Было 7$^1/_2$ часовъ утра. Дорога началась чрезвычайно крутымъ подъемомъ. Идти было трудно, воздухъ становился рѣже, мы поднялись на 8000 футовъ надъ уровнемъ моря. Густой лѣсъ все время былъ по сторонамъ дороги. Поднявшись на верхъ мы медленно начали опускаться, дошли до обрыва и здѣсь, по вьющейся спиралью, усѣянной камнями тропинкѣ быстро спустились въ прекрасную тѣнистую лощину. Стадо гуарецъ прыгало по деревьямъ, красиво свѣшивая свои бѣлыя хвосты, два, три, „дункуля“ (нѣчто среднее между газелью и оленемъ) кинулось въ чащу; стало прохладно, ароматъ тропическаго лѣса пропиталъ воздухъ. Какой ароматъ! Нѣжнѣйшій запахъ жасмина, приторный геліотропа и запахъ сырости, листвы и мягкой хвои.

Лѣсъ отступалъ отъ дороги, мы выѣзжали на поляну. Вправо роща мимозъ со столовидными кронами, влѣво крутой склонъ, поросшій мощнымъ лѣсомъ.

Горы отступали дальше и дальше, на нѣсколько верстъ тянулось поле высокой, желтой теперь, травы. Тропинка расширилась, земля стала черной, мы подходили къ ручью Бурка, притоку р. Уэби. При выходѣ изъ лѣса, человѣкъ 30 ашкеровъ съ ружьями, положенными однообразно на плечо, построенныхъ въ одну шеренгу, безъ ранжира, встрѣтило насъ. Это былъ отрядъ геразмача Дунка, подъ начальствомъ его помощника: самъ геразмачъ ушелъ на войну съ расомъ Маконеномъ.

Начальникъ миссіи приложилъ руку къ козырьку и ашкеры поклонились въ поясъ, не измѣняя положенія ружья. Я подтянулъ конвой, выстроилъ фронтъ и, по приказанію начальника миссіи, казаки грянули „Ой хмель, мой хмелекъ“... Ашкеры, пропустивъ отрядъ мимо себя,

бросились бѣгомъ передъ насъ и „толпою во образѣ колонны“ пошли впереди начальника миссіи, сзади его ѣхалъ я, кеньазмачъ—начальникъ отряда, переводчикъ, баламбарасъ, далѣе казаки и слуги начальника...

Въ такомъ порядкѣ мы подошли къ узкому, но быстрому и глубокому ручью Бурка, перешли его въ бродъ и стали располагаться бивакомъ на прекрасной лужайкѣ по берегу ручья. Это было около полудня.

Караванъ приходилъ быстро. Поваръ разложилъ свои инструменты и занялся приготовленіемъ обѣда; одна за другой воздвигались офицерскія палатки. Мы ожидали только аріергардъ поручика К—го и казаковъ Крынина и Кривошлыкова, но ихъ не было. Вмѣсто того послѣдніе муловщики стали приносить тревожныя извѣстія...

Грузъ на 12 муловъ не поднятъ... Мулы ушли... Лѣсной пожаръ надвинулся на Дэру... у К—го нѣтъ ни палатки, ни обѣда...

Позвали помощника раса нагадія, потребовали, чтобы онъ послалъ на подъемъ багажа 12 муловъ; расъ нагадій пошелъ къ купцамъ, но купцы отказались посылать муловъ. Они собрались толпою, долго бранились, причемъ расъ нагадій нѣсколькихъ побилъ палкой, но муловъ не дали. Начальникъ миссіи потребовалъ начальника абиссинскаго конвоя и предложилъ ему обезпечить своими ашкерами доставку изъ Дэру въ Бурка неподнятаго груза. Начальникъ конвоя заявилъ, что онъ присланъ лишь для охраны личности посла и что ему нѣтъ никакого дѣла до купцовъ...

Въ безплодныхъ переговорахъ, угрозахъ и увѣщаніяхъ проходили часы. Упрямства абиссинцевъ сломить не удалось. Наступила холодная ночь, а поручика К—го и вещей съ аріергардомъ не было. На 13-е была назначена дневка и приказано разслѣдовать, кто виноватъ.

13-е, 14-е и 15-е января—дневки въ Бурка. Мы поднялись до восхода солнца и приказали начать погрузку вещей на

муловъ по купцамъ: начальникъ миссіи желалъ выяснить, кто виноватъ и не взялъ положеннаго ему груза.

Не прошло и 20-ти минутъ послѣ погрузки, какъ внизу, у палатки начальника миссіи раздался дикій вой; вой, которымъ абиссинцы сзываютъ на бой. Всѣ купцы побросали муловъ и лошадей и съ палками, ружьями и кинжалами кинулись къ палаткѣ. Оттуда выбѣжалъ одинъ изъ купцовъ, громко воя, плача, причитая, воздѣвая руки къ небу. Крикъ и гамъ поднялся невообразимый. Я и поручикъ Ч—ковъ бросились къ толпѣ и преградили путь къ палаткѣ начальника миссіи. Они напирали на насъ и мы собственноручно отталкивали ихъ. Многіе замахивались на насъ палками и выхватывали кинжалы.

— „Пойдемъ бить русскихъ!", кричали разъяренные купцы.

Я вызвалъ двухъ казаковъ конвоя, Сидорова и Могутина, и видъ казачьихъ плетей успокоилъ воинственное настроеніе харарскихъ торговцевъ.

Большаго труда стоило намъ удержать казаковъ отъ расправы плетьми.

— „Ваше высокоблагородіе, вѣдь они прямо аспиды, дозвольте!", говорилъ мощный широкоплечій Могутинъ, каждой рукой отталкивая человѣка по три...

Расъ Нагадій отозвалъ купцовъ и приступилъ къ допросу. Оказалось слѣдующее. Купецъ, принимавшій вещи, заподозрилъ, что урядникъ Габѣевъ положилъ лишнее противъ того, что было въ чемоданѣ, и дерзко сталъ выкидывать пожитки.

— „Оставь", сказалъ ему Габѣевъ, „что ты дѣлаешь". Тотъ продолжалъ свою работу.

— „Оставь, тебѣ говорятъ!" и Габѣевъ сталъ обратно укладывать вещи.

Купецъ толкнулъ Габѣева, Габѣевъ далъ сдачи и купецъ поднялъ воинственный вой.

Купцы перестали грузить и на требованіе наше послать муловъ за вещами въ Дэру согласились отправить только трехъ...

Начальникъ миссіи рѣшилъ послать въ Куни (70 верстъ отъ Бурка) поручика Ч—кова для переговора по телефону съ г. Ильгомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ негуса объ ускореніи движенія.

День прошелъ тихо. Мы разставили палатки. Ходили ловить рыбу въ рѣчкѣ, поручикъ Д—овъ настрѣлялъ шесть гуарецъ, а между прочимъ поджидали поручика К—го. Вещи изъ Дэру приходили понемногу, но люди, привозившіе ихъ, приносили неутѣшительныя извѣстія. На дорогѣ бродили разбойники, путь былъ небезопасенъ для одиночныхъ людей и никто не желалъ ѣхать брать оставшійся багажъ.

14-го января, рано утромъ, поручики Ч—овъ и Д—овъ съ казакомъ Архиповымъ и четырьмя черными слугами выѣхали изъ Дэру въ Куни. Отъѣздъ ихъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на купцовъ.

Между тѣмъ отсутствіе К—го и казаковъ аріергарда, въ связи съ непріятными извѣстіями изъ Дэру, вызвало безпокойство за жизнь и здоровье ихъ. Начальникъ миссіи уже хотѣлъ отправить кого-либо на развѣдку, когда на горизонтѣ показалось два всадника. Въ одномъ скоро узнали казака Кривошлыкова.

Тяжелыя мысли вызвало появленіе его одного съ переводчикомъ Маркомъ въ чалмѣ и казачьей шинели...

Не случилось ли чего? Вспомнились случаи, бывавшіе съ абиссинцами, вспомнили, что этотъ горячій, самолюбивый народъ весьма скоръ на кровавую расплату... Ищи въ горахъ виноватаго...

Вспомнили мы все это и призадумались...

Но Кривошлыковъ привезъ хорошія вѣсти. Грузъ подняли и везутъ. Правда, эти два дня дались очень тяжело К—му и оставшимся при немъ казакамъ. Они ожидали каждую минуту помощи изъ Бурка, въ Бурка каждый мигъ ожидали ихъ прибытія, думали, что К—му удастся достать носильщиковъ, или нанять ословъ, или, наконецъ, принести грузъ на своихъ мулахъ, идя самимъ пѣшкомъ.

Поэтому мы и не принимали первые дни никакихъ мѣръ къ обезпеченію провіантомъ арьергарда. Наступила для нихъ первая, холодная ночь, ночь безъ палатокъ, безъ тепла. Посланный за провизіей абиссинецъ Маркъ донесъ, что у галласовъ нѣтъ ни инжиры, ни яицъ и что онъ ничего не могъ достать. Арьергардъ призадумался. Рѣшили разобрать оставшійся грузъ и посмотрѣть, не найдется ли тамъ что-либо съѣстное. Подобно тому, какъ Робинзонъ Крузо разбирался въ выброшенныхъ моремъ тюкахъ, такъ и люди арьергарда при свѣтѣ луны и приближавшагося лѣснаго пожара осматривали ящики. Два свертка казачьихъ шинелей, ящикъ съ инструментомъ, соль, стеклянная посуда и, о счастье!—сахаръ и чай. Въ жестяномъ кувшинѣ вскипятили воду, заварили чай и, напившись пустого чая, легли всѣ вмѣстѣ на росистую траву, накрывшись бурками. Встали рано. Утромъ пришелъ одинъ мулъ. Мошенники купцы посылали вмѣсто шести одного. Погрузили этого несчастнаго мула, какъ могли больше, и отправили въ Бурка, а сами остались ожидать еще помощи. Погонщикъ мула принесъ пренепріятное извѣстіе: русскіе ушли изъ Бурка въ Горо. Положеніе становилось тяжелымъ. Оставалось надѣяться на Бога, да на самихъ себя. Взяли ружья и пошли на охоту, первый разъ не для удовольствія, а ради промысла. Поручикъ К—ій убилъ леопардовую кошку, а Кривошлыковъ оленя. Оленя изжарили и поѣли съ солью безъ хлѣба, потомъ погрузили своихъ муловъ брошенными вещами и перевезли грузъ черезъ гору, дальше не пошли: животныя легли и отказывались вставать. Пришлось заночевать въ лѣсу, опять безъ палатокъ и обѣда. Поѣли оленины, запили чаемъ и полегли на голой землѣ подъ деревьями. На третій день по утру подошли еще мулы и хлѣбъ и консервы. Теперь уже можно было ѣхать безостановочно. Пустивъ Кривошлыкова впередъ, поручикъ К—ій съ казакомъ Крынинымъ пошли въ хвостѣ маленькаго каравана и прибыли, наконецъ, 14-го января, въ 5 часовъ вечера, въ Бурка.

Грузъ былъ собранъ. Оставалось разобрать его по купцамъ и пуститься въ дальнѣйшій путь. Вѣдь на каждомъ ящикѣ, на каждомъ сверткѣ есть надпись красными чернилами, обозначающая имя купца, обязавшагося доставить вещи до Аддисъ-Абебы. Какимъ же образомъ могло выдти такое крупное недоразумѣніе? Сейчасъ же по прибытіи послѣдняго ящика поручикъ К—ій приступилъ къ выясненію обстоятельствъ нашего промедленія.

Во-первыхъ, изъ купцовъ, только трое взялись лично сопровождать нашъ грузъ, остальные прислали наемныхъ прикащиковъ, совершенно неграмотныхъ; во-вторыхъ, на многихъ ящикахъ и сверткахъ отъ росы и потныхъ рукъ галласовъ-носильщиковъ надписи стерлись и ихъ было трудно разобрать; въ-третьихъ, нашлось три купца, носящихъ одно имя Загайэ, и ни одинъ изъ нихъ не желалъ брать свертковъ съ этой надписью, ссылаясь на то, что есть другіе Загайэ, которые и обязаны везти эти вещи; въ-четвертыхъ, муловъ было взято слишкомъ мало по грузу...

За выясненіемъ этихъ обстоятельствъ, оказалось, что мы и 15-го выступить не можемъ. Все утро прошло въ разборѣ груза, гортанныхъ крикахъ и трагическихъ жестахъ отчаянія. Около полудня изъ Харара пріѣхалъ сынъ нагадій раса, молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, недурной собой, державшійся съ большимъ достоинствомъ.

Слухи о недоразумѣніяхъ въ Дэру и Бурка дошли до Харара. Съ грустью услыхалъ о неприличномъ поведеніи купцовъ старикъ геразмачъ Банти, огорчился Уонди и расъ нагадій. Дѣла не позволили имъ прибыть и помочь великому послу московъ; и такъ четыре дня не занимался дѣлами, не творилъ судъ и расправу старый губернаторъ, а проводилъ эти дни въ лагерѣ у русскаго посла... Такихъ почестей никому еще не оказывали. Нагадій расъ рѣшилъ послать своего сына. Сопровождаемый толпой купцовъ, онъ обошелъ наши вещи и разобралъ, кто былъ виноватъ въ Дэру. За палатку, не попавшую въ опись,

начальникъ миссіи приказалъ уплатить и дѣло наладилось...

Я потому описываю такъ подробно эти мелкія ссоры и недоразумѣнія съ купцами, что они хорошо характеризуютъ абиссинцевъ. Семитъ по племени—онъ во всемъ, касающемся торговли или денегъ, настоящій еврей. Обмануть, не исполнить обѣщанія, взять дороже, выклянчить талеръ это его дѣло. Талеръ для него дороже, нежели свобода, даже жизнь. Благородный воинъ—становится грязнымъ жидомъ, какъ только дѣло коснется торговли, наживы, рубля...

Намъ всюду оказывали громадный почетъ. Геразмачи и кень-азмачи съ отрядами ашкеровъ встрѣчали насъ въ концѣ каждаго перехода. Но и они ничего не могли подѣлать съ купцами. „Мы не вольны въ нихъ. Мулы ихъ, они идутъ, какъ хотятъ, самъ негусъ не можетъ имъ приказать идти скорѣе, чѣмъ они могутъ идти, не надрывая животныхъ...“, вотъ отвѣтъ, который мы получали отъ всѣхъ абиссинскихъ начальниковъ.

И со всѣмъ тѣмъ пріемы надувательства ихъ были самые дѣтскіе. Надпись стерлась, и хотя я и знаю, что грузъ мой, я не везу, покажи, дескать, надпись... Мы сравнивали сомалей съ дѣтьми—это тоже дѣти съ ихъ слезами, съ ихъ трагическими пантоминными жестами, съ ихъ криками и воемъ, но это дѣти, побывавшія въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ...

Пятница, 16-го января, отъ Бурка до Ибибэмъ—18 верстъ. Отрядъ нашъ выступилъ съ бивака въ $8^1/_2$ часовъ утра. Около часа мы шли по прекрасной долинѣ, покрытой черноземомъ и поросшей высокой травой, прошли мимо красиваго ручья Бурка, достигающаго у дороги глубины до двухъ саженъ при ширинѣ въ три аршина, падающаго маленькими водопадами, съ берегами, покрытыми густой травой и высокимъ тростникомъ... Отъ рѣки дорога начала подыматься кверху и вскорѣ мы достигли высоты 6,500 футовъ.

Кругомъ видны были горные отроги, покрытые лѣсомъ. Громадные иркумы, съ носами, длиною въ 5—6 вершковъ, съ рѣсницами на глазахъ и темно-зелеными перьями, бродили въ травѣ, по крутымъ скалистымъ обрывамъ бѣгали стада павіановъ-гамадриловъ. Поручику К—му, ѣхавшему въ аріергардѣ, удалось замѣтить такое стадо. Онъ слѣзъ съ мула и сталъ карабкаться по скаламъ. Стадо перевалило черезъ горный хребетъ и, своеобразно похрюкивая, стало спускаться съ горъ. Старикъ-вожакъ одинъ остался, желая, повидимому, присмотрѣться къ неизвѣстнымъ ему бѣлымъ людямъ. Онъ влѣзъ на невысокій кустъ и зло смотрѣлъ на К—го. Поручикъ К—ій выстрѣломъ изъ 3-хъ-линейной винтовки сразилъ павіана. Это былъ чудный самецъ, почти двухъ аршинъ ростомъ, съ густой сѣдой гривой и громадными зубами. Онъ былъ пораженъ въ самое сердце. Вѣсилъ онъ болѣе двухъ пудовъ. Его руки были величиною съ руку взрослаго человѣка. Съ тріумфомъ его привезли въ лагерь...

Переваливъ черезъ одинъ горный хребетъ мы подошли къ другому и снова начался утомительный подъемъ и потомъ снова спускъ. Этотъ перевалъ продолжался болѣе часа. Здѣсь, отойдя къ югу отъ дороги, около версты, мы стали бивакомъ на погорѣломъ склонѣ горы у ручья Ибибэмъ. Послѣдніе мулы пришли въ $4\frac{1}{2}$ часа дня. Около того же времени въ горахъ два раза прогремѣлъ громъ, упало нѣсколько дождевыхъ капель, походили тучки, словно въ раздумьи спрыснуть имъ весеннимъ дождичкомъ „сэфыръ московъ“ (русскій лагерь), или пощадить его,— да раздумали и въ 6 часовъ солнце зашло при совершенно ясномъ небѣ.

Поутру мой рапортъ былъ, какъ всегда: „въ конвоѣ больныхъ нѣтъ, наказанныхъ нѣтъ, въ теченіе ночи происшествій никакихъ не случилось“.

Температура ночью была + 13° R.

Суббота, 17-го января. Отъ Ибибэмъ до Кэфу—20 верстъ. Весь путь состоялъ изъ двухъ громадныхъ подъемовъ и

спусковъ. Мы пересѣкли два горныхъ, поросшихъ лѣсомъ, хребта, и послѣ 3½-часоваго пути подошли къ горному ручью Кэфу. Между хребтами лежала долина и на ней абиссинская деревня Хирна, обычное мѣсто остановки каравановъ, идущихъ въ Аддисъ-Абебу.

Караванъ на мулахъ шелъ быстро, почти не отставая отъ насъ, и къ 2-мъ часамъ лагерь уже былъ поставленъ на площадкѣ, среди лѣса, между красивыхъ лѣсныхъ островковъ...

Сегодня восемнадцатый день, какъ мы не имѣемъ никакихъ писемъ, никакихъ извѣстій изъ Европы. По мѣрѣ удаленія отъ нея она сжималась, становилась меньше и меньше, будто мы смотрѣли на нее съ воздушнаго шара, или въ обращенный бинокль. Всѣ мелкіе интересы городской, петербургской жизни стушевались, исчезли, потонули въ интересахъ цѣлой Европы, цѣлаго міра. Странно подумать, что таинственное озеро Рудольфа, златоносная Каффа ближе, доступнѣе для насъ, нежели для васъ Одесса или Берлинъ. Центральная Африка, дебри, гдѣ бродилъ Ливингстонъ, страна львовъ и слоновъ, тутъ подлѣ, а родной Петербургъ, тихій Донъ, съ покрытыми снѣгомъ степями, гдѣ-то далеко, далеко. И люди тамъ кажутся маленькими, событія мелкими... Тутъ, подлѣ идетъ жизнь, такъ мало касающаяся Европы, такъ отличная отъ нея, что, наконецъ, забываешь обычаи запада, смотришь на все съ иной точки зрѣнія, совершенно новой; политическіе горизонты становятся шире, видишь эти жадныя руки, протягивающіяся къ высокимъ горамъ и дремучимъ лѣсамъ...

Но, довольно...

Наши палатки раскинуты, а „расъ Манже" С—онъ зоветъ къ завтраку. Идемъ ѣсть антилопу, убитую вчера Крынинымъ, и гречневую кашу на салѣ.

Завтракъ конченъ. Кто съ двустволкой, или винтовкой идетъ, чтобы тщетно искать леопарда и возвратиться съ гуарецой или оленемъ, кто улегся въ тѣни душистаго

жасмина помечтать о родинѣ... Боюсь, что его мечтанія закончатся сномъ.

Полковникъ А — овъ заканчиваетъ свои вычисленія, дописываетъ съемочную легенду, поручикъ К — ій хлопочетъ съ караваномъ, говоритъ съ купцами...

Въ восемь часовъ раздается сигналъ „сборъ начальниковъ“ и мы идемъ ѣсть супъ изъ баранины, баранину и заѣдать чай кислой инжирой.

Потомъ разойдемся по палаткамъ и гдѣ Тургеневъ, гдѣ Armand Sylverstre съ его поэзіей любви, гдѣ лихая солдатская пѣсня заставятъ забыть на минуту, что находишься въ Африкѣ, пока вой леопарда или дикій крикъ осла не напомнятъ обстановку лагеря вдали отъ родины.

Воскресенье, 18-го января. Отъ Кэфу до Шола. 18 верстъ. Опять маленькій переходъ! Купцы категорически отказались идти по нашему маршруту до Куни. Мулы устали, горы высоки, грузъ великъ: животныя не могутъ идти дальше. Мало того, они потребовали еще три дневки на пути... Сколько было вчера вечеромъ изъ-за этого спора, шума, крика около палатки К—го. Переводчикъ едва успѣвалъ переводить трескучія рѣчи возмутившихся купцовъ. Жесты были полны трагизма, торговались изъ-за каждой версты, изъ-за каждаго подъема или спуска. Дѣйствительно мулы и лошади въ ужасномъ видѣ. Нѣтъ ни одной не побитой. Побои ползутъ вдоль по спинѣ и блѣдно-розовое пятно съ кровавыми подтеками занимаетъ всю холку и крестецъ. Поручикъ К—ій употребилъ всѣ усилія. Онъ произнесъ имъ рѣчь на абиссинскимъ языкѣ, грозилъ имъ всѣми ужасами гнѣва негуса, но упорства купцовъ сломить не могъ. Сегодня идемъ до Шола.

Мы выступили въ 7 часовъ утра, сопровождаемые кень-азмачемъ, и по утреннему холодку незамѣтно стали подниматься на высокія горы. Было свѣжо. Термометръ показывалъ + 10 R. Надъ горами низко ходили бѣлыя облака, иныя цѣплялись за верхушкн хребтовъ, закры-

вали желтыя поля и отдѣльныя деревья. Уже лѣсъ не покрывалъ такихъ громадныхъ пространствъ, какъ раньше, мы шли мимо отдѣльныхъ густыхъ рощъ, состоящихъ изъ переплета мимозъ, кофе, жасмина, лавра и ліанъ. Кругомъ, по горѣлому лугу зеленѣла кое гдѣ трава, высокіе желтые стебли соломы, уцѣлѣвшей отъ пожара, торчали здѣсь и тамъ. Холодъ высокихъ горъ чувствовался на каждомъ шагу. Мимозы не росли такъ высоко и раскидисто, какъ въ долинахъ, онѣ кидали вѣтви въ стороны и ярко зеленымъ столомъ раскидывались надъ землей. Напоминающая нашу елку туйя чаще и чаще попадалась между голыхъ скалъ и песковъ. А тамъ, гдѣ черная дорожка вилась по высокому черному хребту, гдѣ съ обѣихъ сторонъ круто сбѣгали желтые обрывы, тамъ и со всѣмъ не было деревьевъ. Спусковъ одинъ, подъемовъ два. Со втораго подъема спускались постепенно, по карнизу. Вправо синѣли пустынныя, безлѣсныя горы и тамъ за ними была чуть видна Данакильская пустыня.

Какое плодородіе почвы кругомъ! Какія богатыя долины! и нигдѣ не видно слѣда плуга земледѣльца, нигдѣ не колышется рожь или пшеница, незамѣтно рису или машиллы.

Влѣво видна абиссинская деревня, въ глубокой котловинѣ, и кругомъ ея незамѣтно полей, черными точками торчатъ хворостяныя хижины среди разгула ничѣмъ не стѣсненной природы...

Пройдутъ года. Желѣзная дорога добѣжитъ до Харара, дилижансъ, а можетъ быть электрическій трамвай пройдетъ по горнымъ склонамъ Африканской Швейцаріи, среди готовыхъ богатѣйшихъ парковъ насадятъ цвѣтники, виллы и отели выростутъ кругомъ. Самолюбивый воинъ-абиссинецъ, претерпѣвъ нѣсколько пораженій, угрюмо зачахнетъ среди виллъ эксплоататоровъ его земли... По горнымъ утесамъ пойдутъ шахты, пустые внутри булыжники, усѣянные мелкими иглами горнаго хрусталя, не будутъ

небрежно попираться ногами мула, но явится африканскій хрусталь...

Богатая природа сниметъ дѣвственный уборъ своихъ лѣсовъ, нарядится въ роскошныя одежды запада, дикіе звѣри погибнутъ подъ ружьемъ охотника и благословенной страной станетъ Абиссинія...

А жаль ее. Жаль этого красиваго края, гдѣ жизнь идетъ такъ, какъ шла въ далекомъ Римѣ во времена императоровъ. Жаль этой живой исторіи народовъ, этой самобытной культуры. Переломъ близокъ. Въ Абиссиніи уже есть цѣлый рядъ великихъ людей, которые понимаютъ необходимость усилиться для предстоящей тяжелой борьбы...

Въ 11 часовъ 15 минутъ мы были у Шола и расположились на склонѣ высокой горы. По приказанію начальника миссіи мы постепенно покупаемъ лошадей для конвоя.

— „Ваше высокоблагородіе", слышится послѣ полудня, и въ мою палатку просовывается полное лицо красавца бородача-вахмистра Духопельникова, „фарасса" *) привели; изволите посмотрѣть"?

Выхожу. Бритый галласъ держитъ лошадь, посѣдланную абиссинскимъ сѣдломъ и на строгомъ мундштукѣ. Невысокая, не болѣе 1½ вершковъ, съ разбитыми уже теперь, не смотря на то, что ей только пять лѣтъ, ногами, съ бѣльмомъ на глазу, она дрожитъ при приближеніи человѣка... Безжалостная выѣздка! А вѣдь и крови въ лошади много, и рубашка чистая, нѣжная, какъ шелкъ, шерсть короткая, небольшая, точеная голова съ маленькими ушами, съ большими темными глазами на выкатѣ...

— „Лошадь добрая, только нашего брата не выдержитъ".

— „Жидковата".

Кругомъ собирается толпа казаковъ и черныхъ.

*) „Фарассъ"—лошадь.

— „Малькамъ—фарассъ“, хвалитъ продавецъ.

— „Малькамъ“, иронично тянетъ рязанецъ Полукаровъ—„іеллемъ малькамъ“. „Айфалигаль фарассъ“.

Мои конвойные уже понаучились кругомъ черныхъ слугъ абиссинскому языку.

Лошадь разсѣдлываютъ, рѣдкая не побита, надѣваютъ на нее нашу уздечку, пробуютъ шагомъ, рысью.

— „Сынты быръ?“ *).

Счетъ идетъ по пальцамъ.

Мы купили двухъ; одну за 28, другую за 18 талеровъ. Вы думаете дешево? Въ Петербургѣ такія лошади стоятъ врядъ ли дороже. Ихъ и сравнить нельзя съ нашими крѣпышами калмыками и киргизами.

Говорятъ, тамъ, внизу, на Черчерѣ, да и въ самой благословенной, недосягаемой Аддисъ-Абебѣ лошади лучше и дешевле.

А можетъ быть и это только—„славны бубны за горами“?...

Понедѣльникъ, 19-го января. Отъ Шола до Ьурома—30 верстъ. Сегодня мы покидаемъ Харарскую провинцію, спускаемся съ высокихъ горъ, выходимъ изъ лѣсовъ и продолжаемъ свой путь по богатой хищнымъ звѣремъ провинціи Черчеръ. Переходъ предстоитъ не маленькій. Нужно перевалить высочайшія горы у Куни, по каменистому, крутому спуску сойти внизъ, пройти почти 35 верстъ. Для абиссинскихъ купцовъ и ихъ побитыхъ муловъ и лошадей—это подвигъ.

Мы повалили палатки въ $6^1/_2$ часовъ, пустили авангардъ каравана, ящики съ консервами и вещи, ежедневно невынимаемыя въ 6 часовъ утра, съ разсвѣтомъ, а сами тронулись въ $7^1/_2$ часовъ утра. Дорога началась некрутымъ подъемомъ, усѣяннымъ камнями, потомъ спустились, опять поднялись, вошли въ лощину и черезъ $2^1/_2$ часа хода уви-

¹) „Іеллемъ малькамъ“—не хороша.
„Сынты быръ“—сколько рублей.
Талеръ въ описываемое время стоитъ 95 копѣекъ.

дѣли городъ Куни. Городъ Куни—граница Харарскаго округа. Онъ расположенъ отдѣльными купами хворостяныхъ хижинъ, на двухъ невысокихъ холмахъ и въ лощинѣ между ними. Кругомъ крутыя горы, съ вершинами, затуманенными облаками, поросшія лѣсомъ... и какимъ лѣсомъ!... Туйи саженей 12 вышиной и 3-хъ—4-хъ въ обхватѣ, съ вѣтвями, съ которыхъ словно листы плакучей березы свѣшивается нѣжный мохъ, съ громадными мимозами, бананами и маслинами. Мѣстами онъ такъ густъ, что безъ топора не проложишь себѣ пути, такъ переплелись толстыя, въ руку, ліаны, такъ сплелись колючія вѣтки шиповника, репейника, мимозы и кофе. Мѣстами толстые стволы словно колонны темнаго храма возвышаются здѣсь и тамъ между высокой и тонкой травы. А сколько гуарецъ, лающихъ оленей, шакаловъ и, говорятъ, леопардовъ пріютилъ онъ въ своихъ дѣвственныхъ нѣдрахъ. Онъ покрылъ высочайшія горы, послѣднія усилія горной страны простереться къ голубому небу, онъ покрылъ и остроконечныя пики и столообразныя площадки и издали кажется лишь густымъ темнозеленымъ мхомъ...

— „Черчеръ", сказалъ намъ слуга, едва мы выбрались изъ этого лѣса, и протянулъ впередъ руку...

Группа желтыхъ округлыхъ холмовъ, а дальше безпредѣльная синева ровной пустыни, сливающаяся на горизонтѣ съ голубымъ небомъ...

Верстахъ въ трехъ отъ Куни насъ встрѣтилъ Ато Брили, правитель провинціи Куни съ отрядомъ ашкеровъ. Онъ привѣтствовалъ начальника миссіи на границѣ своихъ владѣній и предложилъ ему расположиться въ долинѣ у Куни и принять отъ него дургò.

Начальникъ миссіи отклонилъ предложеніе Ато Брили и сказалъ, что въ виду желанія его прибыть возможно скорѣе въ Энтото, русская миссія прослѣдуетъ сегодня до Бурома, гдѣ и расположится бивакомъ.

— „Ишши" (хорошо), галантно, закрывая ротъ шамой,

какъ того требуетъ абиссинскій этикетъ, и наклонясь передъ г. Власовымъ, сказалъ Ато Брили, сѣлъ на своего мощнаго свѣтло-гнѣдаго мула, запахнулся пестрой шамой и затрусилъ на немъ за нами.

Ашкеры, сверкая бѣлыми съ красными шамами, размахивая ружьями, бѣгомъ, съ громкимъ говоромъ, пустились за нами, обогнали насъ, побѣжали впереди насъ. Предшествуемые ими мы начали медленно опускаться по широкой лѣсной дорогѣ. Здѣсь, на прогалинѣ, у высокаго дерева мы увидали молодого француза, стоявшаго у дороги. Это былъ monsieur Drouin, агентъ телефонной компаніи, устанавливавшій аппаратъ въ Куни. Три дня тому назадъ онъ имѣлъ сообщеніе съ Аддисъ-Абебой и узналъ, что негусъ нетерпѣливо ожидаетъ посольство Великаго Государя Московскаго и сдѣлалъ распоряженіе извѣстить о его прибытіи за восемь дней; сообщилъ о томъ, что французъ Шефнэ, устроитель цивилизаціи въ Абиссиніи, надѣется черезъ четыре мѣсяца соединить Хараръ съ Джибути телефономъ и дать возможность переговариваться непосредственно между столицей Габеша и центромъ французскаго протектората сомалійскаго побережья...

Monsieur Drouin жаловался на неспособность абиссинцевъ къ работѣ, на ихъ лѣность и несообразительность. Телефонной компаніи сильно приходится бороться съ боязнью жителей и мелкихъ правителей шумовъ кень-азмачей того, что слишкомъ скоро будутъ доходить извѣстія до негуса и слишкомъ быстры и непосредственны будутъ распоряженія императора.

Теперь аппаратъ не дѣйствовалъ...

Поручикъ Ч—ковъ ни о чемъ не могъ переговорить съ Ильгомъ и прислалъ донесеніе о безуспѣшности своего посольства еще вчера. Теперь онъ, поручикъ Давыдовъ и казакъ Архиповъ, благополучно проживши три дня въ Куни, присоединились къ отряду.

Въ 10 часовъ 30 минутъ мы кончили лѣсной спускъ и

вышли на открытую поляну. Отсюда мы начали сходить по узкой дорогѣ, покрытой сплошь булыжникомъ, на плоскогорье Черчеръ. Спускъ длился 35 минутъ, мы опустились на 2,000 футовъ внизъ.

Пейзажъ круто измѣнился. Изрытая балками мѣстность покрыта сухой травой, мѣстами погорѣлой. Здѣсь и тамъ чернѣютъ хижины абиссинскихъ деревень, покинутыхъ, по случаю похода, жителями. По балкамъ текутъ ручьи съ холодной прозрачной водой. По берегамъ раскинули перистые листья кокосовыя пальмы, видны бананы, а снизу надъ водой зеленый камышъ обвитъ чуднымъ лиловымъ бель-де-журомъ въ цвѣту. Кое-гдѣ на холмахъ одиноко торчатъ толстыя, кривыя мимозы, накрытыя шапкой темнозеленой листвы. Мы перешли три ручья съ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ Бурома̀ и на берегу третьяго на кругломъ холмѣ расположились на бивакъ.

Здѣсь на лугахъ, покрытыхъ густой травой, мы будемъ имѣть дневку. Надо откормить и дать отдыхъ муламъ.

Поздно вечеромъ къ намъ на бивакъ пришелъ тотъ ашкеръ, котораго мы послали 13-го января изъ Бурка̀ въ Хараръ за почтой. Онъ сдѣлалъ 440 верстъ черезъ горы въ шесть дней, изъ коихъ одинъ провелъ въ Харарѣ—итого каждый день проходилъ около 90 верстъ:—вотъ лучшій обращикъ того, какъ ходитъ и можетъ ходить абиссинская пѣхота!

Письма и газеты на цѣлый вечеръ отвлекли насъ отъ пустыни. Снова пахнуло родиной, Петербургомъ, пахнуло шумной столицей, гдѣ все быстро схватываютъ, интересуются нѣсколько мгновеній, а потомъ забываютъ, ища новыхъ злобъ, новыхъ предметовъ толкамъ. Трое изъ насъ за эти четыре мѣсяца пути оказались перемѣщенными.

Эти письма были, какъ нельзя болѣе кстати, мы окончили лѣсныя горы Харарской провинціи и вступали въ пустыни Черчера:—нужно было освѣжиться, встряхнуться немного, послѣ холодовъ приготовиться къ жарамъ, послѣ тѣни лѣсовъ—подумать о пескахъ пустыни.

XIX.

Черезъ Черчеръ.

Практика докторовъ.—Въ степи.—Морозныя утра.—Новая дневка.—Фитаурари Асфао.—Перевалъ черезъ горы.—Опять пустыня.

20-го января, вторникъ—дневка въ Бурома; 21-го, среда—отъ Бурома до Куркура, 19 верстъ. Мы въ настоящей Абиссиніи. Кругомъ абиссинскія деревни, въ самомъ лагерѣ болѣе сотни абиссинцевъ и абиссинскихъ женщинъ. Кто принесъ инжиру, кто медъ, кто тэчь, кто тэллу, кто пытается продать красивый, отдѣланный сафьяномъ недоуздокъ, кто предлагаетъ за два талера безголовую шкуру леопарда, кто торгуетъ хромого мула. Крикъ, шумъ, гортанный говоръ, сильно напоминающій жидовскій жаргонъ. Конвой занятъ стиркой бѣлья и рубахъ, офицеры на охотѣ за козами, доктора на практикѣ. Слухъ о томъ, что „хакимы московы“ (русскіе доктора), такъ успѣшно лѣчившіе въ прошломъ году, находятся въ отрядѣ, разнесся съ быстротою молніи по окружнымъ деревнямъ и абиссинцы и галласы толпами повалили въ нашъ лагерь. Еще въ Буркá поздней ночью д-ръ Л—ій и классный фельдшеръ С—нъ ѣздили въ галласскую деревню помогать роженицѣ, а здѣсь въ Буромà больныхъ, чающихъ совѣта и лѣкарства сильно прибавилось. Д-ру Б — ну, хирургу, пришлось сдѣлать нѣсколько операцій. У одного еще во время Адуанскаго сраженія застряла пуля въ мякоти, у другого осколки кости не были извлечены во-время, третій жаловался на неправильное срощеніе. Вѣра въ

искусство московскихъ хакимовъ была такъ сильна, что приходили люди даже съ совершенно неизлѣчимыми болѣзнями. Трудно было работать докторамъ, на воздухѣ, безъ госпитальной палатки, безъ операціоннаго стола... Но работали и работали успѣшно.

21-го января выступили съ бивака въ $7^1/_2$ часовъ утра. Ночью температура не падала ниже + 5° R., но подъ утро было сыро. Изъ-за высокихъ горъ, протянувшихся на востокѣ, солнце взошло только въ 7 час. 10 мин. утра. Дорога пролегала по черноземной почвѣ, покрытой выгорѣвшей, совершенно желтой травой. Громадные репейники съ цвѣтами величиной съ дѣтскую голову здѣсь и тамъ высовывали розовыя шишки мягкихъ лепестковъ... Въ 20-ти саженяхъ отъ дороги еще пылало яркое пламя и съ трескомъ приближалось къ ней. Густой дымъ застилалъ небосклонъ. Стаи птицъ носились надъ огнемъ, ища испуганной пожаромъ стрекозы; газели то и дѣло выпрыгивали изъ густой травы и устремлялись въ горы. Мягкая черная дорожка, такъ напоминающая донскіе проселки, вилась черезъ степь. Временами она спускалась въ узкую балку, и сейчасъ же круто вздымалась наверхъ. Справа и слѣва тянулись желтыя, безлѣсныя горы. По балкамъ росли мимозы, пальмы и смоковницы. Широкій горизонтъ золотистой, чуть колеблемой вѣтромъ травы открывался передъ нами. Войдешь въ траву, тѣсный лѣсъ высокихъ стеблей и пестрыхъ цвѣтовъ и утонешь въ немъ. Желтое море травъ поглотитъ совершенно, съ головой; душный ароматъ цвѣтовыхъ метелокъ и пахучихъ травъ охватитъ все существо. Весь міръ уйдетъ куда-то далеко, останется голубое небо надъ головой, стѣна стеблей передъ глазами, да лиловыя стрекозы, то и дѣло съ шумомъ выпархивающія изъ-подъ ногъ. Пораженный стоишь въ этой травѣ и смотришь на жизнь, которая кипитъ кругомъ. Стая голубыхъ дроздовъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ вдругъ летитъ къ недалекой смоковницѣ, робкая газель удивленно просовываетъ свою мордочку сквозь переплетъ

травъ, смотритъ нѣсколько мгновеній и потомъ скачетъ сверкая бѣлымъ „зеркаломъ“ заднихъ ногъ. Въ нее не стрѣляешь: жаль нарушить громомъ выстрѣла тишину высокихъ травъ.

Въ $10^3/_4$ утра мы подошли къ ручью Куркура. Къ югу отъ дороги синѣло большое озеро Черчеръ, а кругомъ шумѣли на вѣтру золотистыя травы. Охота была успѣшна; докторъ Б—нъ, поручикъ А—и, въ какіе-нибудь полчаса набили дюжину цесарокъ; ходившіе на озеро принесли пушистыхъ гагаръ, а нѣкоторые видѣли гиппопотама.

Къ ночи поднялся сильный юго-восточный вѣтеръ. Палатки трепетали и каждую минуту грозили упасть. Обѣдать было затруднительно. Берешь соль, а она летитъ съ ножа въ глаза vis-à vis, между тарелокъ положены громадные камни, чтобы удержать клеенчатую скатерть. Ѣдкій дымъ кухонныхъ костровъ, искры и даже цѣлыя головешки несутся къ столу и мѣшаютъ ѣсть. Но ѣдятъ исправно. Ѣдятъ кислую инжиру, все того же барана, сѣдло газели, пьютъ вареный чай—и веселы и довольны.

А завтра опять впередъ; впередъ въ пустыню, въ благословенную долину Аваша, гдѣ бродятъ слоны, носятся стада зебръ и страусовъ, гдѣ въ ущельяхъ сторожатъ свою добычу царственные львы...

Четвергъ, 22-го января. Отъ Куркура до Чофа-на-ни, 14 верстъ. Туманное и холодное утро смѣнило лунную ночь. Начало свѣтать въ 6 часовъ утра, но изъ-за высокихъ горъ солнце долго не показывалось. Оно взошло надъ горами лишь въ 6 час. 45 мин., когда бивакъ являлъ изъ себя картину полнаго разрушенія. Палатки были повалены; всюду, куда не взглянешь толпились мулы, лошади и ослы, спѣшно погружаемые, купцами. Офицеры и врачи пили вареный чай, стоя надъ ящикомъ, на которомъ были разставлены желѣзныя чашки, тутъ же на землѣ валялась темная инжира. Но и это уже было роскошью при спѣшной погрузкѣ. Купцы забѣгали въ еще неповаленныя палатки и торопили заспавшихся хозяевъ. Въ 7 час. 30 м.

утра караванъ былъ въ движеніи. Предстоялъ короткій переходъ по желтымъ холмамъ, по ровной дорогѣ—дальше идти было нельзя, дальше начиналась пустыня, не было ни травы, ни воды. Синѣвшія по сторонамъ горы сдвигались съ обѣихъ сторонъ, замыкая равнину въ сплошное кольцо.

Густой туманъ лежалъ по лощинѣ. Мелкая зеленая трава, поросшая по погорѣлой землѣ, черная дорога съ стеблями соломы, туманъ, закрывшій горы, и мимозы—все напоминало родную картину петербургской осени. Мѣстами мы подымались на холмы, вмѣсто черной земли путь былъ покрытъ тонкимъ слоемъ краснаго песку.

Около десяти часовъ утра мы спустились въ болотистую долину, замкнутую высокими горами со всѣхъ сторонъ; черезъ долину протекалъ горный ручей Чофа̀-на-ни. На берегу его, на ровномъ лугу, мы разбили свои палатки.

Неподалеку по горамъ лѣпились абиссинскія деревушки. Начальникъ ихъ, староста, „шумъ" явился съ пятнадцатью ашкерами намъ навстрѣчу и объявилъ, что фитаурари Асфао, правитель провинціи Черчеръ извиняется, что опоздалъ прибыть и встрѣтить насъ: онъ поѣхалъ на охоту на слоновъ и сегодня къ вечеру долженъ былъ возвратиться...

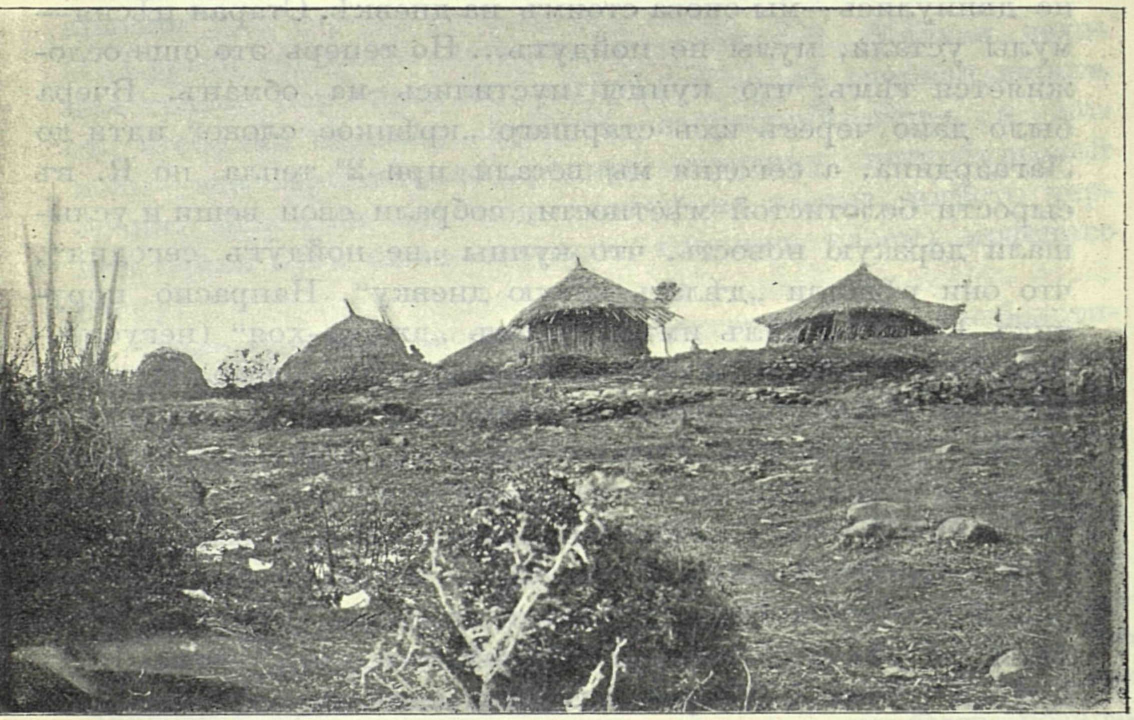
Какъ непріятны эти меленькіе переходы! Соберешь палатки, постель, вещи, пройдешь два часа и опять раскладывайся. Разложиться, какъ на дневкѣ, не стоитъ—завтра утромъ новый подъемъ, а день длиненъ, надо его занять. Идешь на охоту. Но уже козы и газели пріѣлись, ихъ и за дичь не считаешь, ихъ дѣвать некуда. Вонъ поручикъ К—ій убилъ трехъ козъ и перепелку, казаки принесли двухъ—половину придется бросить. Бродишь по скаламъ, продираешься черезъ мимозовый лѣсъ, жаждешь встрѣтить леопарда, но его нѣтъ. И возвращаешься назадъ читать старыя газеты, смотрѣть письма, сто разъ

прочтенныя, писать дневникъ въ тѣсной,—душной днемъ, холодной ночью, палаткѣ и ждешь вечера, ждешь ночи, чтобы проспать ее скорѣе и снова двинуться завтра—куда?.... Куда угодно будетъ господамъ абиссинскимъ купцамъ....

23-е января, пятница. Дневка въ Чофа-на-ни. Мы никуда не двинулись—мы снова стоимъ на дневкѣ. Старая пѣсня—мулы устали, мулы не пойдутъ... Но теперь это еще осложняется тѣмъ, что купцы пустились на обманъ. Вчера было дано черезъ ихъ старшаго „крѣпкое слово" идти до Лагаардина, а сегодня мы встали при 2° тепла по R. въ сырости болотистой мѣстности, собрали свои вещи и услышали дерзкую новость, что купцы „не пойдутъ сегодня", что они рѣшили „дѣлать новую дневку". Напрасно поручикъ К—ій грозилъ имъ гнѣвомъ „джонъ-хоя" (негуса)—они только смѣялись... И ни фитаурари Асфао, ночевавшій съ нами, ни письмо, посланное имъ къ негусу не могли побѣдить ихъ въ ихъ упорствѣ. Пришлось ставить палатки и располагаться на скучную дневку... И день-то былъ какой-то скучный, невеселый. Сквозь дымъ недалекаго степнаго пожара солнце уныло освѣщало выгорѣвшую равнину съ ямами и трещинами вдоль нея. Кругомъ голыя горы, да скучный и однообразный мимозный лѣсъ... Надъ кухней рѣетъ стая орловъ, они носятся въ воздухѣ, замираютъ на минуту и затѣмъ кидаются на куски мяса, выхватывая ихъ иногда прямо изъ рукъ повара.

Фитаурари Асфао сидитъ у начальника миссіи. Это молодой человѣкъ, недурной собой, скромный застѣнчивый, никогда не глядящій на того, съ кѣмъ говоритъ. Его отецъ былъ дедьязмачемъ у негуса (дедьязмачъ — нѣчто вродѣ нашего корпуснаго командира—весьма видный постъ, дѣти дедьязмача начинаютъ службу прямо съ чина фитаурари) и былъ убитъ подъ Адуей. Молодой Асфао тоже участвовалъ въ этой битвѣ, весьма отличился и былъ назначенъ за храбрость правителемъ громадной Черчерской провинціи. Вчера онъ убилъ въ трехъ часахъ отъ нашей

стоянки слона. Съ г. Власовымъ онъ говоритъ весьма почтительно, прикрывая ротъ полупрозрачною шамой изъ легкой шелковой матеріи. Сквозь шаму видѣнъ абрисъ его молодого стройнаго тѣла, одѣтаго во все бѣлое. На поясѣ у него патроны и револьверъ. Онъ говоритъ тихо, сдер-

Абиссинская деревня.

жанно, иногда задумываясь и почтительно наклоняетъ голову, слушая начальника миссіи. Презрительная и горькая гримаса кривитъ его ротъ, когда онъ слушаетъ разсказъ г. Власова о своеволіи купцовъ. Онъ — храбрый воинъ, ненавидитъ и презираетъ это сословіе, ему горько, что по нимъ можетъ составиться мнѣніе обо всемъ абиссинскомъ народѣ.

Вчера начальникъ миссіи рѣшительно отказался отъ богатаго дурго. Теперь, когда оффиціальный разговоръ кончился, фитаурари сконфуженно проситъ русскаго посла

принять отъ него двухъ барановъ—„только двухъ!“; столько еще дѣтскаго, искренняго въ этой просьбѣ, что у г. Власова не хватаетъ духа отказать и онъ благодаритъ любезнаго фитаурари...

Аудіенція кончена—Асфао уходитъ...

Миссія рѣшила отказываться отъ дурго по слѣдующимъ причинамъ. Дурго, по большей части, палками ашкеровъ выколачивается отъ бѣднѣйшихъ жителей деревень, которые безъ проклятія не могутъ вспомнить о проѣздѣ знатныхъ путешественниковъ. Правда, вслѣдствіе этого не разъ во время пути намъ приходилось ничего не имѣть на ночлегѣ, такъ какъ, не имѣя приказанія доставить дурго, галласы не хотѣли ничего нести и на продажу, соображая и не безъ основанія, что товары, будутъ безъ денегъ отобраны абиссинцами...

Вечерѣетъ. Туманъ клубится надъ рѣкой, полная луна освѣщаетъ открытый бивакъ, серебритъ верхушки горъ и таинственно заглядываетъ въ темный лѣсъ. Въ полночь слышны выстрѣлы: то часовой прогоняетъ гіену слишкомъ близко подошедшую къ палаткамъ...

24-го января, суббота. Отъ Чофа-на-ни до Лага-ардина, 22 версты. Мы проснулись еще до свѣта отъ страшнаго холода. У меня подъ буркой, въ палаткѣ ноги совершенно окоченѣли, вода въ ведрѣ замерзла, было пять градусовъ мороза. Я вышелъ изъ палатки. Луны не было; туманъ закрылъ весь лагерь, бѣдные мулы и лошади дрожали отъ холода, черная земля серебрилась подъ тонкимъ слоемъ инея. Заводи рѣчки и лужи покрыты льдомъ...

Солнце долго не всходило изъ-за высокихъ горъ и взойдя не скоро обогрѣло промерзлую землю, не скоро согрѣло животныхъ и людей...

— „Ну, срѣтенскіе морозы начинаются“, острили мы за утренней бурдой, носящей громкое имя чая. „Жалко, никто изъ насъ коньковъ не захватилъ“.

— „Что коньковъ!... Ни у кого ничего теплаго нѣтъ!.. Ну, Африка!“

— „Погодите, господа, сейчасъ взойдетъ солнышко“.

Въ 7½ часовъ утра мы выступили и по каменистой тропинкѣ стали подыматься въ гору. Мѣстность становилась пустыннѣе и пустыннѣе. По склонамъ горъ росли лишь печальныя мимозы, да высокіе молочаи съ ярко-красными шишками плодовъ. Дорога то лѣпилась по усѣянному галькой склону, то круто вздымалась наверхъ, то сбѣгала по узкому земляному коридору въ балку. Въ 10 часовъ утра мы перешли вбродъ черезъ мутный горный потокъ Лага-ардинъ и стали подниматься на хребетъ — границу Черчерскаго плоскогорья и Данакильской пустыни; мы вступали въ провинцію Иту.

Въ 11 часовъ 10 минутъ утра нашъ маленькій отрядъ сталъ бивакомъ на обрывѣ надъ рѣкой Лага-ардинъ на сжатомъ полѣ машиллы. Бивакъ былъ неудачный—пыльный, грязный, покрытый жесткими ростками машиллы, но другого мѣста не было.

Не прошло и часа со времени нашего прибытія, какъ лагерь сталъ наполняться народомъ. Пришли торговцы яйцами, курами, ячменемъ, инжирой. Народонаселеніе этихъ деревень не знало цѣну деньгамъ, намъ пришлось купить у купцовъ холстъ и мѣнять ячмень, инжиру и яйца на куски холста, такимъ образомъ можно было пріобрѣсти товары вдвое дешевле, чѣмъ за деньги. Привели и лошадей, какъ и водится въ этой варварской странѣ зацуканныхъ, задерганныхъ на строгихъ мундштукахъ. Между ними попадались лошади двухъ лѣтъ, много ѣзженныя, съ попорченными передними ногами, недоразвившіяся, узкогрудыя. Хорошо абиссинцамъ, у нихъ пѣхота ходитъ такъ же скоро, какъ у насъ кавалерія, у нихъ всюду роскошныя пастбища, на которыхъ можно выкормить и муловъ и лошадей, а то плохо бы пришлось всадникамъ, на коняхъ, которые неспособны ни къ походу, ни къ маневрированію. Конвой, снабжаемый теперь лошадьми большую часть пути идетъ пѣшкомъ для сбереженія силъ несчастныхъ коней. И это въ странѣ, которая при самой

маленькой заботѣ могла бы обладать чудными лошадьми. Но абиссинецъ не любитъ лошади. Ѣхать знатному и богатому человѣку верхомъ на конѣ неприлично: „большой человѣкъ“ ѣдетъ на мулѣ, а слуга его ведетъ впереди лошадь въ гремящей сбруѣ, подъ роскошнымъ вальтрапомъ. Лошадь въ загонѣ—она ни почемъ. Хорошій мулъ на Черчерѣ стоитъ 70—80 талеровъ, а хорошая лошадь—30—40 талеровъ. Вотъ изъ чего вытекаетъ это безжалостное обращеніе съ благороднымъ животнымъ, обращающее этихъ красивыхъ нервныхъ полу-арабовъ въ забитыхъ, грустныхъ безногихъ и безспинныхъ россинантовъ...

Ночь въ Лага-ардинѣ прошла спокойно. Было значительно теплѣе, чѣмъ въ Чофа-на-ни.

25-го января, воскресенье. Отъ Лага-ардина до Ардага, 16 верстъ. Какъ всѣ эти дни, около $7^1/_2$ часовъ утра мы тронулись съ мѣста. Едва мы перешли каменистый ручей Лага-ардинъ, какъ начался тяжелый подъемъ на ту цѣпь горъ, что словно края тарелки окружаетъ лѣсистый Черчеръ. Почти часъ длится этотъ подъемъ. Конвой идетъ пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Несчастныя животныя со стономъ ступаютъ на крутыя каменныя ступени, скользятъ по круглымъ булыжникамъ, шагаютъ черезъ разсѣлины. Дыханіе у людей тяжело. Не хватаетъ воздуху на этихъ высотахъ, а тутъ еще горячій зной пустыни обжигаетъ ротъ, сушитъ губы, которыя трескаются съ болью и покрываютъ ротъ кровью. Колѣни гнететъ отъ тяжелаго подъема, подметки стстаютъ, идти больно, сухая, горячая пыль забивается подъ пальцы и мучитъ ногу. Чахлыя мимозы да желтая трава, висятъ съ песчаныхъ обрывовъ... И вотъ достигаешь вершины. Что за чудный видъ кругомъ! Какой просторъ! Какая гладь! Каменистый путь вьется по скату горы, онъ спускается ниже и ниже и желтой тропинкой вьется вдоль по степи. Степь поросла желтой соломой и сѣренькой мимозой, горы ушли далеко слѣва, на югѣ онѣ тянутся воздушной фіолетовой чередой, но справа просторъ полный, желтая степь сливается съ темносинимъ небомъ,

дали затянуты туманной дымкой, и тамъ далеко, далеко, за лѣсомъ мимозъ, за линіей горизонта, чуть очерчены неясныя горы. Какъ мягки и прозрачны ихъ тона, сколько воздушности въ нихъ, сколько глубины и таинственности.

Въ 10 часовъ утра тяжелый спускъ конченъ. Мы въ равнинѣ; тепломъ дышетъ отъ раскаленнаго песка, палатки становятся на лугу между колючихъ мимозъ. На водопой муловъ приходится гонять въ ручей за полъ часа пути. Къ вечеру на смѣну носильщикамъ приходитъ семь верблюдовъ, на утро придетъ еще четыре: выступленіе съ бивака назначено въ 12 часовъ ночи. Мы ѣдимъ ранній обѣдъ, пьемъ чай и пытаемся заснуть. Но сонъ въ непривычное время бѣжитъ отъ глазъ. Къ тому же вчера получились письма съ родины, уносящія всегда въ далекій міръ, гдѣ все время ключемъ бьетъ иная жизнь, столь отличная отъ жизни пустыни... Сегодня ночью мы углубимся въ песчаную Данакильскую пустыню, пойдемъ за таинственный Авашъ и черезъ два, три дня подойдемъ къ желанной Аддисъ-Абебѣ, войдемъ въ округъ Менелика.

Было отчего не спать не въ урочный часъ, глядя, какъ медленно опускается въ туманную дымку пустыни багровое солнце, а на смѣну ему выплываетъ изъ-за горъ серебряный дискъ луны.

Завтра, едва заблеститъ заря—мы переступимъ славный Авашъ, самую значительную рѣку Шоа...

XX.

За Авашъ.

Ночные переходы.—Авашъ.—Конвойная пѣсня.—Тревога въ пути.—Абиссинцы.—Торговцы.—Обработка земли.—Ато-Павлосъ.—Подъемъ къ Аддисъ-Абебѣ.

Ночь съ 25-го на 26-е января отъ Ардага до Аваша—30 верстъ. Уснула пустыня. Полный дискъ луны освѣтилъ далекую окрестность, вершины засеребрились, таинственныя тѣни легли между мимозовыхъ кустовъ, не шуршитъ солома, пыль не летитъ отъ дороги. Утихъ нашъ шумный бивакъ, погасли огни по палаткамъ, затухли костры—все торопится поспать хоть одинъ часъ передъ большимъ, тяжелымъ переходомъ. Развѣсивъ длинныя уши свои дремлютъ мулы на коновязи, лошади спятъ, отставивъ свои усталыя разбитыя ноги. Не спитъ лишь часовой. Онъ стоитъ въ шинели и въ фуражкѣ, съ ружьемъ у ноги, позади пирамиды денежныхъ ящиковъ. Онъ одинъ чутко прислушивается къ сну пустыни, сторожитъ каждый шорохъ, каждый странный шелестъ... Но тиха залитая, обласканная луной природа, не шумятъ сѣрыя мимозы, не пылитъ дорога, не шуршитъ сухая трава...

— „Терешкинъ! а Терешкинъ“, оборачивается на минуту часовой къ палаткѣ, гдѣ, укрывшись шинелью, спитъ трубачъ.

— „А?“ слышно сонное вопросительное мычанье.

— „Терешкинъ! Одиннадцать часовъ“.

— „Одиннадцать?! Мать Пресвятая Богородица, одиннадцать? Прости Господи!“

Шинель шевелится, потомъ, сброшенная энергичнымъ жестомъ, падаетъ на землю и кромѣ часового является еще не спящая фигура.

— „Одиннадцать!“, говоритъ трубачъ. „Ахъ Ты Господи!“ Онъ беретъ серебряную трубу, продуваетъ ее, плюетъ зачѣмъ-то на мундштукъ, прикладываетъ къ губамъ и рѣзкіе звуки сигнала раздаются по пустынѣ. Отовсюду слышны вздохи, между грузовыхъ муловъ начинается оживленіе, потухшій было костеръ у столовой разгарается вновь и закоптѣлая гомба водружается въ самую его середину. Проходитъ полъ-часа. Привычною рукою черныхъ слугъ палатки свалены, всюду идетъ погрузка. „Ванька и „Машка“, два препотѣшные павіана уже расѣлись между котловъ и ждутъ, когда гнѣдой мулъ „Дружокъ“, погоняемый Адамомъ въ синей курткѣ, съ курчавыми волосами на черной головѣ, съ ружьемъ на плечѣ, повезетъ ихъ далѣе.

Свѣтло, какъ на Невскомъ, когда электричество внезапно вспыхнетъ отъ Адмиралтейства до Гончарной, заблеститъ по мокрому торцу, отразится бликами на извощичьихъ верхахъ, на запотѣлыхъ крупахъ лошадей, на ясномъ тротуарѣ. Свѣтло, но лица блѣдны, тѣни чернѣе чѣмъ днемъ и какое-то особенное отраженіе является въ воспаленныхъ глазахъ.

Но тамъ залитой свѣтомъ шумный Невскій кипитъ и волнуется, шумитъ, трещитъ и звенитъ на всѣ лады и голоса, а тутъ мертвая пустыня, серебристый песокъ, сверкающія иглы мимозъ.

Мы тронулись въ 12½ часовъ пополуночи по широкой черноземной дорогѣ, мѣстами усѣянной булыжникомъ и галькой. Люди были одѣты въ фуражки и рубашки при караульной аммуниціи. На мулахъ ѣхали только часовые, да люди арьергарда—всѣ остальные были на лошадяхъ. По мягкой и пыльной дорогѣ лошади шли бодро, но начиналась крѣпкая галька и со стономъ ставили кони усталыя ноги свои на кремнистый путь. Ѣдешь часъ верхомъ. Дрема начинаетъ одолѣвать, пустыня исчезаетъ изъ глазъ, видишь родныя лица, родной, далекій полкъ...

— „Слѣзай!“...

Первые шаги дѣлаешь, какъ въ полуснѣ, потомъ оживляешься и идешь, идешь. Ночная сырость охватываетъ тѣло, винтовка давитъ плечо, начинаешь уставать, но сна, какъ не бывало. Полчаса прошли пѣшкомъ.

— „Садись!"...

И опять ѣдемъ, то бодро, по мягкому, то ковыляемъ по кремнистой дорогѣ. Горы выдвигаются изъ пустыни. Потянуло на минуту знойнымъ воздухомъ отъ раскаленнаго камня и опять легкій туманъ и холодъ зимней ночи...

Такъ идемъ шесть часовъ. Небо на востокѣ начинаетъ блѣднѣть, горизонтъ раздается, издали слышенъ шумъ массы воды. Чаще и чаще попадаются камни и вдругъ — обрывъ и спускъ. Громадныя каменныя ступени громоздятся одна на другую, а подъ ними, съ середины отлогости груда круглыхъ камней... Луна не освѣщаетъ этого берега, темно на круглыхъ камняхъ, темно у отвѣсныхъ скалъ, нога скользитъ по круглой галькѣ, обрываешься, падаешь, увлекая за собою лошадь, катишься по этимъ круглякамъ, встаешь и идешь въ пропасть. А тамъ, сверкая расплавленнымъ металломъ, озаренный луной, клубится и катитъ по круглымъ камнямъ мутныя волны свои Авашъ. Черные визжатъ отъ страха, у воды кричатъ ослы и стонутъ напуганныя обезьяны. Адъ—настоящій адъ!!.

Авашъ имѣетъ пятнадцать саженей ширины и около $1^1/_2$ аршина глубины въ мѣстѣ брода. Все дно его усѣяно громадными круглыми камнями, теченіе страшно быстрое, это мутный горный потокъ, а не рѣка. Переправа не всегда кончается благополучно.

— „Конвой впередъ!!"...

Казаки въѣзжаютъ въ воду и становятся шеренгой поперегъ рѣки, образуя живыя перила. Мулы медленно бредутъ по водѣ; поставивъ ногу мулъ, подержитъ другую на вѣсу, пошаритъ по дну, ища мѣста, болѣе ровнаго, менѣе скользкаго и еще шагъ!.. А вода кипитъ и несется, мочитъ подошвы стремена...

За рѣкой подъемъ такой же ужасный, скользкій, и каменистый, какъ и спускъ; за подъемомъ ровное плато, поросшее кустами мимозъ. Здѣсь мы располагаемся бивуакомъ.

Востокъ поблѣднѣлъ, побѣжали по нему свѣтлыя полосы, пурпуръ показался вверху и медленно выкатило на небо солнце, освѣтило пустыню и согрѣло прозябшія тѣла. Дружный хоръ стрепетовъ, цесарокъ и курочекъ привѣтствовалъ Аврору и жаркій день Данакильской пустыни вступилъ въ свои права... Мы проспали этотъ день, вскипая въ собственномъ поту на влажныхъ простыняхъ... Проснулись около 2-хъ часовъ дня, чтобы пообѣдать въ 3, а въ 6—идти до слѣдующей станціи на р. Кассамѣ, идти всю ночь...

Ночь съ 26-го на 27-е января. Отъ Аваша до Тадеча-Мелька, 54 версты. Еще, когда конвой ѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса Курско-Кіевской желѣзной дороги и велъ разговоры объ Абиссиніи, въ свободныя минуты распѣвая „пѣсни русскія живыя молодецкія“—въ конвоѣ составилась пѣсня, перифразъ извѣстной уральской разбойничьей—„За Ураломъ за рѣкой“;—пѣсня понравилась офицерамъ и чиновникамъ отряда, полюбилась казакамъ. Роскошный ли голосъ запѣвалы, длиннаго безбородаго и безъусаго уральца Сидорова, слова ли, такъ подходящія къ нашей бродячей боевой жизни, напѣвъ ли ея, бодрый и воинственный, но пѣсня стала боевой пѣсней лихаго конвоя, стала какъ бы его полковымъ маршемъ. И вотъ 26-го января мы за этимъ самымъ Авашемъ, мы выступаемъ, когда низкое солнце спускается за горы и темная ночь готова закрыть безконечную равнину. И едва только отрядъ тронулся, какъ мягкій баритонъ Сидорова раздался по широкой степи и задушевной нотой разнесся въ влажномъ вечернемъ воздухѣ.

За Авашемъ, за рѣкой
Казаки гуляютъ
И каленою стрѣлой
За Авашъ пускаютъ.
Гей, гей, ты гуляй!

За Авашъ пускаютъ.
Казаки не простаки,
Вольные ребята,
Какъ по шапкамъ тумаки.
Всѣ живутъ богато.
Гей, гей и т. д.

Они ночи мало спятъ:
Въ полѣ разъѣзжаютъ,
Всё добычу стерегутъ,
Свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей и т. д.

Итальянскіе купцы
Ѣдутъ съ соболями,
Ну-те, братцы, молодцы
Пустимъ со стрѣлами.
Гей, гей и т. д.

Всю добычу подѣлимъ,
Славно попируемъ,
Сладко выпьемъ, поѣдимъ,
Все горе забудемъ.
Гей, гей и т. д.

Нашъ товарищъ—острый ножъ,
Шашка лиходѣйка,
Пропадемъ мы ни за грошъ,
Жизнь наша копѣйка.
Гей, гей и т. д.

Наша шайка не мала,
Всѣ мы безъ паспорта,
Кто намъ въ руки попадетъ,
Всѣхъ отправимъ къ чорту!...
Гей, гей и т. д.

Пѣсня переливается въ вечернемъ воздухѣ и таетъ въ просторѣ желтой степи. Пыльная мягкая дорога вьется между травы, кое - гдѣ покрытой кустами мимозъ. Послѣ того, какъ вчера тропическая ночь проучила насъ за наше легкомысліе ѣхать въ рубашкахъ—люди одѣты въ верблюжьи куртки...

На сѣверъ степь тянется безъ конца. Далеко на горизонтѣ чуть видны крутыя скалы стариннаго эфіопскаго города Анкобера.

— „Анкоберъ", говоритъ переводчикъ и показываетъ

на холмы, гдѣ чуть видны огни.—„Анкоберъ—вонъ старый дворецъ, вонъ церковь“...

Кромѣ утесистыхъ горъ ничего не видно...

Слѣва тянется скалистый горный хребетъ, когда дорога подходитъ къ нему, галька покрываетъ песокъ и идти становится трудно.

Вдали видны высокія горы—это Фонтале, гдѣ грузовые мулы будутъ отдыхать три часа; мы идемъ мимо.

Солнце спускается ниже и ниже, становится овальнымъ, малиновымъ и наконецъ скрывается за прозрачныя фіолетовыя горы Фонтале. Становится темно. Надъ головой сверкаютъ семь звѣздъ Оріона, роскошный Южный крестъ загорается на горизонтѣ, а напротивъ сверкаетъ Полярная звѣзда. Подъ ногами лошади ничего не видно. Пыль, какъ рѣка волнуется сзади, кусты надвигаются, какъ привидѣнія, находятъ близко, близко и снова уходятъ, оставаясь сзади. На востокѣ появляется румяная луна. Она не отряхнулась еще отъ дневного сна своего, не свѣтитъ, но стыдливая и робкая, окруженная пурпурнымъ ореоломъ, словно красавица въ красномъ воротникѣ, смотритъ на міръ Божій. Она запоздала сегодня на цѣлый часъ... И вотъ быстро поднимается она и блѣднѣетъ въ ночной прохладѣ. Звѣзды чуть меркнутъ, становятся меньше, небо зеленѣетъ книзу и въ зенитѣ. Предметы даютъ тѣни. Еще полъ-часа и дѣлается опять свѣтло и легко идти.

Выступивъ въ 5½ часовъ вечера, мы въ 9½ подошли къ Фонтале. Здѣсь у подножія крутыхъ скалъ отдыхалъ нашъ караванъ. Черезъ узкое ущелье, образованное съ одной стороны горнымъ обрывомъ, съ другой отвѣсными скалами мы прошли на слѣдующее плоскогорье. Характеръ мѣстности нѣсколько измѣнился, травы стало меньше, зато то и дѣло приходилось спускаться по крутымъ каменнымъ обрывамъ въ узкія балки и потомъ подыматься снова наверхъ по крутой каменной лѣстницѣ.

Часы тянулись за часами, а мы все шли, шли впередъ,

то преодолѣвая песчаную равнину, то карабкаясь по отвѣснымъ камнямъ утесистыхъ обрывовъ.

И вдругъ впереди раздались выстрѣлы, одинъ, другой, третій...

Что случилось? Не дикіе ли данакили племени Карайу осмѣлились напасть на усталыхъ слугъ?... Я поскакалъ впередъ. Оказалось, громадная львица перебѣжала дорогу и кинулась въ высокую траву къ горамъ; нѣсколько казаковъ бросились ее преслѣдовать, дали нѣсколько выстрѣловъ, но звѣрю удалось скрыться между кустовъ.

Въ эту же ночь поручикъ К—ій видалъ льва на дорогѣ, но за темнотой ночи не могъ выцѣлить.

Усталость отъ ночного движенія сильно сказывалась на лошадяхъ, которыя еле брели по каменистому грунту. Мы шли подрядъ уже восьмой часъ. Я спѣшилъ конвой и мы поплелись по пустынѣ. То и дѣло попадались крутыя балки, каменныя ступени были такъ высоки, что приходилось спускаться на рукахъ. Съ боковъ зіяла пропасть, черная, мрачная... Часто обрываясь и падая на острые каменья, мы сходили въ сухое русло горнаго потока и снова карабкались наверхъ. Лошади стонали отъ боли, ступая усталыми ногами на камни. И такихъ большихъ спусковъ было три, да шесть малыхъ. Около 3-хъ часовъ ночи растительность стала богаче, появились раскидистыя мимозы, трава исчезла и голый песокъ лежалъ кругомъ, вдали слышался непрерывный шумъ горнаго потока Кассама.

Въ 3½ часа утра, послѣ 11-ти-часового ночного перехода, мы подошли къ Кассаму и остановились на песчаномъ берегу, въ рощѣ высокихъ мимозъ.

До разсвѣта оставалось три часа; наши палатки, шинели, бурки были еще далеко, а между тѣмъ было очень холодно и сыро. Казаки принесли сухихъ вѣтвей мимозы и развели большой огонь и мы полегли вокругъ этого костра въ перемежку офицеры и казаки, и въ то время, какъ

одна сторона тѣла жарилась на огнѣ, другая мерзла и сырѣла въ холодномъ ночномъ туманѣ.

Наши вьюки начали приходить лишь въ 10-мъ часу утра. Черные слуги еле тащились, грузовыя лошади падали и стонали, одна лошадь изъ подъ вьюка была брошена въ пути.

Близъ Тадеча-Мелька въ долинѣ Кассама.

— „Ну, ступай, Ольде-Силясъ", слышу голосъ у костра, „ложись-ка, братъ, спать. Вѣдь экій конецъ пёхомъ проперъ".

Смотрю кашеваръ Терешкинъ укладываетъ спать чернаго слугу конвоя. Но кто же принесетъ ему воду, кто вымоетъ котлы, вскипятитъ чай? Да, онъ самъ, Терешкинъ, незнающій отдыха славный лейбъ-казачій трубачъ, золотое сердце, добрѣйшая душа, терпѣливый и выносливый.

Утро; весь лагерь спитъ. Мулы и лошади пасутся и щиплютъ желтую травку по берегу широкаго Кассама.

А потомъ купанье на каменьяхъ рѣки и охота въ лѣсу мимозъ. Поручику А — и на этой охотѣ удалось убить самку куду, громадную безрогую козу, сѣрой масти съ поперечными, какъ у зебры бѣлыми полосами...

Весь день и ночь стоимъ на берегу Кассама у мѣста, называемаго Тадеча-Мелька...

Ночь съ 28-го на 29-е января. Отъ Тадеча-Мелька до Минабелла (9 час. 20 мин.), 50 верстъ. Рѣка Кассамъ имѣетъ ширину 5 саженей и глубину у Тадеча-Мелька до 2 аршинъ. Она то течетъ широкимъ потокомъ по каменьямъ, разливается тонкимъ слоемъ по руслу, а потомъ упадаетъ невысокимъ каскадомъ и образуетъ широкую промоину со свѣжей зеленоватой водой. Купанье прекрасное. Подъ вечеръ Кассамъ, обрамленный цвѣтущими олеандрами, покрытъ купальщиками. Каждому хотѣлось вымыться передъ третьимъ ночнымъ переходомъ.

Мы выступили сегодня передъ закатомъ солнца на слѣдующую станцію—Минабелла. Отъ Кассама до Минабелла считается 10 часовъ пути, т. е. около 50-ти верстъ. Абиссинцы не имѣютъ понятія ни о времени, ни о протяженіи. У нихъ просто нѣтъ соотвѣтствующей извилины въ ихъ мозгу. Если вамъ говорятъ „скоро", то это можетъ обозначать и нѣсколько часовъ, и нѣсколько минутъ. Матерію они до сего времени мѣряютъ локтями, а пространство примѣромъ, т. е. на вопросъ вашъ, „сколько осталось до Минабелла?" они говорятъ—„столько, сколько мы прошли отъ той горы до этого мѣста". Если вы ихъ попросите опредѣлить пространство временемъ, они крупно ошибутся: о верстахъ, лье, километрахъ они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія...

Итакъ, намъ суждено еще одну ночь мотаться на сѣдлѣ, подаваясь дальше и дальше въ глубь Абиссиніи.

Походъ протрубили въ $4^1/_2$ часа пополудни и въ 5, имѣя солнце на закатѣ тронулись въ путь. Въ мундирахъ было нестерпимо жарко, но имѣя въ виду холодную ночь, выступить въ рубашкахъ было бы рисковано. Равнымъ

образомъ я отдалъ приказаніе отправить бурки и чай на запасныхъ мулахъ слѣдомъ за конвоемъ.

Дорога пошла каменистымъ подъемомъ и пошла по пустынѣ, поросшей кое-гдѣ мимозами. Солнце спускалось ниже и ниже, далекія горы утопали въ фіолетовомъ туманѣ нѣкоторое время догорающій закатъ освѣщалъ кремнистый путь, но вотъ по пурпуру неба побѣжали синіе тона, дали померкли и исчезли и темная африканская ночь вступила въ свои права. Подъ ногами, по сторонамъ, впереди—ничего не видно. Ѣдешь, довѣряясь инстинкту мула, или лошади, ѣдешь, еле различая впереди бѣлый слѣдъ дороги. Изъ мрака выростаютъ темныя фигуры людей и вьючныхъ муловъ опережаемаго каравана, какъ привидѣнія проносятся они мимо и опять пустыня...

Въ $8^1/_2$ часовъ мы подошли къ мѣстности, называемой Чоба, у крутаго и тяжелаго подъема на гору. Здѣсь ночевалъ французскій караванъ и нашъ 30-ти-верблюдный караванъ Эфенди Діаба, вышедшій 2-го января изъ Харара и шедшій на Эреръ. Во мракѣ ночи видны были освѣщенныя изнутри палатки, столъ съ шандалами, костры и стадо верблюдовъ — уголокъ Европы, затерявшійся въ дебряхъ африканскихъ плоскогорій.

Начинается ужасный подъемъ. Именно ужасный. Идешь пѣшкомъ и тянешь за собою подбившуюся лошадь. Громадные камни преграждаютъ путь. Кругомъ ничего не видно. Натыкаешься колѣнями на камень, падаешь, ощупываешь мѣсто кругомъ и напарываешь руку на колючки мимозы. Каждый шагъ невѣренъ, каждый шагъ грозитъ паденіемъ и ушибомъ. Гора кажется безконечной. Крупный потъ отъ инстинктивнаго страха упасть и разбиться катится со лба и падаетъ на подбородокъ. Полъ-часа мы карабкаемся на гору, идемъ минутъ десять по плато и опять опускаемся и поднимаемся. За спиной, на востокѣ появляется луна. Сначала она, красная и большая, безсильная разсѣять ночную мглу, но вотъ ея лучи бросили тѣнь, вотъ стали видны камни и черные кусты и вдругъ

вся дорога, вся окрестность засверкала подъ серебристыми лучами.

Идти долго. Мы проходимъ одно плато за другимъ. На плато дорога мягкая, черноземная, кругомъ видны стебли желтой травы, потомъ каменистый спускъ, такой же подъемъ и опять плато.

Луна поднимается выше и выше, горизонтъ красенъ отъ зарева далекаго пожара, звѣзды мягко мигаютъ на темно-синемъ небѣ.

Въ $2^1/_2$ часа ночи мы вышли на прекрасную мягкую дорогу, влѣво виднѣлись строенія стариннаго абиссинскаго монастыря, дорога была обсажена невысокими кактусами, за которыми тянулись поля сжатой машиллы и ячменя. Здѣсь и тамъ показались круглыя абиссинскія хижины, обнесенныя плетнемъ. Вдали чернѣлось большое селеніе Минабелла.

Мы стали на пыльномъ полѣ сжатаго хлѣба и изъ собранной соломы развели огонь. Положеніе было самое жалкое: палатки, бурки, чай—опоздали. Оставалось грѣться у высокаго пламени костра, да ожидать разсвѣта...

Странные люди абиссинцы. Вся деревня видѣла нашъ пріѣздъ, всѣ слышали о насъ и никто не пришелъ пригласить насъ согрѣться въ его домѣ, переждать холодный туманъ подъ теплой кровлей. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ не знали гостепріимства. Нашъ передовой отрядъ, посланный недѣлю тому назадъ въ Куни, встрѣтилъ отъ правителя этого города, Ато Брили, самый любезный пріемъ. Имъ была поставлена палатка, постланы лучшія шамы, поданъ горячій обѣдъ. А тутъ—почти враждебное отношеніе.

По утру сталъ стягиваться караванъ. Изъ деревень пришли абиссинскія женщины и принесли на продажу яйца, куръ, инжиру, дабо (черныя лепешки изъ полусыраго тѣста, толщиной пальца полтора, значительно вкуснѣе кисловатой и необыкновенно грязной инжиры), ячмень

и тэллу (родъ кваса мутно-желтаго цвѣта, противнаго на вкусъ).

Начался торгъ. Необразованность и грубость абиссинцевъ сказывались на каждомъ шагу.

— „Что стоитъ инжира?“

— „Быръ“ (талеръ).

— „Дабо?“

— „Быръ“.

— „Гебсъ?“ (ячмень).

— „Быръ“.

— „Курица?“

— „Быръ“.

Все стоитъ быръ. Да иначе и быть не можетъ. Эти люди, живущіе всего въ 100 верстахъ отъ столицы Эфіопіи, знаютъ одну монету—быръ. Малики принимаются неохотно. Правда, за мелкую монету еще ходитъ „амульѐ“,—бруски соли, величиной и формой напоминающіе точила нашихъ косарей, можно еще вести торгъ и на патроны. Всякій наровитъ воспользоваться случаемъ прихода „али“ и сорвать лишнюю копѣйку, надуть и обсчитать при разсчетѣ.

Послѣ трудныхъ ночныхъ переходовъ дни проходятъ медленные, скучные. Спать жарко, но работать, охотиться почти нельзя—всѣ кости ломитъ, все болитъ, все требуетъ покоя хотя на нѣсколько часовъ.

Многіе мулы каравана пришли только 29-го къ ночи и несчастные владѣльцы ихъ провели тяжелый день безъ вещей.

Пятница, 30-го января. Отъ Минабеллы до Годабурка—22 версты ($3^1/_2$ часа). Солнце встало въ 6 часовъ утра и вмѣстѣ съ солнцемъ поднялись и мы. Небо затянуто сѣрыми тучами, утро сѣренькое, теплое. Кругомъ далекій горизонтъ желтыхъ полей и синѣющія горы. Въ $7^1/_4$ мы уже тронулись по пыльной дорогѣ между высокихъ зеленыхъ изгородей абиссинскихъ деревень. Мы въ Шоа. Кругомъ обширныя плато, то поросшія невысокой мимозой съ

синевато бѣлыми стволами, то покрытыя травой, желтой, погорѣлой, то засѣянныя машиллой, или гебсомъ (ячменемъ). Одно плато кончается, начинается другое. Крутой каменистый, трудно проходимый подъемъ а за нимъ широкая терраса, по которой вьется пыльная черноземная дорога. Здѣсь и тамъ зелеными оазисами темнѣютъ деревни. Крестьянская рабочая жизнь кипитъ кругомъ. Тамъ на желтомъ отъ соломы склонѣ, по ячменю крутятся другъ возлѣ друга двѣ пары тучныхъ воловъ. Зерно выдавливается изъ подъ ихъ ногъ, они ходятъ безъ привязи, слушаясь лишь голоса хозяина и молотятъ хлѣбъ подъ твердыми копытами. Тамъ зерно кидаютъ вверхъ и дуновеніемъ вѣтра относитъ пыль и шелуху. У абиссинцевъ нѣтъ ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ мельницъ: они растираютъ зерно въ ручную, между двумя камнями. Иногда отдѣльно отъ деревень стоитъ большая круглая хижина, на конической крышѣ которой укрѣплены нѣсколько страусовыхъ яицъ—это абиссинская церковь. Абиссинецъ-воинъ не знаетъ никакихъ украшеній. Вся жизнь его походы, усмиренія, покоренія. Благодаря выдающимся качествамъ абиссинскаго пѣхотинца, эти войны до сего времени были удачны и это много повредило просвѣщенію Абиссиніи. У большинства, я не говорю про передовыхъ абиссинскихъ людей, взглядъ на европейца такой же, какъ на галласа, данакиля, тигрійца. Въ своемъ пробковомъ шлемѣ, ботинкахъ, гетрахъ, неспособный взбѣгать на высокія горы, онъ не заслуживаетъ уваженія абиссинскаго солдата, притомъ онъ такъ напоминаетъ ненавистнаго трусливаго „итали“, что на колѣняхъ просилъ пощады послѣ Адуи, что бѣжалъ отъ грозныхъ криковъ „айгуме“! Италіанцы оказали плохую услугу цивилизацiи страны и европейцамъ своимъ неудачнымъ вторженіемъ. Все европейское теперь подвержено критикѣ и пользу телефоновъ, дорогъ, хорошей обработки земли видятъ только такіе люди, какъ негусъ, да нѣкоторые изъ расовъ.

Абиссинецъ не желаетъ работать—онъ предпочитаетъ

жить плодами своихъ побѣдъ. Вотъ почему бѣдны эти церкви, затерянныя среди полей, вотъ почему нѣтъ здѣсь ни банановыхъ, ни кофейныхъ плантацій...

А жаль. Этотъ черноземъ долженъ родить чудные злаки, это палящее солнце создано для того, чтобы здѣсь зрѣли золотистые бананы, наливались яблоки и груши.

Въ $10^{3}/_{4}$ часовъ утра по крутому, усѣянному глыбами камня, склону, мы прошли на берегъ узенькой горной рѣчки, гдѣ и стали бивакомъ. Вечеромъ къ начальнику миссіи пріѣхалъ правитель Бальчи Ато Павлосъ.

Ато Павлосъ невысокій, кругленькій человѣкъ съ жиденькой черной бородой, курчавыми волосами, большими выразительными глазами и первый изъ абиссинцевъ, котораго я вижу съ испорченными зубами. Въ 1896 году онъ былъ съ расомъ Маконеномъ въ Италіи и нѣсколько ошлифовался. Одѣтъ онъ во все бѣлое, на немъ такая же шама, какъ была и на фитаурари Асфао, тонкая, полупрозрачная. Онъ довольно хитро смѣется и задумчиво смотритъ куда-то вдаль, пока переводчикъ передаетъ разговоръ.

Начальникъ миссіи высказалъ ему свое неудовольствіе по поводу дерзкаго поведенія купцовъ.

— „Что дѣлать!“ мягко улыбаясь и какъ бы глазами прося прощенія за купцовъ, сказалъ Ато Павлосъ.

— „Здѣсь, у васъ люди изъ Годжама, изъ Тигре, самые скверные люди, совсѣмъ незнакомые съ цивилизаціей. Я увѣренъ, что тѣ, которые родомъ изъ Габеша (Абиссиніи), не доставляли безпокойства послу Царя Московскаго“.

И при этомъ тонкая улыбка при словѣ „цивилизація“, легкое подчеркиваніе въ себѣ человѣка, бывавшаго въ Европѣ.

При немъ курьеръ Менелика принесъ письмо на имя начальника миссіи и письмо негуса купцамъ. Письма написаны на бѣлой бумагѣ, тонкой, почтовой, съ печатью абиссинскаго императора вверху, посрединѣ. Въ письмѣ

начальнику миссіи императоръ еще разъ высказываетъ свое нетерпѣніе увидѣть Московскаго посла.

Письмо купцамъ весьма грозное. Чтеніе его производитъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ нашихъ крикливыхъ возницъ... „Если вы не будете исполнять повелѣній друга моего, посла Москова, если вы его не повезете такъ, какъ онъ хочетъ, то я васъ!“...

Послѣднее выраженіе заставило купцовъ растерянно переглянуться и стать на колѣни. Дѣло въ томъ, что люди, которымъ негусъ сказалъ „я васъ!“ считаются внѣ закона; за малѣйшую провинность ихъ можно арестовать, посадить въ тюрьму и даже казнить. „Я васъ!“ или выразительный знакъ пальцемъ по шеѣ, ставятъ человѣка въ крайнюю опасность для жизни.

Ато Павлосъ, по прочтеніи писемъ, становится еще любезнѣе, онъ обѣщаетъ устроить нашъ 30-ти-верблюдный караванъ на муловъ и проситъ начальника миссіи не безпокоиться ни о чемъ, но все довѣрить ему. Онъ уѣзжаетъ за-темно. Впереди идетъ слуга съ фонаремъ, сзади на мулѣ ѣдетъ Ато Павлосъ. Они черной тѣнью проходятъ мимо насъ и исчезаютъ на крутомъ горномъ склонѣ.

Послѣ отъѣзда его становится какъ-то спокойнѣе, этотъ маленькій сановникъ внушилъ къ себѣ довѣріе, мы не боимся за нашъ грузъ, за громоздкіе ящики съ Царскими подарками, которые нужно перевалить черезъ Менджаръ.

31-е января, субота. Отъ Гадабурка до Шонкора четыре часа пути—18 верстъ. Нашъ путь сегодня—крутой подъемъ по скалистой горѣ, каменная тропинка, вьющаяся по узкому карнизу надъ отвѣсною плоскостью. Мы поднимаемся на 7500 футовъ надъ уровнемъ моря. Назади видны громадныя желтыя плато Иту, горы, за которыми бѣжитъ широкій Кассамъ, темные перелѣски мимозъ, деревушки, тонущія въ зелени молочайныхъ растеній. Прямо внизу узкій ручей Гадабурка съ его каскадами, бассейнами, будто нарочно выдолбленными въ сплошномъ горномъ массивѣ, а подъ ногами громадные каменья, громоздящіеся одинъ

на другой въ безпорядкѣ, преграждающіе путь, ломающіе копыта лошадямъ и муламъ. Мы всѣ идемъ пѣшкомъ, перебираясь съ камня на камень, спотыкаясь, едва не падая и тянемъ за собой несчастныхъ лошадей. Цѣлый часъ длится этотъ подъемъ, наконецъ, еще нѣсколько ступеней и мы на песчаной ровной площадкѣ—мы на Менджарѣ...

XXI.

Къ Аддисъ-Абебѣ.

Общій характеръ Абиссиніи.—Перегрузка каравана.—Церковь въ Бальчи.—Въ гостяхъ у тысяченачальника.—Ранжировка конвоя.—Неудачная охота.—У стѣнъ Аддисъ-Абебы.

Вся современная Абиссинія состоитъ изъ ряда горныхъ плато, подымающихся одно надъ другимъ террасами. Только Харарскій округъ являетъ собою рядъ скалистыхъ горныхъ цѣпей, покрытыхъ дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ и нагроможденныхъ хаотически по всѣмъ направленіямъ. За Харарскимъ округомъ, да за лѣснымъ Черчеромъ идетъ пологій спускъ къ Авашу, перерѣзанный коегдѣ глубокими балками съ отвѣсными берегами—это Данакильская степь. Въ глубокой котловинѣ, шумя, ворча и пѣнясь бѣжитъ дикій Авашъ, за нимъ опять степь, идущая постепенно вверхъ—это вторая терраса за Хараромъ. На краю ея широкій Кассамъ переливается съ камня на камень, а за ней скалистый подъемъ, равнина съ глубокими балками, съ хребтами горныхъ массивовъ, громоздящимися тамъ и тутъ по выгорѣлой степи. На полъпути до Менджара еще подъемъ, новая терраса и, наконецъ, крутыя отвѣсныя стѣны у Бальчи за Гадабуркой. По мѣрѣ удаленія отъ богатыхъ высокими травами, роскошной растительностью, хребтовъ Харара, полей Черчера, травы становятся ниже и ниже, роскошные бананы, кокосы, ліаны, померанцы, лавры и смоковницы смѣняются жалкой и чахлой мимозой съ длинными бѣлыми иглами вмѣсто листьевъ... На Менджарѣ и тѣхъ нѣтъ. Широкая, безконечная степь, море низенькой жалкой чахлой травки, рядъ округлыхъ холмовъ, неглубокихъ балокъ съ шумящими по нимъ ручьями, словомъ, наша степная Русь—лежитъ куда только глазъ хватаетъ. Черная пыльная дорожка, кривые столбы телефона уходятъ въ горизонтъ, ныряютъ по холмамъ и снова выходятъ. Тамъ и сямъ, по

вершинамъ видны зеленыя изгороди и круглыя коническія крыши абиссинскихъ хижинъ. И такъ до самой столицы Габеша—Антото.

На краю Менджара, у самаго обрыва внизъ, лежитъ селеніе Бальчи. Десятковъ пять круглыхъ домовъ, сбившись по шести—семи подъ одну общую ограду, расположились въ безпорядкѣ вправо и влѣво отъ большой дороги.

Здѣсь у самой дороги большой дворъ абиссинской таможни. Посреди двора сарай, составленный изъ трехъ хижинъ, сплетенныхъ вмѣстѣ и облѣпленныхъ глиной—складъ всевозможныхъ вещей. У стѣны штукъ триста верблюжьихъ сѣделъ положены рядами, подлѣ двухъ-колесная желѣзная повозка, единственная во всей Абиссиніи—имущество m-sieur Лагарда, оффиціальнаго представителя Франціи при дворѣ негуса.

Здѣсь сгружали подъ наблюденіемъ Ато Павлоса свой грузъ наши данакили и здѣсь же шло формированіе новаго каравана.

Въ Бальчи есть старинный монастырь. Онъ лежитъ шагахъ въ ста къ сѣверу отъ дороги. Мы попросили разрѣшенія осмотрѣть его; абиссинцы охотно исполнили нашу просьбу. Черезъ плетневую калитку прошли мы въ ограду, гдѣ въ маленькой рощѣ устроено абиссинское кладбище. Надъ могилами на трехъ—четырехъ жердяхъ положены плетневые щиты. Иныя могилы обозначены лишь молодымъ отросткомъ молочая, или кустомъ. Никто не знаетъ именъ этихъ черныхъ покойниковъ, они умерли и земля поглотила ихъ навсегда. Посрединѣ стоитъ круглая церковь. Большой корридоръ образованъ съ внѣшней стороны стѣной изъ камыша, неплотно сбитаго, а съ внутренней—стѣной изъ глинобитнаго сырцоваго кирпича, чернаго цвѣта съ четырьмя грубыми кипарисными дверями и нѣсколькими маленькими окошечками, прикрытыми ставнями.

Внутри квадратный съ закругленными углами алтарь, весь расписанный иконами al fresco. Какъ и въ Харарѣ, такъ и здѣсь всѣ контуры обведены черной краской и

иконы лѣпятся одна возлѣ другой, отдѣленныя узенькими рамочками, разрисованными блѣдно-зелеными листочками. Иконы-картины большія и маленькія, продолговатыя вдоль, продолговатыя вверхъ, квадратныя, изображаютъ сцены изъ евангелія, ветхаго завѣта, житія святыхъ и позднѣйшей исторіи Абиссиніи.

Вотъ Успеніе Божіей Матери: Богоматерь съ бѣлымъ лицомъ кладется въ гробъ, закрытый пеленой, кругомъ на желтомъ яркомъ фонѣ—лиловыя лица апостоловъ, съ большими миндалевидными глазами; вотъ Марія помазываетъ ноги Христа драгоцѣннымъ миромъ, а сзади апостолы повернули свои лица съ черными остроконечными бородками и оживленно „осуждаютъ“ Марію; вотъ Христосъ идетъ по зеленой водѣ, по которой плывутъ громадныя бѣлыя рыбы, а апостолъ Петръ пытается сойти на воду и не можетъ. Громадный воинъ на ворономъ конѣ, взвившемся на дыбы, копьемъ поражаетъ длинноносаго и краснаго бородатаго Юліана Отступника и тутъ же рядомъ Христосъ и два разбойника распяты на крестахъ и воинъ въ португальской курткѣ копьемъ поражаетъ Христа подъ ребро. Вотъ два черныхъ человѣка съ лицами en face, а ногами въ профиль, нарисованными одна за другой, черной пилой пилятъ черепъ Георгію Побѣдоносцу, пила дошла уже до носа и желтымъ треугольникомъ врѣзалась въ лицо Святого, а грушевидныя капли крови текутъ по его одеждѣ; далѣе ему киркой обтесываютъ лицо, кладутъ въ котелъ и, какъ сказалъ мнѣ сопровождавшій насъ тысяченачальникъ, „приготовляютъ изъ него тэчь“. Надъ рядомъ квадратныхъ картинокъ, изображающихъ мученія „Георгиса“, самъ Георгій на бѣломъ конѣ копьемъ убиваетъ двуголоваго льва съ двумя змѣями вмѣсто хвостовъ. Рядомъ съ Богоматерью абиссинской работы, приклеена прямо на икону маленькая олеографія французской работы, изображающая печальную Божію Матерь съ прекраснымъ лицомъ и опущенными глазами. И такъ странно видѣть это красивое женское лицо среди розовато-лиловыхъ ликовъ дру-

гихъ иконъ. Внизу громадный черный чортъ съ хвостомъ и когтистыми крыльями протягиваетъ страшныя лапы кверху, надъ нимъ страшный судъ и, что удивительно—всѣ праведники бѣлолицые, а грѣшники—чернокожіе—странное для абиссинцевъ униженіе паче гордости, впрочемъ, скоро объяснившееся тѣмъ, что абиссинцы себя не считаютъ за чернокожихъ! Пониже иконъ—картины: возвращеніе Менелика съ похода. По желтымъ пескамъ пустыни подъ двумя зонтиками ѣдетъ Менеликъ, сзади него царица Таиту. Отрядъ кавалеріи скачетъ съ поднятыми вверхъ копьями, кругомъ идетъ пѣхота съ ружьями Гра на плечахъ. Въ углу два квадратика: слонъ, пронзенный копьемъ, и левъ, пробитый насквозь двумя копьями—охотничьи подвиги негуса. Въ каждой изъ четырехъ стѣнъ есть особыя врата, высокія двустворчатыя двери, сдѣланныя каждая створка изъ одной громадной доски, безобразно обтесанной и неровно опиленной,—абиссинцы не умѣютъ работать изъ дерева. Подлѣ воротъ лежатъ коническіе барабаны, употребляемые при богослуженіи, и бряцала, въ видѣ жестяныхъ щипцовъ, въ которыхъ свободно бѣгаютъ нѣсколько маленькихъ жестянокъ, звукомъ напоминающихъ звяканье цѣпей нашего кадила...

Въ церковь насъ провожалъ тысяченачальникъ. Узнавъ, что московскіе гости осматриваютъ храмъ, пришелъ старикъ-священникъ съ сухимъ бритымъ лицомъ и коротко остриженными волосами, сильно смахивавшій на католическаго патера. Слабымъ голосомъ, напоминающимъ возгласы старичковъ-священниковъ нашихъ церквей, онъ произнесъ намъ благословеніе, которое мы выслушали съ непокрытыми головами, и потомъ вышли за ограду.

Тысяченачальникъ пригласилъ насъ завтракать. Домъ его находится во дворѣ таможни и состоитъ изъ круга, образованнаго земляной стѣной, въ кругъ вписанъ квадратъ. Оставшіеся сегменты образуютъ двое сѣней, спальню и кухню—квадратъ—столовая, пріемная, гостиная—все что угодно. На стѣнахъ нѣсколько карабиновъ Гра, ружье

Гра-Кропачекъ съ подствольнымъ магазиномъ, копья, серебряный щитъ, пожалованный расомъ Маконеномъ за храбрость, наборная уздечка и двѣ картинки съ конфектныхъ коробокъ французскаго производства. Насъ усадили на возвышеніе, покрытое коврами, немолодая женщина, въ грязной, длинной рубахѣ, подпоясанной веревкой, поставила передъ нами довольно изящно сработанный столикъ, сплетенный изъ гладкой соломы. На него помѣстили круглую корзинку съ тягучими блинами инжиры, подали четыре стеклянныхъ стакана, въ которые сейчасъ же налили мутный тэчь, а грязный слуга, абиссинецъ, руками принесъ разогрѣтую провяленую баранину съ кусками прозрачнаго, какъ янтарь, желтаго сала. Двое совершенно голыхъ мальчика, лѣтъ двухъ—трехъ, стояли, выпучивъ безобразные, животы и таращили на насъ черные глаза съ коричневыми бѣлками. Въ двери смотрѣли любопытные ашкеры. Хозяинъ притворилъ эти двери, сдѣланныя изъ тонкихъ камышинокъ, прикрытыхъ грубо-обдѣланной бычачьей кожей. Въ хижинѣ стало темно. Голыя дѣти, грязная шама хозяйки, два—три кліента, со стоическимъ хладнокровіемъ смотрѣвшіе на московскихъ геразмачей, пьяный ароматъ тэча, кислая инжира и вонючая баранина—все это не могло возбудить особеннаго аппетита, но мы, поручики К—ій, А—и, я и классный фельдшеръ С—нъ изъ приличія ѣли руками жесткую отвратительную баранину, мокали ее въ красный перецъ и закусывали сырой инжирой, запивая все это прѣснымъ и прянымъ тэчемъ.

— „Бузу малькамъ“, говоритъ кто-либо изъ насъ, обращаясь къ хозяину,—„чортъ знаетъ какую пакость ѣдимъ“, добавляетъ тутъ же по-русски, хозяинъ привѣтливо улыбается и кланяется въ поясъ. По лицу его расплывается довольная улыбка. Около часу сидимъ мы у тысяченачальника. Тѣмъ временемъ Ато Павлосъ считаетъ и сдаетъ ящики новымъ караванщикамъ.

Изъ Бальчи мы проѣхали въ Шонкора, гдѣ стали бивакомъ на берегу ручья, протекающаго въ неглубокой

балкѣ. Бивакъ былъ безъ дровъ. За дровами надо было посылать за 15 верстъ. Разогрѣвали воду для чая на соломѣ, травѣ и кизекахъ...

1-е февраля. Воскресенье. Дневка въ Шонкора. Начальникъ миссіи рѣшилъ 1-е февраля простоять на дневкѣ, чтобы дать время подтянуться новому каравану, сформированному Ато Павлосомъ въ Бальчи.

Офицеры разошлись на охоту и вскорѣ двѣ желтыя антилопы, трофеи поручика Д—ва, украшали нашу кухню. Доктора принимали больныхъ, я занялся ранжировкой своего конвоя и подборомъ его по мастямъ. У меня теперь было: пять лейбъ-казаковъ, въ ихъ числѣ одинъ трубачъ, пять атаманцевъ (одинъ сопровождалъ караванъ доктора Щ—ва), въ ихъ числѣ одинъ трубачъ, два уральца (одинъ при караванѣ доктора Щ—ва) и четыре артиллериста. Лошади у меня оказались слѣдующихъ мастей: шесть сѣрыхъ, одна рыжая, три гнѣдыхъ, двѣ вороныхъ, и четыре караковыхъ—вотъ и подбирай какъ знаешь! Люди въ разноцвѣтныхъ мундирахъ; лейбъ-казаки въ красныхъ, атаманцы въ голубыхъ, уральцы въ малиновыхъ и артиллеристы въ черныхъ...

Рѣшаю въ Аддисъ-Абебу въѣзжать въ колоннѣ по четыре. Впереди — два трубача на бѣлыхъ лошадяхъ, за ними четыре лейбъ-казака на сѣрыхъ, четыре атаманца на рыжей и гнѣдыхъ, два уральца на вороныхъ и четыре артиллериста на караковыхъ. При указаніи полковника А—ва подборъ довольно удаченъ, тѣнь выходитъ, но лошади абиссинскія, а это, я думаю, не требуетъ комментарій. Немного поводилъ конвой въ шеренгѣ, подранжировалъ его, потомъ лошадей пустилъ пастись въ табунѣ, а людей занялъ гимнастикой, чехардой, борьбой на стѣнку и бѣгомъ въ запуски съ переправой черезъ рѣчку. Послѣ этого переклеймили муловъ, наложивъ имъ съ лѣвой стороны подъ гриву букву Р, пересмотрѣли мундиры, аммуницію, выстирали палатку; подбрили сзади по казачьи волосы, глядишь, а уже солнышко спускается за крыши

абиссинской деревни—близка безлунная ночь, время пригонять табунъ, чистить и мыть животныхъ, задавать кормъ.

День дневки прошелъ за работой незамѣтно, наступила ночь. Завтра съ утра опять пойдемъ черезъ эти холмы, желтѣющіе сухой травой.

2-е февраля. Понедѣльникъ, отъ Шонкора до Чофа-Денса. 3¼ часа, 19 верстъ. Мягкая черноземная дорога бѣжитъ между полей съ сухой травой, опускается въ балки, снова подымается и мы углубляемся въ Абиссинію. Вправо и влѣво по холмамъ видны галласскія деревни. Мѣстами поля покрыты зрѣлой сухой пшеницей и ячменемъ.

— „Ваше высокоблагородіе“, восклицаетъ восхищенно толстякъ Недодаевъ,—„да никакъ взаправдашняя пшеница!“ онъ бѣжитъ въ поле и рветъ пучекъ колосьевъ—„пшеница и есть!“ „Ну, значитъ, на масляной блины будутъ. И пшеница! Только низковата“.

Поля обработаны плохо. Цѣлина чуть тронута маленькими плугами, а кругомъ сухая трава, растущая пучками между мелкихъ черныхъ камней. На пути переправляемся черезъ три рѣчки. На третьей прекрасное мѣсто для бивака. Большія смоковницы и мимозы растутъ по луговому берегу, дальше подъемъ, сажени на двѣ, еще версты двѣ по полямъ и четвертый звенящій ручей, на берегу котораго растетъ громадная смоковница. Здѣсь было мѣсто нашего бивака. Топлива опять не было. Галласскія женщины принесли въ однѣхъ и тѣхъ же корзинахъ лепешки кизека и дабо; но на походѣ это все равно — Абиссинія отучаетъ отъ брезгливости.

Въ одиннадцать часовъ утра наши палатки поставлены, мулы и лошади пущены въ табунъ, лагерная жизнь входитъ въ свое обычное теченіе.

Около двухъ часовъ дня я лежу на своей жесткой койкѣ и читаю газету—отъ 25-го декабря. Вдругъ въ палатку мою таинственно просовывается черная голова.

— „Гэта!“ тихо говоритъ незнакомый мнѣ абиссинецъ,— „дуккуля алле“. (Господинъ есть газели).

Я вскакиваю съ постели и бросаю газету.

— „Уадетъ?“ (гдѣ?)

— „Базикъ“. „Мольто“. (Здѣсь, много).

Я одѣваю фуражку, хватаю трехлинейку и выхожу. Мы идемъ, т. е. идетъ только абиссинецъ—легкой свободной походкой, я бѣгу за нимъ, скользя по сухой травѣ, путаясь въ стебляхъ. Мы проходимъ берегомъ рѣки, прыгаемъ черезъ глинистыя болота, переходимъ черезъ рѣку и попадаемъ на равнину, кое-гдѣ покрытую мимозами.

— „Базикъ-аратъ“ (здѣсь четыре), говоритъ абиссинецъ.

Но газели успѣли давно скрыться. Напрасно мой проводникъ вытягиваетъ шею и таинственно говоритъ; „базикъ-мольто“, ихъ нѣтъ ни подъ мимозами, ни въ густой травѣ. Мы спускаемся къ берегу и идемъ вдоль по рѣкѣ. Газелей нѣтъ. Но я уже не жалѣю потеряннаго времени. Болотистый ручей, поросшій густыми и высокими камышами переходитъ въ горный потокъ, съ шумомъ несущійся по каменистому руслу. Дойдя до отвѣсной вылощенной скалы ручей падаетъ съ саженной вышины прозрачнымъ каскадомъ, разсыпается въ бездну брызгъ, словно расплавленное серебро, летящихъ во всѣ стороны. А внизу глубокій бассейнъ, полный зеленоватой влаги, прозрачной и холодной. Какія то невѣдомыя рыбы ходятъ по дну, сѣрая цапля, съ длинной шеей стоитъ въ травѣ, кусты нависли перистыми вѣтвями надъ водой, уголокъ полонъ зеленой тѣни, влажной прохлады, шумящей тайны. Я сѣлъ на берегу и долго любовался на каскадъ и иные каскады, каскады исскуственные, каскады далекаго Петергофскаго Монплезира вспоминались мнѣ.

Я пришелъ съ охоты съ пустыми руками. Поручикъ Д—овъ убилъ газель, докторъ Б—нъ и поручикъ А—и принесли много пернатой дичи.

Послѣ завтра мы становимся въ виду дворца негуса у Шола. Нашъ лагерь, какъ на ладони будетъ виденъ изъ оконъ императорскаго дома. Я произвелъ осмотръ обмундированію конвоя. Да, четырехъ-мѣсячный походъ сильно потрепалъ нашу казенную справу. Сапоги хоть выбрось. Отъ жары кожа потрескалась, третьи подметки отстали, каблуки сносились! Никакая вакса ихъ не выручитъ. Рейтузы выгорѣли и стали почти бѣлыми, рубашки протерлись отъ ремней аммуниціи до дыръ, бѣлыя каски загрязнились, фуражки смялись, козырьки потрескались... Нѣтъ! въ такомъ видѣ абиссинскій негусъ не увидитъ представителей русской гвардіи, это почтенный боевой видъ, но это не истинный видъ щеголя гвардейца. Предписываю завтра же вынуть изъ сундуковъ новыя рубашки, сапоги, шаровары и фуражки, а эти сдать въ сундуки впредь до возвращенія. Выдалъ ваксу, помаду для чистки мѣди и завтра же начнемъ приводить себя въ столичный видъ.

Близость окончанія далекаго похода привела всѣхъ въ веселое, радостное настроеніе, омрачившееся болѣзнью полковника А—ва. Съ нимъ повторились пароксизмы давнишней кушкинской лихорадки. Послѣдніе переходы полковникъ А—овъ едва ѣхалъ, дѣлая частые привалы и подолгу отдыхая гдѣ-либо у дороги на голой землѣ. Здоровье его третьяго дня было очень плохо, только теперь ему стало нѣсколько легче.

3-го февраля. Вторникъ. Отъ Чофа-Денса до Акаке. $5^1/_2$ часовъ 30 верстъ. Утро пасмурное, холодное. Все небо покрыто сѣрыми тучами, вѣтеръ шумитъ въ горахъ. Около семи часовъ тучи стали разрываться, сквозь дымку ихъ показалось лазурное небо, блеснуло на минуту робкое солнце, не жгучее африканское, а несмѣлое тихое, чисто петербургское солнце, блеснуло и скрылось, словно застыдилось, словно устало оно три мѣсяца подрядъ палить наши лица.

Мы идемъ подъ этимъ пасмурнымъ небомъ по полямъ,

по чернозему, кое-гдѣ распаханному первобытнымъ абиссинскимъ плугомъ, состоящимъ изъ большого гвоздя, прикрѣпленнаго къ дышлу съ парнымъ ярмомъ, въ которое впряжены горбатые быки. Мы идемъ пять съ половиной часовъ. Въ концѣ перехода переводчикъ и наши слуги приходятъ въ замѣтное оживленіе.

— „Аддисъ-Абеба! Аддисъ-Абеба!“ говорятъ они, указывая вдаль.

Но прозрачная даль пуста. Двѣ большія горы соединены другъ съ другомъ невысокимъ хребтомъ. На горы легли какія то темныя пятна—но—тѣни ли это разрозненныхъ облаковъ, кидаемыя высокимъ солнцемъ, уже торжествующимъ свою побѣду надъ тучами, или это дремучіе лѣса, или погорѣлые луга, или кучи хижинъ — разобрать нельзя. Мы на высотѣ 7,700 футовъ, рѣдкій воздухъ дрожитъ и трепещетъ, дали исчезли, все ясно, но Аддисъ-Абебы не видно.

— „Вонъ! между горъ“—говоритъ переводчикъ, „темное пятно—это и есть Антото“.

Но черныхъ пятенъ много. Жадный взоръ ищетъ по горамъ и холмамъ высокихъ колоколенъ, церквей, бѣлыхъ дворцовъ, причудливыхъ зданій столицы эфіопскаго царства. Темныя пятна ничего не говорятъ, да и кругомъ не слышно, не чувствуется біеніе пульса столицы, дорога, поля такъ же пустынны, деревни такъ же разбросаны и бѣдны... „Новый цвѣтокъ“ (Аддисъ-Абеба—въ переводѣ—новый цвѣтокъ) не благоухаетъ, не даетъ знать о себѣ, даже и на три часа разстоянія.

А между тѣмъ гонцы приносятъ извѣстія что самъ Менеликъ въ подзорную трубу слѣдитъ за шествіемъ россійскаго посольства, что въ часѣ отъ Аддисъ-Абебы на полѣ у Шола разбиты уже четыре палатки для его членовъ, что все Антото волнуется въ ожиданіи торжественнаго въѣзда.

Около часа пополудни, перейдя двѣ довольно глубокія

рѣки мы останавливаемся у Акаке, на обрывистомъ берегу широкаго ручья.

До завтра, — завтра въ трехъ верстахъ отъ Аддисъ-Абебы уже начнется праздникъ торжественной встрѣчи.

4-е января. среда. Отъ Акаке до Шола. 12 верстъ —2 часа. Мы перенесли свой лагерь еще ближе къ Антото, перенесли съ тою цѣлью, чтобы завтра сократить до предѣловъ возможнаго движенiе въ парадной формѣ, по церемонiалу, въ столицу эфiопской имперiи. Нашъ бивакъ разбитъ на ровномъ полѣ желтой травы съ безукоризненной правильностью. Коновязь, за ея срединой палатка конвоя, далѣе линiя офицерскихъ палатокъ, за ней столовая и кухня. Палатки начальника миссiи поставлены впереди и сбоку и передъ его прiемной парные часовые заняли постъ.

Хлопотливый день. Почистили и помыли коней, начистили ремни, наборы; пригнали аммуницiю, провѣрили холостые патроны и нѣтъ,-нѣтъ да и ходили на пригорокъ посмотрѣть на Антото.

На склонахъ холмовъ видны были кучки темныхъ круглыхъ хижинъ, разбросанныя здѣсь и тамъ; красная крыша дворца, двѣ три бѣлыхъ постройки выдѣлялись между ними. Ни улицъ, ни кварталовъ, ни стѣнъ, ни капитальныхъ построекъ,—столица солдатскаго народа не блистала городскимъ видомъ...

Въ 4 часа къ начальнику миссiи прiѣхалъ m-sieur Ильгъ. Швейцарецъ родомъ, онъ болѣе двадцати лѣтъ провелъ въ Абиссинiи при дворѣ негуса и занялъ при немъ роль министра иностранныхъ дѣлъ и верховнаго церемонiймейстера. Это статный бородатый нѣмецъ, лѣтъ 45-ти, и, надо полагать, хитрый и лукавый царедворецъ.

Онъ прiѣхалъ, чтобы договориться о церемонiалѣ завтрашняго въѣзда. Было рѣшено, что движенiе съ бивака начнется въ 8 часовъ утра, когда къ лагерю прибудетъ отрядъ войскъ, m-sieur Ильгъ и начальникъ гвардiи императрицы, которые проводятъ жену начальника миссiи въ предназначенную ей палатку; затѣмъ, черезъ полчаса,

дедьязмачъ Іосифъ вмѣстѣ съ г. Ильгомъ прибудутъ вновь въ лагерь, чтобы проводить русскаго посла во дворецъ негуса. Оффиціальная встрѣча должна была произойти верстахъ въ двухъ отъ города за рѣкой. При въѣздѣ по просьбѣ начальника миссіи абиссинскія войска не должны были мѣшаться съ нашимъ конвоемъ и членами миссіи, дабы болѣе оттѣнить европейцевъ. Въ виду общаго утомленія походомъ первая аудіенція не должна была долго длиться.

Въ 5 часовъ пополудни m-sieur Ильгъ удалился.

Тихій вечеръ наступилъ. Послѣдній вечеръ на бивакѣ, послѣдній вечеръ въ наскоро разбитой палаткѣ. Пурпурный закатъ золотилъ далекія горы и на фонѣ ихъ виднѣлись скромныя хижины аддисъ-абебскихъ жителей. Ни звука, ни шороха. Не залаютъ собаки, не перекликаются протяжно сторожа, не видно огней большого города, не слышно шума голосовъ. Тихо все. Не вѣрится, что это цѣль нашего путешествія: не вѣрится, что завтра мы увидимъ героя-властителя могущественнѣйшей африканской державы, что завтра приподнимется занавѣсъ и мы будемъ очевидцами роскошнѣйшей феэріи, что завтра мы вступимъ въ таинственное Антото, станемъ участниками такой жизни, которую вели, вѣроятно, наши предки тысячу лѣтъ тому назадъ... Завтра...

XXII.

Первая аудіенція у негуса.

Приготовленіе къ выѣзду.—Конвой жены начальника миссіи.—Войска негуса въ парадной формѣ.—Пріемный залъ дворца Менелика.—Передача письма.—Нашъ лагерь.—„Дурго“ отъ негуса.

Раннимъ утромъ, 5-го февраля, все въ русскомъ станѣ оживилось. Спѣшно грузили послѣднія вещи на муловъ и отправляли ихъ изъ лагеря, валили палатки, чистили лошадей: готовились къ парадному въѣзду. Въ 7 часовъ утра Икэ приняло необычный праздничный видъ. Пестрые мундиры конвоя; щегольская форма офицеровъ гвардіи, эполеты врачей:—такъ странно было видѣть все это на безпредѣльномъ полѣ желтой травы, обрамленномъ далекими голубыми горами.

То и дѣло слышались восторженныя восклицанія черныхъ слугъ, подававшихъ то ту, то другую принадлежность параднаго снаряженія.

— „Ойя-гутъ!“, слышишь въ одномъ концѣ писклывый голосъ Габріэса, слуги поручика Д—ва,—„ойя-гутъ!“ говоритъ и нашъ молчаливый Уольди.

Все принарядилось. Переводчикъ Габро Христосъ смѣнилъ свою полуевропейскую одежду на бѣлую шелковую рубашку и бѣлоснѣжную шаму съ красной широкой полосой; слуги тоже одѣлись въ шелковыя ткани, подѣлали повязки на головы, вмѣсто шляпъ, и приняли праздничный видъ.

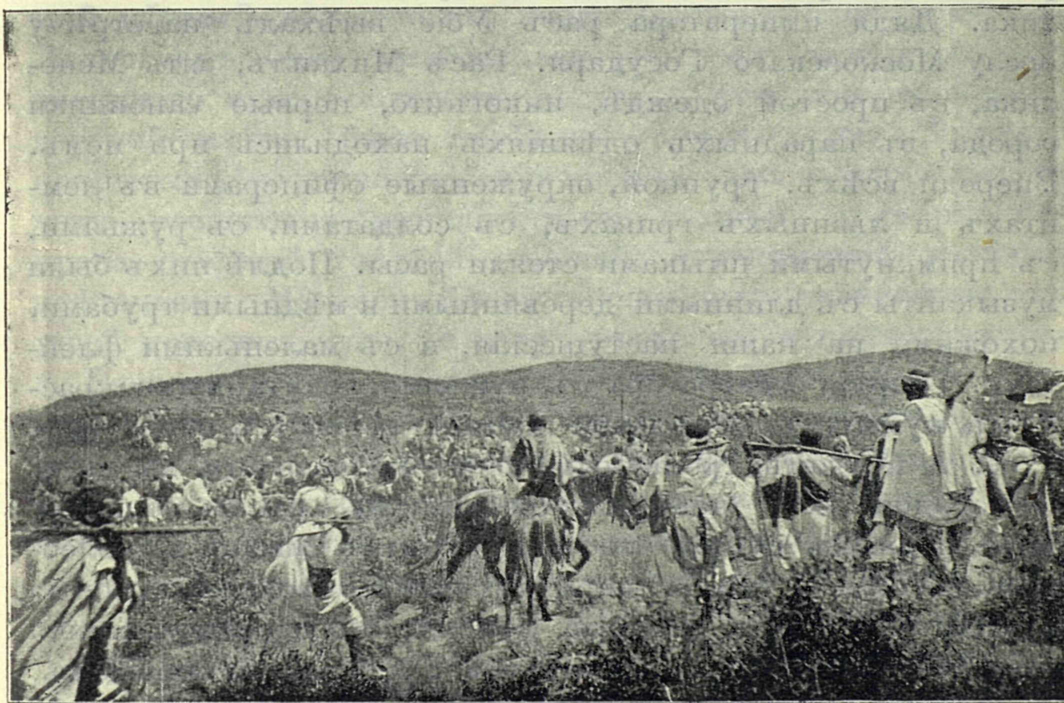
Къ 8-ми часамъ конвой выстроился пестрой линіей противъ палатки начальника миссіи. Г. Власовъ поблагодарилъ казаковъ за примѣрную службу въ далекомъ походѣ и поздравилъ съ прибытіемъ къ столицѣ Абиссиніи.

Погода была, какъ на заказъ. Съ утра ни облачка, голубое небо свѣтлымъ куполомъ покрыло всю окрест-

ность. Желтый холмъ, отходя отрогомъ отъ цѣпи горъ скрывалъ отъ насъ дорогу на Аддисъ-Абебу.

И вотъ въ $8^1/_4$ часовъ утра, за холмомъ, гдѣ протекалъ неширокій ручей по каменистому ложу, гдѣ стояло два одинокихъ дерева, раздались жалобные звуки флейтъ-ампилей, стали слышны голоса и громадная полоса черныхъ ашкеровъ вдругъ надвинулась изъ-за возвышенности. Ихъ, этихъ ашкеровъ, было болѣе тысячи человѣкъ. Они шли широкимъ фронтомъ, въ нѣсколько шеренгъ, одѣтые въ праздничныя бѣлыя шамы, съ ружьями на плечахъ. Десятки палокъ съ абиссинскими флагами возвышались надъ ихъ головами, красные, желтые и зеленые языки мотались въ воздухѣ, на темно-синемъ небѣ Африки. Тамъ и сямъ въ этой бѣлой толпѣ видны были офицеры въ боевыхъ плащахъ лемптахъ. (Лемпты одѣваются поверхъ шамы, и имѣютъ форму паука или восьминога; это нѣсколько широкихъ лентъ съ узоромъ на концѣ, мотающихся по плечамъ и по спинѣ офицера). И какихъ, какихъ цвѣтовъ были эти лемпты! Какихъ оттѣнковъ! Европейская палитра бѣдна красками, языкъ не найдетъ словъ, чтобы описать дикую красоту этихъ пестрыхъ одѣяній. Черные, атласные и рядомъ ярко-зеленые, малиновые, фіолетовые, розовые, пестрые самаго невозможнаго рисунка, расшитые золотомъ и серебромъ. Сзади особо отличившихся ашкеры несли ихъ щиты, обдѣланные золотомъ и серебромъ. Съ праваго бока висѣли длинныя кривыя сабли въ сафьяновыхъ ножнахъ, на плечѣ лежали ружья:— цѣлый лѣсъ стволовъ. И шумя и крича, каждую секунду мѣняя сочетаніе пятенъ, подобно стекламъ калейдоскопа, толпа эта надвинулась, окружила, покоемъ зашла вокругъ палатки. Начальникъ гвардіи императрицы въ длинномъ атласномъ черномъ плащѣ, многочисленными складками спадавшемъ чуть не до земли, выѣхалъ впередъ на разубранной цвѣтнымъ сафьяномъ и золотымъ наборомъ сѣрой лошади и крикомъ отдалъ приказаніе. Пестрые лемпты забѣгали. Длинныя трости прогулялись по головамъ и спи-

намъ не успѣвшихъ подравняться солдатъ, ампили запѣли жалкія ноты, безъ мотива, безъ склада, и изъ середины толпы выдвинулся m-sieur Ильгъ во фракѣ и за нимъ начальникъ гвардіи царицы Таиту. Жена начальника миссіи, сопровождаемая своей горничной подъѣхала къ нимъ. Апкеры, отъ имени царицы, поднесли ей четыре букетика цвѣтовъ въ зеленыхъ граненыхъ стаканахъ и подвели роскошно убраннаго мула.

Абиссинскія войска сопровождаютъ миссію къ Аддисъ Абебѣ.

Смолкшія было флейты снова затянули пискливую музыку, толпа раздалась, раздвинулась, потомъ снова сомкнулась, причемъ лемпты образовали еще нѣсколько удивительно пестрыхъ пятенъ и затѣмъ съ говоромъ и шумомъ удалились за холмъ, уводя съ собою и г-жу Власову.

Мы остались ожидать своей очереди.

Прошло томительныхъ полчаса. И вотъ изъ-за той же

горы показался быстро идущій мулъ m-sieur Ильга, за нимъ ѣхалъ геразмачъ Іосифъ, придворный переводчикъ Менелика, а дальше бѣжало нѣсколько ашкеровъ. Минута нашего отъѣзда настала. Начальникъ миссіи сѣлъ на своего параднаго мула, конвой рысью выскочилъ впередъ и построился по четыре, офицеры стали позади г. Власова и Ильга и мы тронулись.

За холмомъ, на желтомъ полѣ, нѣсколько верстъ шириною, у дороги на Аддисъ-Абебу, стояли войска Менелика. Дядя императора расъ Убіе выѣхалъ навстрѣчу послу Московскаго Государя. Расъ Михаилъ, зять Менелика, въ простой одеждѣ, инкогнито, первые сановники города, въ парадныхъ одѣяніяхъ находились при немъ. Впереди всѣхъ, группой, окруженные офицерами въ лемптахъ и львиныхъ гривахъ, съ солдатами, съ ружьями, съ примкнутыми штыками стояли расы. Подлѣ нихъ были музыканты съ длинными деревянными и мѣдными трубами, похожими на наши пастушескія, и съ маленькими флейтами. Гвардія императора съ ружьями, окутанными краснымъ кумачемъ, отдѣльной кучкой собралась около раса Убіе. А кругомъ, громаднымъ покоемъ, шеренгъ въ пять, безпорядочныхъ, невыранжированныхъ, стали солдаты. Море черныхъ головъ, лѣсъ ружейныхъ стволовъ, колеблющіяся бѣлыя шамы парадно одѣтаго войска, красныя полосы на нихъ и пестрые лемпты, особо отличившихся воиновъ. Тамъ и сямъ виднѣлись всадники на лошадяхъ, гремящихъ наборами, на сѣдлахъ съ вальтрапами изъ шелка самаго причудливаго рисунка. Шелкъ, атласъ и бархатъ; что можетъ быть ярче, чуднѣе этого матеріала!? Сколько дикаго вкуса въ этой пестротѣ, сколько жизни въ этихъ краскахъ, что кричатъ и бьютъ по глазамъ, но и ласкаютъ въ то же время. Не видишь черныхъ лицъ, не видишь босыхъ ногъ, не слышишь говора или шума. Мелькнетъ фигура съ львиной гривой, торчащей на головѣ, въ леопардовой шкурѣ, граціозно накинутой на плечи поверхъ блестящей бѣлой, полупрозрачной шамы, съ длин-

ной саблей въ красныхъ сафьяновыхъ ножнахъ, мелькнетъ и исчезнетъ въ толпѣ шеститысячнаго войска.

Всадникъ на большомъ мулѣ, въ голубой атласной накидкѣ, въ шелковомъ шишакѣ на головѣ, съ золотымъ щитомъ на лѣвой рукѣ, выдвинется изъ рядовъ и опять затрутъ его бѣлыя шамы, пестрые лемпты...

Говоръ многихъ тысячъ людей, крики начальниковъ, ржаніе коней... Мы подъѣхали къ этой толпѣ... и вдругъ засвистали нѣжныя флейты, заныли трубы, будто громадный мѣдный хоръ началъ настраивать свои инструменты. Дедьязмачъ Убіе приблизился къ послу и подвелъ ему параднаго мула, подарокъ негуса. Громадное животное, вороной масти, было посѣдлано абиссинскимъ сѣдломъ, накрытымъ роскошнымъ суконнымъ, малиновымъ чепракомъ, расшитымъ разноцвѣтными шелками, и сверхъ чепрака красивой голубой попоной, испещренной мелкими цвѣточками. Массивный золотой ошейникъ свѣшивался отъ ушей красавца мула. Ашкеръ взялъ его и по приказанію г. Власова повелъ впереди конвоя. Войско раздалось передъ нами, передвинулось, перебѣжало и двумя громадными толпами, вытянувшимися въ линіи впереди и сзади насъ, пошло на городъ. Въ серединѣ, между двухъ линій солдатъ, идущихъ въ затылокъ одинъ другому, ѣхали мы.

Прямо передъ конвоемъ шли музыканты. Трубы завывали, на смѣну имъ пищали флейты, и снова выли трубы. Толстогубые трубачи галласы и мальчишки флейтщики старались изо всѣхъ силъ. А впереди, шумя и сверкая пестрыми пятнами плащей и головныхъ платковъ, играя на солнцѣ золотымъ наборомъ сбруй, щитовъ и копій шли солдаты. Ихъ было тысячъ шесть.

Шеренги эти разстраивались, обращались въ кучки, когда приходилось перебѣгать черезъ крутыя балки, черезъ каменистые ручьи и снова строились, поощряемые криками начальниковъ, ударами тонкихъ и длинныхъ палокъ. Войско таяло, разбѣгаясь при входѣ въ улицу и снова появлялось, едва площадь давала мѣсто. Изъ-за земляныхъ и камыше-

выхъ заборовъ на насъ смотрѣли хладнокровныя лица: ашкеры сановниковъ, солдатскія жены въ сѣроватыхъ рубашкахъ съ массой складокъ у груди и съ напускомъ на поясъ, голыя дѣти, дворяне въ черныхъ суконныхъ накидкахъ:—ни тѣни любопытства:—холодная гордость выражалась на ихъ лицахъ. Мы поднялись на самый высокій холмъ Аддисъ-Абебы и въ узкія ворота круглой каменной стѣны въѣхали во дворъ дворца негуса...

Представьте себѣ, что съ шумомъ и свистомъ взвился занавѣсъ Маріинскаго театра и вы увидали передъ собой апофеозъ красиваго обстановочнаго балета. На темно-синемъ небѣ, картинно окруженный зелеными деревами виднѣлся круглый дворецъ негуса. Грубыя каменныя ступени вели къ громаднымъ дверямъ. На ступеняхъ, въ красныхъ чалмахъ стоялъ оркестръ негуса и управляемый русскимъ капельмейстеромъ, игралъ „Боже, Царя Храни". У крыльца въ богатыхъ костюмахъ столпились первые сановники абиссинской имперіи, ближе, въ кругломъ каменномъ бассейнѣ, чуть билъ фонтанъ.

Отъ входа до дворца, кривой линіей стала артиллерія негуса. 70 италіанскихъ горныхъ орудій, 280 артиллеристовъ въ пунцовыхъ чалмахъ и полосатыхъ вязаныхъ фуфайкахъ Краснаго Креста, черные барабанщики, сидящіе на уступѣ каменной стѣны и пестрая толпа офицеровъ и солдатъ, залитыхъ яркимъ экваторіальнымъ солнцемъ...

Нѣтъ! никакое электричество не дастъ такого свѣта, никакой декораторъ не напишетъ такого прозрачнаго неба, нигдѣ не найдется нѣсколькихъ сотенъ богато одѣтыхъ статистовъ!

Такія картины можно видѣть только тамъ, гдѣ яркое солнце играетъ роль электротехника, гдѣ полновластный императоръ собираетъ толпы актеровъ, гдѣ война даетъ платье, гдѣ мужчина-воинъ—первое лицо въ странѣ.

И среди этой театрально одѣтой толпы, солидными, серьезными и величаво красивыми казались наши блестящіе

гвардейцы, на чудно подобранныхъ коняхъ въѣзжавшіе во дворъ.

При грохотѣ барабановъ, подъ торжественные звуки русскаго гимна слѣзли мы съ лошадей и муловъ и вошли во дворецъ... Новый эфектъ, эфектъ бьющій по нервамъ, эфектъ, заставляющій задуматься, забыться, отрѣшиться на мгновеніе ото всего, что было, что осталось тамъ, назади, въ далекой Европѣ...

Триста лѣтъ ухнуло куда-то въ безконечность. Нѣтъ Петербурга, нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ Германіи, Франціи, съ которыми мы заключаемъ союзы, трактаты, договоры... Есть какіе-то отдаленные нѣмцы, съ которыми пріятно вести умныя бесѣды, которые „зѣло опытны“ во многихъ дѣлахъ. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ мудро правитъ Московскимъ государствомъ, то ссорясь, то мирясь съ патріархами, устрояя царство. Теперь у него торжественная аудіенція—принимаются почетные послы, прибывшіе съ нѣмецкой стороны. Бояре и рынды, дѣти боярскія и духовныя лица собрались вокругъ Московскаго Царя и слушаютъ мудрыя слова Государевы...

Да такъ должно было быть!... Мы—тѣ нѣмецкіе послы, что капля за каплей вносили европейскую цивилизацію въ Русь, а царь Менеликъ, принимающій насъ теперь съ ласковой улыбкой гостепріимнаго хозяина, поборникъ цивилизаціи, не чуждый европейскихъ обычаевъ, но поборникъ мягкій, опасающійся ломки и крутыхъ мѣръ не Царь ли это государства Московскаго, лѣтъ триста тому назадъ?

Мы въ большомъ кругломъ залѣ дворца. Соломенный высокій потолокъ подпертъ многими кипарисными четыреугольными столбами, безъ живописи, безъ рѣзьбы. Простыя веревки натянуты по всѣмъ направленіямъ. На веревкахъ висятъ драпировки, но онѣ теперь собраны и залъ весь передъ нами. Таинственный полумракъ разлитъ по залу. Въ глубинѣ, въ громадной нишѣ квадратный деревянный балдахинъ съ крышей въ формѣ четырехгранной пирамиды,

съ крестомъ на верху. Старыя шелковыя драпировки, шитыя золотомъ подвѣшены къ столбамъ; тронъ обложенъ темно-малиновымъ бархатомъ, шитымъ золотомъ и негусъ сидитъ въ немъ, закрытый подушками со всѣхъ сторонъ. Видна его грудь, увѣшанная орденами, видна голова, повязанная бѣлымъ платкомъ и темныя руки, положенныя на подушки. На груди блеститъ русскій орденъ Св. Александра Невскаго. Тронъ тонетъ въ полумракѣ глубокой ниши. Тамъ видны ликомакосы (тѣлохранители негуса, мѣрно колышутся бѣлыя и черныя конскія гривы-опахала, въ рукахъ искусныхъ эльфинь-ашкеровъ. У ногъ негуса), на ступеняхъ трона, въ нѣмомъ молчаніи, задумчивые и преданные лежатъ первѣйшіе его сановники и совѣтники—дядя его, расъ Дарги и главный судья Афа́-Негусъ. По лѣвую сторону трона стоитъ правитель Тигре́—расъ Микаэль, дедьязмачъ Убіе, начальникъ императорской гвардіи, далѣе въ львиныхъ гривахъ геразмачи и кеньазмачи, у входа, въ цвѣтныхъ пестрыхъ лемптахъ тысяченачальники и баламбарасы.

Правѣе трона, въ парадной формѣ стоятъ члены французской миссіи съ m-sieur Лагардомъ, министромъ резидентомъ во главѣ. Ближе къ негусу стали геразмачъ Іосифъ и m-sieur Ильгъ.

На мягкихъ разноцвѣтныхъ коврахъ, покрывавшихъ весь полъ громаднаго зала, было поставлено золотое кресло для русскаго посла и стулья для членовъ миссіи.

Всѣ заняли мѣста по старшинству. Конвой вошелъ съ обнаженными шашками и сталъ противъ императора.

Смолкли послѣдніе шаги, затихли разговоры въ толпѣ придворныхъ.

Россійскій Императорскій посланецъ вручилъ кисейный, поверхъ золотой парчи, конвертъ съ письмомъ Императора негусу. Конвой взялъ на караулъ, на дворѣ загрохотали пушки и звуки русскаго гимна еще разъ сквозь стѣны донеслись въ полутемный залъ дворца.

Приподнявшись съ почтительной, довольной и радостной улыбкой, обѣими руками принялъ негусъ письмо единовѣрнаго ему властелина полу-міра и передалъ его своему ликомакосу...

Потомъ представили членовъ миссіи. Императоръ пожалъ сердечно руку г. Власову и тихо сталъ съ нимъ разговаривать...

Онъ справился о здоровьѣ Россійскаго Императора, о здоровьѣ посла и членовъ миссіи, о томъ, благополучно ли прибыли всѣ? не было ли затрудненій въ дорогѣ?...

При каждомъ вопросѣ ласковая улыбка освѣщала его лицо, изъ-подъ черныхъ губъ сверкали бѣлые зубы, и все его широкое, доброе лицо, опушенное черной бородкой, озарялось.

Аудіенція длится полъ-часа.

Мы уходимъ изъ зала, садимся на муловъ и, сопровождаемые тысячами войска, идемъ въ нашъ лагерь. По дорогѣ мы заѣзжаемъ въ соборъ Аддисъ-Абебы, а затѣмъ пробираемся черезъ ручей на холмъ, гдѣ воздвигнуты высокія плетневыя стѣны и гдѣ разбито четыре большихъ круглыхъ абиссинскихъ палатки. Это мѣсто выбрано для русской миссіи самимъ негусомъ. Менеликъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ сюда и наблюдалъ за работами по постройкѣ забора.

Мѣсто выбрано прекрасно. Вся Аддисъ-Абеба, съ командующимъ ею дворцомъ негуса, какъ на ладони. Внизу бѣжитъ ручей, сзади высокія горы. Чудный видъ, прекрасный воздухъ.

Для устройства лагеря, для заботъ о русской миссіи назначенъ Азачъ Гезау, невысокій, чернобородый „большой человѣкъ“. Онъ насъ проводилъ на мѣсто лагеря, онъ же явился подъ вечеръ во главѣ безконечной процессіи черныхъ солдатъ и женщинъ—онъ принесъ дурго отъ императора—„немножко на первый разъ“, какъ сказалъ онъ, хитро улыбаясь г. Власову. Это немного было: пять громадныхъ быковъ, 20 барановъ большихъ и 15 ма-

леньких черных барашков, 300 блинов инжиры и 200 хлѣбов „фурно“ (по формѣ французская булка, по вкусу пеклеванный хлѣб), 13 гомб тэча и 9 гомб масла...

Долго, долго в этот вечер я не мог заснуть. И видѣлось мнѣ доброе, темное лицо правителя Эфіопской имперіи, первобытный блеск его двора, слабые проблески зарождающейся новой культуры...

А ночь была тихая, прохладная. Мирно спала разбросанная кучками домов Аддис-Абеба, спало на горѣ над ней старинное Антото и только наши слуги, купцы и забаньи (часовые) абиссинскаго караула крикливо переговаривались между собой...

XXIII.

Геби.

Устройство лагеря въ Аддисъ-Абебѣ.—Поѣздки съ визитами. — Характеръ города. — Дворецъ Менелика-Геби.—Поднесеніе Императорскихъ подарковъ негусу.—Бесѣда съ Менеликомъ.—Исторія воцаренія Менелика.—Война съ Италіей.—Русскій Красный Крестъ.— Почему русскіе дороги Менелику.—Царица Таиту.—Ея исторія.—Поднесеніе ей подарковъ.—Расъ Дарги.—Геразмачъ Убіе.—Афанегусъ. — Аббуны, Петросъ и Матеосъ.— Ичигэ —Характеристика ихъ.

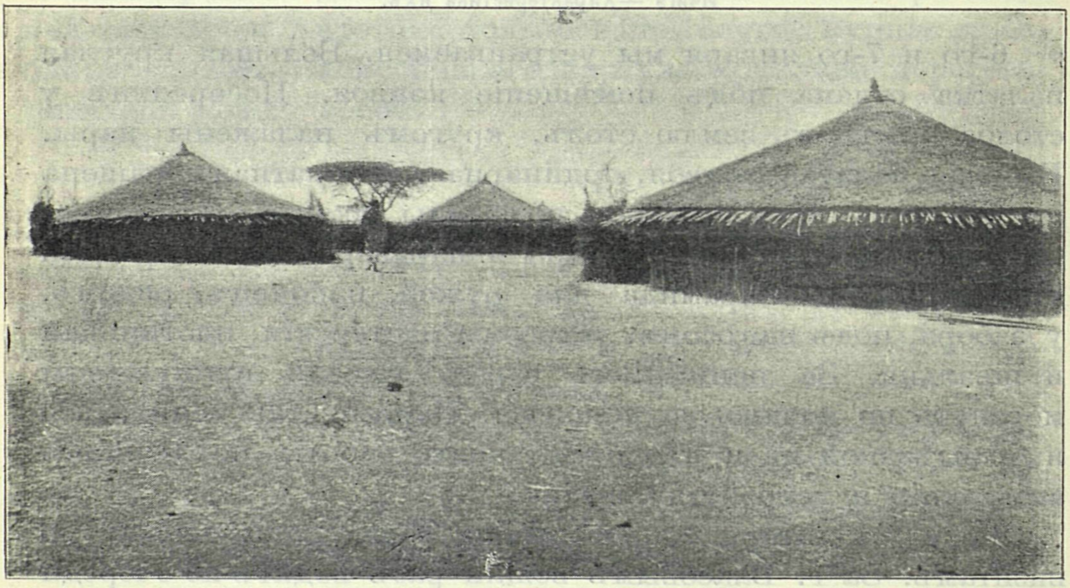
6-го и 7-го января мы устраиваемся. Большая круглая палатка отдана подъ помѣщеніе конвоя. Посерединѣ у столба врытъ въ землю столъ, кругомъ налажены нары. Бывшая палатка конвоя, ординарная, двускатная обращена въ цейгаузъ. Изъ ящиковъ подѣланы шкапы, въ которые по звеньямъ сложены мундиры и шаравары, подлѣ средней стойки сдѣлана пирамида для ружей, наконецъ, рядомъ, у забора, подъ навѣсомъ, устроены мастерскія, плотницкая и швальня. За неимѣніемъ сарая, лошади принуждены мерзнуть по ночамъ на коновязи. Первые дни заниматься ихъ выѣздкой не приходится: много работы по починкѣ аммуниціи и устройству лагеря.

8-е и 9-е января сопровождали начальника миссіи по визитамъ. За г. Власовымъ всякій разъ ѣздитъ по очереди одно звено. Вмѣстѣ съ начальникомъ миссіи дѣлаетъ визиты полковникъ А—въ и вмѣстѣ съ очереднымъ звеномъ ѣзжу по приказанію начальника миссіи, какъ начальникъ конвоя, и я. Это даетъ мнѣ случай близко познакомиться какъ съ самой Аддисъ-Абебой, такъ и съ ея обитателями.

Назвать Аддисъ-Абебу городомъ, даже въ африканскомъ смыслѣ этого слова, — немного смѣло; сказать, что это лишь резиденція негуса, значитъ оскорбить ее. Это—зародышъ города, зародышъ столицы нарождающагося великаго африканскаго государства.

Аддисъ-Абеба—рядъ холмовъ, раздѣленныхъ узкой и мелкой рѣчкой съ каменистымъ русломъ. На холмахъ по-

строены круглые глинобитные дома, окруженные земляными или хворостяными заборами. Кругомъ забора цѣлый рядъ маленькихъ то тростниковыхъ, то соломенныхъ хижинъ — это солдатскій бивакъ. Женщина шоколаднаго цвѣта съ красивыми темными глазами, съ курчавыми волосами въ грязной рубашкѣ ниже колѣна, ниспадающей на поясъ многочисленными складками, съ полуобнаженной грудью стоитъ въ дверяхъ—это солдатская жена. Внутри

Дома въ Аддисъ Абебѣ.

хижины виситъ ружье Гра, иногда кожанный круглый щитъ, или кривая сабля въ сафьяновыхъ ножнахъ и обладатель ея сидитъ на мѣшкѣ, завернувшись въ темную отъ грязи шаму. Чѣмъ больше такихъ хижинъ, тѣмъ важнѣе лицо, живущее въ центральной хижинѣ, за заборомъ.

Улицъ нѣтъ. Дорога, протоптанная то среди поля, то между хижинъ, пыльная и широкая, вдругъ каменистой тропинкой сбѣгаетъ внизъ въ ручей, съ камешка на камень переходитъ черезъ него, подымается почти отвѣсно вверхъ и идетъ снова, широкая и мягкая по изумрудному

лугу. По лугу бродятъ ослы, мулы и лошади, на канавкѣ, прорѣзывающей лугъ, расположилось нѣсколько женщинъ и стираетъ грубыя шамы своихъ мужей.

Чѣмъ больше углубляешься въ городъ, тѣмъ лучше становится дорога, черезъ водопроводныя канавы мѣстами перекинуты мосты, покрытые землей, положенной на жерди, за плетнемъ видна громадная плантація ярко-зеленыхъ кустовъ. Это „геша", обладающее хмѣльными свойствами, изъ котораго приготовляется „тэчь" и „тэлла".

— „Императорская плантація", говоритъ переводчикъ.

Кусты по склону холма взбѣгаютъ на верхъ и подходятъ къ высокой круглой каменной стѣнѣ.

Это „Гэби", дворецъ негуса. Гэби состоитъ изъ круглаго забора, сложеннаго изъ бѣлаго камня и имѣющаго нѣсколько воротъ. За заборомъ идутъ дворы, образованные другимъ круглымъ заборомъ и сараями, расположенными по радіусамъ и вмѣщающими въ себя мастерскія негуса. Тутъ и грекъ Захарій, золотыхъ дѣлъ мастеръ, и садовникъ и оружейная мастерская, и плотницкая, и патронный заводъ, и „тэче-варня" и булочная—словомъ все, что нужно императору, тутъ же помѣщается императорская гвардія и пажи — „эльфинь-ашкеры" (слуги спаленъ). Дворики, образованные мастерскими, грубо мощены остроконечными булыжниками и соединяются между собой. За второй стѣной рядъ такихъ же двориковъ и, наконецъ, въ центрѣ— дворцовыя постройки.

Негусъ любитъ строиться и у него много каменныхъ круглыхъ и квадратныхъ домовъ въ одинъ и два этажа. Время отъ времени при дворѣ своемъ онъ устраиваетъ обѣды, на которые можетъ придти всякій, безъ различія званія и состоянія, при одномъ условіи принести съ собою камень. И въ воскресенье, 8-го февраля, когда я сопровождалъ начальника миссіи по визитамъ, я видѣлъ цѣлыя толпы людей, которыя направлялись въ Гэби, и каждый изъ нихъ несъ по большому известковому камню.

Изъ этихъ камней построенъ громадный круглый трон-

ный залъ, въ которомъ происходятъ пріемы пословъ и выходы, — построенъ дворецъ императрицы, столовая и внутренніе покои.

Гэби—дѣтище Менелика. Это его затѣя, любимое его мѣстопребываніе; здѣсь проводитъ эфіопскій монархъ, дни свои, занимаясь государственными дѣлами, слѣдя за европейской политикой, за развитіемъ техники, за успѣхами науки и искусства.

Во вторникъ, 10-го февраля, при поднесеніи царскихъ подарковъ, мнѣ удалось нѣсколько короче познакомиться съ императоромъ Эфіопіи.

Въ понедѣльникъ начальникъ миссіи запросилъ императора не можетъ ли онъ принять его во вторникъ въ 4 часа дня.

Рано утромъ, во вторникъ, завѣдующій дворомъ и работами m-sieur Ильгъ, запиской увѣдомилъ г. Власова, что Мениликъ желаетъ принять Императорскаго посла въ 10 часовъ утра, совершенно запросто, наединѣ и пришлетъ за нимъ къ 9-ти часамъ утра конвой.

Въ 9 часовъ утра, во вторникъ, нашъ конвой въ обыкновенной формѣ при караульной аммуниціи выстроился у воротъ двора въ ожиданіи абиссинскаго конвоя. Негусъ прислалъ около 200 человѣкъ ашкеровъ въ бѣлыхъ шамахъ подъ начальствомъ одного кеньазмача, и около половины десятаго, предшествуемый пестрой линіей абиссинцевъ, сопровождаемый секретаремъ и конными казаками, начальникъ миссіи на дареномъ парадномъ мулѣ, покрытомъ абиссинскимъ наборомъ, отправился къ негусу.

Сзади несли подарки.

Глубоко обдумывали въ Петербургѣ каждую вещь, которую отъ имени Государя единовѣрной Россіи отправляли въ далекую Абиссинію. Подарки состояли изъ тѣхъ предметовъ, которые нужны въ Абиссиніи, цѣнятся тамъ, любимы въ странѣ черныхъ христіанъ *).

*) Вотъ эти подарки—1) Портретъ Государя Императора въ золотой рамѣ, писанный пастелью—долженъ былъ запечатлѣть въ памяти негуса драгоцѣнныя черты сѣвернаго Монарха и Друга.

Императоръ ожидалъ русскаго посла одинъ въ своемъ тронномъ залѣ. M-sieur Ильгъ и геразмачъ Іосифъ находились при немъ въ качествѣ переводчиковъ. Человѣкъ 15 слугъ было подлѣ императорскаго трона.

Мениликъ былъ одѣтъ въ шелковую бѣлую съ лиловыми полосками рубашку и поверхъ нея черный, обшитый позументомъ плащъ. На головѣ была бѣлая кисейная повязка.

Онъ пригласилъ насъ троихъ садиться на приготовленные для того три вѣнскихъ стула.

Посланникъ освѣдомился о здоровьи Джонъ-Хоя (Его Величества).

— „Икзегаръ истылли (покорно благодарю), тихо отвѣтилъ негусъ и спросилъ о здоровьи Государя Императора.

Потомъ пошелъ шаблонный разговоръ о погодѣ, о страшномъ вѣтрѣ, дующемъ эти дни въ Аддисъ-Абебѣ; посланникъ просилъ разрѣшенія поднести тѣ дары, которые Государь Русскій посылаетъ негусу, какъ знакъ своей дружбы и уваженія.

— „Ишши" (хорошо), тихо произнесъ Мениликъ.

Я подаю негусу ружье и объясняю его устройство. Я показалъ ему, какъ вкладывать патроны, какъ стрѣлять верхними и нижнимъ стволами. Механизмъ, устройство ружья, сильно заинтересовали Менелика, онъ зарядилъ его, потомъ вынулъ патроны и осмотрѣлъ затворъ—„очень интересная вещь"—сказалъ онъ.

2) Трехствольное охотничье ружье работы Зауера, отдѣлка Шафа, съ золочеными стволами и золотой розеткой съ государственнымъ русскимъ гербомъ, украшеннымъ бриліантами и рубинами. Два ствола 12-го калибра—дробовые, третій нижній нарѣзной подъ берданочный патронъ.

3) Сабля дамасской стали, въ ножнахъ кованаго золота, усыпанныхъ бриліантами и рубинами съ рукояткой слоновой кости и вензелемъ Государя Императора на клинкѣ.

4) Большой абиссинскій щитъ изъ литаго серебра съ отдѣлкой золотомъ и эмалью, съ большимъ государственнымъ русскимъ гербомъ посрединѣ.

5) Абиссинскій боевой плащъ (лемптъ) изъ драгоцѣнной парчи.

6) Сѣдло голубаго бархата, расшитое золотомъ и шелками съ такимъ же вальтрапомъ.

7) Серебряные сервизы—одинъ для тэча, другой для кофе.

Потомъ г. О—въ подалъ негусу шашку, затѣмъ щитъ, лемптъ, сѣдло и другіе подарки.

Щитъ и лемптъ возбудили особенное вниманіе Менелика. Долго разсматривалъ онъ Россійскій гербъ, спрашивалъ значеніе каждаго отдѣльнаго губернскаго герба. Онъ взвѣшивалъ на рукѣ и любовался дорогой парчею золотого лемпта. Глаза его сверкали—онъ былъ тронутъ. Не цѣнность подарковъ тронула его, а потрясло его душу, что Великій Бѣлый Братъ, Владыка Сѣвера, подумалъ о немъ, живущемъ въ глуши африканскихъ горъ и прислалъ ему тѣ вещи, которыя цѣнятся въ Абиссиніи, которыми можно похвалиться, показать, вынести... О немъ думали, о немъ заботились.

— „Кто же далъ вамъ форму плаща“? спросилъ негусъ.

— „Поручикъ Б—ичъ“.

— „Да, онъ долженъ знать эти вещи“, тихо сказалъ Менеликъ. „Передайте Его Величеству, что я тронутъ и очень благодарю за подарки“.

Онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всѣ эти предметы, сверкающіе золотомъ и драгоцѣнными каменьями, и приказалъ убрать ихъ.

— „Что новаго придумали въ Европѣ?“ спросилъ негусъ.

— „Теперь заняты подводной лодкой и управленіемъ воздушныхъ шаровъ“, отвѣчалъ г. Власовъ.

— „Какъ же лодка идетъ подъ водой? Ен не видно?“

— „Ея совершенно не видно“.

— „Но тогда въ ней темно?“

— „Она имѣетъ свой собственный свѣтъ“.

— „Да“.

— „Еще дѣлаютъ опыты надъ полетомъ въ любомъ направленіи по воздуху. Нынѣшнимъ лѣтомъ молодой норвежецъ Андре полетѣлъ на такомъ шарѣ къ сѣверному полюсу“.

— „Я слышалъ... Что же, достигли того, что можно летѣть противъ вѣтра?“

— „Нѣтъ еще“.

— „А что, Восточно-Сибирская дорога окончена?“, спросилъ вдругъ Менеликъ.

— „Почти. Осталось провести только участокъ черезъ владѣнія Китая. Иначе пришлось бы дѣлать большую дугу“.

— „Я это знаю, я смотрѣлъ на картѣ“...

Негуса многое интересовало. Возобновивъ вопросъ о сѣверномъ полюсѣ, онъ вспомнилъ, что границы Россіи близки къ сѣверу, что въ Россіи должны быть холода. Затѣмъ онъ спросилъ, что ѣдятъ въ такихъ холодныхъ земляхъ, гдѣ зерно не родится и гдѣ нѣтъ хлѣба... Онъ многое читалъ. Ему переводятъ все интересное изъ европейскихъ газетъ, но, конечно, лучше всего разспросить человѣка бывалаго.

Аудіенція длится около часа. Въ боковую дверь входитъ сѣдой старикъ въ простой шамѣ—это дядя императора, расъ Дарги—онъ пришелъ обѣдать къ Менелику. Скоро полдень—мы откланиваемся и уходимъ.

Стариной стародавней пахнетъ отъ этихъ дворовъ, отъ простыхъ каменныхъ стѣнъ, за которыми тѣснятся ашкеры конвоя. Начальникъ миссіи просилъ черезъ г. Ильга, чтобы ради него не тревожили солдатъ, что его всѣ знаютъ и ему конвоя не нужно...

— „Вы этимъ стѣсните императора“, сказалъ г. Ильгъ, „Абиссинія страна бѣдная. При всемъ желаніи негуса особенно почтить васъ онъ не можетъ этого сдѣлать. Дайте ему возможность хотя отличить васъ посылкой солдатъ“.

Мы ушли и замкнулись за нами высокія кипарисныя двери новаго дворца и царь царей остался одинъ.

И скорбная дума легла на его умное чело. Задумался онъ о той далекой странѣ, гдѣ люди умѣютъ дѣлать такія прекрасныя вещи, гдѣ кромѣ копья и меча, кромѣ рукъ и ногъ работаетъ еще великая мысль человѣческая. И окинулъ онъ бѣдный городъ, что раскинулся кругомъ по холмамъ, окинулъ грязныя шамы своихъ подданныхъ, бѣдныя хижины, пыльныя улицы и задумался... Да, много

работы, много труда еще нужно, чтобы все это устроить, чтобы дать просвѣщенію возможность широкой волной вливаться въ темное государство...

Одно горе—помощниковъ нѣтъ...

. .

Менеликъ сынъ шоанскаго негуса Хайле Малакота родился въ 1845 году. Молодость его прошла бурно. На одинадцатомъ году жизни онъ былъ свидѣтелемъ разгрома Шоа, отецъ его былъ убитъ, управленіе Шоа было отдано дядѣ его Ато Аяле, а самъ онъ съ другими родственниками Хайле Малакота былъ уведенъ въ плѣнъ. Виновникомъ разгрома былъ Эфіопскій императоръ Ѳеодоръ. До мальчика Менелика дошли слухи о распрѣ между его дядями; Шоа было раздѣлено, но черезъ четыре года Ѳеодоръ вернулся наказать мятежниковъ; второй его дядя Ато Сейфу былъ убитъ и въ Шоа сталъ править Ато Безабы. Десять лѣтъ проходитъ подъ управленіемъ Ато Безабы. Не одна черная голова падаетъ подъ ударомъ палача, а въ типи двора растетъ мальчикъ. Ни по одеждѣ его, бѣдной и грязной, ни по немытому тѣлу нельзя узнать въ немъ царскаго сына. Но кровь негуса течетъ въ немъ. Тихій и робкій на словахъ, добрый и простодушный на видъ юноша Менеликъ обладалъ характеромъ твердымъ, духомъ несокрушимымъ, яснымъ и свѣтлымъ умомъ. Къ нему привязался рабъ Ѳеодора—Вальде Тадикъ, и вотъ вдвоемъ они бѣгутъ черезъ пустыню, кормясь Христовымъ именемъ, рискуя каждую минуту, въ сосѣднюю область Уоло. Сынъ правительницы Уоло былъ у Ѳеодора въ заточеніи и она, желая смягчить участь своего сына, выдавъ Менелика Ѳеодору, приказываетъ надѣть на него цѣпи. Новыя оковы. Опять пребываніе на грязномъ земляномъ полу, въ холодной хворостяной хижинѣ, опять раздумье и недоумѣнье, что дѣлать и какъ дѣлать? Но судьба за Менелика. Его часъ еще не пробилъ. Къ правительницѣ Уоло приходятъ люди отъ Ѳеодора и приносятъ страшное извѣстіе: ея сынъ убитъ по приказанію Ѳеодора.

Чувство мести закипаетъ въ матери; она приказываетъ расковать Менелика и съ конвоемъ отправляетъ его въ Анкоберъ. Ато Безабы въ это время былъ на границѣ, офицеры и солдаты собираются вокругъ Менелика и онъ, опираясь на военную силу, провозглашаетъ себя негусомъ. Ато Безабы спѣшитъ въ Анкоберъ, но войско не повинуется ему и переходитъ на сторону Менелика. Ато Безабы плѣненъ...

Попадись онъ другому правителю, попадись Менеликъ ему—было бы новое заточенiе и можетъ быть казнь. Но Менеликъ благороденъ: „Ты непочтительно обошелся съ царемъ—ты долженъ заплатить за это“, и, взявъ 2,000 талеровъ съ Безабы, онъ прощаетъ его...

Проходитъ еще два года. При дворѣ Ѳеодора смуты растутъ, Магдала падаетъ и царь кончаетъ жизнь самоубiйствомъ. Вся Абиссинiя раздроблена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ княжествъ, всюду вражда и взаимное недовѣрiе. Эфiопскiй престолъ свободенъ и Менеликъ предъявляетъ на него свои права. Но у него есть соперникъ. Правитель Тигре дадьязмачъ Касса въ 1872 году коронуется въ Магдалѣ подъ именемъ Iоанна IV. Менеликъ не признаетъ его и заводитъ сношенiя съ Англiей и Италiей, занявшей въ это время Асабъ и завязавшей оживленныя сношенiя съ шоанцами. Но даже и Менелику трудно было бороться съ императоромъ Iоанномъ IV. Это былъ царь фанатикъ христiанства. Подобно Менелику онъ понималъ слабость Абиссинiи въ ея раздробленности и смутахъ. Единое государство, единая вѣра всюду, во всей Абиссинiи—вотъ мечты этого замѣчательнаго правителя. Имперiю должны составить четыре королевства—Тигре, Годжамъ, Уоло и Шоа. Четыре епископа должны насаждать вѣру Христову среди магометанъ и язычниковъ, четыре короля должны повиноваться ему одному.

Въ 1881 году онъ идетъ на Анкоберъ противъ Менелика. И Менеликъ смиряется; съ камнемъ на шеѣ, въ знакъ

покорности своей, онъ является въ станъ императора и Іоаннъ прощаетъ его и назначаетъ королемъ Шоа.

Въ томъ же году Іоаннъ короновалъ негусомъ Годжамскимъ раса Адаля подъ именемъ негуса Текла Хайманота.

Тигре, Годжамъ и Шоа объединены.

Но честолюбіе его же королей губитъ его. Меникъ устраиваетъ заговоръ противъ Іоанна, входитъ въ сношеніе съ Теклой Хайманота и надѣется на помощь Италіи.

Это было какъ разъ въ то время, когда въ Италіи живо интересовались дѣлами на восточномъ побережьи Африки. Начавши свои чисто коммерческія дѣла въ 1869 году, когда итальянское пароходное общество Рубатино купило у Адальскаго султана портъ Адаль и территорію до Рахэты, Италія въ 1881 году захватила все владѣніе Рахэтскаго султана въ свои руки, въ 1883 году просила разрѣшеніе у Аусскаго султана о провозѣ товаровъ черезъ его владѣнія и въ 1883 же году заключила торговый договоръ съ негусомъ Шоа—Меникомъ.

Средствами не стѣснялись. У Рахэтскаго султана просили разрѣшеніе поставить флагъ. Рахэтскій султанъ, дикарь въ полномъ смыслѣ этого слова, не отказалъ и приставилъ даже солдата, чтобы поднимать и опускать этотъ флагъ, когда проходятъ мимо суда.—Итальянцы сочли это достаточнымъ, чтобы считать побережье Рахэты своимъ. Такъ шли и дальше. Но за Ауссой, гдѣ вмѣсто пастушескихъ, языческихъ или полумагометанскихъ племенъ пришлось столкнуться съ весьма древней шоанской культурой, дѣло пошло не такъ легко...

Но уже страсти разгорѣлись; новыми владѣніями, получившими наименованіе Эритреи, заинтересовались и цѣлый рядъ путешественниковъ жизнью заплатилъ за свои попытки проникнуть въ глубь страны (1881 г.—Джуліети, 1884 г.—Біанки, графъ Порро, Кіорини). По ихъ кровавымъ слѣдамъ двинулись цѣлые отряды...

Императоръ Іоаннъ, считая неправильнымъ занятіе

итальянцами Массовы, послалъ раса Алулу и при Догали уничтожилъ отрядъ изъ 500 итальянцевъ...

Я прошу припомнить мое описаніе сомалійской пустыни, темныхъ ночей, жажды и миражей и не винить сурово итальянскихъ солдатъ, впервые столкнувшихся съ этой природой. Въ суконныхъ плащахъ и штиблетахъ, въ суконныхъ кэпи, они изнемогали отъ жары, голода и жажды, теряли разсудокъ, забывали объ опасностяхъ отъ врага, окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ. Но эти жертвы, которыхъ знали и жалѣли по далекимъ итальянскимъ деревнямъ, только разжигали желаніе продвинуться дальше за пески и каменистыя горы. Шли новыя войска, посланникъ Италіи графъ Антонелли подбивалъ Менелика противъ Іоанна и потихоньку снабжалъ его оружіемъ. Въ тоже время возмущали и Теклу Хайманота, негуса Гаджама противъ эфіопскаго императора. Іоаннъ отозвалъ Алулу изъ Эритреи, пошелъ въ Годжамъ для наказанія уже возмутившагося Текла Хайманота и заставилъ его смириться, затѣмъ онъ думалъ идти на Менелика, но съ запада изъ долины бѣлаго Нила нахлынули махдисты, Іоаннъ пошелъ противъ нихъ и 11-го марта 1889 года при осадѣ Метаммы погибъ...

Менеликъ, узнавъ о смерти Іоанна, отправился въ Гондаръ и короновался тамъ негусомъ негасти—императоромъ, разбилъ своего бывшаго союзника Текла Хайманоту и началъ округлять свои владѣнія. Въ 1887 году покорился Хараръ, въ 1892 году Уоло...

Между тѣмъ, въ то время, какъ воинскій кличъ „айгумэ" раздавался по лѣсистому Черчеру и Уоло, Эритрея незамѣтно росла и бѣлый европейскій непріятель надвигался вглубь страны и былой другъ и союзникъ грозилъ стать врагомъ.

Арміи Африки приходилось помѣриться съ арміей Европы,—штыку противупоставить копье, пулѣ—быстроту ногъ... Шансы были бы не равны и вотъ, чтобы усилиться, чтобы получить необходимыя ружья—Менеликъ

находитъ новаго союзника въ лицѣ Франціи и получаетъ отъ нея ружья и патроны... Въ 1895 г. начинается война съ Италіей, надолго подорвавшая авторитетъ бѣлаго человѣка среди черныхъ христіанъ. 17-го февраля 1896 г. произошелъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ колоніальныхъ войнъ, бой подъ Адуей—Италія замкнулась въ Эритреѣ,

Больные у русскаго госпиталя въ Аддисъ Абебѣ.

а голова Менелика была покрыта славой великаго полководца, опытнаго военачальника. Начальники областей, расы, покорились ему, но зорко нужно слѣдить, постоянно имѣть въ виду честолюбіе ихъ и мудро управлять, незамѣтно дѣлая нововведенія, не раздражая ни войска, ни сановниковъ...

Кровь и измѣна кругомъ... Кому вѣрить? у кого просить помощи въ трудныя минуты жизни? Текла Хайманота

былъ другомъ во время заговора противъ Іоанна, но первый пошелъ въ моментъ воцаренія противъ Менелика.

Въ пророчествѣ Рагуила Атьѳ Задынгылю сказано, что царь съ сѣвера будетъ съ царемъ Эфіопіи одна душа и одно сердце *)...

— Кто этотъ царь?

Когда наступали тяжелыя минуты въ Гэби, когда озабоченный смотрѣлъ негусъ, какъ по улицамъ носили умершихъ и полуобнаженныя плакальщицы, въ грязныхъ рубашкахъ меланхолично выли, прославляя умершаго, когда калѣки солдаты просили хлѣба у воротъ Гэби, а лихорадки мучили солдатъ славныхъ армій, когда кругомъ собирались враги, а друзья за каждую услугу требовали уступокъ, съ далекаго сѣвера доброй волей великаго русскаго Царя пришли московскіе „хакимы". Умирающіе стали вставать съ постели, больные, лежавшіе до сего времени безъ движенія, быстро поправлялись. „Не намъ, не намъ а имени Твоему", работали русскіе. Имъ не нужно было земель, имъ не нужно было наградъ или почестей. Въ московскомъ кругломъ домѣ, отведенномъ имъ негусомъ, въ квадратныхъ русскихъ палаткахъ, тихо, но настойчиво работали они на пользу человѣчеству. Ихъ не интересовало ни обиліе золота въ Каффѣ, ни громадные слоновые клыки, ни плодородіе Абиссиніи и ея тучныя стада—безкорыстно служили они своему дѣлу и слава ихъ стала далеко разноситься за предѣлы Аддисъ-Абебы; она летѣла съ каждымъ новымъ выздоровѣвшимъ въ провинцію, приходила въ тихое Гэби и интриговала Менелика. И онъ ходилъ самъ въ скромныя русскія палатки, онъ смотрѣлъ какъ подъ рукой русскаго хирурга вынимались кости, пули, осколки, снарядовъ. Имена генералъ-маіора Шведова, докторовъ Бровцына, Родзевича, Бобина, русскихъ фельдшеровъ и санитаровъ долго будутъ жить въ памяти абиссинцевъ...

*) „Отъ Энтото до р. Баро", поручика А. К. Булатовича, стр. 149.

Кто же надумалъ прислать эту помощь въ Абиссинію, кто подумалъ о „малыхъ сихъ"? Великій Властитель сѣвера— русскій Царь. И съ именемъ русскаго Царя въ Абиссиніи составилось понятіе безкорыстія, дружбы и христіанской добродѣтели. „Францизъ", „Али"—это были бѣлые, которые могутъ повредить, это не христіане, по понятію абиссинца. Христіане—одни русскіе... „Вы, какъ ангелы, говорилъ намъ старикъ епископъ „Ичигэ" — „вы христіане и мы христіане... братья... ангелы"...

Новое русское посольство, прибывшее 5-го февраля 1898 года въ Гэби, до глубины души потрясло негуса.... „Братъ"—это ему пишетъ русскій Монархъ... Нѣсколько разъ Мениликъ заставлялъ переводить французское слово „frére"... Когда нужно было собрать шеститысячное войско на встрѣчу посланнику россійскаго государства, не нужно было просить расовъ—они сами рвались навстрѣчу. Расъ Микаэль въ одеждѣ простого офицера всталъ въ ряды встрѣчнаго отряда... Чувство спокойствія чувство глубокой любви и преданности было у абиссинцевъ, этихъ гордыхъ своими побѣдами надъ европейцами воиновъ...

Русскій царь прислалъ подарки... Но главное онъ опять послалъ своихъ врачей. Мениликъ откровенно говорилъ начальнику миссіи: „не мнѣ, императору, нуженъ врачъ, но нуженъ онъ моимъ бѣднымъ подданнымъ, не покидайте ихъ безъ своего надзора!"...

И другіе послы привозили подарки. Но ихъ дары лежатъ по ящикамъ въ роскошномъ дарохранилищѣ негуса, а подарки русскаго Царя онъ всенародно вынесъ 18-го февраля, на праздникъ св. Георгія Побѣдоносца, одѣлъ золотую саблю, а ружье и щитъ приказалъ по абиссинскому обычаю слугамъ нести впереди себя...

Несмотря на свои 51 годъ, негусъ имѣетъ бодрый и здоровый видъ. Какъ большинство великихъ Монарховъ, онъ питаетъ страсть къ архитектурнымъ постройкамъ. Два, три раза въ недѣлю онъ лично ѣздитъ въ лѣса смотрѣть какъ рубятъ деревья для его новаго дома. Время

отъ времени онъ даетъ обѣды, на которые допускаются только тѣ, кто принесетъ ему хотя одинъ камень для постройки. Когда сопровождаемый сотнями ашкеровъ онъ идетъ на прогулку, онъ заѣзжаетъ въ каменоломню и приказываетъ каждому солдату взять по камню.

Изъ мелкихъ животныхъ онъ очень любитъ собакъ... Часы своего досуга онъ посвящаетъ бесѣдѣ съ m-siur Ильгомъ, лучшимъ своимъ другомъ, но въ сношеніяхъ съ иностранцами онъ и ему не довѣряетъ. При переводѣ всегда присутствуетъ для провѣрки геразмачъ Іосифъ...

Умный и знающій государственныя дѣла, много испытавшій въ молодые годы Мениликъ счастливъ въ бракѣ своемъ. Въ лицѣ царицы Таиту императоръ нашелъ и вѣрнаго друга и нелицемѣрнаго совѣтника и красивую женщину.

Подобно тому, какъ прошлое воина царя полно кровавыхъ приключеній, прошлое красавицы царицы имѣетъ прелесть романа.

Императрица родомъ изъ Тигре, внучка извѣстнаго раса Вальде Георгиса. Ея красота, а главное умъ и тотъ женскій тактъ, который дѣлаетъ женщину прелестной до глубокой старости, доставили ей еще до Менелика многихъ мужей. Первый ея мужъ дадьязмачъ Уанди живъ и теперь, но при дворѣ не бываетъ.

Она покинула Уанди для того, чтобы выдти замужъ за дадьязмача Вальде Габріеля. Здѣсь она попала ко двору. была замѣчена императоромъ Ѳеодоромъ, но не отвѣтила ему взаимностью. Ѳеодоръ убилъ своего соперника—мужа и взялъ Таиту къ себѣ. Но и тутъ она сказалась больной и была закована въ цѣпи. По смерти Ѳеодора на ней женился кеньязмачъ Закаргачо, а въ 1881 году съ ней обвѣнчался церковнымъ бракомъ Мениликъ—ей тогда было 30 лѣтъ отъ рода (родилась въ 1851 году).

Быть можетъ, чопорнымъ европейскимъ дамамъ, предпочитающимъ тайную измѣну открытому и благородному разводу, такая жизнь покажется недостойной императрицы.

Но это въ обычаѣ страны, гдѣ 8-ми—12-ти-лѣтнія дѣвочки имѣютъ иногда уже до двухъ мужей!...

Отъ Менелика у Таиту нѣтъ дѣтей. Ея дочь (единственная) отъ перваго брака замужемъ за расомъ Мангашей.

На Менелика, говорятъ, эта женщина имѣетъ вліяніе. Ей съ посольствомъ нашимъ было послано отъ Государя Императора: громадное серебряное блюдо, болѣе двухъ пудовъ вѣсомъ, съ крышкой литаго серебра; серебряный кувшинъ и тазъ для умыванья; портретъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; роскошный парчевой старинный русскій уборъ Царицы, усѣянный самоцвѣтными камнями; серебряный сервизъ; нѣсколько штукъ по 40—60 аршинъ каждая, парчи, шелка, атласа и бархата и громадный персидскій коверъ; для поднесенія этихъ подарковъ была испрошена аудіенція на 11-е февраля.

Въ 9 часовъ утра начальникъ миссіи со своей супругой на мулахъ отправились въ Гэби.

Императрица приняла ихъ въ своемъ тронномъ залѣ. Это обширная круглая комната съ двумя громадными дверями, прорѣзанными съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Стѣны оклеены простыми сѣрыми обоями, полъ устланъ мягкими коврами. Влѣво отъ входа на возвышеніи устроено два трона. Правый, повыше—для негуса, лѣвый пониже—для царицы Таиту. Расшитый золотомъ бархатъ сбѣгаетъ тяжелыми складками внизъ. На возвышеніи между двухъ шитыхъ золотомъ подушекъ, поджавъ подъ себя, по-турецки, ноги, въ бѣлой длинной рубашкѣ, такой же, какъ носятъ всѣ абиссинки, сидѣла императрица. Лицо ея было закрыто до глазъ полотенцемъ. Волосы, чуть вьющіеся, но не курчавые, короткіе, были открыты; большіе, осмысленные, чудные глаза освѣщали все лицо. И умъ, и любовь, и страсть, и нѣга, и сознаніе собственнаго достоинства свѣтились въ этихъ глазахъ.

Цвѣтъ кожи на лицѣ смуглый, но не черный, она невысокаго роста и довольно полная женщина.

Она была одна, безъ мужа.

У подножія трона, въ грязной рубашкѣ, сидѣла сѣдая, отвратительная старуха, нѣсколько слугъ „эльфинь-ашкеровъ“, нѣсколько мальчиковъ было у трона — и никого больше... Насколько свободна жизнь простыхъ абиссинокъ, настолько замкнута жизнь знатныхъ особъ.

Противъ трона стояли старинные столовые часы французской работы тутъ же были приготовлены два стула для посланника и его супруги.

Императрица подала руку m-me Власовой и поклонилась начальнику миссіи.

— „Какъ вы доѣхали? Не было ли вамъ жарко?“ послышались обычные вопросы свѣтскаго разговора.

Переводчикомъ служилъ m-sieur Ильгъ.

Начальникъ миссіи испросилъ разрѣшеніе передать подарки Государя Императора и сталъ подавать ихъ одинъ за другимъ. Съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства приняла она блюдо, умывальникъ, долго не могла оторвать глазъ отъ портрета Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Но вотъ двое слугъ на носилкахъ, устланныхъ ковромъ, поднесли покрытый скатертью парчевой костюмъ, скатерть приподнята и во всемъ блескѣ показалась драгоцѣнная парча, сверкнули самоцвѣтные каменья... Женщина проснулась въ императрицѣ, Таиту осталась царицей, ни возгласа, ни какого-либо знака восторга, но тихо сползло полотенце, прикрывавшее лицо, и смуглая красавица склонилась надъ костюмомъ.

— „Ма̀ляфья!“, говорятъ тихо губы.

— „Oh comme c'est beau“, переводитъ Ильгъ.

Маленькія руки трогаютъ матерію.

— „Одѣньте его на мальчика“.

M-sieur Ильгъ обращается на минуту въ горничную и облачаетъ одного изъ пажей въ парчу и камни.

Императрица въ восторгѣ. Она поворачиваетъ мальчика направо, налѣво, трогаетъ камни.

— „Это платье я одѣну въ праздникъ Георгиса“.

И она сдержала свое обѣщаніе. 18-го февраля вниманіе абиссинской знати было привлечено чуднымъ царскимъ уборомъ Таиту.

Когда же за платьемъ стали подавать куски парчи,

Абиссинская знатная женщина.

бархата и шелка и раскладывать ихъ передъ царицей, Таиту пришла въ совершенный восторгъ. Она трогала ногтемъ парчу и шелкъ, какъ бы желая испытать ихъ, выдергивала нитки и смотрѣла ихъ на свѣтъ.

— „Очень хорошо“.., сказала она. „И раньше мнѣ дарили куски матеріи, но раньше это были маленькіе кусочки, изъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать — теперь же! о, какая масса! я все, все могу сдѣлать, что хочу!!“...

Черезъ полчаса посланникъ откланялся императрицѣ, аудіенція была кончена...

Первымъ сановникомъ въ Аддисъ-Абебѣ въ настоящее время считается дядя Менелика расъ Дарги. Этотъ старикъ, пользующійся большимъ вліяніемъ на императора, каждый день изъ своего далекаго дома пріѣзжаетъ обѣдать въ Гэби.

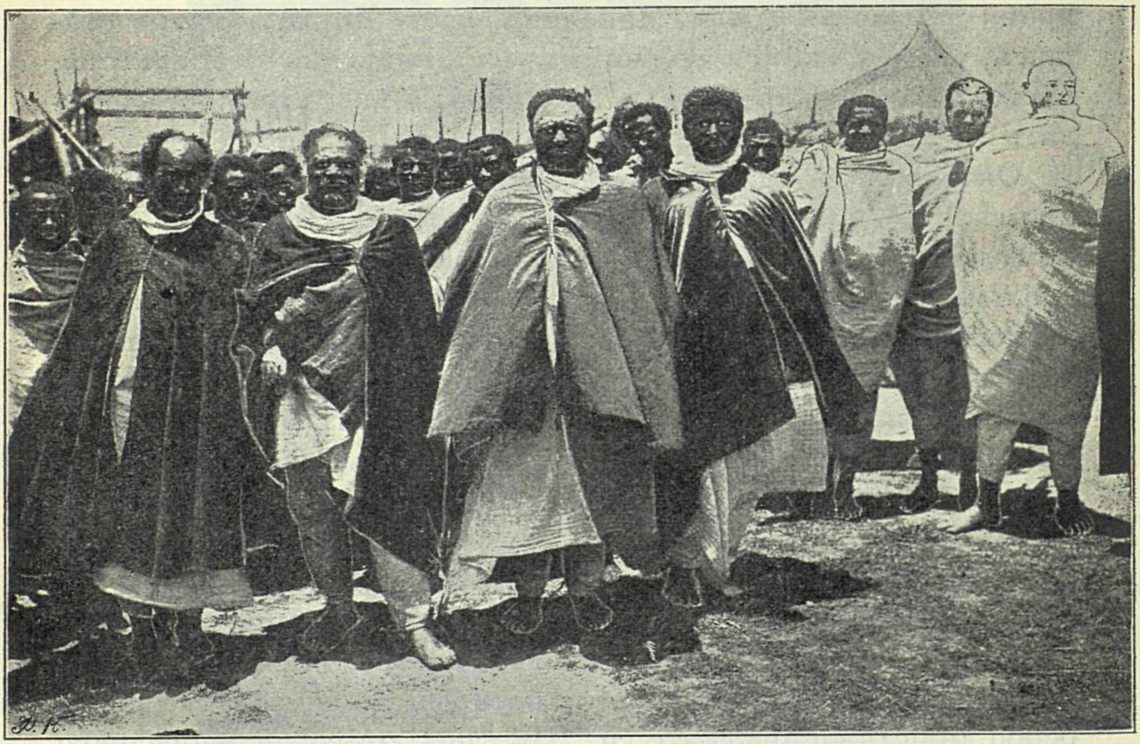
Онъ живетъ на окраинѣ Аддисъ-Абебы, на небольшомъ холмѣ. По неширокой тропинкѣ подъѣзжаешь къ высокому забору изъ жердей — это дворъ раса Дарги. Нѣсколько грязно одѣтыхъ ашкеровъ толпится на дворѣ. Домоправитель, старикъ въ бѣлой съ краснымъ шамѣ, встрѣчаетъ у дверей и ведетъ насъ во второй дворъ, тамъ поставленъ новый круглый каменный домъ съ окнами изъ кипарисоваго дерева, съ круглымъ крыльцомъ и высокими дверьми. Дворъ неприбранъ—тутъ торчитъ сухая желтая трава, тамъ насорено сѣномъ, наваленъ навозъ, щепки. По ступенямъ, сдѣланнымъ изъ необтесаннаго камня, подымаешься на крыльцо, съ крыльца попадаешь въ обширный круглый залъ. Посерединѣ, на жестяномъ квадратномъ подносѣ горятъ щепки, которыя то и дѣло кидаютъ особо приставленные слуги. Противъ этого своеобразнаго камина на „альгѣ“ — четыреугольной рамѣ на ножкахъ, съ натянутыми на нее ремнями, покрытой коврами и подушками, сидѣлъ расъ. Онъ ожидалъ русскаго посла, такъ какъ въ Абиссиніи есть обычай всегда увѣдомлять впередъ о своемъ прибытіи, безъ этого вы рискуете быть непринятымъ.

Два стула и двѣ маленькія скамеечки были предложены намъ. Мы усѣлись и начался обычный свѣтскій разговоръ—„какъ доѣхали“, „здоровы ли“, „какая холодная погода“.

— „У васъ, впрочемъ, холода еще больше“, сказалъ Дарги.

И пошелъ пересказъ о русскихъ морозахъ.

Хозяинъ поманилъ пальцемъ управителя, шепнулъ ему нѣсколько словъ и намъ подали четыре стеклянныхъ стакана, наполненныхъ мутнымъ желтымъ тэчемъ. Мы должны

Знатный абиссинецъ.

были выпить на тощакъ по полъ-стакана, потомъ поднялись, пожали руку Дарги и вышли во дворъ.

Отъ раса Дарги мы поѣхали къ геразмачу Убіе, потомъ къ расу Микаэлю.

Геразмачъ Убіе живетъ на бивакѣ—онъ гость въ Аддисъ-Абебѣ. Если комната раса Дарги, дяди императора, перваго сановника абиссинской имперіи, выглядѣла такой спартанской, безъ единаго украшенія, безъ тѣни комфорта,

то помѣщеніе Убіе было еще проще. Такая же круглая постройка, альга, накрытая коврами, тотъ же тэчъ, мутный, пряный, противный въ большомъ количествѣ, даже разговоръ такой же точно, вялый, неопредѣленный.

Спросите любого сановника въ Абиссиніи, каково положеніе дѣлъ въ странѣ, гдѣ Маконенъ, гдѣ войска Тассамы—вашъ вопросъ сочтутъ за величайшую безтактность и вы можете быть увѣрены, что вамъ не отвѣтятъ. Эти воины отъ рожденія отлично умѣютъ держать свою тайну, тайну своей родины — и поневолѣ тянется скучный свѣтскій разговоръ о погодѣ, о пути, разспросы о странѣ...

Среди Аддисъ-Абебы, на невысокомъ холмѣ, окруженный банановыми кустами, стоитъ домъ главнаго прокурора Абиссиніи, восьмидесяти-лѣтняго старика Афанегуса.

Тѣ же привратники, тѣ же слуги въ бѣлыхъ шамахъ, та же альга. Афагенусъ лежалъ на ней больной и унылый. Это старикъ, способный оживиться, когда его затронутъ за живое. Когда то это былъ адвокатъ, хорошо знающій законъ, съ твердымъ характеромъ и чисто-юридическими способностями. Въ тѣ времена самъ Мениликъ правилъ судомъ. Во всѣхъ своихъ приговорахъ онъ встрѣчалъ энергичнаго противника въ лицѣ Афанегуса. Наконецъ, этотъ вѣчный протестъ надоѣлъ императору—„такъ будь же ты судьей!“ воскликнулъ Мениликъ и сдѣлалъ Афанегуса верховнымъ судьей.

Афанегусъ женатъ на молодой, красивой абиссинкѣ и очень ревнивъ. Онъ изъявилъ желаніе посмотрѣть конвой начальника миссіи. Шесть рослыхъ казаковъ вошли въ залъ и дружно гаркнули: „здравія желаемъ, ваше превосходительство“. Это очень понравилось Афанегусу и онъ просилъ разрѣшенія угостить ихъ тэчемъ.

Отъ Афанегуса намъ предстояло сдѣлать визиты духовенству Аддисъ-Абебы, тремъ епископамъ, двумъ, привезеннымъ изъ Александріи коптамъ—абунамъ Матеосу и Петросу и одному абиссинскому Ичигэ.

У абуны Матеоса во дворѣ разбитъ садъ. Широко-

листные бананы кидаютъ вверхъ блѣдную зелень, вдоль песчаныхъ дорожекъ растутъ сухоцвѣты и лупинусы, отъ высокаго кипариса пахнетъ миромъ и тишиной монашеской жизни. Привратникъ доложилъ о нашемъ приходѣ и жестомъ, нелишеннымъ граціи, пригласилъ насъ войти. Пріемный залъ абуны былъ полонъ народа. Прямо противъ входа на альгѣ, накрытой бархатнымъ покровомъ, расшитымъ золотомъ и весьма напоминающимъ наши плащаницы, между двухъ подушекъ сидѣлъ... самый обыкновенный греческій монахъ. Полное, бѣлое лицо, черныя кудри, сбѣгающія волнами къ ушамъ, черная борода и усы, холеные, лоснящіеся отъ ухода, на головѣ черный платокъ, подобный нашему клобуку, и темная, шитая золотомъ одежда... У его ногъ, на полу, отдѣльными кучками сидѣли священники и слуги абуны Матеоса и совершали трапезу. Шамы были повязаны поперекъ плечъ, что очень напоминало нашихъ дьяконовъ. Слуги ѣли молча, священники, сидѣвшіе у самыхъ ногъ абуны, тихо шептались. Служители вносили стеклянные графинчики съ тэчемъ и раздавали каждому по одному, и обѣдавшіе, загибая кверху темныя шеи, пили этотъ тэчъ. Большіе блины инжиры и корки хлѣба быстро расходились по рукамъ.

— „Вамъ не помѣшаетъ это угощеніе?", спросилъ абуна.

— „Они кончаютъ".

Мы отвѣтили, что очень рады видѣть абуну, занятаго добрымъ дѣломъ.

— „Это у меня каждое воскресенье", сказалъ абуна и приказалъ задернуть занавѣски.

Тонкая бѣлая матерія раздѣлила залъ на три части, въ двухъ крайнихъ шло угощеніе, въ серединѣ сидѣли мы.

Начался разговоръ такой же, какъ былъ и у Афанегуса и у раса Дарги. Черезъ минуту намъ подали прекрасный тэчъ. Сваренный на меду, почти прозрачный тэчъ абуны Матеоса не имѣлъ того противнаго привкуса. который онъ обыкновенно имѣетъ. При прощаніи абуна

подалъ намъ квадратный крестъ ажурной работы, усѣянный самоцвѣтными камнями, и мы, и казаки конвоя, по желанію Матеоса, приложились къ нему.

Другой абуна Аддисъ-Абебы, Петросъ, живетъ въ бѣдномъ, деревянномъ домѣ. Онъ гость здѣсь — настоящее его мѣстопребываніе—Анкоберъ.

Это тоже черноволосый монахъ, плохо говорящій по-абиссински. Онъ извинился за простоту своей хижины, потомъ порылся гдѣ-то подлѣ себя и подалъ начальнику миссіи три лимончика. Большіе, на выкатѣ, глаза его загорѣлись, онъ говорилъ съ жаромъ и про свою бѣдную жизнь здѣсь и про надежды уѣхать скоро въ Іерусалимъ.

Ичигэ живетъ такъ же, какъ и абуны. У него темно-коричневое лицо и руки, сѣдая борода. Это веселый, не безъ нѣкотораго юмора, старикъ, угостившій насъ отвратительнымъ вареньемъ чаемъ, поданнымъ въ маленькихъ кукольныхъ чашечкахъ.

Этимъ лицомъ заканчивались наши посѣщенія туземной абиссинской знати, со всѣми познакомились, всѣхъ узнали... и, какъ Гэби со своими солидными каменными постройками, окруженное каменной стѣной, съ фонтаномъ, садами и мастерскими неизмѣримо выше стоитъ бѣдныхъ домовъ сановниковъ императорскаго двора, такъ и личность Менелика, „царя царей, льва колѣна Іудова“, ярко горитъ надъ всѣми. Его зоркій пытливый умъ старается смотрѣть дальше, глубже, провидѣть будущее его родной имперіи. Его все интересуетъ, все занимаетъ. Старый его знакомый генералъ-маіоръ Шведовъ послалъ ему фотографіи коронованія Государя Императора, Исаакіевскаго собора, парада войскъ на Марсовомъ полѣ, его самого. Подробно разспрашивалъ Менеликъ о каждомъ камнѣ собора, о порядкѣ коронованія и, узнавъ, что русскій Императоръ самъ возлагаетъ на себя корону — Менеликъ радостно воскликнулъ: „также, какъ и я!“ Всякое сходство съ Россіей ему льстило. Ни французы, ни англичане, ни италіанцы его не интересовали, а какъ въ Россіи? что въ

Россіи?—это было ему и интересно, и важно и, если что-либо въ далекой холодной Россіи было похоже на Абиссинію—это его трогало и восхищало...

Скромный молчаливый воинъ Маконенъ, быть можетъ, одинъ понимаетъ своего государя. Онъ давно уже обзавелся хорошимъ домомъ, онъ давно слѣдитъ и интересуется всѣмъ, что дѣлается внѣ его родины. Остальные придворные Гэби просты и безхитростны. Ихъ жизнь течетъ мирно и спокойно, изъ темнаго эльфиня они проходятъ на альгу, гдѣ ведутъ бесѣды со своими кліентами, оттуда къ негусу, или въ свое имѣніе, а когда короткій африканскій день окончится, они идутъ снова въ темный эльфинь, въ объятья своей законной или незаконной жены. Охота или походъ перервутъ на минуту ихъ мирный жизненный строй, а потомъ снова полудремотные споры, усыпляющій тэчъ и мягкая альга.

Абиссинскій начальникъ въ лемптѣ и въ львиной гривѣ.

XXIV.

Абиссинское войско.

Вербовка арміи.—Солдатская жена.—Понятія о службѣ.—Числительность арміи.—Роды оружія.—Военная іерархія.—Одежда и снаряженіе начальниковъ. — Награды за воинскую доблесть. — Передача воли начальника.—Понятія о дисциплинѣ. — Пѣхота. — Одежда и снаряженіе пѣхотинца.—Вооруженіе. — Тактика пѣхоты.—Походныя движенія,— Бой.— Преслѣдованіе.—Кавалерія.—Лошади.—Конское снаряженіе —Одежда.—Манера ѣзды.—Обученіе. — Тактика. — Артиллерія.—Крѣпости.—Причина побѣды надъ Италіей.—Презрѣніе къ Европѣ.—Уваженіе къ русскимъ.

Въ Абиссиніи нѣтъ арміи, какъ нѣтъ и мирныхъ жителей. Всякій абиссинецъ съ юношескаго возраста и до глубокой старости—солдатъ. Жена его—солдатская жена и дѣти—дѣти солдата ибудущіе воины. Абиссинецъ родится съ мыслью о войнѣ, все дѣтство проводитъ въ походахъ, видитъ богатство, красоту и довольство только отъ войны, любитъ войну и считаетъ ее исключительнымъ своимъ занятіемъ. Строить дома, обрабатывать землю, даже торговать, унизительно для истиннаго абиссинца—онъ можетъ только воевать, быть въ походахъ, охранять особу своего начальника.

Природа надѣлила абиссинца прекрасными военными качествами: абиссинцы храбры, горячи въ дѣлѣ, выносливы на ходьбу, на жару и на холодъ, обладаютъ почти исключительными способностями бѣгать по горамъ, не задыхаясь, неприхотливы въ пищѣ и обладаютъ зоркимъ мѣткимъ глазомъ...

Абиссинецъ служитъ по вольному найму своему начальнику. Съ нимъ вмѣстѣ онъ совершаетъ походы, за него борется и за него умираетъ. Есть солдаты негуса Менелика, раса Маконена, раса Уольди, есть абиссинскіе солдаты у французскаго резидента, при каждомъ изъ членовъ русской миссіи были свои наемные солдаты. Солдаты раса Маконена исполняютъ приказанія, получаемыя ими только отъ имени своего раса, самъ Менеликъ въ нихъ не властенъ; мой, вашъ ашкеръ повинуются мнѣ, вамъ и больше никому. Тотъ, кто нанялъ, кто зарегистровалъ, тотъ и начальникъ.

Благодаря такому понятію о военной службѣ, Абиссинія еще долгое время будетъ государствомъ феодальнымъ. Въ настоящее время всѣ вице-короли признали своимъ негусомъ, или императоромъ, Менелика и повинуются ему, но войска повинуются только своимъ расамъ.

Абиссинскій солдатъ дешево обходится своему королю. Ему нужна одежда, вооруженіе и продовольствіе, а затѣмъ рѣдкіе подарки за выказанную храбрость или особо вѣрную службу. Право перехода отъ одного раса къ другому не преслѣдуется. Правда, перешедшій уже не можетъ вернуться назадъ, но на новомъ мѣстѣ его принимаютъ охотно.

За абиссинскимъ солдатомъ повсюду слѣдуетъ его подруга жизни. По большей части это его гражданская жена, рѣже церковная и еще рѣже любовница. Только самые молодые холосты. Она стираетъ одежду своего мужа, растираетъ дурру въ муку, варитъ рисъ, печетъ инжиру, несетъ запасные патроны, въ бою своимъ визгомъ въ тылу арміи вдохновляетъ на побѣды. Вы всегда узнаете ее, стройную и довольно красивую, одѣтую только въ длин-

ную рубаху изъ необыкновенно грубаго и грязнаго холста, когда-то бѣлую, узнаете ее, потому что она подойдетъ къ вамъ и, скромно потупивъ глаза, попроситъ... патроновъ...

Абиссинскій военачальникъ въ парадной формѣ.

Или вы увидите ее у отверстія соломенной хижины, величиной не больше собачьей конуры, чистящую винтовку и поющую жалкую пѣсню безъ словъ и безъ музыки.

Эти жены и пѣгія, бѣлыя съ желтымъ, длинношер-

стныя собаки—непремѣнная принадлежность абиссинскаго войска.

Сказать, сколько въ Абиссиніи солдатъ, очень трудно. Числительность арміи колеблется ежегодно. Есть походъ, война—и почти всѣ мужчины покинули свои бѣдныя хижины и ушли со своимъ расомъ; нѣтъ войны—и мирно ходятъ вчерашніе ашкеры за ненавистнымъ плугомъ, чутко прислушиваясь, не пахнетъ ли порохомъ, не затѣвается ли гдѣ-либо новый походъ. Есть солдаты, которые всегда остаются при своихъ расахъ, подобно нашимъ дѣйствующимъ войскамъ; есть солдаты, которые являются по первому призыву своего раса, такъ сказать Landwehr Абиссиніи и, наконецъ, въ минуту опасности для отечества, вся Абиссинія встанетъ, какъ одинъ человѣкъ—это ея Landsturm, или ополченіе. Я полагаю, что дѣйствующія и резервныя войска вмѣстѣ должны составить до полумилліона ружей, но предупреждаю, что всякая цифра будетъ голословна.

Абиссинскія войска по роду оружія дѣлятся на пѣхоту, ѣздящую на мулахъ пѣхоту, кавалерію и артиллерію. Спеціально инженерныхъ войскъ нѣтъ, какъ нѣтъ и вспомогательныхъ войскъ, военныхъ врачей и пр.

Пѣхота по численности составляетъ большую часть войска, ѣздящая на мулахъ пѣхота есть только у раса Уольди въ количествѣ отъ 7,000—8,000, кавалерія состоитъ изъ спеціально абиссинской и изъ вольныхъ дружинъ, галасскихъ конниковъ, наконецъ, артиллерія около 70 итальянскихъ горныхъ орудій находится въ корпусѣ раса Мангаши въ арміи Менелика.

Всѣ эти войска собираются въ арміи числомъ отъ 10,000 до 100,000 человѣкъ, управляемыя самимъ расомъ. Въ помощь себѣ расъ имѣетъ: начальника авангарда или „фитаурари“, начальника праваго крыла, или „кень-азмача“, начальника лѣваго крыла или „геразмача“ и начальника тыльнаго отряда, или „убо“. Каждый изъ этихъ начальниковъ и въ мирное время пользуется большою властью,

управляетъ какою-либо областью, городомъ, получаетъ отъ своего раса имѣнія и рабовъ для ихъ обработки. Большинство этихъ должностей переходятъ отъ отца къ сыну, и изъ нихъ-то и образовалось абиссинское дворянство. Въ

Солдатская жена.

мирное время эти лица ходятъ сопровождаемые нѣсколькими десятками солдатъ, надѣваютъ чистую шаму, иногда носятъ сѣрую фетровую плантаторскую шляпу, длинную саблю и револьверъ. Ихъ тѣлохранитель носитъ передъ

ними ружье. Почти всегда это люди, отличившіеся въ бою, а потому они имѣютъ или щитъ, обдѣланный серебромъ или золотомъ, или львиную гриву на лбу, или леопардовый лемптъ. Они рѣдко ходятъ пѣшкомъ, но почти всегда ѣздятъ на богато украшенномъ мулѣ, имѣя впереди себя лошадь. Это тѣ люди, на которыхъ лежитъ и мобилизація ввѣренныхъ имъ тысячъ, и снабженіе ихъ оружіемъ, и сборъ подати съ земледѣльцевъ галласовъ, полученіе таможенной платы съ купцовъ—словомъ, въ мирное время это высшія административныя власти округа.

Подъ ними находятся тысяченачальники, сотенные, или баламбарасы, и пятидесятники, или баши. Всякій абиссинскій солдатъ можетъ храбростью добиться этихъ чиновъ, да и не только этихъ, но и званія геразмача, кень-азмача и даже фитаурари... Тысяченачальникъ, баламбарасъ и баша имѣютъ чистую бѣлую шаму съ красной полосой поперекъ, богатый атласный или шелковый лемптъ, щитъ, саблю, револьверъ и ружье.

Подъ ними идутъ болѣе мелкіе начальники, или шумы, только чистотой своихъ костюмовъ выдѣляющіеся среди солдатъ.

Абиссинія военная страна. Военная служба, личная храбрость даютъ здѣсь и положеніе въ обществѣ, и красивый костюмъ, и богатаго мула и, какъ слѣдствіе всего этого, самое дорогое для абиссинца—почетъ и любовь женщинъ.

Хотя въ Абиссиніи и есть въ настоящее время пять степеней ордена звѣзды Эфіопіи и столько же степеней ордена Печати Соломона, но ордена эти созданы преимущественно для иностранцевъ и, если я не ошибаюсь, изъ абиссинцевъ ихъ имѣютъ только расъ Маконенъ, расъ Уольди, геразмачъ Іосифъ и расъ Дарги, да и куда бы ихъ навѣсилъ полуголый абиссинскій солдатъ?! Но храбрость въ бою награждается расомъ или самимъ негусомъ пожалованіемъ особыхъ украшеній на костюмъ. Заслуженный воинъ получаетъ, прежде всего, щитъ, который всюду носитъ передъ нимъ особый ашкеръ. Щитъ круглый, вы-

пуклый, около полуаршина въ діаметрѣ, украшенный серебромъ, если онъ пожалованъ расомъ, и золотомъ, если его далъ самъ негусъ. Затѣмъ, жалуются боевые плащи или лемпты. Они бываютъ просто шелковые, атласные, шелковые, шитые золотомъ, простые изъ шкуры леопарда и леопардовые, отдѣланные золотомъ: это они-то и образуютъ при сборѣ абиссинскаго войска ту чудную пеструю картину, что чаруетъ и ласкаетъ глазъ. За особые подвиги жалуется золотой или серебряный уборъ на мула или на лошадь, шелковая попона и шитый шелкомъ, цвѣтной суконный чепракъ. Высшая храбрость награждается пожалованіемъ львиной гривы, которая надѣвается въ высокоторжественные дни на голову на подобіе вѣнчика.

Подвиги, оказанные въ мирное время, какъ-то: убійство льва или слона, не остаются безъ награды. Всякій, убившій этихъ животныхъ, обязанъ представить львиную гриву и слоновые клыки негусу, такъ какъ эти предметы составляютъ собственность государства, но не частныхъ лицъ. За каждаго убитаго льва отъ негуса жалуется тонкая золотая цѣпочка, около вершка длиною, для ношенія въ лѣвомъ ухѣ. Убившій слона имѣетъ право въ теченіе года носить особую пышную прическу на головѣ.

Удивительно красивъ и картиненъ абиссинскій военачальникъ въ парадномъ своемъ уборѣ. Золотистые длинные волосы льва, словно огненный вѣнчикъ, сверкаютъ на солнцѣ, отчетливо рисуясь каждой отдѣльной прядью на черныхъ курчавыхъ волосахъ ихъ обладателя. Лицо полно благородной энергіи, силы и мужества. Двѣ, три золотыхъ цѣпочки, знакъ, что обладатель не терялъ зря мирныхъ своихъ досуговъ, висятъ изъ темнаго уха. Поверхъ шамы накинутъ лемптъ изъ чуднаго мѣха черной пантеры съ серебрянымъ позументомъ по краю и пышнымъ аграфомъ на цѣпкѣ у шеи. Тонкая шелковая бѣлая рубашка опоясана ремнемъ со многими патронами и револьверомъ на тонкомъ черномъ шнуркѣ. Босая нога опирается большимъ пальцемъ на тонкое стремя. Красныя

сафьяновыя ножны кривой и длинной сабли, заткнутой за поясъ, торчатъ съ праваго бока. Сѣдло покрыто суконнымъ, шитымъ цвѣтными шелками вальтрапомъ, уздечка расшита золотыми и серебряными бусами по цвѣтному сафьяну, на шеѣ звенитъ массивный серебряный ошейникъ съ бубенцами, а жирный крупъ мула накрытъ цвѣтной шелковой попоной. Самъ мулъ не идетъ, а плыветъ въ крутомъ сборѣ, чуть колебля широкую и блестящую жирную грудь свою и сверкая умными глазами.

Впереди ашкеръ съ магазинкой Гра-Кропачека, за нимъ ашкеръ съ златокованнымъ щитомъ, такъ и сверкающимъ на солнцѣ, и сзади еще человѣкъ сто солдатъ въ бѣлоснѣжныхъ шамахъ, съ ружьями Гра на плечѣ. Это ли не торжество побѣдителя! Это ли не награда храброму за труды и лишенія войны...

Абиссинское войско не имѣетъ точнаго дѣленія на полки, баталіоны и роты, но тѣмъ не менѣе нѣкоторое подобіе такого дѣленія есть. Армія какого-либо раса знаетъ его и знаетъ тѣхъ кень-азмача, геразмача и тысяченачальниковъ, которые подъ нимъ состоятъ. Каждый солдатъ знаетъ своего шума, или башу, но число солдатъ у шумовъ неопредѣленно—отъ 10 и до 100.

Передача воли начальника дѣлается исключительно приказаніями, которыя разносятся или ашкерами, или, чаще, непосредственно выкликиваются старшимъ начальникомъ и повторяются всѣми младшими. Я видѣлъ сигнальныя трубы въ корпусѣ Уольди Георгиса, слышалъ заунывные звуки ихъ, но я не думаю, чтобы это были правильно организованные и понимаемые всѣми сигналы. Можетъ быть, еще они имѣли значеніе при подъемѣ войска съ бивака, сборѣ его послѣ боя и проч., но перестроеній или передвиженій дѣлать по нимъ было бы нельзя, въ виду своеобразнаго пониманія абиссинцами воинской дисциплины.

По нашему закону, воинская дисциплина состоитъ въ точномъ и строгомъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предпи-

санныхъ военными законами. Но такъ какъ въ Абиссиніи еще нѣтъ военныхъ законовъ, то и дисциплина опираться на нихъ не можетъ. Абиссинскій солдатъ своеобразно разумѣетъ повиновеніе начальнику. Всякій воинъ у абиссинцевъ „знаетъ свой маневръ“ и дѣйствуетъ по своему разумѣнію, на свой рискъ и страхъ. Начальникъ даетъ только общую задачу, указываетъ цѣль, которой нужно достигнуть, а затѣмъ бой разыгрывается почти помимо его воли.

Во время адуанскаго сраженія одинъ изъ офицеровъ раса Маконена—Маркъ, залегая во главѣ 30 человѣкъ въ стрѣлковой цѣпи противъ итальянскихъ баши-бузуковъ, замѣтилъ, что они намѣреваются занять холмъ, лежащій между нимъ и итальянской позиціей и имѣвшій командующее значеніе на этомъ участкѣ позиціи. Имѣя приказаніе раса атаковать итальянцевъ послѣ подготовки огнемъ, Маркъ обратился къ своимъ солдатамъ съ предложеніемъ перебѣжать на этотъ холмъ.

— Перебѣжимъ-те впередъ, сказалъ онъ, иначе башибузуки займутъ холмъ и намъ плохо будетъ.

— Чего перебѣгать-то, и здѣсь хорошо, отвѣтили одни солдаты.

— А и то перебѣжимъ, говорили другіе.

— Трусы! собаки негодныя! чего боитесь, тамъ мѣсто для боя много лучше. И Маркъ вскочилъ и побѣжалъ къ холму, за нимъ сорвались и другіе. Позиція была занята и баши-бузуки отступили.

Расъ Маконенъ „сильно ругался“, по свидѣтельству Марка, управляя боемъ. Личный примѣръ, пониманіе всѣми пользы того или другого движенія—вотъ что заставляетъ перестраиваться, передвигаться войска. Солдатъ идетъ на самую смерть за начальникомъ, если онъ понимаетъ только цѣль своей жертвы. Жизнью онъ не дорожитъ, въ ней слишкомъ мало для него приманокъ.

Но самъ негусъ не заставитъ его пойти туда, гдѣ, по его мнѣнію, нечего дѣлать. Абиссинское войско не пой-

детъ сражаться тамъ, гдѣ климатъ нездоровый, гдѣ, по его мнѣнію, не стоитъ воевать. Онъ готовъ умирать отъ пуль и сабель непріятеля, но не отъ лихорадки. Онъ приготовитъ пищу, постираетъ одежду начальнику, разведетъ бивачные огни, если нужно, выкопаетъ ровъ, но только въ томъ случаѣ, если самъ своимъ солдатскимъ умомъ признаетъ это нужнымъ и полезнымъ. При русской миссіи было 12 человѣкъ солдатъ при офицерѣ, данныхъ ей изъ арміи раса Маконена для сопровожденія. Когда часть ящиковъ была покинута въ Дэру, я обратился къ офицеру съ просьбой отрядить нѣсколькихъ ашкеровъ для скорѣйшей отправки вещей. Офицеръ отказался, сказавъ, что солдаты *ни за что* не исполнятъ его приказанія. Они назначены лишь для личной охраны миссіи, но не для понужденія купцовъ. Точно также они остались равнодушны къ тому, что купцы бросились на слугу начальника миссіи—такъ какъ они охраняли только начальника миссіи. Не всякое приказаніе исполняется. При перестроеніяхъ всякаго рода немаловажную роль играютъ длинныя и тонкія жерди, которыя имѣются въ рукахъ у каждаго начальника. Вслѣдъ за приказаніемъ, начальникъ, который всегда на мулѣ, кидается и бьетъ по головамъ нѣсколькихъ офицеровъ, тѣ бьютъ солдатъ и желаемый порядокъ устанавливается. Но солдаты изъ строя кричатъ на начальника—это не то жалоба, не то прямо брань.

Наружнаго чинопочитанія я у солдатъ не замѣтилъ. Правда, въ Абиссиніи всюду есть извѣстныя правила приличія, которыя по отношенію къ старшимъ начальникамъ соблюдаются и въ войскѣ; такъ не принято громко говорить съ начальникомъ, но говорятъ въ полголоса, почти шепотомъ, при разговорѣ съ начальникомъ ротъ всегда прикрываютъ угломъ шамы, чтобы скверное дыханіе подчиненнаго не коснулось лица начальника; наконецъ, при встрѣчѣ съ кеньазмачемъ или другимъ старшимъ начальникомъ солдаты кланяются ему въ поясъ, но все это относится только до высшихъ сановниковъ. Передъ баламба-

расомъ же солдатъ будетъ хладнокровно лежать на землѣ и отвѣчать крайне грубо и неохотно.

До сихъ поръ мы видали абиссинскія войска только обороняющими свои интересы, когда у каждаго солдата была вполнѣ понятная ему идея обороны своего дома, своихъ полей. Ходили еще абиссинцы въ походы на галласовъ, харарійцевъ и пр., тутъ каждый шелъ изъ-за добычи—и дрались хорошо. Но не думаю, чтобы абиссинскіе солдаты были хороши, какъ борцы за идею, менѣе осязательную для каждаго изъ нихъ.

Если европейскія арміи состоятъ преимущественно изъ пѣхоты, главнымъ образомъ, потому, что содержаніе пѣхоты дешевле обходится для страны, нежели содержаніе какого-либо другого рода оружія, то въ этомъ отношеніи Абиссинія далеко опередила другія державы, потому что содержаніе ея пѣхоты почти ничего не стоитъ государству.

Абиссинскій пѣхотинецъ по боевымъ своимъ качествамъ близокъ къ идеалу. Средняго роста, пропорціонально сложенный, худощавый, съ широкою грудью, на прочныхъ мускулистыхъ ногахъ, пятка которыхъ покрыта такой кожей, которую ножомъ не разрѣжешь — онъ пройдетъ всюду и вездѣ во всякое время года, днемъ и ночью. Семьдесятъ, сто верстъ въ день—это обыкновенный переходъ для абиссинскаго пѣхотинца, семь, восемь верстъ въ часъ—обычная скорость движенія. По горамъ, по острымъ и твердымъ каменьямъ, по топкому и липкому чернозему, черезъ заросли колючихъ мимозъ, онъ идетъ одинаково скоро и легко. Ему не нужны обозы. Спитъ онъ, прикрывшись шамою и, въ лучшемъ случаѣ, войлочнымъ бурнусомъ, сшитымъ на подобіе нашей бурки, ѣстъ — два-три блина инжиры, горсть рису, немного краснаго перцу и чесноку, рѣдко-рѣдко сырого бараньяго мяса или мяса быка. Какъ всѣ дѣти пустыни, онъ обладаетъ зоркимъ глазомъ и легко оріентируется даже и на совершенно незнакомой мѣстности. Стрѣлки абиссинцы недурные, но на небольшую дистанцію,

дальше постояннаго прицѣла не пошли и почти никто не знаетъ установки и употребленія прицѣльной рамки. Любимое развлеченіе ихъ—метаніе копій (употребляютъ обыкновенно тоненькую камышевую палочку) и стрѣльба въ цѣль—бутылку, черепокъ, бѣлый камень...

Одежда пѣхотинца состоитъ изъ длинной до колѣна рубахи, короткихъ и довольно узкихъ полотняныхъ штановъ и бѣлой шамы. Головного убора и сапогъ не полагается. Въ обыкновенное время всѣ эти вещи сомнительной чистоты и сѣрожелтаго цвѣта, на парадъ и въ бой все это или надѣвается новымъ, или ослѣпительно бѣлымъ отъ хорошаго мытья и сушки.

Вооруженіе состоитъ изъ ружья, обыкновенно 4-хъ-линейной винтовки, у большинства системы Гра, но есть и италіанское Ветерли и Генри-Мартини; я видалъ также винтовки Винчестера, магазинки Гра-Кропачека съ подствольнымъ магазиномъ и простыя охотничьи двустволки.

Холодное оружіе имѣется не у всѣхъ и состоитъ изъ длинной и кривой сабли въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ, заткнутой за поясъ съ правой стороны. Клинокъ французской работы и очень плохого качества. У нѣкоторыхъ есть итальянскія сабли въ желѣзныхъ ножнахъ, или штыки отъ французскихъ или итальянскихъ ружей.

Каждый солдатъ имѣетъ поясъ изъ широкаго куска сафьяна съ гнѣздами для патроновъ; патроновъ носится отъ 36—50. Офицеры и старшіе начальники, кромѣ ружья, которое носитъ ихъ слуга, имѣютъ при себѣ револьверы. Я видѣлъ револьверы всѣхъ системъ — Мервина, Смита-Вессона и др.

Въ арміи раса Уольди есть пѣхота, посаженная на муловъ. Вооруженіе и снаряженіе ея такое же, какъ обыкновенной пѣхоты, но скорость движенія до 12—15 верстъ въ часъ. Говорятъ, что ея только 7—8 тысячъ. Запасовъ фуража она съ собой не возитъ, но довольствуется подножнымъ кормомъ и реквизиціями.

Строевъ, какъ мы ихъ понимаемъ, абиссинская пѣхота

не имѣетъ. Первоначальнымъ построеніемъ, для полученія приказаній, для сбора, послѣ сраженія, передъ началомъ движенія, является подковообразный строй, причемъ люди становятся въ 3 — 5 шеренгъ. Если отрядъ невеликъ, то становятся въ развернутомъ строѣ въ двѣ-три шеренги; ни равненія, ни ранжира не держатъ. Ружья держатъ почти всѣ на плечѣ, впрочемъ, при встрѣчахъ я видѣлъ нѣкоторыхъ солдатъ, которые держали ихъ отвѣсно передъ собою, въ родѣ какъ бы „на-караулъ“.

На походѣ все это сильно растягивается. Каждый знаетъ, куда онъ долженъ прійти и когда, а затѣмъ соображаетъ свой путь по своему. Идутъ толпою, то и дѣло переходя въ бѣгъ, разговаривая, перекликаясь, бранясь. Останавливаются, чтобы вынуть мимозу, засѣвшую въ ногу, чтобы оправиться, выпить воды, зайти въ хижину и добыть молока или тэча, ни у кого не спрашиваясь, а потомъ догоняютъ бѣгомъ, иногда нѣсколько верстъ подрядъ. Среди солдатъ видны слуги, ведущіе въ поводу муловъ своихъ господъ, ослы съ палатками, мукой и патронами, лошади, солдатскія жены, нерѣдко съ дѣтьми, привязанными за спиной или сосущими грудь, даже во время движенія. Позади всего гонятъ барановъ. Тишины нѣтъ. Все говоритъ на трескучемъ абиссинскомъ языкѣ, будто всѣ бранятся между собой. Начальники на мулахъ подгоняютъ палкой солдатъ.

— Мынну, мынну? (сокращенное мындерну—что такое?), слышно то и дѣло и тонкая жердь свиститъ по голымъ затылкамъ...

На бивакъ становятся кругами. Палатка начальника, кругомъ палатки офицеровъ, кругомъ ихъ сдѣланныя изъ соломенныхъ снопиковъ хижины солдатъ. Покой охраняется часовыми „забанья“, которые лежатъ, въ родѣ нашихъ секретовъ, и дремлютъ, однимъ ухомъ чутко прислушиваясь къ ночной тишинѣ.

Отъ бивака до бивака идутъ иногда по 18 часовъ подрядъ. На бивакѣ пекутъ на маленькихъ жаровняхъ инжиру и, если начальникъ подарилъ, рѣжутъ быка или барана и руками рвутъ сырое, еще дымящееся мясо.

Для боя дѣлается особое словесное распоряженіе. Впрочемъ, и безъ него всякій знаетъ свое мѣсто. Это казачій „вентерь“—пѣшкомъ, рядъ пѣхотныхъ лавъ, растянувшихся на подобіе безконечнаго мѣшка или рыболовной сѣти. Строятся задолго до позиціи противника, верстъ за пять, а затѣмъ по примѣру, приказанію, крику начальника бѣгутъ, поощряя себя крикомъ: „Айгумэ! Айгумэ!“, кричатъ одни, „А-ля-ля-ля-ля-ля!“, кричатъ другіе, третьи называютъ имя начальника, вспоминаютъ имя Божіе, имя Богоматери. Бѣгутъ долго. Залягутъ за горой, куда не хватаютъ непріятельскіе пули и снаряды, и опять бѣгутъ быстро, какъ только позволяютъ бѣжать легкія горца, ноги вѣчнаго пѣшехода. Бѣгутъ, несмотря ни на ядра, ни на пули. Подбѣжали шаговъ на двѣсти и всѣ залегли. Никого не видно. Каждый нашелъ для себя камень, кустъ, пучекъ травы, стволъ дерева. Начинается огонь. Патронъ берегутъ. Каждый выстрѣлъ навѣрняка, каждая пуля несетъ смерть. И вотъ ряды непріятеля порѣдѣли... время атаки...

Абиссинская атака ужасна, непереносима для западноевропейскихъ нервовъ. Это шумный ураганъ, полный воплей, визга, надвигающійся съ ужасающей быстротой. Бьютъ чѣмъ попало: штыкомъ, прикладомъ, саблей,—пронеслась одна лава, охватила съ фланговъ, наткнулась на резервы, бросилась къ обозамъ, а за ней уже летитъ другая, третья, четвертая, пятая...

Крикъ, ругань, проклятія. Бѣлыя шамы развѣваются по вѣтру, черныя ноги прыгаютъ черезъ камни, глаза горятъ... Это не люди, это звѣри, нападающіе на добычу...

Дрогнулъ врагъ, побѣжалъ... Его преслѣдуютъ по пятамъ, преслѣдуютъ днемъ и ночью, не отстаютъ, гонятъ по степи, черезъ рѣки и горы. Берутъ въ плѣнъ, разстрѣливаютъ, колятъ.

Послѣ боя у Челенко абиссинцы гнали хараритовъ, не переставая, 10 часовъ, на плечахъ ворвались въ городскія ворота и остановили свое преслѣдованіе только тогда, когда жалкіе остатки арміи Абдула-Аги вмѣстѣ съ нимъ

самимъ не бросили оружія къ ногамъ разъяреннаго побѣдителя.

Дѣятельную роль при преслѣдованіи играетъ кавалерія.

Абиссинская конница состоитъ частью изъ абиссинцевъ, частью изъ галласовъ добровольцевъ и образуетъ дружины въ нѣсколько сотъ человѣкъ.

Абиссинцы плохіе наѣздники. Вся ихъ ѣзда основана на равновѣсіи. Лошади арабскія, нервныя, небольшія. Вслѣдствіе того, что ѣзда, или вѣрнѣе, скачка на нихъ начинается съ двухъ-лѣтняго возраста, при крайне скудномъ питаніи, рѣдкія изъ нихъ къ четыремъ-пяти годамъ достигаютъ полнаго развитія. Большинство узкогрудыя, беззадыя, съ разбитыми ногами. Конское снаряженіе состоитъ изъ ленчика съ путлищами и стременами, потника, нагрудника, пахвовъ, мундштука и недоуздка. Всѣ лошади некованы.

Ленчикъ деревянный съ широкими и плотными палицами, съ двумя луками. Передняя круглая, довольно высокая, задняя плоская, чуть поданная назадъ. Къ палицамъ пристроены два неширокихъ ремня путлищъ, съ небольшими грушевидными стременами, выгнутыми изъ проволоки въ мизинецъ толщиной. Спереди путлищъ прикрѣплены короткія приструги съ кускомъ провоолки въ полпальца толщиной, выгнутой въ формѣ четыреугольника и привязанной за одинъ уголъ къ ленчику. Къ этимъ пряжкамъ привязывается единственная подпруга сѣдла изъ сыромятнаго ремня въ палецъ шириною. Съ лѣвой стороны она привязана наглухо, съ правой пропускается въ пряжку, какъ въ блокъ, и подтягивается сейчасъ за передними ногами лошади. Снизу къ ленчику прикрѣплена шкура барана такъ, что, будучи согнута, она ложится шерстью на спину лошади. Спереди на луку надѣваются ремни подперсья, на груди всѣ три ремня соединены металлическимъ кольцомъ и нижній ремень пропускается въ подпругу. Пахвы прикрѣплены наглухо къ задней части палицъ и лежатъ по обѣимъ сторонамъ крупа, сходясь подъ

хвостомъ. На ленчикъ накладывается плоскій суконный, шелковый или ситцевый, смотря по состоянію всадника, матрасикъ, который посрединѣ имѣетъ прорѣзи для лукъ и свѣшивается по бокамъ лошади до колѣна всадника.

Мундштукъ желѣзный, состоитъ изъ усиковъ, къ которымъ прикрѣпляется поводъ, ложечки съ заостреннымъ концомъ и кольца, замѣняющаго цѣпку. Онъ очень узокъ и строгъ. Я видалъ лошадей съ перерѣзаннымъ языкомъ и съ совершенно отрѣзанной желѣзомъ кольца нижней губой. Поводъ, круглый, плетеный изъ множества тонкихъ ремешковъ, на подобіе казачьей нагайки, и очень короткій— онъ едва достигаетъ холки лошади и оканчивается сплетенной изъ ремней же ручкой. Оголовье сшито изъ широкаго, пальца въ три, ремня, выложеннаго краснымъ и зеленымъ сафьяномъ, украшеннымъ золотыми и серебрянными бусами; къ оголовью прикрѣплены широкіе налобникъ и нахрапникъ и узенькій подщечный ремешокъ. Между налобникомъ и нахрапникомъ, по лобовой кости положенъ широкій, вырѣзанный узоромъ, цвѣтной ремень.

Но щеголь „фарассанья", особенно, если онъ еще притомъ начальникъ, этимъ не ограничивается. На шею лошади, сейчасъ за ушами, вѣшается широкій ошейникъ, весь усѣянный золотыми и серебрянными таблетками, бусами и цѣпочками, внизу звенитъ бубенчикъ или маленькій колокольчикъ, всѣ ремни уздечки проложены золотомъ или серебромъ. Негусъ жалуетъ за храбрость наборы изъ металла на нагрудникъ и на пахвы, крупъ накрывается шелковымъ покровомъ, расшитымъ золотой канителью. Все гремитъ и звенитъ на конѣ. Бѣдная лошадь съ ея чистыми формами забыта подъ пестрыми красками богатаго убора, ея глаза грустно глядятъ въ промежутки между широкими и пестрыми ремнями оголовья, и вся она нервна отъ боли во рту, играетъ слабыми больными ногами, неся далеко въ отдѣлѣ пышный хвостъ...

Всадникъ одѣтъ пышнѣе, чѣмъ пѣхотинецъ. На его плечахъ всегда болтается какая-нибудь пестрая тряпка,

Абиссинскій кавалеристъ.

на подобіе лемпта, или шкура леопарда, или просто овчина съ длиннымъ рыжимъ мѣхомъ. На правомъ плечѣ виситъ ружье Гра или другой системы, тутъ же заткнута за поясъ длинная и кривая сабля въ сафьяновыхъ ножнахъ, а въ рукѣ, всегда на-готовѣ, для потѣхи, двѣ длинныхъ и прочныхъ трости, которыя, играя, абиссинцы мечутъ другъ въ друга. Только вольныя галласскія дружины сохранили дротики, какъ оружіе, абиссинцы же давно перешли къ ружьямъ и саблямъ.

Вся ѣзда абиссинской кавалеріи основана на равновѣсіи, или, какъ говорится, абиссинцы сидятъ „на честномъ словѣ". Какъ всѣ народы Востока, они садятся на лошадь съ правой стороны, вставляя въ стремя лишь одинъ большой палецъ ноги. Положеніе корпуса отвѣсно на всѣхъ аллюрахъ, скорѣе даже съ легкимъ уклономъ назадъ, нежели впередъ. Абиссинецъ ѣздитъ шагомъ, собраннымъ манежнымъ галопомъ, не различая ногъ, и въ карьеръ. Ѣздятъ очень смѣло и держатся въ сѣдлѣ крѣпко шенкелями, а не шлюссомъ. Лошади на своихъ ужасныхъ мундштукахъ весьма поворотливы. Абиссинскій всадникъ не держитъ все время повода въ рукѣ, но хватаетъ его только тогда, когда ему надо повернуть или остановить лошадь. Лошадь подается впередъ неохотно — всадникъ все время работаетъ шенкелями, на галопѣ же и на карьерѣ его ноги имѣютъ видъ веселъ быстро идущей лодки. Рысью почти не ѣздятъ, предпочитая въ такихъ случаяхъ спѣшиваться и бѣжать, ведя лошадь за тоненькій чумбуръ, привязанный къ оголовью снизу ганашей.

Абиссинскіе всадники не обучаются верховой ѣздѣ, но предполагается, что всякій абиссинецъ умѣетъ ѣздить верхомъ. Единственнымъ упражненіемъ абиссинской конницы является довольно популярная игра въ „гуксъ". Игра эта состоитъ въ метаніи тоненькихъ и длинныхъ палочекъ другъ въ друга, какъ на карьерѣ, такъ и съ остановки. Мечутъ очень ловко. Всякій разъ палочка падаетъ у ногъ противника. Выпущенную трость поднимаютъ,

сгибаясь съ сѣдла, но всякій разъ останавливая для этого лошадь. На лошадь садятся тяжело, всегда при помощи стремени, я никогда не видѣлъ, чтобы абиссинецъ прыжкомъ сѣлъ въ сѣдло, и адъютантскій, и драгунскій прыжки казаковъ русской миссіи ихъ приводили въ изумленіе. Посадка и манера ѣзды однообразна. Пустивъ лошадь въ галопъ, всадникъ поддерживаетъ ее на этомъ аллюрѣ поводомъ и шенкелями обѣихъ ногъ. Лошадь произвольно мѣняетъ ноги (креститъ), чаще же идетъ неправильнымъ галопомъ, кидая почти одновременно обѣ ноги впередъ и сильно садясь назадъ,—такой аллюръ считается особенно красивымъ. Увидавъ другого всадника, абиссинскій кавалеристъ выпускаетъ свою лошадь въ карьеръ и потрясаетъ въ рукѣ своими палочками, приглашая тѣмъ самымъ къ игрѣ въ гуксъ. Обогнавъ противника, онъ разомъ останавливаетъ лошадь и кидаетъ одинъ дротикъ назадъ, а затѣмъ снова скачетъ, поощряя своего коня ударами шенкелей и взмахами курбача (плети).

Походныя движенія конница совершаетъ въ перемежку съ пѣхотой. Всадники ѣдутъ на мулахъ, а лошадей, накрытыхъ уборами, слуги ведутъ сзади въ поводу. По приходѣ на ночлегъ, лошадей разсѣдлываютъ и пускаютъ пастись вмѣстѣ съ мулами. Рѣдко привязываютъ къ деревьямъ и никогда не треножатъ. Когда абиссинцы увидали, какъ мы надѣваемъ треноги на нашихъ лошадей и муловъ, они пресерьезно насъ увѣряли, что животныя наши поломаютъ себѣ ноги. Ни на походѣ, ни на бивакѣ кавалерія ни сторожевой, ни развѣдывательной службы на лошадяхъ не несетъ.

И въ бою роль абиссинской конницы маловажна... Она никогда не отважится атаковать противника, но лишь преслѣдуетъ опрокинутаго и обращеннаго въ бѣгство пѣхотой непріятеля. Въ бою конницу употребляютъ для выполненія тѣхъ хитроумныхъ стратагемъ, на которыя такъ падки абиссинскіе начальники. Строй всегда разсыпной, подобно казацкой лавѣ. Появившись неожиданно гдѣ-ни-

будь на флангѣ противника, конный отрядъ останавливается и назойливо начинаетъ обстрѣливать его, стрѣляя съ коня, и вызываетъ тѣмъ на передвиженіе, выгодное для пѣхоты. Какъ скоро противникъ двинется для отраженія конницы — эта послѣдняя даетъ тылъ и исчезаетъ въ горахъ, чтобы снова собраться и грозить нападеніемъ съ противоположной стороны. Ни командъ, ни сигналовъ при этомъ нѣтъ, но все кричитъ и галдитъ, подавая свои совѣты, давая указанія и приказанія.

Если есть удобное дерево, то не брезгаютъ спѣшиваніемъ. Лошадей привязываютъ по двадцати, по тридцати къ дереву и храбро наступаютъ на непріятеля съ фланговъ или съ тыла, обстрѣливая его ружейнымъ огнемъ. Но какъ скоро противникъ обратилъ на нихъ вниманіе, все кидается „на утекъ" къ лошадямъ, садятся, какъ попало, кто на чью лошадь поспѣлъ, саблями рѣжутъ чумбуры и ускакиваютъ во всѣ стороны.

Абиссинская конница въ бою—это надоѣдливая муха, которая садится то тутъ, то тамъ, не причиняя вреда, но безпокоя и изводя непріятеля. Это прототипъ казацкой лавы, пожалуй, это даже сама лава, но лава, лишенная присущей казакамъ смѣлости, энергіи и дисциплины строя.

Но, какъ только дрогнутъ ряды непріятеля и испуганные ревомъ и визгомъ атакующихъ пѣхотныхъ цѣпей подадутся назадъ непріятельскіе стрѣлки и начнется отступленіе, такъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ появится абиссинская конница. Она насядетъ на непріятеля и рубя, и коля, и стрѣляя, и топча конями, погонитъ его и будетъ гнать, пока не истребитъ или не заберетъ въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка.

Тутъ не жалѣютъ лошадей, не берегутъ ихъ силъ. Лошадь слишкомъ дешева (15—30 талеровъ) въ Абиссиніи, чтобы думать объ ея сохраненіи. Арабская кровь закипаетъ въ эти минуты въ измученномъ животномъ и оно часами скачетъ, надрывая легкія и калѣча о камни свои

слабыя ноги. Цѣль оправдываетъ средства, а цѣль добить противника—весьма важна...

Абиссинская артиллерія состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ (70—100 орудій) итальянскихъ горныхъ 2-хъ-дюймовыхъ пушекъ. Абиссинцы прониклись со временъ итальянской кампаніи глубокимъ уваженіемъ къ этому роду оружія, но увы, овладѣть искусствомъ орудійной стрѣльбы имъ еще не удалось. Напрасно почти каждый день за Аддисъ-Абебой упражняются въ стрѣльбѣ изъ пушекъ—толку мало. То чеку не вынутъ, то снарядъ положатъ задомъ на передъ, то не разсчитаютъ заряда; почти каждый день случаются на опытномъ полѣ несчастія отъ неумѣнія обращаться съ орудіями.

Попросить европейцевъ научить стрѣлять—гордость мѣшаетъ. Одинъ изъ представителей европейской державы предложилъ Менелику прислать инструкторовъ артиллерійскаго дѣла. „Нельзя“, сказалъ государь, „конечно, это было бы очень хорошо, но послѣ итальянской войны наши ни за что не станутъ ничему военному учиться у европейцевъ“...

Расъ Мангаша, владѣлецъ большинства орудій, во время итальянской войны приказывалъ цѣлить не въ группы, но въ отдѣльныхъ людей. И когда, наконецъ, послѣ многихъ выстрѣловъ ему удалось попасть въ отдѣльнаго человѣка и прострѣлить его насквозь—онъ очень былъ доволенъ и повелѣлъ на прицѣлѣ сдѣлать зарубку и всегда стрѣлять по этой зарубкѣ. Подобныхъ курьезовъ можно привести много. Вотъ почему артиллерія до сего времени не роздана по корпусамъ, но стоитъ во дворѣ Гэби и употребляется лишь для салютовъ, да для небезопасныхъ опытовъ.

Инженерныхъ войскъ, саперъ, понтонеровъ абиссинцы не имѣютъ. Немногочисленныя укрѣпленія, которыя они раскидали по границамъ, построены безъ плановъ, пѣхотными солдатами, а чаще плѣнными. Это высокій тынъ,

укрѣпленный жердями, выходящими изъ него подъ угломъ въ 45° и имѣющими заостренные концы. За тыномъ каменная стѣна съ узкими бойницами для ружей. Въ другихъ постройкахъ абиссинцы не нуждаются. Лучше всякаго инженера укрѣпила ихъ природа высокими, трудно доступными горами. Звѣриная тропинка для абиссинца великолѣпный путь, а всѣ рѣки Абиссиніи легко проходимы въ бродъ.

Абиссинское войско и полководцы его, негусъ Менеликъ, расъ Маконенъ, расъ Алула, расъ Мангаша, расъ Уольди стяжали себѣ всемірную извѣстность побѣдами своими надъ итальянцами въ 1895 и 1896 годахъ.

Такъ ли велики и такъ ли замѣчательны были эти побѣды, какъ объ нихъ писали и пишутъ? Да, это были первыя пораженія, которыя понесла бѣлая армія отъ черныхъ, это были первыя побѣды дикарей надъ цивилизаціей.

Но можно ли абиссинцевъ въ военномъ дѣлѣ считать дикарями? Можно ли сравнивать духъ армій—одной, сражающейся за цѣлость своихъ домовъ, за свою свободу, за родныя, горячо любимыя поля, за родину, и другой—подневольной, пришедшей завоевывать чужую, неинтересную, бѣдную землю?

Дикарь прежде всего безоруженъ. Вотъ сомали, данакили со своими копьями, дротиками и желѣзными ножами—дикари, и было бы удивительно, если бы они побѣдили армію, вооруженную скорострѣльными винтовками. Абиссинцы имѣли тѣ же итальянскія ружья, что и ихъ противникъ, имѣли и французскія Гра, съ которыми были основательно знакомы. Перевѣса на сторонѣ оружія не было, какъ не было перевѣса духовнаго. Не были итальянцы сильнѣе и дисциплиной. У абиссинцевъ, правда, мало толку въ бою, много крика, споровъ, но все-таки есть кто-то, кого слушаютъ, есть какая-то и весьма правильная притомъ традиція боя. Застигнутые подъ Адуей врасплохъ, итальянцы потерялись, довѣріе къ начальни-

камъ пало и жидкимъ, легко примѣняющимся къ мѣстности стрѣлковымъ цѣпямъ абиссинцевъ они противопоставили грузныя, тяжелыя каре. Баратьери, Альбертоне, Дабормида и другіе итальянскіе офицеры забыли, что такой способъ обороны, какъ залпы, хороши противъ полудикихъ племенъ, совсѣмъ не знающихъ или мало знающихъ, что такое огнестрѣльное оружіе. А вѣдь абиссинцы уже десять лѣтъ тому назадъ съ ружьями въ рукахъ разбили хараритовъ, уже три года вели борьбу съ Италіей, а раньше всѣ междоусобныя войны ихъ шли съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Было значитъ время примѣниться къ нему. Что могли сдѣлать эти никому ненужные залпы по абиссинцамъ, еле замѣтнымъ въ сухой желтоватой травѣ Адуанскаго поля?

Абиссинцы дрались въ превосходномъ числѣ, дрались, отлично зная мѣстность, сытые, опьяненные видомъ начальниковъ, лично подававшихъ примѣръ храбрости, то бранью, то обѣщаніями наградъ, побуждавшихъ идти впередъ и впередъ. Измученные тяжелымъ походомъ, въ суснѣ и грузныхъ башмакахъ, голодные итальянскіе солдаты смотрѣли на окружавшія ихъ незнакомыя горы, усѣянныя каменьями, изъ-за которыхъ то и дѣло мелькали бѣлыя шамы и въ ихъ головахъ являлось одно смутное сознаніе, что и бѣжать-то некуда.

Конечно, будь во главѣ ихъ волевой человѣкъ, способный передать таинственную духовную силу свою подчиненнымъ, онъ бы воспользовался безвыходностью положенія и перешелъ бы въ наступленіе, и кто знаетъ, въ чью пользу рѣшилась бы адуанская битва, но Баратьери былъ человѣкъ медлительный и нерѣшительный, безъ авторитета, безъ магнетической силы на своихъ солдатъ.

Вся кампанія итальянцевъ велась въ оборонительной, такъ сказать, системѣ. Идутъ впередъ пока нѣтъ сраженія, чуть сраженіе—оборона, нерѣшимость и слѣдствіе—пораженіе. А между тѣмъ абиссинцы не такъ ужъ страшны. Ихъ нужно давить волей и духомъ, они бѣгутъ цѣпями,

ихъ надо атаковать сомкнутыми ротами, эскадронами, рвать эти цѣпи, хватать резервы, идти туда, гдѣ отчаянно визжатъ солдатскія жены... Они идутъ 70—80 верстъ въ день, идите 100, 120 и они удивятся и сдадутъ.

Кого уважаютъ они теперь изъ европейцевъ? Однихъ русскихъ, потому что одни русскіе оказались сильнѣе ихъ волей и духомъ. Русскіе врачи ковыряли своими бѣлыми руками въ вонючихъ гнойныхъ ранахъ абиссинскихъ солдатъ, до которыхъ абиссинецъ, считая это „кефу“ (сквернымъ), не прикоснулся бы ни за что. Гнойныя раны заживали и солдатъ возвращался въ строй. Русскій кавалеристъ поручикъ Б—чъ метался по Абиссиніи, производя развѣдки съ быстротой и энергіей, превосходящей абиссинскія, и вотъ его прозвали „огонь человѣкъ“, „телеграфъ человѣкъ“ и начали уважать.

„Уважать бѣлаго воина“—это очень, очень много для абиссинца.

Заставь итальянцы себя такъ уважать, какъ это заставили „московы“, можетъ быть и война сложилась бы иначе и кличка „али“ была бы менѣе позорна.

Сильно интересуетъ Европу еще вопросъ объ итальянскихъ военно-плѣнныхъ. Ихъ нѣтъ болѣе въ Абиссиніи. Три, четыре остались въ Харарѣ по доброй волѣ—пекутъ булки, торгуютъ коньякомъ и матеріями; всѣ остальные въ прошломъ году вернулись домой. Конечно, ихъ положеніе было очень тяжело. Но надо отдать справедливость Менелику—онъ все сдѣлалъ, чтобы смягчить ихъ участь. Не его вина, что бѣдная его родина не обладаетъ достаточнымъ числомъ домовъ для размѣщенія европейцевъ, что не могъ онъ ихъ снабжать обувью и одеждой. Да, эти солдаты своей прекрасной родины много перенесли въ плѣну. Они ходили босикомъ, ѣли одну инжиру, покрывались лохмотьями, заѣдались насѣкомыми, но они вернулись все-таки такими же мужчинами, какъ и пошли, никакихъ гнусныхъ операцій съ ними не дѣлали и все, о чемъ такъ много говорилось—неправда...

Это было раньше, въ первыя экспедиціи бѣлыхъ, когда плѣнныхъ задерживали навсегда, когда было фактическое рабство...

Абиссинская армія могла бы и должна бы была теперь быстро прогрессировать. Но побѣда надъ Италіей вскружила ей голову и какъ не хочетъ абиссинская артиллерія учиться стрѣлять изъ пушекъ, такъ и сами абиссинцы ничему не желаютъ учиться у презрѣнныхъ „али"—европейцевъ...

Пройдутъ года—можетъ быть, новое столкновеніе съ европейцами окажется менѣе удачнымъ для Абиссиніи и тогда народъ познаетъ то, что заботитъ теперь абиссинскихъ передовыхъ людей, что какъ ни хороша самобытная, вѣковая культура, но далеко ей до европейской, и тогда начнется серьезный переломъ въ жизни Абиссиніи.

А можетъ быть Абиссинія дождется своего Петра Великаго...

XXV.

Аддисъ-Абеба.

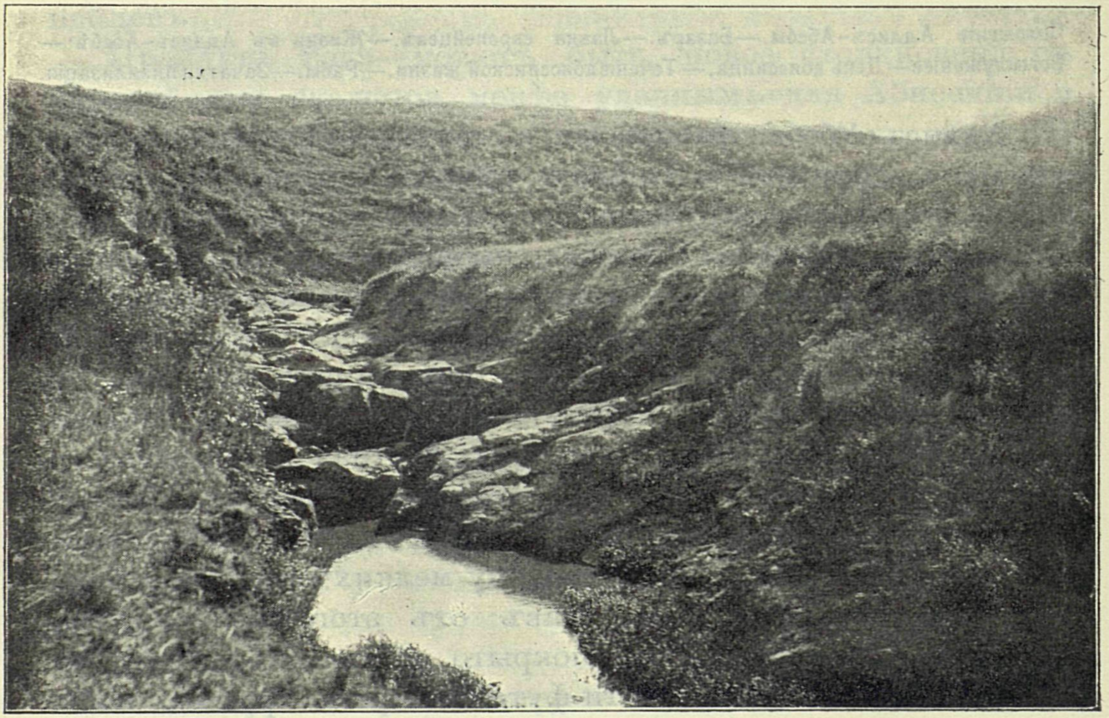
Положеніе Аддисъ-Абебы.—Базаръ.—Лавки европейцевъ.—Жизнь въ Аддисъ-Абебѣ.—Богослуженіее—День абиссинца.—Теченіе абиссинской жизни.—Рабы.—Зачатки цивилизаціи.

Аддисъ-Абеба расположена по теченію извилистаго, обильнаго притоками горнаго ручья Хабана, на высотѣ 8,300 футовъ, и окружена со всѣхъ сторонъ крутыми и отвѣсными горами. Это всхолмленное плато, покрытое краснымъ глинистымъ черноземомъ, поросшимъ жидкой желтой травой. По окраинамъ горъ кое-гдѣ высятся кипарисы и смоковницы — остатки давнишнихъ лѣсовъ, да мелкіе кусты дикаго кофея, олеандра, лавра и лимона, густой порослью покрыли склоны. Мутная и бурливая въ дождливое время, тихая и прозрачная въ засуху, Хабана течетъ съ сѣверо-запада на востокъ, даетъ бездну изгибовъ, принимаетъ въ себя тысячу мелкихъ рѣчекъ и болотистыхъ ручьевъ и, не ставъ отъ этого полноводнѣе, уходитъ въ горы. Дно ея покрыто камнями, неглубокое, колеблется отъ 1-го до 5-ти футовъ, берега крутые, отвѣсные, то образованы каменными скалами, то полукруглымъ наплывомъ чернозема. Здѣсь и тамъ крутая лѣстница—тропинка сбѣгаетъ къ броду, покрытому большими и малыми камнями—это дорога, или, если хотите, улица.

Въ центрѣ, на самомъ высокомъ холмѣ, окруженное круглой бѣлой стѣной, лежитъ Гэби, на сѣверъ отъ него, черезъ рѣчку, на сосѣднемъ холмѣ виденъ темный заборъ и деревья императорской кладовой, а вокругъ по склонамъ покатаго холма располагается ежедневный базаръ, или „габайя“. Здѣсь на четырехъ столбахъ стоитъ соломенная

вышка для начальника базара, или шума, а кругомъ этой вышки съ утра и до вечера кишитъ толпа черпаго народа.

И кого-кого вы не встрѣтите тутъ! Вонъ солидный кеньазмачъ, съ черной бородкой клиномъ, закутавшись съ подбородкомъ въ снѣжнобѣлую шаму, медленно выступаетъ, сопровождаемый толпой ашкеровъ, вотъ красавица жена Афанегуса на пышномъ мулѣ, съ двумя конными

Рѣка Хабана.

ашкерами позади, пробирается въ толпу, она пріѣхала купить чеснокъ и перецъ для хозяйства, но ручаюсь, что ее не такъ привлекаютъ эти покупки, да и для хозяйства онѣ не нужны, какъ хочется поболтать вволю съ продавщицами, что собрались со всѣхъ деревень. Новостей и не перечтешь, не запомнишь, столько разскажутъ Маріамъ и Фатьма. Тамъ кража случнлась—будутъ звать „либечая“, Ато-Павлосъ въ походъ снаряжается, а расъ Маконенъ,

слышно, скоро назадъ будетъ въ Аддисъ-Абебу, то-то праздникъ будетъ!...

Ручаюсь, если вы попали на базаръ, она и васъ не

Молодая красавица абиссинка.

пропуститъ, чтобы не окинуть темнымъ взглядомъ миндалевидныхъ своихъ глазъ и не подарить многообѣщающей улыбкой.

А вотъ закованный преступникъ вмѣстѣ со своимъ по-

ручителемъ тянетъ жалобную пѣсню, вымаливая амулье на выкупъ. Маленькая дѣвочка съ платкомъ вокругъ бедеръ вмѣсто платья и братишка ея безъ всякихъ признаковъ одежды бредутъ, неся на плечахъ по двѣ соли—размѣнъ на цѣлый талеръ, видно мать ихъ послала, чтобы дѣлать мелкія закупки, вотъ и ашкеры въ чистыхъ рубахахъ—это ашкеры негуса, а тамъ дальше, болѣе грязные, то будутъ ашкеры абунъ, или кого-нибудь изъ расовъ. А сколько женщинъ! Тутъ и черныя галласки изъ деревень, съ пышными обнаженными бюстами, тутъ и худыя, коричневыя, полуголыя данакильки съ браслетами у плеча и на ногахъ, съ длинными волосами и дикимъ взоромъ и абиссинки въ сѣрыхъ рубахахъ, совершенно скрывающихъ ихъ смуглое тѣло, съ волосами, то въ мелкихъ кудряхъ, то выстриженныхъ подъ гребенку, тутъ и священники, и купцы, и нашъ русскій капельмейстеръ верхомъ на рыжей клячѣ и италіанскій ашкеръ въ яркозеленой чалмѣ и синей суконной накидкѣ... и все говоритъ, кричитъ, бранится на всѣхъ языкахъ Африки, подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ...

У самой дороги расположились краснорядцы. Прямо на землѣ постланы цыновки и на цыновкахъ лежатъ штуки бѣлой матеріи—мѣстнаго производства, на рубахи, шамы и панталоны, и англійская ткань на палатки, и готовыя шамы съ зеленымъ, краснымъ и синимъ кантами, и бурочный черный войлокъ, и сшитые изъ него бурнусы, конусы съ отверстіемъ для головы, обшитымъ кожею, и патронташи изъ сафьяна, и патроны Гра, и цыновки изъ соломы, и цѣлыя громадныя кожи быка и шкуры барана, а рядомъ торгуютъ мелочью—тутъ и шведскія спички—тринадцать коробокъ на соль, и чеснокъ, наложенный въ изящныя круглыя корзинки изъ тонкой соломы, и эти корзины, цѣлые столы изъ соломы, и перецъ, и темныя гомбы тэча, или тэллы, вѣники гэша, мѣшки ячменя, дурры, муки пшеничной и муки дурры, даже готовые блины инжиры, А дальше сѣдла, уздечки, вьючныя сѣдла, ленчики, стремена, мундштуки. Тутъ же бродитъ монахъ, предлагая

купить переплетенныя въ кожаный переплетъ, въ шелковомъ мѣшкѣ, рукописныя пѣсни Давида съ картинками, раскрашенными красной, зеленой, желтой и синей красками, онъ же продаетъ и мѣдный ажурный крестъ, и церковныя бряцала... За узкой тропинкой, пересѣкающей габайю, идетъ оживленный торгъ сѣномъ, шестами для построекъ, хворостомъ, дровами—тонкими сучками, длинными палками

Габайя.

бамбука и даже верблюжьимъ и конскимъ навозомъ. Тутъ же мѣняютъ талеры на грязные сѣрые бруски соли или на талеры и полуталеры Менелика. А дальше, подъ горкой, пригнано штукъ триста ословъ для продажи. Тутъ и старые ослы, и совсѣмъ молодые, мохнатые, пузатые ослики, дальше мулы ждутъ своихъ покупателей, а внизу, подъ горой, у вѣтвистаго и раскидистаго дерева, цѣлая шеренга кавалеристовъ торгуютъ худыхъ и заморенныхъ коней... Совершенная ярмарка, гдѣ-либо на югѣ Россіи! Такой базаръ бываетъ по субботамъ, но и въ прочіе дни онъ

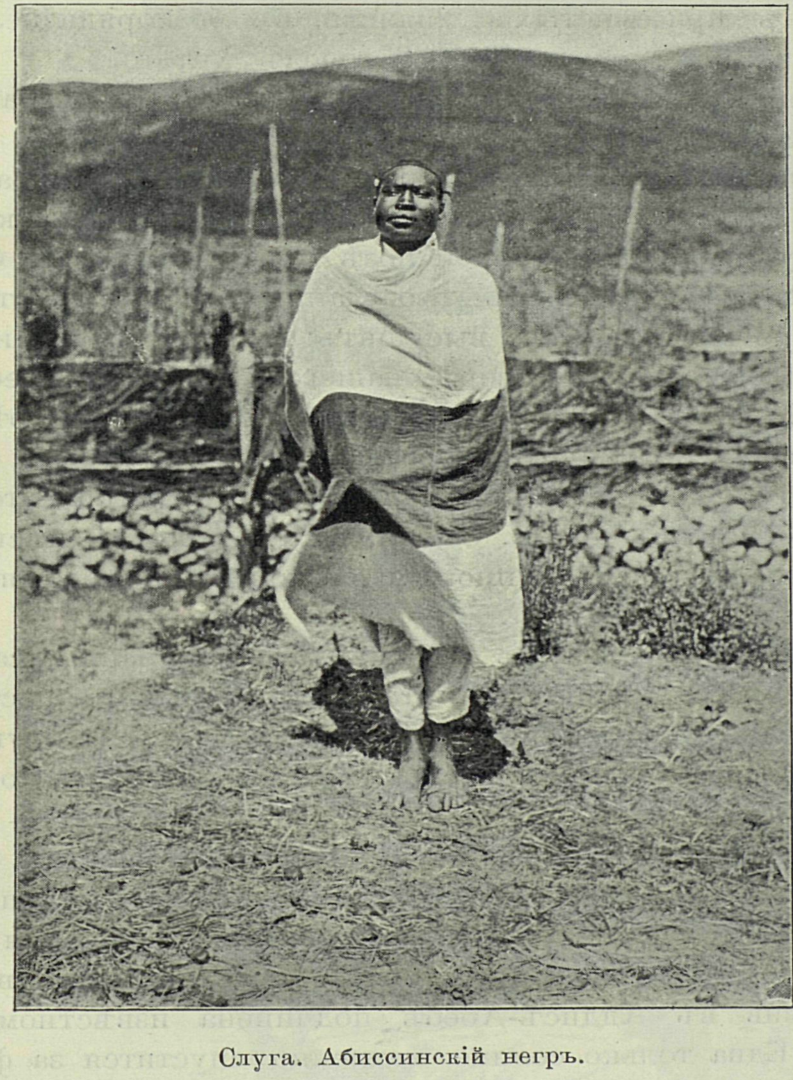
немногимъ меньше. Постоянно толпится здѣсь двѣ, три тысячи народа, стоитъ крикъ, шумъ и разговоры. Это мѣсто замѣняетъ собою и клубъ, и газету, и мѣсто отдохновенія. Отсюда исходятъ всѣ сплетни, сюда же приходятъ извѣстія изъ таинственнаго Гэби.

Внизу подъ горой, на западной ея сторонѣ пріютились за высокой хворостяной оградой уютные домики французскихъ колонистовъ Савуре и Трулье. У нихъ вы найдете все, что вамъ нужно—и ружья Гра, для вооруженія вашихъ слугъ, и патроны, и машинное масло по 1 рублю за флаконъ, и варенье 1 рубль 25 копѣекъ фунтъ, и печенье Феликса Потена въ Парижѣ, и коньякъ, и ромъ, и вино, и табакъ, и гвозди, и сапоги, словомъ весь мелкій обиходъ европейца; всего понемногу. Но Трулье и Савуре жалуются на застой торговли, только и живутъ наѣзжими европейцами; абиссинцы же ничего не покупаютъ. За ихъ домами нѣсколько хижинъ, дальше широкая пыльная дорога между полей желтой травы, дорога къ таинственному Нилу.

Торговля Аддисъ-Абебы, однако, не заканчивается габайей, да двумя французскими магазинами. Подлѣ дома абуны Матеоса, за мостикомъ, перекинутымъ черезъ искусственный ручей, находится лавка армянина. Здѣсь торгуютъ сукномъ, цвѣтными шелками, шарфами, кумачемъ, ситцемъ и всякой мелочью. Торговля идетъ тоже не Богъ вѣсть, какъ блестяще, лавка стоитъ подъ замкомъ и хозяинъ жирный, толстый и сѣдой, въ грязномъ халатѣ, появляется лишь при видѣ покупателя и, кряхтя и охая, идетъ отворять свой магазинъ. По дорогѣ къ Гэби живетъ булочникъ, что печетъ вкусное фурно—вотъ и всѣ торговыя заведенія столицы эфіопской имперіи...

Между Гэби и рынкомъ, въ лощинѣ, насажена гэша въ саду съ каменной бѣлой стѣной; видны плантаціи сахарнаго тростника и банановый садъ. На сосѣднемъ холмѣ большая церковь съ густой и зеленой рощей кругомъ, потомъ опять балка, крутая, съ каменистымъ, почти отвѣснымъ спускомъ и такимъ же подъемомъ, домъ Ичигэ,

окруженный бездной построекъ, хорошенькій домикъ m-sieur Ильга, съ соломенной бѣлой крышей, ни дать, ни взять, усадьба малороссійскаго помѣщика, потомъ туда,

Слуга. Абиссинскій негръ.

на сѣверъ, длинное ровное поле, поросшее изумрудной травкой, и большое и роскошное имѣнье m-sieur Лагарда, французскаго резидента. Тутъ и длинный, почти по-европейски устроенный домъ, крытый соломой, и дворъ для

ашкеровъ, наполненный соломенными хижинами, и громадный садъ, и огородъ, сбѣгающій къ мутной Хабанѣ.

За домомъ французскаго резидента высокая, почти отвѣсная гора и на ней бѣлая церковь, окруженная массой черныхъ приземистыхъ хижинъ, въ безпорядкѣ липнущихъ къ ней—это старинный городъ Антото.

Если отъ дома Лагарда пойти внизъ по Хабанѣ, то вы встрѣтите дорогой бездну прачекъ и мужского, и женскаго пола. Безъ мыла они полощутъ шамы и рубахи въ рѣкѣ, купаются тутъ же и сами и всѣ въ перемежку, или въ задумчивой и степенной позѣ голые сидятъ на берегу на желтой травѣ передъ разостланнымъ бѣльемъ въ ожиданіи, когда солнце его высушитъ; дальше на линіи Гэби по правому берегу дворъ нашего „Краснаго Креста“ и русскій госпиталь и по лѣвому, въ верстѣ отъ рѣки, у самой горы, вы увидите хворостяной заборъ, русскій флагъ на шестѣ надъ нимъ и чистыя бѣлыя палатки—это русскій посольскій дворъ. За нимъ деревенька, нѣсколько палатокъ наѣзжихъ купцовъ и безконечныя желтыя поля, уходящія на востокъ....

Развѣ можно назвать городомъ это собраніе усадьбъ, соединенныхъ тропинками, эта кучка деревень и построенныхъ между ними помѣщичьихъ домовъ и круглыхъ церквей со звѣздами изъ страусовыхъ яицъ вмѣсто крестовъ?

Городъ, безъ улицъ, безъ домовъ, съ одними хижинами... И тѣмъ не менѣе это городъ, городъ будущаго и притомъ громадный городъ, какъ и сама Абиссинія государство, которое еще будетъ настоящимъ государствомъ...

Жизнь въ Аддисъ-Абебѣ подчинена извѣстному режиму. Едва только солнце медленно спустится за фигурныя горы далекаго запада, какъ всякое движеніе прекратится на тропинкахъ, по балкамъ и въ ручьяхъ. Черные сомалійцы полицейскіе, въ синихъ италіанскихъ плащахъ, съ ружьями и палками въ рукахъ одни по повелѣнію негуса бродятъ по городу и забираютъ подъ стражу всѣхъ,

Молебенъ въ Адисъ-Абебѣ.

кто осмѣлится выйти послѣ заката на улицы города. Ихъ сажаютъ въ темную и грязную караулку, гдѣ приходится провести время въ сомнительномъ обществѣ воровъ и бродягъ до утра, когда по допросу оберъ-полицiймейстера, все того же Азача-Гезау, одни будутъ выпущены на свободу, другiе заточены въ тюрьму.

За часъ, или за два часа до восхода солнца, медленные и монотонные удары церковныхъ колоколовъ будятъ уснувшiй городъ. По всѣмъ церквамъ начинается служба. Если есть праздникъ, то при сумеркахъ начинающагося дня можно видѣть, какъ изъ воротъ Гэби выходитъ медленная процессiя солдатъ и начальниковъ, выстраивается вдоль стѣнъ въ ожиданiи выхода Менелика, а потомъ слѣдуетъ за нимъ въ одну изъ церквей.

Въ полумракѣ сырого храма слышно пѣнiе священниковъ, видны ихъ бѣлыя фигуры, подпрыгивающiя въ священномъ танцѣ, раздаются рѣзкiе звонки бряцалъ. Толпа окружаетъ алтарь, лица у всѣхъ сосредоточены, полны молитвеннаго напряженiя. Мало кто понимаетъ происходящее передъ нимъ; школъ нѣтъ въ Абиссинiи, церковные обряды извѣстны лишь одному духовенству, но всѣ одинаково сурово слушаютъ носовые звуки пѣнiя, мѣрные удары барабана, звонъ струнъ и позвонки бряцалъ, образующихъ странную таинственную, мрачную музыку.

Атмосфера въ церкви отъ толпящихся молящихся, отъ запаха немытыхъ шамъ, пота и масла становится удушливой. Выйдешь на паперть, тамъ толпятся въ ожиданiи найма полуголыя галласскiя плакальщицы, да двое, трое нищихъ калѣкъ, точь въ точь, какъ у насъ на Руси, жалобными голосами просятъ милостыню у прохожихъ.

Ограда заключаетъ пять, шесть громадныхъ смоковницъ и кипарисовъ, нѣсколько банановъ и дикихъ кустовъ. Отъ кустовъ этихъ, покрытыхъ мелкими лиловыми цвѣточками, идетъ пряный ароматъ. Голубые дрозды маленькой дружной стайкой перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, громадная ворона, вдвое больше нашей, съ бѣлымъ ворот-

никомъ подъ клювомъ, съ рѣзкимъ карканьемъ носится надъ кустами, жукъ ползетъ по травѣ—все полно мира и тишины въ этомъ маленькомъ садикѣ.

Абиссинскій священникъ.

Солнце поднимается выше, девять часовъ скоро. Утомительная служба кончена, вельможи садятся на муловъ и сопровождаемые ашкерами разъѣзжаются по всѣмъ концамъ Аддисъ-Абебы, бѣдные, простые граждане, ашкеры

безъ дѣла, расходятся по своимъ хижинамъ и начинаются занятія.

Кто идетъ на габайю продавать, или покупать, кто на мулѣ со своимъ азачемъ (прикащикомъ) и двумя, тремя ашкерами ѣдетъ въ имѣнье смотрѣть, какъ медленно ходитъ за парой воловъ, запряженныхъ въ ярмо, военно-плѣнный галласъ, какъ бѣгаютъ и рѣзвятся въ табунѣ мулы и лошади, а у кого имѣнья нѣтъ по близости, тотъ ложится на альгу въ парадномъ залѣ своемъ и смотритъ, какъ помѣщающіеся здѣсь же мулы жуютъ сѣно, и слушаетъ докладъ своего домоправителя. Докладъ этотъ несложенъ: курицы снесли нѣсколько яицъ, ашкеръ Уольде Тадикъ ушелъ и нанялся къ другому, унеся новую только-что подаренную ему шаму, галласка военно-плѣнная родила мертваго ребенка, у сосѣда украли ружья, Афа-Негусъ прислалъ „либечая“ искать вора...

Либечай одно изъ странныхъ и любопытныхъ явленій далекой Эфіопіи. Это мальчикъ 12-ти—15-ти лѣтъ, непремѣнно невинный, который употребляется для розыска вора. Его приводятъ въ домъ, гдѣ совершена кража, поятъ какимъ-то наркотическимъ питьемъ, послѣ чего онъ впадаетъ въ полусознательное состояніе, встаетъ и движется впередъ и впередъ, прямо въ домъ вора, на постель котораго онъ ложится. Если на пути встрѣтится вода, то чары кончаются и либечая надо снова поить на берегу ручья. Вѣра въ могущество силы либечая такъ велика, что воръ, прослышавъ о томъ, что позвали либечая, обыкновенно подкидываетъ украденныя вещи владѣльцу.

Такъ было и у насъ. На третій день по приходѣ нашемъ въ Аддисъ-Абебу всѣ столовые ножи офицерскаго собранія оказались украденными. Позвали Азача-Гезау, тотъ послалъ за либечаемъ. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ ножи были подкинуты къ воротамъ нашего дома...

Докладъ домоправителя конченъ. Начинается томительное ожиданіе обѣда. Уже жена два раза проходила черезъ залъ смотрѣть, какъ опытный въ семъ дѣлѣ ашкеръ

разрѣзаетъ жирнаго барана, а служанки проносили пряный тэчъ въ тыквенныхъ выгнутыхъ гомбахъ, а до 11-ти часовъ все еще далеко. По счастью пришелъ ашкеръ отъ сосѣда, сосѣдъ собрался навѣстить, и спрашиваетъ позволенія.

— „Конечно! Жду! Проси!“

Хозяинъ идетъ распорядиться о тэчѣ; изъ какихъ-то дальнихъ закромовъ выползаютъ приживальщики кліенты, старикъ, съ провалившимся носомъ, толстый и жирный мужчина, прогорѣвшій купецъ и какой то отставной монахъ.

Они садятся на полу рядомъ съ хозяиномъ и хранятъ суровое молчаніе. Они лица безъ рѣчей, имъ говорить не полагается.

Приходитъ сосѣдъ. Толпа ашкеровъ наполняетъ дворъ. Сосѣдъ въ тонкой шамѣ, привѣтливъ и любезенъ.

— „Дэхна—ну?“

— „Дэхна—ну“.

Низко кланяясь, говорятъ они другъ другу. Шамы закрываютъ рты, согласно этикета.

— „Доброе утро“.

— „Добрый день“.

— „Всѣ здоровы?“

— „Благодарю“.

— „Все хорошо?“

— „Слава Богу“.

Гость садится тутъ же на коврѣ. Наступаетъ молчаніе.

Хозяинъ подманиваетъ пальцемъ домоправителя и говоритъ ему что то на ухо. Домоправитель исчезаетъ и черезъ нѣсколько минутъ ашкеры приносятъ стаканы съ тэчемъ. Разговоръ немного оживаетъ, даже вдается въ политику. Незнакомые съ картой, они говорятъ о географическомъ положеніи государствъ, о предполагаемыхъ походахъ, войнахъ, раздѣленіяхъ. Хозяинъ старый воинъ вдается въ воспоминанія.

Наступаетъ время обѣда. Слуги приносятъ громадную

жаровню съ полусырымъ бараньимъ мясомъ, инжиру и снова тэчъ.

Гость и хозяинъ ѣдятъ до отвалу.

Отъ сырого мяса, тяжелой инжиры и пьянаго тэча

Знатный абиссинецъ.

хочется спать. Хозяинъ посматриваетъ на гостя, гость и самъ понимаетъ, что надо дѣлать — онъ громоздится на мула и ѣдетъ домой. Хозяинъ идетъ въ темныя сѣни, гдѣ на широкой альгѣ уже постланъ пушистый коверъ, куплен-

ный у армянина. Онъ кладетъ руку подъ голову и вскорѣ засыпаетъ тяжелымъ, пьянымъ сномъ.

Все спитъ въ Аддисъ-Абебѣ. Спитъ хозяйка дома, спятъ ашкеры по соломеннымъ хижинамъ, спятъ ихъ жены на соломѣ, на голой землѣ, спитъ весь день гонявшаяся за воронами мохнатая собака. На рынкѣ еще идетъ жизнь, тамъ ходятъ покупатели, но и тѣ спѣшатъ домой.

Солнце подымается выше и выше; его лучи льются отвѣсно на коническія крыши, потомъ оно спускается къ дому Трулье и длинныя тѣни ползутъ отъ деревьевъ. Четвертый часъ дня: хозяинъ просыпается, лѣниво кутаясь въ шаму выходитъ на крыльцо и, щуря свои заспанные глаза, глядитъ, какъ возятся его ашкеры на дворѣ, какъ военно-плѣнныя галласки толкутъ деревяннымъ пестомъ въ деревянной ступѣ ячмень или дурру, глядитъ въ полуснѣ на красное небо, что становится все ярче и ярче, глядитъ, какъ лиловыя тѣни ползутъ по крутымъ горамъ и темная ночь спускается надъ долиной. Шакалы начинаютъ свой унылый концертъ и темный городъ вновь погружается въ тяжелый сонъ...

Когда развившіеся отъ сырого мяса глисты начнутъ мучить абиссинца онъпринимаетъ „куссо", особое растеніе, и оффиціально объявляетъ себя больнымъ. Онъ ложится на альгу, принимаетъ скучный видъ и окруженный своими кліентами ожидаетъ спасительнаго дѣйствія лекарства.

А потомъ опять та же монотонная жизнь, изъ церкви въ имѣнье, на альгу, а потомъ созерцаніе природы у дверей хижины и снова альга и сонъ...

Рожденіе ребенка не приноситъ съ собою тѣхъ радостей, съ которыми оно встрѣчается въ Европѣ. Ребенокъ не надежда, не гордость семьи, не забота ея. Онъ является какъ то неожиданно и всегда непріятенъ отцу, лишающемуся изъ-за него на нѣкоторое время семейныхъ радостей, составляющихъ половину его существованія. Пока идетъ періодъ молочнаго питанія, ребенокъ треплется въ простынѣ за спиной у матери, нерѣдко на ходу питаясь молокомъ.

Но едва только пройдутъ эти тяжелые мѣсяцы, какъ ребенокъ забытъ. Съ грязнымъ платкомъ на бедрахъ, если это дѣвочка и совершенно голый, если это мальчикъ, новый членъ абиссинской семьи влачитъ жалкое существованіе, то катаясь въ навозѣ между муловъ, то воюя съ пѣтухами и курами, то дружа съ мохнатой собакой. И какія, какія болѣзни перенесетъ онъ за это время. Сколько накожныхъ сыпей и язвъ найдете вы на его коричневомъ тѣлѣ. Къ 10-ти годамъ у него являются друзья—это его братья и сестры, нерѣдко отъ разныхъ матерей. Къ этому времени его начинаютъ одѣвать и смутныя мечты родятся въ его курчавой головѣ. О чемъ мечты? Конечно, о войнѣ, о томъ, чтобы быть ашкеромъ, потомъ офицеромъ, генераломъ и убить много, много ненавистныхъ Али.

И свадьба проходитъ безъ особаго торжества, женихъ беретъ невѣсту, платитъ за нее родителямъ и, сопровождаемый подругами ея, вводитъ ее въ свой домъ. Молодая жена работаетъ на мужа, сопровождаетъ его въ походахъ, но живетъ подъ постояннымъ страхомъ быть покинутой, или замѣненной...

Наступаетъ старость, смерть. Мертвеца закутываютъ въ бѣлую шаму и несутъ на носилкахъ въ церковь, гдѣ вокругъ его гроба будетъ плясать и пѣть духовенство и полуобнаженныя плакальщицы съ воемъ и присѣданіями проводятъ его до могилы.

Трупъ закопаютъ у дороги, подлѣ другихъ могилъ; рядъ неровныхъ плитъ четыреугольникомъ обозначатъ положеніе тѣла покойника. Въ головахъ поставятъ еще двѣ плиты стоймя, и могила безъ насыпи, безъ цвѣтовъ, скоро забудется въ безбрежной унылой пустынѣ.

Вся жизнь идетъ, какъ тяжелый однообразный будень, какъ сѣрый день, какъ африканскій безконечный дождь. Поколѣнія смѣняютъ поколѣнія, военныя грозы волнуютъ, видоизмѣняютъ страну, а ни одна лѣтопись не разсказываетъ намъ тайнъ былой жизни. Древніе храмы такъ же просты и убоги, какъ храмы современные, нѣтъ причуд-

ливыхъ обелисковъ, таинственныхъ пирамидъ, нѣтъ ни статуй, ни картинъ. День за днемъ бѣгутъ, какъ волны мутной Хабаны, унося время въ безконечность, и жизнь проходитъ, не оставляя черты, не оставляя слѣда; безплодная, ненужная міру жизнь.

И развивается философскій взглядъ на вещи, исчезаетъ представленіе о времени, о пространствѣ, нѣтъ страха смерти.

Когда осужденный на смерть преступникъ видитъ сурово опущенные внизъ (pollice verso) большіе пальцы рукъ у сѣдыхъ судей абиссинскаго ареопага и читаетъ въ этомъ приговорѣ къ смерти—онъ не блѣднѣетъ, не теряется. Низко кланяется онъ своимъ судьямъ и отдается въ руки палача. И хоть бы тѣнь страха!!

И такъ же безстрашно несутся абиссинскія дружины навстрѣчу огню, подъ удары сабель, подъ пушечные выстрѣлы; имъ, среди ихъ сѣрой жизни—смерть не страшна...

И среди этого скучнаго, сѣраго существованія есть, однако, завѣтная мечта о иныхъ свѣтлыхъ веселыхъ дняхъ—это мечта о войнѣ.

Война прерываетъ этотъ тяжелый, почти мучительный сонъ, накопленная годами энергія вдругъ просыпается, все принимаетъ оживленный видъ, начинается мобилизація, а затѣмъ идутъ веселыя мечты о лемптахъ, чинахъ и почетѣ.

Война для абиссинца является чѣмъ то такимъ радужнымъ, веселымъ, интереснымъ, о чемъ стоитъ поговорить и помечтать. Война единственное средство разбогатѣть и изъ подневольнаго ашкера выбиться въ начальники...

Есть въ Абиссиніи, и особенно въ Аддисъ-Абебѣ, еще люди... Ихъ руками воздвигнуто бѣлокаменное Гэби, они оплели хворостянымъ заборомъ мѣсто нашего лагеря, они дѣлали столы для аптеки и госпиталя, они приносили дурго, пригоняли намъ козъ и барановъ, они работаютъ на плантаціяхъ гэши, настаиваютъ ароматный тэчъ, погоняютъ тучныхъ быковъ на богатыхъ абиссинскихъ нивахъ—это военно-плѣнные галласы.

Я видѣлъ ихъ на императорской каменоломнѣ. Тысячъ шесть народу отъ 20 до 60-ти-лѣтняго возраста, худого, измореннаго, измученнаго работой, голоднаго, работало здѣсь, то выламывая камень, то перенося его на голыхъ плечахъ къ мѣсту постройки. Всѣ кости просвѣчивали сквозь ихъ шеколадное тѣло; глубоко запали голодные животы, грудь выдвинулась впередъ, а худыя костистыя ноги передвигались съ медленнымъ упорствомъ. Обрывки грязныхъ, грубыхъ, сѣрыхъ тряпокъ висѣли у кого на плечахъ, у кого на бедрѣ, не прикрывая ихъ жалкой наготы.

Когда Менеликъ пріѣхалъ сюда, окруженный своей свитой, часть поклонилась ему до земли и крикомъ „аля-ля-ля-ля-ля“,—привѣтствовала его, другая болѣе озлобленная, болѣе недовольная, побросавъ каменья, кинулась къ нему съ криками „абьѐтъ, абьѐтъ“ (жалоба, жалоба). Страшно было смотрѣть на эти полускелеты, проникнутые мучительной мольбой, жалобной просьбой.

Палки ашкеровъ быстро возстановили порядокъ. Галласы взялись за каменья и рабочая жизнь, пріостановившаяся было на время проѣзда Менелика, вошла въ свою череду—череду отъ восхода до заката, безъ отдыха, не покладая рукъ...

И все таки это лучшее, что могъ сдѣлать гуманный властитель Эфіопіи для мятежныхъ племенъ. Традиціи требовали полнаго рабства—его нѣтъ въ Абиссиніи. Покоренные галласы работаютъ опредѣленное число лѣтъ, отбываютъ свою каторгу, а потомъ получаютъ свободу. Въ ихъ деревняхъ есть свои старшины, они имѣютъ свои участки, свой скотъ, своихъ лошадей.

Великій негусъ капля за каплей вноситъ гуманитарныя идеи въ понятія абиссинцевъ и не круто ломаетъ жизнь полудикаго горнаго племени.

Прогрессъ, который летитъ и мчится въ Европѣ, захватилъ въ мощное теченіе свое и далекую Абиссинію. Миссія за миссіей, посольство за посольствомъ ѣдутъ ко

двору бѣднаго, но могущественнаго африканскаго монарха. Рядомъ съ домомъ Ильга воздвигся домъ Лагарда, расъ Маконенъ для своихъ наѣздовъ выстроилъ чистый и изящный домъ европейской постройки, оклеилъ стѣны обоями, досталъ стулья, салфетки, скатерти, за нимъ обстроился расъ Уольди и капля за каплей вливается просвѣщеніе. При мнѣ во всей Аддисъ-Абебѣ нельзя было найти ни одной свѣчи, а пріѣхавшій путникъ долженъ былъ ночевать въ палаткѣ въ ожиданіи, пока негусъ не отведетъ ему домъ—круглую хижину, гдѣ придется спать на голой землѣ рядомъ съ мулами и другими животными, а уже на обратномъ пути я засталъ въ Джибути караванъ, долженствовавшій пополнить лавку Трулье и молодого юркаго француза, отправляющагося въ Аддисъ-Абебу, чтобы устроить тамъ отель.

И можетъ быть, когда шумныя улицы замѣнятъ пустынныя тропинки, когда мосты повиснутъ надъ Хабаной, жизнь перестанетъ тамъ быть такой монотонной и самый видъ ея желтыхъ холмовъ не будетъ такъ мучительно тоскливо поражать сердце и умъ.

XXVI.

Наша жизнь въ Аддисъ-Абебѣ.

Ученья конвоя.—Джигитовка.—Свободное время.—Прощальный визитъ негусу.—Дѣятельность русскаго госпиталя.—Обѣды у врачей.—Вечера на посольскомъ дворѣ.

Звѣзды начинаютъ блѣднѣть, сырость послѣ вчерашняго ливня проникаетъ въ палатку и за хворостяной оградой шакалы даютъ свой утренній концертъ. Пять часовъ утра—конвойный дворъ просыпается; теперь нѣтъ уже того подавляющаго количества верховыхъ лошадей, офицерскихъ, вспомогательныхъ и грузовыхъ муловъ, когда каждый казакъ смотрѣлъ за 4—5 животными, а 15-ти саженная коновязь была плотно уставлена лошадьми и мулами.

Офицерскіе мулы живутъ при офицерахъ, грузовые, конвойные и запасные отправлены на траву подъ надзоръ Азачъ-Гезау и раннимъ утромъ на коновязи стоятъ и дрожатъ въ ожиданіи солнца семнадцать лошадей и одиннадцать муловъ. День идетъ по росписанію и начинается съ чистки.

Въ мою холодную, но уютную палатку доносится характерное шурханье щетки, выколачиваніе скребницы о камень и восклицанія—„тпру, да стой ты непокорная!“ но къ этимъ чисто казарменнымъ возгласамъ, такъ напоминающимъ утро на Обводномъ каналѣ, присоединяются еще и новые благопріобрѣтенные чисто африканскіе „тау! тау!“.

— „Ступай собирай лошадей на водопой“, баситъ фейерверкеръ Недодаевъ, толстякъ малороссъ, любимецъ абиссинцевъ.

Водопой шагахъ въ трехстахъ. Это маленькая рѣка съ каменистымъ русломъ, что бѣжитъ черезъ Аддисъ-Абебу. На водопой ведутъ попарно—лошадь и мулъ. Затѣмъ чай и хлѣбъ фурно. Въ семь часовъ утра начинается конное ученье.

Нашъ манежъ не блещетъ ни красотой, ни удобствомъ—это чуть покатая ровная полянка шаговъ сто длиною и сорокъ шириною. Смѣна изъ четырнадцати человѣкъ подобрана довольно пестро: передняя шеренга лейбъ-казаки на сѣрыхъ лошадяхъ и уральцы на вороныхъ—задняя атаманцы и артиллеристы на гнѣдыхъ и караковыхъ.

Лошади на поводъ мягки и понятливы, но весьма немногія идутъ въ поводу. Ни шенкеля, ни даже хлыстъ не заставили этихъ зацуканныхъ, задерганныхъ на остромъ мундштукѣ лошадей принять поводъ. Но пока идетъ смѣнная ѣзда, пока лошади описываютъ вольты, пока голубые вторые нумера сходятся, расходятся и переплетаются съ красными первыми—все идетъ хорошо.

Собравшаяся кучка черныхъ зрителей въ грязныхъ шамахъ и подштанникахъ, сидящая на землѣ у края манежа и состоящая наполовину изъ ашкеровъ и „фарассанья" (кавалеристовъ), громкими возгласами „ойя гутъ"—„малькамъ москов" выражаетъ свое удовольствіе. Ѣзда взводомъ (всего въ семь рядовъ), когда изъ развернутаго строя, идущаго рысью, галопомъ вылетаютъ пестрые ряды и снова строются по три, по шести, въ тишинѣ и молчаніи, спѣшиваніе на полевомъ галопѣ, батовка и разсыпной строй производятъ громадное впечатлѣніе. Но вотъ подходитъ время джигитовки...

Я люблю смотрѣть джигитовку, когда круглый и сытый степной маштакъ, распустивъ косматую гриву и пышный хвостъ по вѣтру, мчится по зеленому полю, а красавецъ казакъ, заломивъ голубую фуражку свою на темныя кудри, плавно сгибается назадъ и порывистымъ движеніемъ пальцевъ и кисти хватаетъ брошенный платокъ и, поднявши, рубитъ и колетъ своимъ палашемъ... Я люблю смотрѣть,

когда степной конь, ничего не боясь, по прямой линіи мчится впередъ, а казакъ, стоя на алой подушкѣ ногами, фланкируетъ длиннымъ копьемъ. Тамъ удалая казачья лошадь, смѣлый и лихой казакъ слились въ одно цѣлое, поняли другъ друга и другъ съ другомъ соединились...

Но когда слабымъ галопцемъ, еле бросая жидкое тѣло свое и изнемогая подъ русскимъ богатыремъ, скачетъ абиссинская кляча и казакъ, спрыгнувъ съ нея, валитъ лошадь своей тяжестью, когда слабогрудая, беззадая обезноженная варварской выѣздкой лошадь не можетъ помочь своему хозяину и каждую минуту хочетъ остановиться— грустно, тяжело, и жутко смотрѣть на такую джигитовку. Жалко такихъ молодцовъ, какъ Терешкинъ, Любовинъ, Крынинъ, Архиповъ, Изюмниковъ, Щедровъ и не отставшіе отъ казаковъ лихачи Недодаевъ и Полукаровъ.

Пришлось сократить джигитовку, пришлось выбрать надежнѣйшихъ людей и лошадей, а изъ остальныхъ составить группы...

Конное ученье кончено. Усталыя лошади бредутъ на коновязь...

Часъ перерыва и пѣшій строй и гимнастика. Со смѣхомъ и шутками идетъ чехарда, стѣна валитъ стѣну.— „Недодай, навались! Духопельниковъ не сдавай"... Одиннадцатый часъ — солнце высоко, люди идутъ на работы. Знатокъ абиссинскаго языка уралецъ Сидоровъ сѣдлаетъ коня ѣхать на „габайю". Мягкій баритонъ его разливается по двору цѣлой абиссинской рѣчью, съ которой онъ обращается къ конвойнымъ слугамъ Адаму и Вальгу.

Кривошлыковъ изъ кипарисныхъ досокъ мастеритъ шкапъ, остальные забрали лопаты и идутъ за дерномъ.

Какъ неуютенъ, пустъ и унылъ казался мнѣ нашъ конвойный дворъ, когда мы пріѣхали послѣ тысячеверстнаго перехода. Трава желтая, неровная, кочки и грязь...

А теперь, когда у пристѣна пріютилась круглая палатка, когда разобранныя по мастямъ лошади выровнялись на коновязи, а моя палатка стала въ углу, когда передняя

линейка выложена дерномъ, а образъ Спасителя спокойно и кротко смотритъ на прибранныя койки, когда тихая рабочая жизнь идетъ кругомъ, сколько уютности, чувства дома за этимъ заборомъ, сколько удобствъ, несмотря ни на дождь, ни на грязь...

А дожди таки насъ помучили. Съ 15-го февраля каждый день свинцовыя тучи бродятъ по небу, глухой громъ гремитъ въ горахъ и дождь отъ трехъ часовъ и до полуночи иногда льетъ на сухую землю! Какой дождь! ровный, крупный, продолжительный... Ослабнетъ на минуту и пойдетъ моросить до полуночи... Это малый періодъ дождей.

Послѣ полудня на конвойномъ дворѣ тишина, только плотники, подъ навѣсомъ изъ зеленыхъ вѣтвей, стругаютъ толстыя кипарисныя доски. Горничная жены начальника миссіи, миссъ П—ръ, типичная англичанка, приходитъ учиться русскому языку. Ей смертельно скучно въ эти часы, когда солнце высоко стоитъ надъ головами и вся Аддисъ-Абеба замираетъ въ полуденномъ снѣ.

— „Это шкапъ", слышенъ голосъ въ промежуткѣ визга пилы и стука молотка.

— „Сскапъ", раздается мелодичный возгласъ англійской миссъ.

— „Не сскапъ, а шкапъ".

— „Шкапъ"...

— „Ну вотъ".

— „А это?"

— „Долото".

— „Долёто", повторяетъ англичанка.

Плотники смѣются.

— „Это она не къ вамъ пришла, а къ намъ", говорятъ у муловъ люди, навѣшивающіе торбы.

— „Сказали, къ намъ. Она завсегда къ намъ ходитъ".

Разговоръ продолжается и вдругъ неожиданно для обѣихъ сторонъ переходитъ на абиссинскій языкъ. Оказывается познанія казаковъ и миссъ по-абиссински больше чѣмъ ея по-русски, а казаковъ по-англійски. Развлеченіе

лингвистикой длится полчаса. А вечеромъ чтеніе уставовъ, вспоминаніе начальниковъ, словомъ—бесѣда... Послѣ вечерней уборки въ сыромъ отъ дождя воздухѣ звенитъ и замираетъ тоскующей нотой казачья пѣсня:

„Поѣхалъ казакъ на чужбину далеко,
На добромъ конѣ ворономъ...“

Перекличка и заря назначены въ восемь часовъ. Прозвучала молитва за Царя и за Россію и тихо кругомъ. Все спитъ—только часовой безмолвно ходитъ взадъ и впередъ. да мѣрно жуютъ сѣно мулы и лошади...

И такъ день за днемъ.

24-го февраля, однообразная скучная жизнь нашего лагеря нарушилась немного. Пришла почта и съ прочими пакетами принесла приказъ по лейбъ-гвардіи казачьему полку отъ 23-го января, которымъ „за отлично усердную службу, терпѣніе и выносливость при переходѣ черезъ Сомалійскую пустыню и горы“ младшій урядникъ Ереминъ произведенъ въ старшіе, трубачъ Терешкинъ въ младшіе урядники и казакъ Могутинъ въ приказные.

Надо было видѣть радость этихъ славныхъ моихъ сотрудниковъ—и не только ихъ, но и всего конвоя. Я отдалъ приказъ въ конвой и его на другой день читали всѣ по очереди. Какъ читали! Отъ доски до доски, отъ номера до предполагаемаго наряда. Умилялись, чуть не плакали. Одинъ читаетъ, другіе слушаютъ, кончилъ, другой берется за чтеніе, а слушателей не убавляется. Дошла очередь до Терешкина, дочиталъ онъ до подписи: „полковой адъютантъ“, прочелъ слово „графъ“, повторилъ еще и еще разъ „графъ! графъ!“ и заплакалъ.

Милыя, далекія имена! Только русскій солдатъ способенъ такъ любить своего начальника. Все послѣ обѣда приказъ ходилъ по рукамъ и едва доходили до подписей, какъ слышался захлебывающійся голосъ Терешкина,— „графъ! графъ! дайте мнѣ посмотрѣть на его подпись“.

Подъ вечеръ лейбъ-казачій приказъ былъ повѣшенъ

на почетномъ мѣстѣ подъ образомъ на центральномъ столбѣ палатки.

Въ этотъ день полковникъ А — въ по случаю отъѣзда въ командировку внутрь страны и я, по случаю предстоящаго отправленія моего въ Россію съ бумагами, являлись негусу. Менеликъ принялъ насъ въ небольшомъ квадратномъ зданіи, построенномъ изъ бѣлаго камня. Кипарисная лѣстница на два марша вела въ комнату, устланную коврами съ нѣсколькими маленькими окнами и кипариснымъ досчатымъ потолкомъ со многими щелями. Джонъ-хой сидѣлъ на альгѣ, покрытой парчей, опираясь на подушки, положенныя съ обѣихъ сторонъ. Небольшая свита людей въ бѣлыхъ шамахъ его окружала. Негусъ подалъ руку всѣмъ намъ. Полковникъ А—въ преподнесъ Менелику маленькую берданку съ патронами и распиленные снаряды,—гранату, шрапнель и картечь горнаго двухъ-дюймоваго орудія. Устройство снарядовъ живѣйшимъ образомъ заинтересовало негуса. Онъ спрашивалъ о каждой детали устройства дистанціонной и ударной трубокъ, нѣсколько разъ онъ заставлялъ m-sieur Ильга переводить вторично то, что ему было неясно, задавалъ вопросы съ своей стороны, стараясь усвоить и запомнить обращеніе съ этими предметами.

Наша аудіенція длилась около получаса. По объясненіи устройства снарядовъ его величество изволилъ пожелать полковнику А—ву и мнѣ счастливый путь, и откланялся намъ, подавъ опять каждому руку. Вмѣстѣ съ нами удалилась и свита; негусъ, начальникъ миссіи и m-sieur Ильгъ, оставшись втроемъ, приступили къ дѣловому разговору...

Въ полутора верстахъ отъ посольскаго двора, за рѣчкой, на особо отгороженномъ мѣстѣ находятся постройки русскаго „Краснаго Креста". Здѣсь по глинянымъ хижинамъ, крытымъ соломой и напоминавшимъ нѣсколько дома помѣстился врачебный персоналъ миссіи и офицеры-поручики К—й, Д—овъ и А—и; здѣсь же въ круглой абиссинской палаткѣ была общая столовая, а позади ея въ квадрат-

ныхъ русскихъ палаткахъ былъ устроенъ русскій госпиталь въ Аддисъ-Абебѣ.

Начало дѣйствій госпиталя не было оповѣщено ни газетами, потому что ихъ нѣтъ въ Аддисъ-Абебѣ, ни герольдами, ни публикаціями, а между тѣмъ съ перваго же дня, едва только Б. Г. Л—въ въ сараѣ съ прогнившимъ поломъ надъ глубокой ямой поставилъ свои вѣсы и разложилъ порошки, воды и коренья, едва только чистенькій наборъ пилъ, ножей и щипцовъ сверкнулъ на окнѣ у Н. П. Б—цына, какъ толпы больныхъ повалили въ ворота русскаго двора.

„Прибыли московскіе хакимы"; эта вѣсть облетѣла всю Аддисъ-Абебу, раздалась по окрестнымъ деревнямъ, проникла за высокое Антото, долетѣла до таинственной Каффы. И отовсюду пошли больные. Одного укусила змѣя, другого третій годъ мучитъ старая адуанская рана, третій страдаетъ лихорадкой. Габро Христосъ и Хейле Маріамъ не успѣваютъ переводить, имъ помогаютъ уже говорящіе немного по-абиссински Л—овъ и С—онъ и подъ палящими лучами полуденнаго солнца, не имѣя времени присѣсть, съ ранняго утра и до трехъ часовъ, до дождя работаютъ русскіе врачи. Безъ помощниковъ, безъ санитаровъ, одни, не зная отдыха. И кромѣ этого амбулаторнаго пріема, почти каждый день приходится выѣзжать въ городъ по визитамъ. Классный фельдшеръ С—онъ ѣздитъ массировать царицу Таиту, д-ръ Л—ій пользуетъ старика Афа-негуса. Сильна вѣра у абиссинцевъ въ русскихъ врачей, въ русскую науку и, благодаря ей самые тяжелые больные чувствуютъ себя лучше. На дворѣ „Краснаго Креста" весь день кипитъ работа. Б. Г. Л—овъ ни на минуту не можетъ отлучиться изъ аптеки: доктора завалили рецептами...

И такъ до вечера.

Въ шесть часовъ вечера, шлепая по глинистой грязи тропинки, верхомъ на мулахъ, пріѣзжаютъ жители посольскаго двора полковникъ А—овъ, поручикъ Ч—овъ и я. За обѣдомъ всегда есть кто-нибудь изъ абиссинцевъ. Чаще всего чернобородый и хитрый азачъ Гезау, иногда молодой

и красивый азачъ (прикащикъ) императрицы, въ черномъ атласномъ бурнусѣ, кто-либо изъ кень-азмачей. Докторамъ принесли дурго отъ Таиту, отъ Афа-негуса—куръ, яйца, тэчъ, инжиру...

— „Азачъ Гезау араки московъ?“

— „Ишши“.

Абиссинскіе гости больше пьютъ, нежели ѣдятъ. Пить—это легче. Ѣсть—надо умѣть пользоваться ножомъ, вилкой, ложкой, а какъ пить всякій знаетъ. Араки московъ и чай московъ—любимое угощеніе. Ѣдятъ еще охотно варенье, леденцы, пастилу.

Наше меню довольно однообразно—супъ изъ мяса быка, или изъ баранины, яичница, куры, баранина и чай съ хлѣбомъ фурно. Изрѣдка на сладкое появлялись блины съ вареньемъ, но, вслѣдствіе отсутствія въ Аддисъ-Абебѣ бѣлой муки, это бывало рѣдко.

Дождь льетъ, не переставая, все время обѣда. Раскаты грома гулко отдаются въ горахъ, становится холодно, сыро. Мы, живущіе въ палаткахъ, на минуту забываемъ о незримомъ населеніи домовъ „Краснаго Креста“ и завидуемъ докторамъ, они жалѣютъ насъ и послѣ обѣда, накинувши на плечи клеенчатые плащи, мы ѣдемъ черезъ шумную Хабану домой. Ничего не видно, даже уши мула скрылись въ темнотѣ и о нихъ скорѣе догадываешься, нежели видишь ихъ.

Сверкнетъ среди тучъ длиннымъ ослѣпительнымъ зигзагомъ молнія, освѣтитъ на минуту извилистую тропинку, раскисшую и размокшую отъ дождя, сухую траву по сторонамъ, кусты дикаго кофе, камни, далекія горы и опять темно. Еще темнѣе даже. Привычный мулъ и тотъ шалѣетъ на минуту и останавливается, потомъ, разобравшись, медленно бредетъ, выбирая дорогу между камней, скользя и увязая по колѣно. Мы не видимъ ни дороги, ни спусковъ, ни подъемовъ, ни нашего усѣяннаго камнями брода, ни норъ шакаловъ и гіенъ—да и не нужно видѣть—мулъ видитъ, смотритъ и заботливо выбираетъ дорогу между

камней и кустовъ—бросьте поводъ и довѣрьтесь ему. Черезъ четверть часа ѣзды сквозь частую сѣтку дождя видны огни посольскаго двора. Въ сыромъ воздухѣ плачевно звучитъ кавалерійская зоря. Люди собраны на молитву въ палаткѣ.

Зайдешь къ поручику Ч—ву въ его круглую абиссинскую палатку, сядешь на ящикъ и промокшая палатка, озаренная одинокой свѣчей (свѣчей въ Аддисъ-Абебѣ нѣтъ и потому мы экономны), столъ, уставленный закоптѣлыми гомбами съ чаемъ, жестянки печенья, банки изъ-подъ варенья вмѣсто стакановъ, вся незатѣйливая обстановка офицерскаго бивака покажется такой уютной и пріятной. Радушный хозяинъ сидитъ въ тужуркѣ за столомъ, тоже на ящикѣ, секретарь О—овъ изъ ананаснаго консерва и харарскаго рома мастеритъ жжонку и за стаканомъ чая распареннаго Уольди, идетъ бесѣда. Какіе свѣтлые планы строятся здѣсь среди мрака африканской ночи, сколько храбрости выказывается всѣми, сколько веселья и той молодой энергіи, которую ни за какія деньги не достанешь, ни за что не купишь. Право, нашъ чай въ Аддисъ-Абебѣ по вечерамъ бывалъ веселѣе вашихъ чинныхъ петербургскихъ five-o'clock—овъ...

Расходились за полночь. Я увѣренъ, что мы трое, жители посольскаго двора, надолго сохранимъ теплое сердечное воспоминаніе о нашихъ тихихъ Аддисъ-Абебскихъ вечерахъ.

Вернешься „домой“ въ палатку, зашнуруешь ее и заснешь крѣпкимъ сномъ на жесткой постели, подъ буркой, прислушиваясь къ визгу шакаловъ, уханью гіены, да одиночнымъ выстрѣламъ неутомимаго ихъ истребителя конвойца Габѣева.

А тамъ опять, завтра утромъ—у насъ чистка, конное и пѣшее ученья, гимнастика, на дворѣ „Краснаго Креста“—безконечный пріемъ больныхъ и раненыхъ...

XXVII.

Ученье конвоя въ присутствіи негуса.

Устройство палатки для негуса.—Дождь.—Ночная тревога.—Пріѣздъ Менелика.—Ученіе конвоя.—Завтракъ Менелика.—Тосты во дворцѣ.—Награжденіе меня орденомъ звѣзды Эфіопіи 3-й степени.—Аудіенція у негуса.—Характеристика людей конвоя.

Дожди шли, не переставая, регулярно, каждый день. Глинистая почва набухала все болѣе и болѣе и показать хорошо джигитовку при такихъ условіяхъ было съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Несчастныя калѣки лошади съ трудомъ исполняли простыя эволюціи нашихъ ученій, ежеминутно скользя и спотыкаясь своими слабыми ногами. Двое казаковъ уже выбыло изъ строя. Подъ Любовинымъ перевернулась лошадь въ то время, когда онъ нагибался, чтобы достать земли, сидя задомъ напередъ, Недодаеву мулъ расшибъ колѣно... Откладывать смотръ дальше было рисковано, къ тому же начальникъ миссіи предполагалъ въ скоромъ времени отправить меня съ весьма нужными депешами въ Петербургъ, а между тѣмъ эфіопскій императоръ не только не изъявлялъ никакого желанія посмотрѣть, что дѣлаютъ ашкеры въ московскомъ лагерѣ, но не собирался, повидимому, отдавать визитъ посланнику.

Весьма осторожно былъ спрошенъ объ этомъ m-sieur Ильгъ и отвѣтилъ, что „его величество давно всѣмъ этимъ интересуется, но ожидаетъ приглашенія отъ русскихъ“...

Приглашеніе состоялось и негусъ назначилъ днемъ своего пріѣзда 28-е февраля, субботу. Уже съ 26-го числа мы занялись приготовленіями. Нужно было убрать палатку для негуса, а какъ ее убрать, когда въ Аддисъ-Абебѣ

нельзя достать ни кумачу, ни полотна, никакихъ другихъ декоративныхъ принадлежностей, пришлось украшать „царскую ставку“ собственными средствами. 26-го и 27-го февраля плели гирлянды. Кипарисы, лавры, лимоны, кофе, дикій виноградъ, азалія, смоковница пестрѣли то темнозелеными и гладкими, словно полированными листами, то нѣжной перистой зеленью ласкали глазъ.

Круглая конвойная палатка была вынесена на поле. Гирлянды обвили ее съ боковъ, упали звѣздочкой сверху отъ центральнаго столба. Къ гирляндамъ привязали казачьи русскія полотенца; въ промежуткахъ повѣсили леопардовыя шкуры, постелили драгоцѣнные ковры, остатками кумача обвили столбики, повѣсили консульскій и абиссинскій флаги, укрѣпили ёлочныя украшенія, случайно оказавшіяся у нашего любезнаго Б. Г. Л—ова—и палатка вышла на славу. Она и въ Красномъ Селѣ была бы не послѣдней, а для Африки была и прямо хороша.

И только мы кончили работу, какъ полилъ африканскій дождь. Небо покрылось темными тучами, молнія длинными зигзагами прорѣзывала ихъ, а въ горахъ грохоталъ и эхомъ перекатывался громъ. Потоки грязи поползли на лагерь, на палатки, стали мочить наши вещи, зашумѣла мутная Хабана, земля стала скользкой, холодной...

Что палатка? что ковры? что все убранство наше? вотъ мысли, которыя волновали меня и моихъ сотрудниковъ казаковъ, И едва только около полуночи дождь пересталъ и серебристыя звѣзды проглянули изъ-за разорванныхъ тучъ—я побѣжалъ на поле—слава Богу—дождь шелъ полосой и хотя земля и намокла немного на нашемъ лугу, но не поползли ковры, украшенія не были тронуты, оставалось подсвѣжить гирлянды новыми листочками.

Рано утромъ, 28-го февраля, m-sieur Ильгъ прислалъ записку съ увѣдомленіемъ, что негусъ извиняется, онъ не можетъ быть ранѣе 10-ти часовъ утра. Ему привезли лѣсъ и онъ долженъ принять его лично...

Безъ четверти 10 конвой, имѣя въ передней шеренгѣ

5 лейбъ-казаковъ и двухъ уральцевъ и въ задней четырехъ атаманцевъ и трехъ артиллеристовъ, всего 14 человѣкъ (двое въ командировкѣ, одинъ больной—Недодаевъ и одинъ пѣшкомъ для помощи и подачи оружія и проч.), сталъ развернутымъ фронтомъ, лицомъ на Аддисъ-Абебу, правымъ флангомъ къ палаткѣ.

Начальникъ миссіи, гг. офицеры и врачи въ парадныхъ мундирахъ въ пѣшемъ строю собрались у палатки. Всѣ взоры были устремлены на холмъ Гэби. Видны были рабочіе галласы, собиравшіе камень по пути негуса. Погода, пасмурная съ утра, становилась лучше, показалось солнце, облака обратились въ барашковъ, становилось тепло. И въ половинѣ одиннадцатаго тамъ, у воротъ Гэби, показалась бѣлая толпа. Эта толпа быстро приближалась. Вскорѣ сталъ виденъ надъ бѣлыми шамами ашкеровъ малиновый атласный зонтикъ, несомый слугами надъ негусомъ.

Царь царей Эфіопіи приближался.

Не скрою, волненіе охватило меня. Я не боялся смотра, я былъ увѣренъ въ своихъ молодцахъ казакахъ, но всякій кавалеристъ пойметъ меня—какъ показать лихость и удаль русскихъ „фарассанья“ на безногихъ, слабосильныхъ коняхъ? Какъ джигитовать на лошадяхъ, которыя падаютъ подъ всадниками?—Я надѣялся лишь на Бога, на его милосердіе, надѣялся, что онъ не посрамитъ русскаго лихаго воинства передъ дикарями...

И вотъ на крайнемъ флагштокѣ взвился абиссинскій флагъ. Конвой салютовалъ ему тремя залпами, потомъ вынули шашки и замерли въ ожиданіи.

Менеликъ былъ въ сѣрой фетровой шляпѣ съ широкими полями, атласномъ черномъ бурнусѣ съ золотымъ кантомъ, шелковой бѣлой рубашкѣ съ лиловыми полосками и коричневыхъ кожаныхъ туфляхъ. Сзади него несли щитъ и ружье въ красныхъ чахлахъ, впереди альгу и подушки. Куда бы Менеликъ не ѣхалъ, его тронъ ему всюду сопутствуетъ...

Менеликъ приближается.

Надъ нимъ колыхался малиновый зонтикъ, прекрасный гнѣдой мулъ горделиво выступалъ, звеня серебряной сбруей, сверкая дорогимъ уборомъ. Менеликъ слѣзъ съ мула, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ конвою и внятно произнесъ— „здорово ребята“...

— „Здравія желаемъ, ваше императорское величество!...“, прогремѣлъ отвѣтъ казаковъ.

Тысячная свита ашкеровъ заняла мѣсто по краямъ луга. Офицерскія палки просвистали въ воздухѣ и порядокъ установился.

Мы прошли мимо негуса развернутымъ фронтомъ съ вынутыми шашками, заѣхали налѣво кругомъ, слѣзли и изготовились къ джигитовкѣ.

Первымъ скакалъ я, стоя на двухъ лошадяхъ.

За мною лейбъ-казакъ Ереминъ соскакивалъ и вскакивалъ на карьерѣ. Дальше на болѣе слабыхъ лошадяхъ рубили шашкой и кололи пикой, уралецъ Сидоровъ и лейбъ-казакъ Могутинъ увозили растянутаго между ними атаманца Алифанова, изображавшаго раненаго, причемъ Могутинъ отстрѣливался; прекрасно перепрыгнулъ черезъ лошадь и сѣлъ съ правой стороны въ сѣдло уралецъ Изюмниковъ, соскакивалъ и вскакивалъ Щедровъ и Терешкинъ, Любовинъ стрѣлялъ, сидя задомъ напередъ, и, наконецъ, стоя на сѣдлѣ проскакалъ Полукаровъ.

Джигитовка произвела сильное, потрясающее впечатлѣніе на негуса. Еще въ началѣ онъ все восклицалъ „ойя гутъ!“, потомъ и этого не дѣлалъ, только за голову хватался и смотрѣлъ, смотрѣлъ жадными, любопытными глазами за каждымъ жестомъ, каждымъ движеніемъ казаковъ.

Онъ спросилъ, какія это лошади — русскія? и крайне удивился, узнавъ, что это абиссинскія лошади.

Потомъ началась манежная ѣзда. Красные и голубые мундиры съѣзжались, разъѣзжались, то сходились всѣ вмѣстѣ, то разсыпались. Путанная смѣна, разученная, какъ балетъ, шла безъ запинки.

Я началъ съ того, что пропустилъ всю смѣну справа

по одному на двѣ лошади дистанціи шагомъ мимо негуса. Каждый казакъ, проѣзжая мимо, называлъ свою фамилію. Потомъ пустилъ смѣну рысью и, когда всѣ были вытянуты въ линію передъ негусомъ, скомандовалъ „вольтъ". Чистота и одновременность исполненія удивили негуса.

— „Эти лошади на мундштукахъ?", спросилъ Менеликъ.

— „Нѣтъ, на уздечкахъ, это лучше сохраняетъ лошадь!"

— „Сколько лѣтъ служитъ у васъ лошадь?"

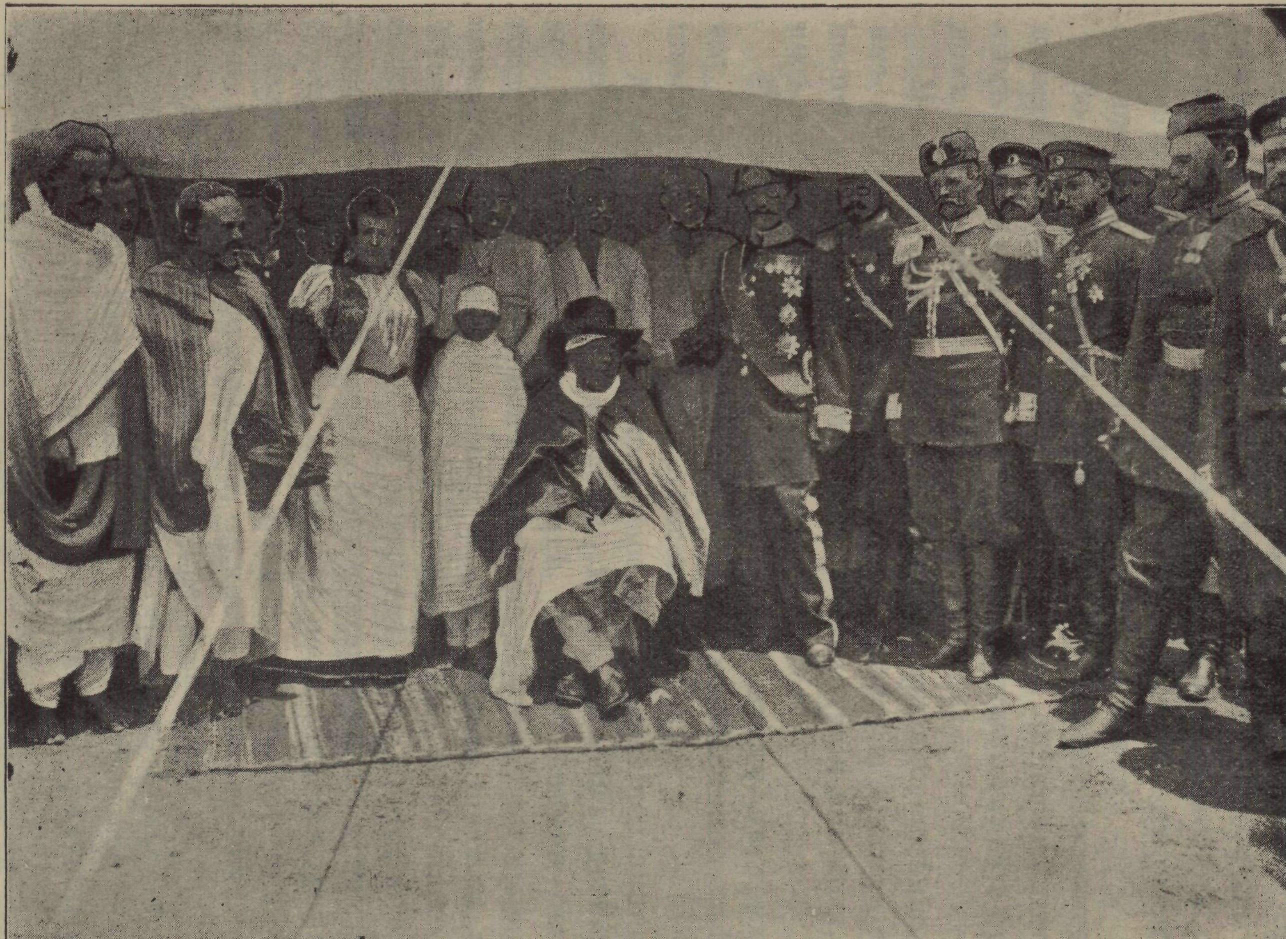
— „Десять, пятнадцать лѣтъ".

— „О, нѣтъ!? Наши едва два года выдерживаютъ".

Тѣмъ временемъ я повернулъ смѣну по три номера черезъ манежъ галопомъ, потомъ построилъ рядами, вынулъ шашки и сдѣлалъ сквозное прохожденіе на галопѣ. Первые номера рубили бокъ, вторые парировали.

Это вызвало шумное одобреніе со стороны абиссинскихъ солдатъ. Я собралъ взводъ, скомандовалъ „врозь маршъ" и, когда всѣ разсыпались далеко по полю и попрятались за холмами, по балкамъ, я собралъ смѣну въ карьеръ по знаку, въ нѣмую; отвелъ ее въ сторону и произвелъ взводное сомкнутое ученіе. Дѣлали заѣзды взводомъ, вытягивались рядами, строились по три, по шести, возстановляли фронтъ и дѣлали повороты. Потомъ я отвелъ взводъ на рысяхъ въ край луга, спѣшился съ батовкой коней, разсыпалъ цѣпь стрѣлковъ, открылъ рѣдкій огонь, началъ дѣлать перебѣжки по-полувзводно, участилъ огонь, собралъ взводъ бѣгомъ, обстрѣлялъ воображаемую кавалерію залпами, кинулся бѣгомъ по конямъ, разсыпалъ лаву, атаковалъ прямо передъ собой, перемѣнилъ фронтъ направо и атаковалъ подъ прямымъ угломъ къ первоначальному направленію, собралъ взводъ и повелъ его полевымъ галопомъ на Менелика и въ пяти шагахъ отъ его ставки спѣшилъ и выровнялъ. Ученье было кончено.

— „Спасибо, ребята!" сказалъ негусъ. Дружное „рады стараться!"—было отвѣтомъ.

Менеликъ въ гостяхъ у г. Власова.

мальчикъ Менелика — Г. Власовъ. — Д-ръ Бровцынъ. — Д-ръ Лебединскій. — Г. Лукьяновъ

Г. Сасонъ.

Madame Власова. — Менеликъ. — Полковникъ Артамоновъ. — Поручикъ Коховскій.

— „Я полагаю“, сказалъ Менеликъ, „какъ это должно быть хорошо и красиво, когда кавалеріи много!“

И опять я подмѣтилъ тотъ же грустный взглядъ, брошенный имъ на его полуголыхъ ашкеровъ. Онъ сѣлъ на мула, свита заволновалась, раздвинулась и Менеликъ поѣхалъ къ ставкѣ начальника миссіи. Казаки на рысяхъ обогнали его и выстроились пѣшкомъ у входа.

Во время завтрака негуса казаки пѣли. Тоскливая, полная широкой грусти пѣсня казачья смѣнялась веселымъ припѣвкомъ съ залихватскимъ присвистомъ, съ бубномъ и треугольникомъ.

Менеликъ и его свита только и говорили о видѣнномъ имъ ученьи. „Какъ хорошо вы спѣшились и бросили лошадей въ полѣ, и отчего онѣ у васъ такія смирныя, у насъ онѣ сейчасъ бы разбѣжались!“

И опять при этомъ „у насъ“—легкій вздохъ. Да, трудно ему бороться съ закоренѣлой рутиной, съ обычаями, въѣвшимися въ плоть и кровь Абиссиніи.

Менеликъ пробылъ около часа въ палаткѣ посланника, потомъ отправился во дворецъ. Я съ конвоемъ догналъ его и пристроился къ его свитѣ. Негусъ видимо былъ тронутъ этимъ вниманіемъ. Онъ еще два раза благодарилъ казаковъ за ученье и черезъ m-sieur Ильга просилъ заѣхать къ нему во дворецъ. Во дворцѣ мы спѣшились и насъ провели въ маленькій залъ, гдѣ былъ приготовленъ простой деревянный столъ, безъ скатерти, и 18 вѣнскихъ стульевъ. M-sieur Ильгъ попросилъ насъ садиться, всѣхъ и казаковъ, и меня, и намъ подали по стакану чуднаго тэча. Совершенно прозрачный, съ чисто медовымъ вкусомъ, тэчъ негуса не былъ нисколько противенъ. Мы выпили за здоровье негуса, m-sieur Ильгъ и геразмачъ Іосифъ провозгласили отъ имени Менелика тостъ за здоровье Государя Императора, мы выпили и откланялись радушнымъ хозяевамъ...

Впечатлѣніе, произведенное нашимъ ученьемъ на абиссинскихъ офицеровъ и генераловъ было громадно. Подъ

казаками лошади не только скакали, какъ онѣ скачутъ при игрѣ въ гуксъ и подъ абиссинскими фарассанья, но ходили и шагомъ, и рысью, равнялись въ рядахъ, словомъ, вполнѣ повиновались волѣ всадника.

Европейцы со словъ абиссинцевъ пустили слухъ, что это были не солдаты, а наѣздники, набранные изъ цирка. Солдаты, по ихъ мнѣнію, не могутъ вскакивать и соскакивать съ лошади на карьерѣ. Абиссинскіе фарассанья на другой день пробовали на площади Аддисъ-Абебы своихъ коней, но заѣзженныя на строгомъ мундштукѣ несчастныя лошади то метались безъ толку карьеромъ, то, круто осаженныя, садились на заднія ноги и хрипѣли, картинно изогнувъ длинныя шеи свои. Все это было не то, и не то...

На другой день послѣ джигитовки, 1-го марта, подъ вечеръ къ намъ въ лагерь прибыли геразмачъ Іосифъ и торжественно отъ имени Менелика нацѣпилъ мнѣ на грудь офицерскій крестъ Эфіопской звѣзды 3-й степени.

2-го марта я являлся послѣдній разъ къ негусу по случаю полученія ордена и предстоящаго отправленія курьеромъ въ Россію.

— „Довольны ли вы Абиссиніей?“, спросилъ меня негусъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— „Когда вы пріѣдете въ Россію“, тихо сказалъ мнѣ негусъ, „забудьте все то худое, что вы видѣли здѣсь, и помните только хорошее“.

Я обѣщалъ исполнить это и, кажется, я сдержалъ свое обѣщаніе.

— „Если вы увидите Императора, передайте ему мое маленькое письмо. Я дамъ вамъ его сегодня же. Во сколько дней вы думаете добраться до Харара?“

— „Шесть, семь дней“.

— „Невозможно... Впрочемъ, что для русскихъ невозможно!? Желаю вамъ счастливаго пути. Я дамъ вамъ бумагу и прикажу, чтобы вамъ всюду оказывали пріютъ,

какъ бы мнѣ самому. Пріѣзжайте еще разъ, не забывайте нашей бѣдной страны!“

Аудіенція была окончена. Я откланялся и вышелъ во дворъ.

Въ воротахъ меня нагналъ m-sieur Ильгъ и передалъ мнѣ открытый листъ для моего путешествія и письмо геразмачу Банти. И то, и другое было написано на клочкахъ простой писчей бумаги въ четверть листа, вверху имѣлось изображеніе печати негуса, а внизу будто напечатанный текстъ. Письмо къ Банти было безъ конверта.

Я вышелъ на улицу. День былъ сѣрый, тоскливый. Грустное чувство уносилъ я въ сердцѣ своемъ. Мнѣ жаль было покидать эту бѣдную страну, простого и добраго императора. Вокругъ сопровождавшаго меня казака была толпа. Смотрѣли оружіе, сѣдло, разспрашивали объ ученіи, о джигитовкѣ.

— „Даже надоѣли, ваше высокоблагородіе“, сказалъ мнѣ Авиловъ, „облѣпили, какъ мухи. Ружье покажи, шашку вынимаютъ, мундиръ трогаютъ—чудные люди, ничего не видали“.

Я пріѣхалъ домой. И на дворѣ мнѣ стало грустно. Жалко было преданныхъ мнѣ славныхъ казаковъ. Всякій послужилъ—сколько могъ.

Красавецъ бородачъ Духопельниковъ... Сколько разъ сердилъ ты меня, врываясь въ палатку во время писанья съ самыми пустыми вопросами, или путая мои распоряженія относительно муловъ. Ты былъ лучшимъ украшеніемъ конвоя, представитель чисто русской красы и богатырской силы. Немного резонеръ и сторонникъ казачьей рутины. Съ какой грустью остригъ ты свои чудные каштановые волосы... Ты презиралъ абиссинцевъ, какъ только можетъ презирать ихъ истинный казакъ!

Старшій урядникъ лейбъ-казачьяго полка Еремин, отъ выступленія изъ Петербурга и до моего отъѣзда, былъ ровенъ. Служилъ исправно, до конца сохранилъ свои

длинные волосы, гордость донца, и въ свободное время не прочь былъ пойти на охоту.

Трубачъ урядничьяго званія Терешкинъ—я достаточно писалъ объ немъ. Такихъ людей больше не встрѣтишь... Жилъ все время бирюкомъ, въ шалашикѣ въ сторонѣ отъ прочихъ. Любилъ всѣхъ тою широкою русскою любовью, которая не знаетъ критики. Любилъ товарищей до слезъ; офицеровъ до обожанія, мула, лошадь до самозабвенія, черныхъ слугъ ласкалъ и подкармливалъ, думалъ о нихъ и, болѣя душою за нихъ, холодными ночами отдавалъ имъ свое платье. Безсознательно полагалъ душу свою за други своя. А посмотрѣли бы вы на него, когда на сѣромъ конѣ впереди всѣхъ ѣздилъ онъ по Аддисъ-Абебѣ. Папаха на боку, длинные волосы завиты, черная бородка расчесана, каблукъ оттянутъ, колѣно плотно лежитъ въ сѣдлѣ и сурово глядятъ эти добрые сѣрые, чуть грустные глаза... Воинъ суровый!... А вѣдь мухи не обидитъ...

Казакъ Могутинъ мало перемѣнился со времени выхода изъ Петербурга. Немножко съ лѣнцой, любилъ поспать. Только охота его и оживляла.

Казакъ Любовинъ тоже остался той же непонятой другими натурой. Ему бы писать, читать, съ умными людьми разговаривать; не понимаютъ—просты наши казаки. Поваръ Захарычъ его понималъ, съ нимъ онъ могъ изливать горечь души своей. Любознательный, начитанный, онъ всѣмъ интересовался, все старался усвоить и объяснить себѣ. Къ чернымъ относился покровительственно, дарилъ имъ деньги, рубахи, все готовъ былъ отдать имъ. Джигитовалъ отчаянно. Прослышитъ про опасность—„пошлите меня, ваше высокоблагородіе", а какъ пошлешь, когда у человѣка повышена нервная система, когда онъ видитъ иногда то, чего нѣтъ... Съ другими людьми конвоя сходился только въ вопросахъ пѣнія. Тутъ ему равнаго не было. Да и не мудрено—баритонъ имѣлъ удивительный, зналъ и ноты. Какъ они пѣли бывало тріо съ Полукаровымъ и Недодаевымъ: „Гдѣ друзья минувшихъ

лѣтъ", чувствительно, тонко... Съ пониманіемъ, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Слушаетъ ихъ, бывало Терешкинъ, слушаетъ, да и плюнетъ—„о, чтобъ вамъ проклятымъ!" Одно горе—не любилъ Любовинъ грубой солдатской работы, коня или мула почистить, винтовку смазать, сапоги навести ваксой. Трудно ему было и со старшими ладить ..

Таковы были люди лейбъ-казачьяго звена. Атаманцы, „лапотники", были попроще, но, пожалуй, за то посильнѣе тѣмъ русскимъ духомъ, изъ-за котораго русскаго солдата мало, что убить надо, но надо еще и повалить.

Старшій второго звена старшій урядникъ Авиловъ, какъ ушелъ тихимъ и скромнымъ слѣпымъ исполнителемъ чужой воли, такъ таковымъ и остался. Во всякой вещи былъ аккуратенъ до мелочей. Звено свое онъ держалъ на товарищеской ногѣ, безъ начальственнаго крика, да иначе и нельзя было его держать: ужъ больно хорошіе были люди.

Трубачъ урядникъ Алифановъ, тихій, скромный, безотвѣтный труженикъ. Такъ и вижу его робкую улыбку въ черную густую бороду. Онъ да Терешкинъ понимали душой ту внутреннюю дисциплину, что сильнѣе всякой другой, только Алифановъ не имѣлъ того бодраго и лихаго вида, какъ Терешкинъ, не далось ему это. Военной жилки не хватало. День и ночь за работой и когда онъ спалъ только! Тому сапоги починить, этому вальтрапъ сшить, мундиръ поправить, тамъ отъ офицеровъ работу принесли, тамъ на часы гонятъ. Образецъ Толстовскаго непротивленія злу, все сдѣлать, все претерпѣть во имя долга и присяги.

Приказный Крынинъ, ловкій, лихой и расторопный казакъ, красивый бородачъ, глубоко презираетъ абиссинцевъ, страстный охотникъ. Поручикъ Д—овъ его просто ненавидѣлъ. Встанетъ до свѣту и всю окрестность исходитъ съ Кривошлыковымъ. На гіену ночь просидитъ, за козой по горамъ весь день проходитъ и бьетъ все изъ трехъ-линейки.

Про казака Архипова достаточно сказать, что онъ старовѣръ. Въ опасную экспедицію—первый—умирать все единственно.Носитъ въ сердцѣ своемъ далекій догматъ, изображенный на расшитой рубашкѣ двумя буквами Л. А. (Лукерья Архипо ва). Любитъ домъ и семью, но глубоко

Ст. урядникъ Л. Гв. Атаманскаго полка Василій Архиповъ, спутникъ полковника Артамонова въ путешествіи къ Бѣлому Нилу.

вѣритъ въ предопредѣленіе. Одинъ изъ тѣхъ людей, что замерзнетъ на посту, съ факеломъ кинется въ пороховой погребъ. Въ настоящее время (22-го марта 1898 г.) находится въ экспедиціи съ полковникомъ А—вымъ въ долинѣ Бѣлаго Нила.

На долю голубоглазаго и розоваго приказнаго Демина,

ростомъ косая сажень, выпала трудная доля сопровождать въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ караванъ доктора Щ—ева. Тихій и безотвѣтный, онъ тамъ въ скучной обстановкѣ тихо идущаго каравана былъ на своемъ мѣстѣ.

Казакъ Кривошлыковъ, охотникъ, плотникъ, столяръ, оружейникъ, кузнецъ, былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не отъ міра сего и которыхъ строевая лихая казацкая служба тяготитъ. А работникъ онъ былъ на диво. Художникъ въ душѣ, человѣкъ, любящій сторожить природу, онъ всѣ досуги свои посвящалъ охотѣ. А досуговъ было немного. Былъ у него уголокъ на московскомъ дворѣ въ Аддисъ-Абебѣ подъ хворостянымъ навѣсомъ, гдѣ навѣрно осталась частица его души. Тамъ я видѣлъ его цѣлыми днями и въ будни и въ праздники, съ пилой, долотомъ и топоромъ. Оттуда выходили изящныя двери, красивые шкапы и столы... Тамъ чинились ружья, тамъ дѣлалось все, что нужно на весь конвой, на всѣхъ офицеровъ, на все русское посольство.

„Sidaroff! Sidaroff! Moskow asker Sidaroff“, слышится на нашемъ дворѣ съ утра и до ночи. „Позовите-ка Сидорова, я хочу купить эту шкуру“. Кумиръ черной прислуги, знатокъ разговорнаго абиссинскаго языка, постоянно бравый и веселый уралецъ Сидоровъ всегда рисуется мнѣ окруженнымъ черными. „Тоже люди“, философски замѣчаетъ онъ по адресу своей черной компаніи. И уже слышишь его „мындерну“?—„амыстъ быръ! іеллемъ малькамъ—это ваше высокоблагородіе нестоющая вещь—пять талеровъ проситъ—я вамъ и за три достану!“. Вся его служба текла въ переговорахъ съ абиссинцами, въ поѣздкахъ на „габайю“ за покупками, въ дрессировкѣ слугъ.

Маленькій черный уралецъ Изюмниковъ—скроменъ и тихъ. Его нигдѣ не увидишь. Но холеный мулъ его сверкаетъ отъ хорошаго ухода, лошадь содержана прекрасно, оружіе въ порядкѣ. Джигитовалъ отлично, ѣздилъ хорошо. Другой уралецъ Пановъ съ Деминымъ въ командировкѣ при караванѣ доктора Щ—ева. Захватилъ, бѣд-

няга, въ Гильдессѣ, свирѣпую мѣстную лихорадку, да слава Богу отдышался.

Я положительно не могу говорить о донскихъ артиллеристахъ Щедровѣ и Мазанкинѣ порознь—до того они похожи другъ на друга и характеромъ, и лицомъ; оба рослые, красивые, чернобородые, оба исполнительные и серьезные, оба молчаливые; за то между моими регулярными артиллеристами—малороссомъ толстякомъ, уроженцемъ Донецкаго округа слободы Тарасовки Недодаевымъ и рязанцемъ Полукаровымъ разница громадная. Недодаевъ тоже любимецъ черныхъ, добрякъ, полный здоровый малороссійскаго юмора, любитъ похвастать, охотникъ, прекрасный старшій команды, аккуратенъ и добръ. Большой любитель пѣнія, онъ въ этомъ сходится съ Полукаровымъ. Безбородый и безусый Полукаровъ, говорящій нѣжнымъ теноромъ, поклонникъ регулярной ѣзды, чистаго строя, безъ примѣси охоты, сотрудникъ Кривошлыкова въ плотницкомъ ремеслѣ. Говоритъ, растягивая слова, любуясь своимъ чистымъ русскимъ рязанскимъ говоромъ. Дошло дѣло до джигитовки.—„Ну, конная, какъ же?“ говорю имъ — „покажемъ!“ — и показали! Недодаевъ на репетиціяхъ на карьерѣ сизо дѣлалъ, Полукаровъ, стоя, скакалъ—и развѣ нужно для этого казачье сѣдло со смертоубійственной передней лукой?!

Всѣ были хороши мои люди, и привязался я къ нимъ и полюбилъ ихъ и, если было что тяжелое, когда лунной ночью покидалъ я посольскій дворъ, такъ это были тѣ 16 человѣкъ, съ которыми бокъ о бокъ прожилъ я пять съ половиной мѣсяцевъ, которыхъ узналъ и полюбилъ за это время...

Были еще у меня мои друзья, которымъ я кинулъ полный слезъ прощальный взоръ. Это наши сотрудники лошади и мулы. Не ихъ вина, что условія, въ которыхъ протекала ихъ молодость, исковеркали, испортили ихъ—они служили, какъ могли и на смотру не испортили дѣла.

Набитыхъ испорченныхъ нами лошадей не было, не

было и набитыхъ муловъ. Но все это только благодаря той заботливости, съ которой снабдили лучшими потниками своихъ людей гвардейскіе казачьи полки и батарея. А иначе глухой деревянный ленчикъ, невозможность вклиненному на многіе часы въ разогрѣтую солнцемъ кожаную подушку всаднику поправить отекшіе ноги, неизмѣнно сказались бы на спинахъ животныхъ при походѣ въ оба конца въ 2000 верстъ черезъ высокія и крутыя горы.

2-го марта кончилась моя служба въ миссіи, какъ начальника конвоя, и начиналась моя кавалерійская курьерская поѣздка изъ Аддисъ-Абебы въ Петербургъ въ 30 дней...

XXVIII.

Поѣздка курьеромъ изъ Аддисъ-Абебы въ Джибути.

Сборы въ путь.—Покупка муловъ.—Проводы.—Мои слуги и мулы.—Въ хижинѣ Ато Павлоса.—Пожаръ въ степи.—Встрѣча съ войсками раса Маконена.—Ночлегъ въ хижинѣ.—Земляныя блохи.—У monsieur Drouin.—Хараръ ночью.—У геразмача Банти.—Верблюды и арабы.—Мой новый караванъ.—Сомали.—Непрерывное движеніе въ теченіе четырехъ сутокъ.—Джибути.—Monsieur Albrand.

Въ концѣ февраля мѣсяца начальникъ миссіи предложилъ мнѣ отправиться въ Россію въ качествѣ курьера съ депешами. Я долженъ былъ въ 14—15 дней проѣхать до Джибути, тамъ сѣсть на пароходъ и, черезъ 28 дней со дня выѣзда изъ Абиссиніи, быть въ Петербургѣ. Предложеніе было слишкомъ заманчиво съ точки зрѣнія кавалерійскаго спорта, слишкомъ лестно для меня и я его съ радостью принялъ.

Мнѣ нужны были мулы для моего маленькаго каравана. Каждую субботу на габайю пригоняютъ животныхъ для продажи. 22-го февраля я съ Уольди отправился искать тамъ животныхъ. День былъ пасмурный, тоскливый; черныя тучи нависли въ горахъ, нѣтъ-нѣтъ, да и накрапывалъ дождь. Толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрывала скаты холма. Начальникъ базара, „шумъ“, съ вышки озиралъ площадь и наблюдалъ за порядкомъ. Пройдя черезъ ряды продавцевъ холста, чеснока, перца, сѣна, дерева, дровъ, мы подошли къ цѣлымъ табунамъ ословъ, миновали ихъ и вышли на край габайи, на мѣстную конную площадь. Внизу у широкой дороги, подъ деревомъ жалось лошадей тридцать, выведенныхъ на продажу. То и дѣло кто-нибудь изъ фарассанья проскакивалъ по дорогѣ шаговъ сто и круто осаживалъ лошадь. Нѣ-

сколько выше, тутъ и тамъ подъ деревьями, у жердянаго забора императорскихъ складовъ стояли продавцы муловъ. Хорошихъ, крупныхъ, широкихъ съ просторнымъ шагомъ муловъ не было совсѣмъ. Были посредственные, годные подъ вьюкъ, но и за тѣхъ просили бѣшеныя деньги, 80—100 талеровъ.

Въ обратный путь. Мулъ „Липа".

— „Ты не найдешь здѣсь хорошихъ муловъ", сказалъ мнѣ Уольди, которому надоѣло мокнуть подъ дождемъ.

— „Почему?"

— „Потому что, если „шумъ" базара со своей вышки увидитъ, что привели рослаго и красиваго мула—онъ отбираетъ его сейчасъ же по казенной цѣнѣ на конюшню негуса. Никто потому и не ведетъ на базаръ муловъ".

— „Но какъ же достать тогда хорошихъ животныхъ?"

— „Погоди. Иди домой—я пойду по домамъ и скажу,

чтобы приводили муловъ на продажу, можетъ быть и достанемъ хорошихъ".

Опять это абиссинское „погоди", это ожиданіе у моря погоды цѣлыми мѣсяцами, непониманіе догмата — время-деньги.

Печальный, обезкураженный возвращался я домой. Вдругъ вижу толпу людей: въ серединѣ ѣдетъ на караковомъ мулѣ абиссинскій начальникъ, передъ нимъ ведутъ громаднаго сѣраго мула, широкаго, рослаго, какъ лошадь, подъ богатымъ сѣдломъ, въ расписной уздечкѣ, подъ попоной. Я невольно залюбовался на этого мула. Мнѣ бы такого! думалъ я.

— „Геза? (купишь?)" обратился ко мнѣ тысяченачальникъ.

Ладно, думаю, „геза", — если на базарѣ за плохенькихъ муловъ просили 100 талеровъ, такъ къ такому-то и приступа не будетъ! Однако спросилъ: „сынты быръ?" (сколько талеровъ?).

— „Семьдесятъ".

Я и торговаться не сталъ. Посмотрѣлъ зубы — пять лѣтъ, ноги цѣлыя, шагъ громадный, проѣздъ удивительный. Вынулъ деньги и отдалъ. Мулъ оказался строгій, пугливый, но сильный и крѣпкій. Сѣдлать было трудно, но зато ѣхать легко и пріятно.

— „Мнѣ Менеликъ другого подаритъ", сказалъ тысяченачальникъ.

— „А развѣ это его подарокъ?"

— „Да, онъ мнѣ его сегодня подарилъ".

На другой день стали приводить муловъ. Приводили цѣлыми десятками, но такихъ, какъ эта сѣрая кобыла, названная мною въ честь полковой казенной лошади „Липой" — не было. Купилъ мохнача, широко-костнаго мерина, не казистаго съ виду, но очень сильнаго,—окрестили его „Медвѣдемъ"; переводчикъ Іоhannes продалъ мнѣ гнѣдого мерина круглаго какъ огурчикъ, хорошо выкормленнаго и сильнаго,—названнаго мною „Репешкомъ",

да одного мула, вороной масти, мнѣ далъ до Харара полковникъ А—овъ.

Итакъ мой караванъ былъ готовъ. Я хотѣлъ ѣхать съ однимъ слугою, но пробная мобилизація показала, что съ однимъ слугою будетъ много возни со вьючкой и я рѣшилъ взять второго, пѣшаго.

Въ субботу, 28-го февраля была джигитовка, въ понедѣльникъ, 2-го марта, я по приказанію начальника миссіи сдалъ конвой поручику Ч — кову, закончилъ отчеты, выдалъ казакамъ деньги и былъ совершенно готовъ къ выступленію. Задержка была за письмомъ Менелика. Оно было дано для перевода m-sieur Ильгу и онъ его еще не прислалъ. На вечеръ 2-го марта мы, всѣ офицеры, были приглашены на обѣдъ къ посланнику. Въ уютной палаткѣ тихо и мирно пообѣдали, прислушиваясь къ грому, то и дѣло перекатывавшемуся въ горахъ; не обошлось дѣло безъ тостовъ, пожеланій; давали письма, порученія, посылки. Разошлись около 10-ти часовъ вечера. Перевода все еще не было. Я долженъ былъ выѣхать въ 3 часа ночи, но если перевода не будетъ, то мой отъѣздъ откладывался на четвергъ 5-е марта.

Грустный, печальный видъ имѣла моя разоренная палатка. На столѣ, въ бутылкѣ, одиноко горѣла свѣча; походная койка, безъ бурки, безъ простынь, безъ подушекъ въ углу; на сыромъ земляномъ полу набросаны обрывки бумагъ, вьюки, ружья. Ночь свѣтлая отъ послѣдней четверти луны, отъ ясныхъ южныхъ звѣздъ, глядитъ въ откинутую полу палатки. За воротами видны горы, покрытыя жидкой сухой травой, кусты кофе, азалеи. Жутко ночью ѣхать въ пустыню, одному, безъ человѣка, съ которымъ можно было бы побесѣдовать, отвести душу. Отъ плохого ли харарскаго рома, отъ волненія ли, отъ хлопотливыхъ ли сборовъ послѣдніе дни, но голова нестерпимо болитъ, робость закрадывается въ душу и въ тайникахъ ея зарождается смутная надежда, почти желаніе, хотя бы отсрочки этой курьерской поѣздки....

Но впереди Россія, прекрасная и величественная, ни съ чѣмъ несравнимая, впереди родина, родной языкъ, родныя лица, славный полкъ. Нѣсколько дней напряженія, нѣсколько дней лишеній, голода и жажды, а тамъ опять привычная атмосфера, комфортъ европейца, который начинаешь цѣнить, только проживши пять мѣсяцевъ подъ полотномъ палатки, только загорѣвши подъ жгучимъ солнцемъ, только узнавши, что такое плохая вода. Впереди Россія, которая мерцаетъ полярной звѣздой надъ горою, которая манитъ и влечетъ, даетъ силы, твердость, энергію...

Въ 11 часовъ секретарь миссіи передалъ мнѣ пакетъ съ бумагами, трубачъ Алифановъ зашилъ его въ леопардовую шкуру, сверху покрылъ холстомъ, наложили печати, пришили помочи и я прилегъ часа на два заснуть.

Я проснулся въ четверть третьяго. Никто изъ казаковъ не спалъ. Они помогали моимъ слугамъ вьючить и сѣдлать муловъ, былъ слышенъ разговоръ, возгласы. Ко мнѣ зашли проводить меня поручикъ Ч—овъ и секретарь О—овъ. Ѣхать ужасно не хотѣлось. „Липа“ металась по двору, на ней, ухватившись за ея уши, висѣлъ Недодаевъ, а Кривошлыковъ гонялся сзади съ уздечкой, „Медвѣдь“ ударилъ Терешкина задними ногами въ животъ и бѣдный казакъ стоналъ во дворѣ. Видны были въ полумракѣ только фигуры, лицъ не было видно. Возились со вьючкой долго. Наконецъ, въ 3 часа 15 минутъ утра, 3-го марта, я сѣлъ на „Липу“ и тронулся въ путь. Ч—овъ и О—овъ проводили меня до воротъ, казаки конвоя—до нашего манежа, дальше простились; гулко отозвалось въ пустынныхъ горахъ русское „счастливаго пути“, и я остался одинъ.

Во главѣ моего каравана, на красавцѣ „Графѣ“ въ шелковой чалмѣ и бѣлой новой шамѣ ѣдетъ на абиссинскомъ сѣдлѣ, положенномъ на бурочный потникъ, мой старшій слуга Вальгу.

Вальгу—абиссинецъ со всѣми достоинствами и недостатками абиссинца: онъ лѣнивъ, любитъ поспать, гордъ своимъ званіемъ ашкера, недурно умѣетъ вьючить и очень

немного понимаетъ по-русски: онъ служилъ въ конвоѣ отъ Джибути до Аддисъ-Абебы. Онъ вооруженъ двустволкой съ 24-мя патронами, снаряженными картечью.

За нимъ цѣпочкой, привязанные одинъ къ другому, идутъ вьючные мулы.

Впереди—„Медвѣдь"—на немъ походныя сумы кавалерійскаго образца, взятыя изъ Кавалергардскаго полка. Въ нихъ: двѣ смѣны бѣлья, двѣ фланелевыя рубашки, вицъ-мундиръ и полная форменная аммуниція, запасная пара сапогъ, шпоры, три пачки трехъ-линейныхъ патроновъ, 18 револьверныхъ патроновъ, три фунта пятериковыхъ свѣчей, 10 коробокъ сѣрныхъ спичекъ, посылка—фотографіи полковника А—ва, бумага, перья, чернила, частная корреспонденція, швейная принадлежность, принадлежность для чистки винтовки и охотничьяго ружья, ножикъ, вилка и ложка, двѣ эмалированныхъ кружки, два маленькихъ чайника изъ эмалированнаго желѣза и складной фонарь. Поверхъ вьюка привязаны: топоръ, четыре коновязныхъ кола, канатъ, резиновое ведро, брезентъ и въ немъ бурка и старый вицъ-мундиръ. Вѣсъ 3 пуда 5 фунтовъ. Сзади „Медвѣдя" привязанъ второй вьючный мулъ—„Репешокъ". На немъ сумы изъ грубой сыромятной кожи, сработанныя мнѣ казаками въ 14 часовъ. Въ нихъ: 12 солдатскихъ галетъ, 4 хлѣба фурно, 7 банокъ консервовъ-щей фабрики Гегингера въ Ригѣ, 6 фунтовъ шеколада, банка какао, полфунта чаю, 3 фунта сахару, 2 баночки клюквеннаго экстракта и полбутылки коньяку и сверху свертокъ съ тремя шкурами леопарда. Вѣсъ $3\frac{1}{2}$ пуда.

Третьимъ грузовымъ муломъ былъ вороной мулъ, котораго я долженъ былъ сдать въ Харарѣ Ато-Уонди. На немъ было три мѣшка ячменя—вѣсомъ всѣ три $3\frac{1}{2}$ пуда.

За караваномъ ѣхалъ я на казачьемъ сѣдлѣ, одѣтый въ каску, фланелевую рубашку, синія суконныя шаровары, высокіе сапоги русской шагрени, имѣя на спинѣ пакетъ съ казенной почтой, трехъ-линейную винтовку черезъ плечо, шашку на поясной портупеѣ, на которую были надѣты

револьверъ, ножъ и пятнадцать трехъ-линейныхъ патроновъ.

Сзади шелъ второй слуга абиссинецъ Фатама, одѣтый также, какъ и Вальгу, вооруженный кавалерiйскимъ карабиномъ Гра и двѣнадцатью патронами въ поясномъ патронташѣ.

Отъ лившаго вечеромъ дождя черноземная дорога намокла, раскисла, расплылась и мулы на некрутыхъ спускахъ и подъемахъ слегка скользили, но шли бодро, весело, безъ понуканiя.

По тропинкѣ спустились въ балку, перепрыгнули черезъ болотистый ручей, поднялись на холмъ и выбрались на харарскую дорогу. Черезъ двадцать пять минутъ прошли Шола, мѣсто нашего послѣдняго бивака, на разсвѣтѣ были у Акаке. Здѣсь я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Но идти было трудно. Жирная черноземная грязь налипала громадными комьями на сапоги, ноги скользили и разъѣзжались. Предразсвѣтный вѣтерокъ потянулъ холодомъ съ горъ, въ недалекой балкѣ завизжалъ шакалъ, ему отозвался другой, третiй и цѣлый хоръ вскорѣ привѣтствовалъ пробужденiе дня. Стали попадаться люди. Двѣ старухи абиссинки, мальчикъ съ осломъ, старикъ ашкеръ. Востокъ поблѣднѣлъ, раздался, золото широко разлилось по небу, потомъ оно снова поблѣднѣло, изъ синяго стало блѣдно-голубымъ и солнце медленно выплыло изъ-за горъ. Я оглянулся назадъ. Далеко за холмами, на грязножелтомъ фонѣ погорѣлыхъ полей, видны были бѣлыя постройки Гэби, церквей и темныя точки абиссинскихъ хижинъ. Еще нѣсколько верстъ и Аддисъ-Абеба скрылась изъ вида.

Я иду безъ отдыха. Отекутъ, устанутъ ноги на казачьемъ сѣдлѣ, слѣзешь и идешь пѣшкомъ верстъ пять, шесть, пока не заноютъ колѣни, а тамъ опять садишься и ѣдешь, ѣдешь. Въ полдень, не слѣзая съ мула, съѣлъ полфунта шеколада—завтракъ; выпилъ воды у Чофа-Денса и затѣмъ дальше и дальше.

Солнце близко къ закату. Мулы идутъ значительно

тише. Минута тянется за минутой, долгая, скучная... Въ 5 часовъ 45 минутъ вечера я пріѣхалъ на мѣсто своего перваго ночлега, въ деревнѣ Бальчи, пробывъ въ дорогѣ 14 часовъ 30 минутъ и пройдя 82 версты. Встрѣчные абиссинцы сказали мнѣ, что Ато-Павлоса нѣтъ дома, что онъ уѣхалъ въ имѣніе у Тадеча-Мелька. Я поѣхалъ къ его дому, помѣщающемуся во дворѣ абиссинской таможни, вызвалъ домоправителя и показалъ свой открытый абиссинскій листъ.

Старикъ домоправитель долго смотрѣлъ на бумагу съ изображеніемъ печати негуса. Между тѣмъ, собралось человѣкъ пять, шесть любопытныхъ ашкеровъ, пришелъ секретарь Ато-Павлоса и сталъ въ полголоса разбирать письмена „ураката“ *).

Чтеніе кончилось. Домоправитель поклонился мнѣ и повелъ во дворъ. Муловъ разсѣдлали, развьючили, осмотрѣли спины—наминокъ нѣтъ. Жесткія подпруги казачьяго сѣдла растерли немного животъ у „Липы“, остальные мулы благополучны.

— „Иффалигаль гэбсъ, ункуляль, инжира“ **), сказалъ я.

— „Быръ“ ***), былъ короткій отвѣтъ.

Я вынулъ два талера и далъ старику. Черезъ четверть часа принесли сѣно, овесъ, десятокъ яицъ и штукъ семь блиновъ инжиры. Между тѣмъ старикъ домоправитель Ато-Павлоса съ трудомъ переваривалъ мысль и соображалъ, кто я такой? „Московъ ашкеръ“ ли я только, или „баламбарасъ“, а то и самъ „кень-азмачъ московъ“. Ашкеровъ при мнѣ только двое, но есть и шашка, и револьверъ, и три ружья. На всякій случай открылъ передо мною громадныя двери сырой таможни и предложилъ ночевать внутри, но на меня оттуда пахнуло такой затхлой могилой, столько крысъ пробѣжало по полу, что я предпочелъ ночевать на крыльцѣ. Мнѣ устроили постель изъ двухъ

*) Уракатъ—бумага, письмо, паспортъ.

**) Мнѣ нужно овса, яицъ и хлѣба.

***) Быръ—талеръ.

ящиковъ, покрыли ихъ соломенными цыновками, я положилъ брезентъ и бурку и ложе было готово.

Тѣмъ временемъ три абиссинскія женщины принесли мнѣ дурго отъ имени Ато-Павлоса—корзину инжиры, гомбу тэча, корзиночку краснаго перца и мѣшокъ овса. Я изъ приличія отвѣдалъ тэчу, взялъ одинъ блинъ инжиры, а остальные отдалъ слугамъ. Вальгу вскипятилъ воду, сварилъ яйца и подалъ мнѣ. Я выпилъ четыре стакана чаю, съѣлъ пятокъ яицъ и легъ на жесткую постель, подложивъ подъ голову сѣдло. Темная ночь была на дворѣ. Зарница сверкала въ горахъ. Гроза надвигалась. Усталости не было, голова не болѣла, но какой-то сумбуръ мыслей или, вѣрнѣе, полное отсутствіе всякой мысли. Мозгъ ловитъ впечатлѣнія, глаза воспринимаютъ картины, онѣ проносятся мимо, но не оставляютъ слѣда, не даютъ воли фантазіи. Въ 8 часовъ вечера полилъ тропическій дождь, я убралъ сѣдла и ружья подъ навѣсъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ...

4-го (16-го) марта, на второй день пути, я проснулся въ часъ ночи. Зажегъ походный фонарь съ холстомъ вмѣсто стеколъ и принялся будить слугъ... О! какъ неохотно, какъ тяжело они вставали. Вальгу долго не могъ вскипятить воду, Фатама еле поднялся. Хотѣлъ выступить въ 2 часа ночи, но провозились долго со вьючкой и могли выйти еле въ 3 часа 45 минутъ утра. Отъ Бальчи начинается безконечный спускъ, крайне крутой и обрывистый съ шоанскаго плоскогорья въ данакильскую степь. Спускались пѣшкомъ. На полудорогѣ вьюкъ на „Медвѣдѣ“ сползъ, остановились и очень долго оправляли его, почти полчаса. Внизу въ Годабурка были въ 5 часовъ 10 минутъ утра. До Минабеллы, куда прибыли въ 10 часовъ утра, мулы шли хорошо, но дальше начали приставать. Мулъ Ато-Уонди нѣсколько разъ ложился. Фатама подбился, напоролся на камень и отсталъ. Балки, обрывы, трава и мимозовыя рощи, покрытыя нѣжной весенней зеленью, благоухающія тонкимъ ароматомъ цвѣтовъ тянутся безко-

нечно. Воды нѣтъ. И когда ея нѣтъ, начинаетъ особенно хотѣться пить. Къ 4-мъ часамъ дня жара и жажда сильно мучаютъ. Всѣ мысли сосредоточены на водѣ. Хочется теперь въ Неву, купаться, пить полнымъ ртомъ, имѣть изобиліе воды, хочется чаю, лимонаду, вина...

За каждой балкой ожидаешь увидѣть голубую ленту Кассама, услышать шумъ воды о каменья... Но проходятъ часы, а Кассама все нѣтъ...

Наконецъ, въ 6 часовъ 10 минутъ вечера прибылъ къ Тадеча-Мелька, пробывъ въ дорогѣ 14 часовъ 25 минутъ и сдѣлавъ 75 верстъ.

Напоилъ муловъ, стреножилъ ихъ, привязалъ еще кромѣ того къ раскидистой мимозѣ, задалъ имъ овесъ. Пообѣдалъ консервами, напился чаю, разстелилъ бурку, положилъ подъ голову сѣдло и заснулъ среди тишины пустыни крѣпкимъ сномъ. Но спалъ недолго. Безпокойство за муловъ, чтобы они не отвязались и не ушли, меня мучило. Я просыпался каждые полчаса. Но все было тихо. Кассамъ катилъ покойно свои волны, далеко, далеко ухала гіена, да мулы терпѣливо жевали овесъ.

На третій день пути 5-го (17-го) марта я выступилъ въ 4 часа утра. Усталость была больше, чѣмъ предыдущіе дни, необыкновенно хотѣлось спать. Ѣхалъ въ полузабытьи. Верстахъ въ пяти отъ Кассама на крутомъ и каменистомъ спускѣ „Липа“ перевернулась подо мной и я скатился съ нея по камнямъ съ высоты двухъ аршинъ; по счастью, никакихъ поврежденій не получилъ, ушибъ только колѣно и ссадилъ обѣ руки.

Мѣстность мѣняется съ каждымъ часомъ пути. Иду по степи покрытой желтой, сухой травой. Нигдѣ ни деревца, ни куста, ни тѣни. День очень жаркій, все время паритъ. Но дорога ровная, мягкая, мулы идутъ охотно. Съ мула Ато-Уонди снялъ половину груза и моя цѣпка муловъ идетъ словно маленькій поѣздъ, весело и бодро. Въ 2 часа 10 минутъ подошелъ къ Авашу. На бродѣ кипѣла необыкновенная жизнь, отрядъ войска тысячи въ три

человѣкъ подъ начальствомъ кеньазмача Вальде Георгиса, изъ корпуса раса Микаэля, несъ изъ Харара винтовки. Солдаты шли въ полномъ безпорядкѣ. Вотъ двое идутъ, неся каждый по два ружья, потомъ нѣсколько верстъ все пусто, и вдругъ головъ триста ословъ, сопровождаемыхъ солдатами, везетъ каждый по 8—10 ружей. Потомъ опять одиночные люди, маленькія кучки людей, ословъ, лошадей со вьюками, солдатъ съ женами и безъ женъ и опять партія, человѣкъ въ триста, четыреста.

Весь бродъ покрытъ людьми и животными. Кеньазмачъ Вальде Георгисъ, его тысяченачальникъ и трубачъ со старой позеленѣвшей мѣдной, италіанской трубой, наблюдаютъ за переправой. Любопытными глазами смотрѣлъ онъ, какъ я завтракалъ шеколадомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ и вынулъ пашку.

— „Малькамъ!“ сказалъ онъ, пробуя ее.

Я показалъ ему ружье, объяснилъ устройство магазина, онъ вынулъ револьверъ изъ моей кобуры и сталъ сравнивать съ своимъ.

— „Шита (продай)“, сказалъ онъ.

— „Іеллемъ, шита. Московъ ашкеръ іеллемъ шита тыннишъ табанжа“ *).

— „Московъ“.

— „Ау“.

Онъ привѣтливо и радостно протянулъ мнѣ руку.— „Московъ малькамъ. Христіанъ московъ“.

Я показалъ ему свой абиссинскій паспортъ, помощникъ его прочелъ текстъ, мы пожали еще разъ руки другъ другу и разстались. Онъ остался на берегу наблюдать за полуголыми ашкерами, переправлявшимися черезъ рѣку, я погрузился въ мутныя волны стремительнаго Аваша.

Мои слуги необыкновенно пристали. Вальгу болтался въ сѣдлѣ и каждую минуту задремывалъ, Фатама еле шелъ. Не было никакой возможности пройти до Лагаар-

*) Нельзя продать. Русскій солдатъ не можетъ продать револьвера.

дина, какъ я хотѣлъ первоначально, и я рѣшилъ заночевать опять въ пустынѣ на ручьѣ Качимъ Уоха.

Я сталъ на ночлегъ въ 4 часа 10 минутъ пополудни, пробывъ въ пути 12 часовъ 10 минутъ и пройдя 69 верстъ.

Пока слуги мои расѣдлывали муловъ и разводили огонь, я выкупался въ свѣжей водѣ степного ручья, потомъ пообѣдалъ консервами, зажегъ фонарь и часовъ въ 8 уже заснулъ крѣпкимъ сномъ, несмотря на отчаянную атаку моего тѣла муравьями, мухами и блохами. Среди ночи я почувствовалъ необыкновенную теплоту вокругъ себя. Я открылъ глаза. Кругомъ меня все пылало. Степной пожаръ захватилъ меня. Брезентъ и бурка, на которыхъ я спалъ, горѣли. Я вскочилъ и первымъ дѣломъ взглянулъ на казенную почту, бывшую у меня подъ головой. Огонь дошелъ, по счастью, только до моихъ ногъ, бумаги были цѣлы. Насилу могъ я добудиться своихъ слугъ и при ихъ помощи залилъ пожаръ. Сгорѣлъ фонарь, фунтъ свѣчей, хлѣбъ, часть шеколада, соль, ружейная принадлежность, уголъ бурки и часть брезента. Подсчитавъ убытки отъ пожара, я сталъ собираться въ путь. Спать не было возможности, все тѣло горѣло отъ укусовъ насѣкомыхъ, къ тому же накрапывалъ дождь. Грустно сѣдлали мы муловъ, въ полной темнотѣ, мокрые отъ дождя. Въ 1 ч. 45 мин. ночи я былъ уже въ пути. Это былъ четвертый день по моемъ отъѣздѣ. Мулы шли вяло, тихо, дѣлая не болѣе четырехъ верстъ въ часъ. Ночь была темная; ѣхать было трудно, сильно клонило ко сну. Чаю я утромъ не пилъ, такъ какъ дождь помѣшалъ развести огонь и теперь голодъ и жажда мучили меня. На разсвѣтѣ я подошелъ къ спуску у Ардага и въ 10 ч. 20 м. утра, былъ остановленъ таможенными ашкерами въ Лагаардинѣ. Начинался Харарскій округъ. Полуголый чиновникъ, лежа въ соломенной хижинѣ безъ дверей, потребовалъ „уракатъ“, посмотрѣлъ, увидалъ печать царя царей Эфіопіи и успокоился. Мы тронулись дальше. Около полудня въ горахъ насъ захватила сильная гроза. Все промокло на мнѣ. Обѣ

рубашки, шаравары, сапоги. Но взошло солнце, дождь пересталъ и опять все высохло. Въ 3 ч. 30 м. дошелъ до Чофа-на-ни и рѣшилъ стать на ночлегъ въ абиссинской деревнѣ. Въ этотъ день пробылъ въ пути 13 часовъ 45 минутъ и прошелъ 53 версты. Въ Чофа-на-ни шума нѣтъ; поэтому пришлось искать гостепріимства у жителей.

— „Быръ“, — вотъ отвѣтъ на всѣ наши вопросы. За право пріютиться въ вонючей, грязной хижинѣ, полной насѣкомыхъ, пришлось заплатить два талера, за пятнадцать яицъ талеръ, за инжиру — талеръ, за овесъ для муловъ талеръ, итого за плохой ночлегъ и ужинъ изъ нѣсколькихъ яицъ пришлось отдать пять талеровъ, т. е. стоимость лучшаго номера въ любомъ Петербургскомъ отелѣ! А мой „номеръ“ представлялъ изъ себя круглую хижину, безъ оконъ, съ земляными стѣнами, землянымъ поломъ и хворостяной крышей. Діаметръ хижины шесть шаговъ. У стѣны поставили „Липу“ и „Графа“, рядомъ легли слуги, по срединѣ на маленькомъ возвышеніи развели огонь и тутъ же, на грязномъ, полу покрытомъ животными отбросами полу, на буркѣ, помѣстился и я.

Голый ребенокъ бродилъ по избѣ; абиссинка-мать въ грязной рубашкѣ толкла дурру въ деревянной ступкѣ, ея мужъ и еще двое абиссинцевъ, принесшіе дурру для муловъ, яйца и инжиру, сидѣли на корточкахъ у огня. Въ дверяхъ толпились дѣти, женщины, собаки. Я прогналъ всю эту публику, напился чаю, съѣлъ нѣсколько яицъ и легъ. Но заснуть, несмотря на усталость, не могъ. Насѣкомыя повели правильную атаку на мое тѣдо, снова заныло оно отъ свирѣпыхъ укусовъ и проворочавшись часа три на землѣ, я въ часъ ночи разбудилъ своихъ слугъ и въ 3 часа 40 минутъ утра покинулъ негостепріимную хижину. Путь былъ тяжелый. Глинистая почва набухла отъ дождя, мулы еле шли. Три раза мочилъ меня въ пути дождь. Безконечно медленно проходилась станція за станціей. Въ 7 ч. 10 м. утра я былъ у Куркурà, въ 10 ч. 15 м., въ Буромà и къ 5 ч. 30 м. достигъ Шола.

Темнѣло. Наступала ночь. Горизонтъ былъ весь закрытъ темными тучами; онѣ, эти тучи, повисли на вершинахъ горъ, засѣли между деревьевъ густаго лѣса. Громъ перекатывался въ горахъ, сверкала молнія, съ минуты на минуту надо было ожидать новаго проливнаго дождя. Предстояло провести ночь въ сыромъ лѣсу, на голой землѣ, въ сырости травы и кустовъ. А на мнѣ и такъ все было мокро, и такъ, я чувствовалъ себя вполнѣ угнетеннымъ отъ мокроты, грязи и тяжелой ночи.

И вдругъ при свѣтѣ догоравшаго дня, на опушкѣ густого лѣса, я увидѣлъ нѣсколько палатокъ.

— „Нагадій" (купцы)? спросилъ я.

— „Французъ", было отвѣтомъ.

И черезъ минуту привѣтливый, любезный и добрый бородачъ Drouin, строитель Аддисъ-Абебскаго телефона, пожималъ мнѣ руку и тащилъ въ свою палатку. На одну ночь я сталъ человѣкомъ. Я ѣлъ бараній супъ, куръ, баранину, мы пили чай, какао, говорили о Парижѣ, о дѣлѣ Зола—Дрейфуса, перебирали новости, бывшія два мѣсяца тому назадъ. Я досталъ свой коньякъ, Drouin перешелъ на политику. Сидѣвшій у него правитель Черчера кеньазмачъ Дунка снисходительно улыбался, глядя на расходившагося парижанина... Я заснулъ первый разъ раздѣтый, правда, на голой землѣ, но зато на подушкѣ, покрытый одѣяломъ.

Въ этотъ день я былъ въ пути 13 часовъ 50 минутъ и прошелъ 63 версты.

На другой день, въ воскресенье, 8-го (20-го) марта, я выступилъ въ 5 час. 25 мин. утра. Фатама присталъ совершенно. Я передалъ ему мула Ато-Уонди, а овесъ сгрузилъ, разсчитывая становиться по деревнямъ. Пошли съ мѣста широкимъ проѣздомъ, но вскорѣ начались крутыя горы и пришлось спѣшиться. Утромъ было холодно. Сырой вѣтеръ пронизывалъ насквозь, днемъ стояла необыкновенная жара. Въ 11 час. 40 мин. прошелъ Кефу, въ 2 ч. 45 мин. былъ въ Бурка и въ 6 час. 15 мин. въ су-

меркахъ подошелъ къ Дэру, гдѣ и рѣшилъ заночевать у галласовъ. Опять началась старая исторія—ночлегъ—быръ, яйца—быръ, ячмень—быръ. Опять мулы, костеръ, толпа галласовъ въ грязной хижинѣ, опять постель на земляномъ полу и блохи, блохи! Насилу выгналъ галласовъ, напился чаю и прилегъ отдохнуть.

Въ этотъ день былъ въ пути 12 часовъ 50 минутъ и прошелъ 80 верстъ.

Спать я не могъ. Отъ бездны насѣкомыхъ все тѣло было, какъ въ огнѣ. Я поднялся въ 11 часовъ ночи, разбудилъ слугъ и въ 12 часовъ 30 минутъ, несмотря на полную темень, по горной и лѣсной дорогѣ пустился въ путь. Слуги устали страшно. У нихъ не было догмата, который влекъ бы ихъ впередъ и впередъ, чувство долга, мало понятное этимъ дикарямъ, не заставляло ихъ собирать послѣднія силы и идти несмотря ни на что. Вальгу, толстый, разъѣвшійся въ конвоѣ, привыкшій спать поабиссински, еле передвигался; худой и некормленый полуницій, долгое время ашкеръ безъ мѣста, Фатама выглядѣлъ какимъ-то монахомъ-аскетомъ. Его глаза глубоко ввалились, щеки опали, страшно было смотрѣть на него, вотъ, вотъ умретъ...

Дороги не видно. Темныя деревья тѣснятся кругомъ, ночь полна ароматной тропической влаги. Мѣстами, среди густой зелени, мелькнетъ огонь, вокругъ костра сидятъ купцы, край палатки озаренъ краснымъ свѣтомъ и въ высокой травѣ, задумчиво развѣсивъ уши, стоитъ оселъ. И картиной волшебной сказки вѣетъ отъ этихъ, заночевавшихъ въ лѣсу купцовъ, чѣмъ-то давно прошедшимъ кажется этотъ караванъ, этотъ огонь, бѣлыя шамы и темный лѣсъ... На темно-синемъ небѣ сверкаютъ звѣзды—и онѣ будто особенныя, декоративныя, будто тоже выхвачены съ картины волшебной сказки, помѣщены здѣсь только ради красы дивнаго пейзажа. Робкая газель, трепеща, прячется въ зеленой листвѣ, минуту слышенъ шорохъ и опять тишина, нарушаемая лишь стукомъ копытъ по каменьямъ...

Небо словно мигаетъ. То раздается широкое, ясное, полное яркихъ звѣздъ, и сейчасъ же померкнутъ звѣзды снова темно. Лѣсъ и горы тянутся безконечной чередой., И вотъ на востокѣ дали блѣднѣютъ—5 час. 45 мин. утра, мы проходимъ прогалину у Челенко.

Разсвѣтъ наступаетъ быстро, дали проясняются. На опушкѣ лѣса среди камней сверкаетъ бѣлый человѣческій черепъ. Кто умеръ здѣсь? Жертва ли это войны, арабъ, или харaритъ, сраженный саблей абиссинскаго фарассанья, или самъ абиссинецъ, попавшій подъ удачный выстрѣлъ арабской пушки, или просто несчастный купецъ, ограбленный и убитый во время ночлега. И грустно глядятъ черныя впадины и въ улыбку оскалились бѣлые чистые зубы. Стадо павіановъ идетъ съ водопоя. Громадный вожакъ съ длинной и сѣдой гривой впереди, рычитъ и оскаливается на васъ. Пулю ему въ спину, и все стадо съ воемъ и лаемъ уносится въ горы и прячется за камнями и стволами деревьевъ. Попадаются люди. Въ лѣсу у Урабиле отрядъ войскъ раса Микаэля несетъ ружья; галласкія женщины съ обнаженными грудями гонятъ ословъ, въ поляхъ кипитъ работа, собираютъ машиллу — вторая жатва поспѣла. Въ 1 ч. 32 мин. пополудни я былъ въ Лаго Корса. Надо торопиться. Съ закатомъ солнца закры ваются ворота стариннаго города и меня не пропустятъ. Я ѣду рысью. Въ 4 ч. 5 м. пополудни достигаю озера Хоромайя и здѣсь, со временной телефонной станціи, прошу геразмача Банти отдать приказаніе открыть мнѣ ворота хотя бы ночью.

Темнѣетъ. Далеко на горизонтѣ видно зарево степного пожара, внизу подъ горою чуть бѣлѣютъ дворецъ Маконена и Харарскій соборъ. Въ 7 часовъ вечера, трижды опрошенный городской стражей, я въѣхалъ въ узкія, темныя улицы Харара...

Я не знаю, присутствовалъ ли я при чудной сказкѣ, или сама жизнь стала сказкой, но чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то волшебнымъ востокомъ вѣяло отъ этихъ тѣс-

ныхъ улицъ, полныхъ темной картинной толпы. Никто не спалъ. Вся жизнь шла на распашку подъ темно-синимъ пологомъ неба, при мягкомъ свѣтѣ узкаго луннаго серпа, при мерцаніи яркихъ звѣздъ. „Шопотъ, робкое дыханье...", запахъ востока, ладана и какихъ-то травъ, и знойная страстная ночь.

И въ такой атмосферѣ, пропитанной неуловимой таинственностью, я подъѣхалъ къ воротамъ дома геразмача Банти. Сквозь щели ставень замелькали огни, меня просили подняться наверхъ, и геразмачъ принялъ меня, полулежа на коврѣ.

Я подалъ письмо негуса къ Банти, послали за секретаремъ; самъ геразмачъ читать не умѣетъ. Конвертъ вскрыли, всѣ встали, одинъ ашкеръ съ жестяной лампочкой, безъ стекла, подошелъ къ секретарю и секретарь на ухо Банти торжественнымъ шепотомъ прочелъ письмо Менелика. Банти и я сѣли и въ комнатѣ, пустой, безъ мебели, съ четырьмя ружьями, висящими въ углу, воцарилось молчаніе. Ожидали переводчика. Слуга принесъ стаканъ тэча и его поставили передо мной на полъ, накрывъ шелковымъ платкомъ.

Пришелъ абиссинецъ, говорящій по французски.

Разговоръ не вязался. Послѣ обычныхъ вопросовъ о дорогѣ, о здоровьи, не о чемъ было говорить. Я былъ утомленъ. Геразмачъ хотѣлъ спать, я откланялся и вышелъ, сопровождаемый ашкерами Банти. Меня провели черезъ площадь съ львиными воротами къ старому дворцу раса Маконена. Я очутился во дворѣ, образованномъ четырьмя каменными постройками. Стража въ бѣлыхъ шамахъ дремала у входа. Два молодыхъ человѣка, съ самыми любезными улыбками на лицѣ, кинулись мнѣ навстрѣчу; ихъ шамы, бѣлыя и тонкія, сквозили насквозь, какъ кисея, бѣлоснѣжныя рубашки и панталоны были не по абиссински чисты. Съ праваго бока торчали длинныя, кривыя сабли, въ красныхъ сафьяновыхъ ножнахъ. Они были полны желанія услужить мнѣ.

— „Шумъ раса Маконена“, отрекомендовался одинъ, „шумъ раса Маконена“, отрекомендовался другой.

— „Шумъ негуса Москова“,—въ тонъ имъ отвѣтилъ я.—„Гдѣ мои мулы?“

Шумы схватили меня одинъ за руку, другой подъ руку и повлекли черезъ дворъ. Съ одной стороны двора помѣщалась конюшня. Это была громадная каменная постройка, высокая и просторная. Тамъ, при свѣтѣ масляной лампочки, кидавшей причудливыя трепетныя тѣни по стѣнамъ, Вальгу и Фатама разсѣдлывали моихъ муловъ. Сѣно уже было задано, за овсомъ послали при мнѣ.

— „Ничего не надо покупать, все отъ раса“, сказалъ одинъ шумъ.

— „Все отъ раса“, повторилъ ему другой. И они снова потащили меня черезъ дворъ въ отведенное мнѣ помѣщеніе. Это была просторная и высокая комната. Съ одной стороны было сдѣлано глиняное ложе, накрытое коврами—постель для меня.

Я послалъ Вальгу за хлѣбомъ и яйцами, а тѣмъ временемъ маленькая процессія женщинъ принесла мнѣ нѣсколько корзинъ, покрытыхъ краснымъ кумачемъ—дурго для меня, инжира, тэчъ и перецъ.

Я подарилъ этимъ женщинамъ два талера, далъ по стеклянному крестику шумамъ и, въ ожиданіи чая, прилегъ на коврѣ.

Въ открытую громадную дверь былъ виденъ дворъ, весь залитый луннымъ свѣтомъ. Бѣлыя фигуры проходили мимо, появлялись и исчезали. Откуда-то сверху слышалось пѣніе. Пѣла женщина. Короткій грустный мотивъ ея пѣсни повторялся безъ конца, онъ журчалъ и переливался, какъ лѣсной ручей между камнями, кончался и снова начинался, полный тихой жалобы. И всю ночь я слышалъ эту короткую, непрерывно повторяемую пѣсню. Я не знаю ея словъ, но я слышалъ въ ней безотвѣтную скорбь, жалобы на навѣки загубленную жизнь.

И чудилось мнѣ, что я сказочный Иванъ Царевичъ,

на коврѣ-самолетѣ прилетѣвшій въ волшебное царство. И эти щеголеватые шумы съ ихъ кривыми саблями и громадная конюшня и залъ, въ которомъ лежалъ я, все это было такъ необыкновенно, такъ пестро и ярко, несмотря на тусклое освѣщеніе, что не вѣрилось, что это жизнь, а казалось, что это сонъ, какой-то чудесный, полный фантазіи кошмаръ... Въ этотъ день я былъ въ пути 18 часовъ 30 мин. и прошелъ 101 версту.

Вторникъ 10-го (22-го) марта я посвятилъ на приведеніе въ порядокъ своего дорожнаго инвентаря. Купилъ фонарь, продалъ геразмачу муловъ, съ условіемъ доѣхать на нихъ до Гильдессы, нанялъ верблюдовъ. Муловъ продалъ по 40 талеровъ, трехъ верблюдовъ нанялъ по 20-ти талеровъ за каждаго. Навѣстилъ Ато-Уонди, повидалъ Ато-Маршу, былъ съ визитомъ у Банти и поблагодарилъ его за помѣщеніе и за присланное дурго. Въ среду хотѣлъ выѣхать въ три часа утра, но назначенный сопровождать меня до Гильдессы переводчикъ раса Маконена, Маркъ, опоздалъ и я могъ выбраться только въ шесть часовъ. Вальгу такъ усталъ, что я его разсчиталъ и отправилъ въ Аддисъ-Абебу; Марку далъ „Липу“, самъ сѣлъ на „Графа“; на мула Ато-Уонди посадилъ Фатаму и широкимъ проѣздомъ, а мѣстами и рысью, пошелъ черезъ Гильдесскія горы. Въ 1 ч. 15 мин. пополудни я достигъ Беляу, въ 3 ч. 45 м. я уже былъ въ Гильдессѣ.

Рыночный торгъ былъ въ разгарѣ. Толпы чернаго люда передвигались съ мѣста на мѣсто. Между ними сновали юркіе арабы, пронося свертки цвѣтныхъ тканей. Безобразныя старухи галласски сидѣли, поджавъ ноги, поставивъ подлѣ корзинки съ перцемъ, инжирой и лукомъ.

Маркъ отыскалъ гильдесскаго шума и мнѣ отвели для ночлега навѣсъ. Едва внесли мои вещи, какъ навѣсъ наполнился абиссинцами. Мнѣ сообщили, что въ Гильдессѣ стоятъ лагеремъ англичане; пили мой чай, ѣли галеты. Шумъ послалъ за верблюдами. Черныя тучи разразились

дождемъ и крыша изъ жердей начала протекать—я снова промокъ и грустный сидѣлъ, ожидая верблюдовъ.

Пришли англичане и позвали меня къ себѣ обѣдать. Это было тѣмъ болѣе кстати, что шумъ въ дурго принесъ мнѣ баранью лопатку и предлагалъ ее есть сырою, такъ какъ жарить было не на чемъ. Я провелъ вечеръ у англичанъ и поздней ночью вернулся подъ свой жидкій навѣсъ, легъ на ящики и заснулъ тревожнымъ сномъ. Въ дорогѣ я былъ 9 ч. 45 м. и прошелъ 62 версты.

Выступить я хотѣлъ въ три часа ночи, но развѣ можно это было сдѣлать съ абиссинцами? Одинъ спалъ, другого не могли найти, третій не могъ проснуться. Едва въ шесть часовъ утра доискались арабовъ, верблюдо-вожатыхъ. Ихъ двое—Ахметъ и Месхемъ. Ахметъ назначенъ за старшаго, но Месхемъ его плохо слушается. Месхемъ недавно женился и никакъ не можетъ разстаться съ женою. Начнетъ вьючить и вдругъ вспомнитъ что-то и побѣжитъ въ свою хижину и долго его нѣтъ. А время идетъ. Лѣнивое солнце показывается изъ-за горъ, терпѣніе покидаетъ меня. Я осматриваю послѣдній разъ моихъ муловъ. Ни одинъ не побитъ, „Липа" немного сподпружена вслѣдствіе жесткихъ подпругъ казачьяго сѣдла. Милыя животныя отслужили мнѣ вѣрой и правдой. „Графъ" протягиваетъ свою мягкую мордочку и ржаніемъ прощается со мной.

Время ѣхать. Арабъ выводитъ перваго верблюда, я сажусь на своего, посѣдланнаго поверхъ арабскаго сѣдла казачьимъ ленчикомъ, и мы трогаемся. Впереди Ахметъ, пѣшкомъ, ведя верблюда за веревку, сзади его я на верблюдѣ, потомъ верблюдъ Месхема. Самъ Месхемъ побѣжалъ прощаться съ женой, да такъ и пропалъ. Мы двигаемся медленно, шагъ за шагомъ, постепенно углубляясь въ пустыню. Въ 10 часовъ 10 мин. прошли Арту; въ 12 часовъ, среди пустыни остановились, задали корма верблюдамъ и отдохнули одинъ часъ. Затѣмъ снова тронулись рысью; верблюды бѣгутъ неохотно, то и дѣло сбиваясь на шагъ. Въ семь часовъ вечера пришли въ Де-

баасъ. Я напился чаю, съѣлъ консервы и въ 10 часовъ 15 минутъ мы продолжали путь. Ночь была темная, холодная. Я часто задремывалъ отъ усталости, ѣдешь и спишь, часто даже сны видишь, пока какой-нибудь толчекъ не разбудитъ. Проснешься и опять то же синее небо, сѣрыя мимозы и желтый песокъ. Иногда встрѣчались сомали—два, три, вооруженные копьями и мечами.

— „Гдѣ твой абанъ?“ дерзко спрашивали они.

Я снималъ съ плеча трехъ-линейку и говорилъ—„вотъ мой абанъ!“ Арабы взводили курки своихъ Гра и сомали исчезали въ темнотѣ. И снова дремотное забытье, почти полусознательное состояніе. Въ 5 часовъ 30 м. утра дошли до Біа-Кабобы, въ 12 часовъ дня остановились на отдыхъ у Дагаго. Здѣсь въ песчаныхъ ямкахъ нашли нѣсколько стакановъ мутной и грязной воды. Утолили ими жажду; я легъ спать на останкахъ своей бурки, а арабы принялись варить кашу. Въ три часа дня мы уже тронулись въ путь.

Въ 4 часа 45 мин. мы пришли въ Хагогинэ, и въ 5 часовъ 30 мин. въ глухой и пустынной мѣстности, подъ раскидистой мимозой, стали на ночлегъ. За эти два дня мы были въ пути 34 часа, изъ которыхъ отдыхали 7 часовъ и прошли 140 верстъ.

Путешествовать одному по Сомалійской пустынѣ можно совершенно безопасно, при соблюденіи лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности. Нужно быть хорошо вооруженнымъ, никогда не становиться на ночлегъ у воды, по возможности менѣе спать ночью и не разводить на ночлегѣ огня. Идти возможно быстро—такъ, чтобы сомали не могли разсчитать мѣсто вѣроятнаго вашего ночлега. При соблюденіи всего этого, вы очень мало рискуете. Мои арабы отлично понимали это.

Подъ мимозой воцарилась тишина. Поѣли сухого хлѣба, запили водой, постелили одѣяла, я свою бурку, и заснули подъ ажурными вѣтвями мимозоваго куста. Я почти не спалъ. Верблюды, бывшіе подлѣ меня, распространяли удуш-

ливое зловоніе, воздухъ былъ полонъ сырости. Бурка, рубашка, все пропитывалось холодной росой, и я чувствовалъ эту холодную сырость во всемъ тѣлѣ.

Въ 4 часа утра поднялись и въ 5 часовъ 30 мин. тронулись въ путь. Было необыкновенно сыро, холодный вѣтеръ дулъ съ юга. Вся одежда, все бѣлье было мокро отъ росы. Это былъ послѣдній, самый тяжелый и самый опасный переходъ.

Усталые верблюды шли медленнымъ шагомъ.

И поддаваясь ихъ движенію приходилось съ каждымъ шагомъ, нагибаться и разгибаться, испытывать качку корабля пустыни. Арабы тянули однообразную пѣсню, безъ мотива, безъ словъ, повторяя безчисленное число разъ одинъ и тотъ же слогъ. Холодная ночь смѣнялась жаркимъ днемъ. Все пылало подъ отвѣсными солнечными лучами. Черные камни отражали зной, песокъ его удесятерялъ, а солнце лило и лило свои раскаленные лучи. Мокрота отъ росы смѣнялась мокротою отъ пота. Часы тянулись безконечно. Мысли путались, терялись, порою я впадалъ въ безсознательное состояніе и такъ, инстинктивно держась въ сѣдлѣ, проходилъ нѣсколько верстъ. Голодъ и жажда мучили чрезвычайно. Въ 9 часовъ 50 мин. утра подошли къ Мордале и здѣсь остановились на 4 часа, а затѣмъ отъ 1 часа 20 мин. дня шли непрерывно день и ночь до 10-ти часовъ утра, когда дошли, наконецъ, до Баяде. Здѣсь первый разъ послѣ трехъ дней пути развели огонь. Но вода оказалась такъ насыщена солями, что я еле-еле принудилъ себя выпить два стакана чаю. Ѣсть совершенно не хотѣлось. Заснувши на буркѣ около 2-хъ часовъ, я въ 1 часъ дня тронулся дальше. По прекрасной дорогѣ за Баяде я пошелъ рысью почти до самаго Гумаре. На каждой цѣпи горъ, за каждымъ холмомъ, ожидалъ я увидѣть, озаренное послѣдними солнечными лучами, море. Но солнце сѣло за далекія горы, дорога стала чуть видна, черныя тучи закрыли узкій серпъ луны и звѣзды, а моря все не было. А я его такъ страстно ждалъ! И чудился

мнѣ въ легкомъ вѣтеркѣ ароматъ воды, неуловымый запахъ моря. Но море было далеко... Я спускался въ каменистыя балки и снова поднимался, я всходилъ на темныя горы, а все не было видно огней. Измученные арабы дремали на вьюкахъ, верблюды еле шли. Я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. И долго, долго я шелъ, пока ноги не отказались служить, пока плечи не заныли подъ тяжестью ружья...

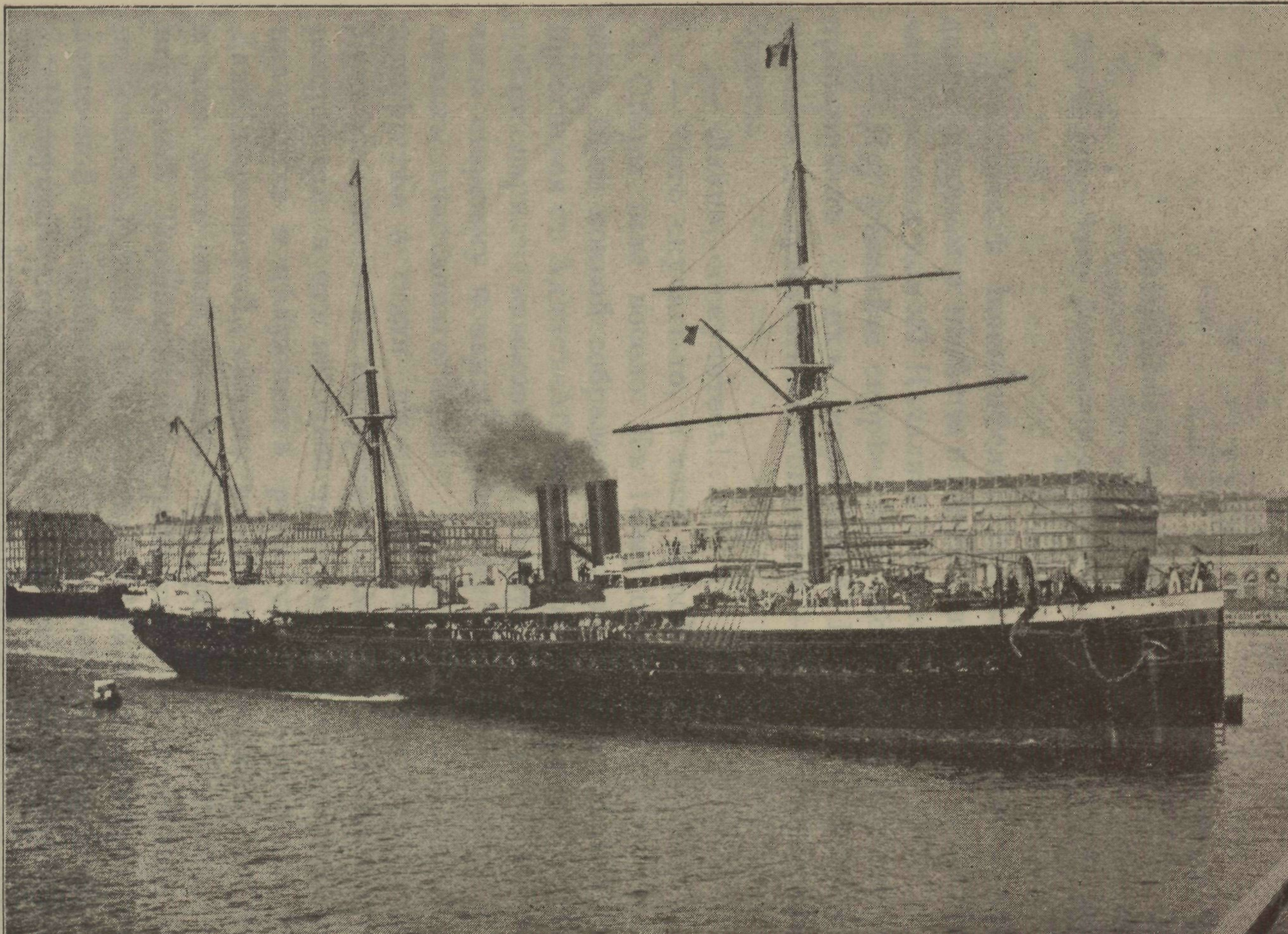
Въ 8 часовъ я увидѣлъ вдали огни Джибутійскихъ маяковъ, въ 11 часовъ 30 мин. прошелъ мимо пропитаннаго ароматами цвѣтущихъ померанцевъ, гранатъ, бѣлой акаціи и мимозы, сада Амбули и въ 12 часовъ 30 мин. я достигъ до отеля „des Arcades“ въ Джибути. Я былъ почти въ Европѣ.

Этотъ переходъ длился 43 часа, въ томъ числѣ 6 часовъ 50 м. отдыху у Мордале и Баяде и пройдено 161 верста, а всего за 12 дней, съ 3-го по 15-е марта, пройдено 886 верстъ, на что употреблено 192 часа 55 мин. на дорогу и 119 часовъ 45 мин. на остановки, а всего 13 сутокъ 40 минутъ.

Я былъ разбитъ, усталъ, но я могъ бы еще и еще форсировать свои силы. На другой день я много ходилъ и изумлялся тому, какъ сильно разрослось и расширилось Джибути за тѣ четыре мѣсяца, что я не былъ въ немъ. Четыре новыхъ ресторана и одна гостинница, аптека и до 30-ти новыхъ каменныхъ домовъ. Цѣлые кварталы каменныхъ домовъ возникли въ нѣсколько мѣсяцевъ. Желѣзная дорога отошла на 25 километровъ отъ города, отели были полны инженерами, нигдѣ не было свободныхъ комнатъ. M-sieur Albrand помѣстилъ меня на верандѣ.

Но теперь мнѣ было все равно.

19-го, утромъ, я отплывалъ на пароходѣ „Natal“ въ Марсель, а оттуда прямо въ Петербургъ. Мое путешествіе по Африкѣ было окончено...

Пароходъ „Messageries maritimes“—„Natal“ въ Марсели.

XXIX.

Возвращеніе казаковъ изъ Абиссиніи.

Сборы въ путь.—Черезъ Данакильскую степь.—Опять на Реі-ђо.—Въ Одессѣ.—Въ казармахъ.

Въ началѣ іюня мѣсяца пришло въ Аддисъ-Абебу давно ожидаемое извѣстіе о разрѣшеніи отправить лишнюю часть конвоя домой. Начались сборы.

— Ну, уѣзжайте скорѣе, чего засидѣлись, шутливо выпроваживалъ своихъ, коренастый Могутинъ, рѣшившій остаться дослуживать въ Абиссиніи,—безъ васъ просторнѣй будетъ.

— Ладно, соскучитесь!..

— Чего скучать-то, и такъ надоѣли!..

Сборы шли весело. Къ 16-му іюня все было готово и вотъ 16-го конвой собрался на площадкѣ послѣдній разъ проститься съ Аддисъ-Абебой. Пришелъ начальникъ миссіи, поблагодарилъ казаковъ за вѣрную службу, пожаловалъ часы старшему команды уряднику Духопельникову и пожелалъ счастливаго пути. Дружно отвѣтили казаки на привѣтствіе и стали прощаться со своими товарищами. Тутъ уже никто не выдержалъ, плакали всѣ, не отъ горя разставанія, а отъ наплыва чувствъ, отъ вида абиссинцевъ, плачущихъ и цѣлующихъ руки у „московъ ашкеровъ". Даже коренастый, сажень въ плечахъ, казакъ Могутинъ и тотъ далъ волю слезамъ. Но прозвучалъ сигналъ, проигранный Терешкинымъ, прозвучалъ въ послѣдній разъ до самой Россіи и караванъ сталъ вытягиваться узкой ленточкой по грязноватой аддисъ-абебской дорогѣ.

Наступалъ періодъ ливней, время, когда горныя тропинки становятся непроходимыми; идти нужно было черезъ Данакильскую степь, однообразную равнину, пересѣчен-

ную кое гдѣ песчаными руслами рѣкъ. Въ это время года вода, сбѣгавшая съ горъ наполняла эти русла и страдать отъ жажды не приходилось. За то лѣтнія жары давали себя чувствовать. Раскаленный воздухъ дрожалъ, вызывая тысячи фантасмагорій, отбивая аппетитъ, разслабляя все тѣло. Шли маленькими переходами, развлекаясь по пути охотой которая въ степяхъ Данакиля поистинѣ царская. Не рѣдкимъ гостемъ на ночномъ бивакѣ былъ самъ царь звѣрей, своимъ страшнымъ рыканіемъ производившій переполохъ между мулами, заставлявшій настораживаться охотниковъ и потомъ исчезавшій въ темнотѣ южной ночи. Стада антилопъ, газелей и зебръ бродили кругомъ, большія дрофы, маленькія степныя курочки и цесарки часто были украшеніемъ офицерскаго и казачьяго стола. Ѣли всѣ вмѣстѣ обѣдъ, приготовленный казакомъ артиллеристомъ Мазанкинымъ и страдавшій отсутствіемъ приправъ. А по ночамъ надъ утомленнымъ и спящимъ крѣпкимъ сномъ караваномъ совершалъ свой обходъ часовой. Ему нельзя было спать. Данакильская степь, не вполнѣ подчинившаяся Менелику полна кровавыхъ подвиговъ полуголаго племени Исса.

Почти два мѣсяца шли пустыней и, наконецъ, въ началѣ августа подошли къ Джибути. Въ первыхъ числахъ августа пришелъ сюда пароходъ общества „Messageries maritimes“: тотъ самый „Pei-ho“, на которомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года конвой прибылъ въ Африку.

Если бы казаки могли говорить по-французски, они много поразсказали бы чудесныхъ вещей своимъ друзьямъ матросамъ на „Pei-ho“. Встрѣча была самая сердечная. Обнимались и цѣловались чисто по-братски, затѣмъ въ каютѣ 3-го класса состоялся франко-русскій обѣдъ, гдѣ тосты „Vive la France!“ смѣнялись тостами „Vive la Russie!“ Казацко-французскій alliance достигъ бы гораздо большихъ размѣровъ, если бы не качка. Уже пожалованная Менеликомъ конвою медалька на трехцвѣтной ленточкѣ, желто-зелено-красной съ изображеніемъ его портрета съ одной

стороны и льва съ другой, по-очереди украшала грудь французскихъ матросовъ, а казаки въ уголку „репетили“ марсельезу, когда удары волнъ стали зловѣще бить въ бока парохода и французы тревожно поговаривать — „ça danse“... Число обѣдающихъ уменьшилось и „alliance“ застылъ въ формѣ трогательной дружбы.

Черезъ пять дней „Peï-ho“ прибылъ въ Портъ-Саидъ, гдѣ пришлось провести почти недѣлю въ ожиданіи русскаго парохода. Нетерпѣніе увидѣть родные берега стало общимъ. Въ Портъ-Саидѣ сдѣлали кое-какія закупки бѣлья и платья, а затѣмъ тронулись дальше.

Большое впечатлѣніе произвели казаки въ Одессѣ, когда, сопровождаемые двумя абиссинскими мальчиками слугами поручиковъ А-ди и Д—ва, съ обезьянами на плечахъ, прошли на сѣверный вокзалъ. Маленькія уморительныя „тоты“, съ бѣлыми бакенбардами вокругъ забавной мордочки, кричали и прыгали довѣрчиво на плечахъ своихъ хозяевъ, спасаясь отъ невиданнаго ими шума и движенія. Лихой и развязный Габріесъ, слуга поручика Д—ва, такъ безстрашно ходившій за своимъ господиномъ на льва, тутъ оробѣлъ окончательно и жался къ „московъ ашкерамъ“. Наконецъ, сдали багажъ и размѣстились. Поѣздъ тронулся. „Домой! домой!“ раздались крики и красныя и синія фуражки показались въ окнахъ.

24-го августа въ девятомъ часу вечера почтовый поѣздъ варшавской желѣзной дороги съ обычнымъ опозданіемъ на два часа подходилъ къ дебаркадеру. Дулъ холодный, пронизывающій насквозь вѣтеръ, моросилъ мелкій дождь, было грязно и сыро. Толпа пассажировъ стояла на дебаркадерѣ, сновали носильщики, раздавались свистки. Поѣздъ замедлилъ свой ходъ и остановился. Въ казачьемъ отдѣленіи всѣ сняли фуражки и перекрестились. „Слава Богу! пріѣхали“...

Какъ весело и радостно скомандовалъ мнѣ „смирно“ Духопельниковъ и какъ дружно отвѣтили на привѣтствіе казаки!

— „Ну выгружайтесь, да и домой, тамъ поговоримъ". Отъ л.-гв. казачьяго Его Величества полка была выслана подвода за вещами. На нее живо свалили ручной скарбъ, подушки и шинели, Мазанкинъ забралъ своего „Мишку", обезьяну, взятую еще на пути въ Абиссинію изъ Харара, и пошли по городу. Какъ она располнѣла и выросла и какъ привыкла къ казакамъ. При малѣйшемъ испугѣ сейчасъ же кидается къ своему кормильцу, вцѣпляется въ его густые волосы или бороду, и усаживается на плечѣ, сознавая тамъ свою безопасность. Такъ и теперь въ темнотѣ и сутолокѣ вокзала, „Мишка" спаслась на плечѣ Мазанкина и такъ и пропутешествовала до самыхъ казармъ.

Въ казармахъ, въ помѣщеніи первыхъ сотенъ обоихъ полковъ былъ приготовленъ для казаковъ ужинъ, поставлена водка, пиво, пироги, хлѣбъ и горячія щи съ мясомъ. Изъ казаковъ никто не ложился послѣ переклички. Всѣ собирались кругомъ славныхъ путешественниковъ и смотрѣли на нихъ, будто желая увидѣть въ нихъ какую-либо перемѣну. Но перемѣны было мало. Нѣкоторые похудѣли въ лицѣ, но въ плечахъ еще шире стали, да взглядъ, веселый, радостный теперь, сдѣлался глубже, осмысленнѣе. Нелегка была ихъ работа, много пришлось примѣнить на практикѣ того, чему учились въ теоріи, многое пришлось выдумать вновь.

Всѣ поработали въ эти 10 мѣсяцевъ похода, всѣ потрудились на славу русскаго оружія и на славу Тихаго Дона. Правда, не было случая имъ выказать свою храбрость въ честномъ бою; но развѣ 10-ти-мѣсячное напряженное состояніе, 10-ти-мѣсячный караулъ и походъ въ то же время, походъ со всѣми его лишеніями не стоятъ одной лихой атаки или схватки съ непріятелемъ? И развѣ меньше нужно храбрости, чтобы постоянно ожидать опасности, жить подъ нею, нежели встрѣтить ее лицомъ къ лицу? Имена этихъ казаковъ въ наше мирное время, какъ ни какъ, составятъ украшеніе исторій полковъ, ихъ пославшихъ въ далекую Абиссинскую экспедицію.

XXX.

Заключеніе.

Пьеса кончена. Занавѣсъ закрылъ отъ публики персонажей пьесы, окончившихъ свои роли, и они, снявшіе гримъ, переодѣвшіеся, разошлись по разнымъ концамъ. Но пьеса произвела извѣстное впечатлѣніе, она еще живетъ въ сердцахъ и умахъ публики и до тѣхъ поръ, пока сонъ не заставитъ забыть волненія сыгранной драмы, она составляетъ предметъ разговоровъ.

Мой дневникъ, какъ начальника конвоя, оконченъ. Конвой разошелся. Казаки Архиповъ и Щедровъ съ полковникомъ Артамоновымъ уѣхали въ долину Бѣлаго Нила, напоить своихъ муловъ водою священной рѣки, поручикъ Ч—овъ послѣ поѣздки въ страну Бени Шонгуль въ іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ, поручики К—ій, Д—овъ и А—и вмѣстѣ съ казаками Духопельниковымъ, Любовинымъ, Авиловымъ, Кривошлыковымъ, Пановымъ, Изюмниковымъ, Мазанкинымъ и Полукаровымъ вернулись домой.

Врачи подняли милосердное знамя „Краснаго Креста“ и ведутъ безкровную войну съ болѣзнями въ своемъ госпиталѣ; все на своемъ мѣстѣ, все за работой...

Но я слышу вопросы: „Ну что Абиссинія?“ „какъ Менеликъ?“ тѣ короткіе вопросы, которые требуютъ короткаго отвѣта и которые не удовлетворишь моимъ широковѣщательнымъ дневникомъ.

О! прошу прощенія за этотъ дневникъ. Только самое искреннее желаніе сказать правду объ этой таинственной странѣ, побудило меня взяться за перо, къ которому не привыкла моя рука, имѣвшая до сего времени лишь по-

водъ и шашку. Я писалъ все, что видѣлъ и только то, что видѣлъ. Я не строилъ гипотезъ, не думалъ о томъ, отчего и почему, потому что считалъ и считаю это внѣ своей компетенціи. Я старался записывать видѣнное мною тутъ же, сейчасъ, пока впечатлѣніе свѣжо, краски ярки и жизненны. Потому я прошу прощенья за слогъ, за образы, иногда, быть можетъ, совсѣмъ не литературные. Я всегда прошу помнить, что многое писано подъ широкимъ и звѣзднымъ африканскимъ небомъ, въ холодѣ ночи, на столѣ, мокромъ отъ росы. Другое писалось въ тѣсной палаткѣ, подъ шумъ дождя, въ лужѣ воды; прошу помнить, что тишина моего кабинета нарушалась криками черныхъ, ревомъ верблюдовъ и ословъ, ржаніемъ муловъ. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ моего писанья въ палатку просовывались, то кудластая голова вахмистра Духопельникова, то полное, усатое лицо Недодаева, и меня отрывали иногда на многіе часы отъ работы. Я писалъ усталый отъ тяжелаго перехода по жарѣ, писалъ послѣ охоты, измученный ходьбой по камнямъ, или по скользкой травѣ... Сколько смягчающихъ вину обстоятельствъ... И такъ я виновенъ въ дневникѣ передъ вами, виновенъ, — но заслуживаю снисхожденія...

.

„Ну что Абиссинія?“ „Какъ Меникъ?“ Абиссинія — это сказка. Какъ давно въ дѣтствѣ вы слушали разсказы о томъ, какъ „жилъ-былъ царь въ нѣкоторомъ царствѣ и въ нѣкоторомъ государствѣ“, какъ у этого царя было три сына, какъ онъ велъ чудесныя войны съ невиданными воинами—такъ въ Абиссиніи, то подъ зноемъ полуденнаго солнца, то въ прохладѣ ночи, при чудномъ сіяніи звѣздъ, вы чувствуете, что присутствуете при волшебной сказкѣ. И эти дремучіе лѣса Харарскаго округа, громадныя горы, эти золотистыя отъ травы равнины, причудливые цвѣты, голубыя птицы, громадные и безобразные иркумы, быстрые страусы, испещренные пятнами желтые леопарды, полосатыя зебры—развѣ похоже это на нашу ординарную евро-

пейскую жизнь? И черный народъ, живущій, какъ птицы небесныя, не сѣя и не собирая въ житницы, народъ, не имѣющій догмата жизни, не имѣющій ни жилищъ, ни семьи—развѣ это не сказочный народъ, служащій лишь аксессуаромъ для подвиговъ героя сказки. А герой сказки, это добрый гуманный царь Менеликъ, воевода герой, подобный Ивану Царевичу, расъ Маконенъ, волшебникъ m-sieur Ильгъ и послы иноземныхъ державъ.

Абиссинія лѣтъ на 400 опоздала своимъ развитіемъ противъ Европы; крайне любопытно поэтому посѣтить ее; посмотрѣть эту феодальную роскошь князей-расовъ и бѣдноту имъ подвластныхъ крестьянъ.

Менеликъ уже понялъ свою отсталость; онъ спѣшитъ завести драгоцѣнныя для него сношенія съ Европой, но самъ еще не видѣлъ Европы, а только слышалъ про нее. Расъ Маконенъ, бывшій въ Италіи, уже знаетъ, что такое европейская жизнь, онъ стремится ей подражать. Какъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ былыя времена не чуждался иноземныхъ обычаевъ, такъ и расъ Маконенъ дорожитъ европейскими порядками... Расъ Уольди, еще два, три... а тамъ—сказочные богатыри, тамъ защитники вѣчнаго соннаго тэча и мирной жизни Абиссиніи, не смягченной иноземнымъ вліяніемъ—тамъ суровый расъ Дарги, полусумасшедшій Афа-Негусъ, тамъ тысячи противъ десятковъ...

Умретъ Менеликъ. Кто взойдетъ на его престолъ? Какая кровавая распря подниметс въ этомъ сказочномъ царствѣ и кто воспользуется этой распрей...

Отъ Джибути идетъ желѣзная дорога. Громадные европейскіе караваны тянутся вглубь страны. Джибути измѣнилось въ четыре мѣсяца—Абиссиніи не узнаете черезъ четыре года.

Но пока это—сказочная страна, со сказочнымъ добрымъ и гуманнымъ царемъ...

Укладка вещей въ походъ.

А. Вещи, уложенныя въ небольшіе ящики, идущіе на мулахъ и верблюдахъ до Аддисъ-Абебы.

1) Полное парадное снаряженіе.

2) Вицъ-мундиръ съ шароварами.

3) Третья пара сапогъ (если ѣхать болѣе чѣмъ на годъ, то полезно имѣть на каждые 6 мѣсяцевъ по парѣ).

4) Замшевыя перчатки и галстухъ.

5) Бѣлая гимнастическая рубаха съ погонами.

6) Вальтрапъ съ подушкой.

7) Комплектъ знаковъ отличій и кокардъ.

8) Подарки для абиссинцевъ.

Б. Вещи, уложенныя въ ящики разной величины и формы, идущіе до порта Джибути.

1) Бѣлыя фуражки съ назатыльниками.

2) Двѣ гимнастическія рубахи.

3) Одна пара сапогъ (вторая).

4) Одна шинель.

5) Ременная аммуниція.

6) Сѣдло съ полнымъ снаряженіемъ, съ переметными сумами и наборомъ.

7) Шесть конскихъ подковъ, двѣ пары на переднія ноги и одна пара на заднія. Всѣ эти подковы были сдѣланы по мѣркѣ, снятой съ копытъ абиссинскихъ лошадей, подаренныхъ негусомъ Менеликомъ Государю Императору.

8) Тренога (вещь необходимая).

9) Желѣзные коновязные колья для устройства коновязи (весьма пригодились. Полезно взять желѣзныя цѣпи къ недоуздкамъ).

10) Копья для пикъ.

11) Конскія щетки и скребницы.

12) Трехлинейныя винтовки, у артиллеристовъ револьверы.

13) Шашки.

14) Патроновъ боевыхъ по 120 патроновъ на казака.

15) Холостыхъ патроновъ по 14 штукъ.

16) По 18 боевыхъ револьверныхъ патрона на каждаго артиллериста.

17) Два охотничьихъ ружья, 3 фунта пороху, 5 фунтовъ мелкой дроби, 5 фунтовъ средней и 5 фунтовъ картечи (не хватило).

В. На рукахъ казаки имѣли слѣдующія вещи.

а) На себѣ.

1) Одна бѣлая фуражка.

2) Куртка верблюжьяго сукна, спитая, какъ австрійская, съ карманами по бокамъ и сборками сзади.

3) Суконныя синія шаровары.

4) Высокіе сапоги.

5) Бурка.

6) Финскій ножъ на брючномъ ремнѣ. Этотъ костюмъ казаки носили во время проѣзда на пароходѣ внѣ жаркихъ странъ. Онъ замѣнялъ имъ статское платье.

б) Для жаркихъ странъ казаки имѣли:

7) Гимнастическую рубаху безъ погонъ.

8) Бѣлыя холщевыя брюки, по 2 пары.

9) Парусиновые ботики.

в) Въ мягкихъ чемоданахъ изъ непромокаемой черной парусины было уложено:

10) Башлыки.

11) Войлоки для подстилки (кошмы).

12) Галстухи, по одному.

13) Куски мундирнаго и приборнаго сукна для починки.

14) Подстилочный холстъ.

15) Подошвы и опойка для сапогъ.

16) Ружейная и револьверная принадлежность.

17) По четыре исподнія рубахи.

18) По четыре пары нижнихъ брюкъ.

19) По три пары шерстяныхъ носковъ.

20) По три пары нитяныхъ носковъ.

21) По двѣ пары полотенецъ.

22) По четыре портянки.

23) По одной парѣ теплыхъ перчатокъ.

24) Валенки, обшитые кожей.

25) Виксатиновыя накидки.

26) Платяныя и сапожныя щетки.

27) Сумка съ мелочью. Въ ней: шило, наперстокъ, молотокъ, ножницы, складной ножъ, щипчики, иголки, нитки, дратва, пуговицы, крючки для мундировъ, пуговки для нижняго бѣлья, по 5 фунтовъ сѣраго мыла, по три куска мыла для лица и для рукъ оказалось мало), гребенка, зеркало, сапожные гвозди, деревянные и желѣзные, бритвы, кисточка, мыльница и оселокъ.

28) Четверть фунта зеленаго мыла.

29) Двѣ ложки.

30) Три банки ваксы (оказалось мало).

31) Одна банка лака для черненія аммуниціи.

32) Мазь для чистки мѣди (путцъ-помада).

33) Спички.

34) Книжка для дневника.

35) По шести тетрадей бумаги (мало).

36) Лимонная кислота.

37) Металлическій стаканъ.

38) Стеклянная водоносная баклага, обшитая соломой (оказалась непрактична. Простая бутылка отъ лимонада обшитая, войлокомъ, много удобнѣе).

г) **На весь конвой въ особыхъ чемоданахъ было взято:**

39) Плотничный и паяльный инструментъ.

40) Ковочный инструментъ.

41) Два мѣдныхъ котла съ крышками для варки пищи.

42) Два чайника.

43) Три компаса.

44) Три циркуля.

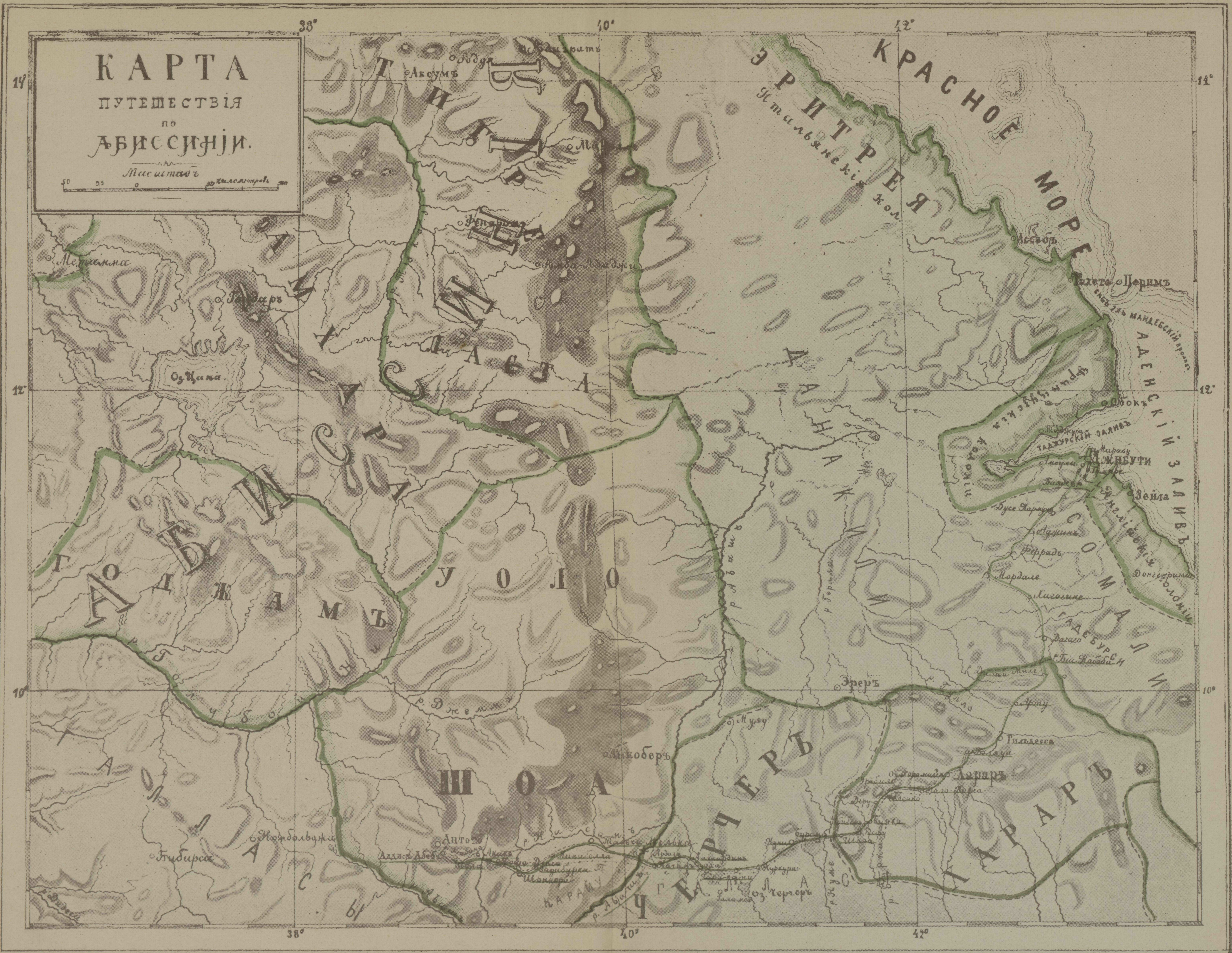
45) Трое часовъ.

46) Евангеліе, молитвенникъ, огниво съ фитилемъ, клѣтчатая бумага для съемки, чернильница, перья и карандаши.

47) Пѣсеннической инструментъ.

48) Сигнальная труба.

49) Складень съ иконой.

КАРТА
ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО
АБИССИНІИ.
Масштабъ
километровъ
КРАСНОЕ МОРЕ
ЭРИТРЕЯ
Итальянскія кол.
Ассабъ
Перимъ
АДЕНСКІЙ ЗАЛИВЪ
Обокъ
Таджурскій заливъ
ДЖИБУТИ
Зейла
Англійскія колоніи
ДАНАКИЛИ
СОМАЛИ
ТИГРЕ
Аксумъ
АМХАРА
ЛАСТА
Метемма
Гондаръ
Оз. Цана
ГОДЖАМЪ
р. Голубой
УОЛО
р. Джемма
ШОА
Анкоберъ
Анто
Аддисъ Абеба
р. Авашъ
Эреръ
ЧЕРЧЕРЪ
Оз. Черчеръ
Хараръ
ХАРАРЪ
Гельдесса
Арту
Мордале
Бибирса
ГАЛЛАСЫ
14°
12°
10°
38°
40°
42°

2007111427